

Ерофей Трофимов

РОКИРОВКА

попаванец

Ерофей Трофимов

РОКИРОВКА

Annotation

Они и знать друг о друге не знали, ведь один жил гораздо раньше другого. Но шутки судьбы бывают иногда странными и совсем не весёлыми. Попав под разрыв гранаты, Сашка приходит в себя в теле солдата Французского Иностранного легиона, а владелец этого самого тела вдруг очнулся в теле круглого сироты, воевавшего на Кавказе...

- [Ерофей Трофимов](#)

-

Ерофей Трофимов

Рокировка

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

© Ерофей Трофимов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Колонна шла по горному серпантину, разбрасывая грязь и мелкие камни. Натужно воя мотором, «Урал» вскарабкался на перевал и, тяжело перевалив взгорок, принялся сползать под гору. В который уже раз стукнувшись плечом о стойку кузова и поморщившись, Сашка буркнул себе под нос:

– Да когда ж эта хрень кончится? Остозвездело...

– Сашка, ты чего там бурчишь? – слышался требовательный вопрос старшины роты.

– Да надоело все, товарищ прапорщик, – вздохнул Сашка. – Грязь эта бесконечная. Зеленка. Жара. Дороги эти горные...

Договорить Сашка не успел. Знакомое шипение гранатометного выстрела заставило его одним движением передернуть затвор автомата, во весь голос выкрикивая:

– Духи!

А дальше закрутилось. Шедший первым БТР полыхнул пламенем, и колонна встала. От машин горохом посыпались бойцы, а со склона на них обрушилась пулеметная очередь.

«Из „дашки“ сядят, – мелькнула у Сашки мысль. – Ствола им не жалко. Да такой очередью его враз посадишь».

Но дальше стало не до размышлений. Закатившись за ближайший валун, Сашка быстро осмотрелся, автоматически отмечая про себя, что почти весь их взвод еще жив. Вон пацаны гранаты готовят. Салаги. Сколько раз твердили: на выходе всё готово должно быть. И плевать, что не положено. Только старшины почему-то не видно. Заметив

мелькнувшую на склоне зеленую повязку, Сашка, не целясь, выпустил в ту сторону пару патронов. Сейчас главное не попасть, а обозначить готовность воевать. Обычно этого хватает. Сообразив, что сразу накрыть охрану не получилось, духи, постреляв, уходят. Затяжной бой не для них. Нет, бывает, конечно, что они начинают переть буром, словно медведь на случку, но обычно это случается, когда их больше и они это знают. А если это обычная, так называемая москитная группа, то в долгую перестрелку не ввязываются. Сашка уже год по этим горам сайгачит. Научился понимать моменты.

Дав еще пару коротких очередей, он перекатился обратно к машине и, напрягая глотку, окликнул:

– Старшина! Товарищ прапорщик! Вы как там?!

В ответ послышался стон, и на задний борт упала окровавленная рука.

– Твою мать! – выругался Сашка, выпуская еще одну очередь. – Пацаны! Старшина ранен. Отходим от машин. Занять круговую оборону!

Командовать он права не имел. Не офицер, и даже не сержант. Но среди всего личного состава он был самый опытный в подобных делах. Вот и пришлось брать на себя то, чего он всегда старательно избегал. Ответственность за других. Да и откуда бы ему научиться той самой ответственности? Сирота приютский. Сколько Сашка себя помнил, всегда жил в приюте. Потом общага, а вот теперь армия.

Хорошо хоть перед самым призывом успел водительские права получить. Хоть какая-то профессия. Хотя ему всегда больше нравилось с железками возиться. Но в их захолустье учили на водителей, на плотников или на крановщиков. Откуда взялся такой набор, он не понимал. Да этого, наверно, и сами чиновники роно не знали. В общем, бери, что дают, и радуйся. А не хочешь, вали в большой город и живи, как знаешь.

Увидев, что сослуживцы его услышали и начали откатываться от дороги, Сашка дал еще пару коротких очередей и, упав на землю, быстро пополз к присмотренному валуну. И плевать, что потом форму отстирывать устанешь. Зато жив. Обстрел начал стихать, и Сашка, уже почти добравшись до валуна, оглянулся. Последнее, что он увидел, летящая в него ручная граната...

Рядовой полка стрелков Иностранного легиона Александр Мерсье вот уже пятый год топтал землю Африки, мечтая только о том, как вернется в метрополию и займется тем, что ему нравилось больше всего. Ремонтировать автомобили. Эта странная, но очень интересная техника появилась не так давно, но уже начала вытеснять обычные кареты. Увидев такой аппарат в первый раз, Александр словно замороженный полчаса ходил вокруг него, пытаясь понять, что именно заставляет его двигаться.

Заметивший его интерес владелец автомобиля, услышав, что паренек мечтает сам собирать такие, посоветовал ему обратиться в ремонтные мастерские мсье Ленуа. Мэтр буквально на днях жаловался, что ему не хватает рабочих рук. Узнав адрес, Александр отправился в мастерские и уже почти договорился о работе, когда все и случилось. Его настигли. Банда из их приюта, отслеживавшая детвору и подростков. Они работали на управляющего приютом и подчинялись лично ему. Так что любые их действия были заранее им одобрены.

Потом случилась яростная драка, и Александр, схватив с земли камень, не раздумывая опустил его на голову главаря банды. Вид лежащего в луже крови заводилы разом отрезвил остальных. Но перед Александром в полный рост встала новая проблема. Отправиться на каторгу за случайное убийство или бежать куда глаза глядят. Без гроша в кармане. Но мэтр Ленуа, видевший все своими глазами, дал ему неплохой совет. Записаться рядовым в Иностранный легион. Подписав контракт, Александр окажется неподсуден для любых гражданских властей. А главное, его не смогут достать никакие попечители приюта.

Армия шутить не умеет. И если ты стал ее мясом, то ты или отслужишь контракт, или сдохнешь. Третьего не дано. Понимая, что это его единственный шанс (на тот момент Александру казалось именно так), он бросился в ближайший вербовочный центр.

Дальше была краткая беседа, подпись под контрактом и долгий переезд на пароходе в Северную Африку. И плевать вербовщику было, что Александру всего шестнадцать. Высокий, крепкий, жилистый, он легко смог прибавить себе пару лет. Три месяца так называемой учебы, и перевод в действующие подразделения легиона. И вот уже пятый год он тянул солдатскую лямку в этих богом забытых землях, где нет

ничего, кроме песка и кучки дикарей. Спрашивается, зачем вдруг Франции понадобилась эта пустыня? Да здесь ведь ничего не растет. А ее обитатели, туареги, те еще звери. Стоит только зазеваться – и ты в лучшем случае покойник. О худшем даже думать не хотелось.

Александр уже по праву считался ветераном легиона. Три ранения, куча мелких стычек и десятков серьезных боев. Война тут не заканчивалась никогда. Иногда у него складывалось впечатление, что в этих песках все только и делают, что воюют. Он уже даже начал забывать, как это, жить простой, спокойной жизнью. Война превратила его в того, кого называют диким зверем. Все время начеку, все время ожидающий подвоха с любой стороны. Только такие тут и выживали.

Вот и теперь вначале все шло, как обычно. Его десяток заступил на дежурство, и капрал развел личный состав на наблюдательные посты, которые находились на углах крошечного форта. Теперь ему оставалось только тупо пялиться в пустыню, высматривая любое несоответствие песчаному пейзажу, и быть готовым в любой момент поднять тревогу. Но спустя час из-за бархана вынеслась сотня туарегов на верблюдах и, испуская пронзительный визг, понеслась к форту.

Выхватив свисток, Александр принялся пронзительно свистеть, а потом, вскинув винтовку, выстрелил. Сейчас было не до прицеливания. Главное, обозначить, что он видит противника и готов драться с ним. Сержант, услышав трель свистка и выстрел, принялся отдавать команды громовым голосом, но туареги, словно обезумев, неслись прямо под стены форта.

Виртуозно управляя верблюдами, они свернули у самой стены и понеслись вдоль нее, продолжая визжать и пуская стрелы. Понимая, что противник находится в мертвой зоне, Александр оставил вместо себя молодого бойца и, скатившись по лестнице во двор, подбежал к сержанту.

– Сержант! Боюсь, они собираются атаковать ворота, – выпалил он, едва остановившись.

– Да что ты говоришь? А я, дурак, и не догадался, – фыркнул тот.

– Сержант, прикажите выкатить одно орудие к воротам, – не уступал Александр.

– Вот ты его и выкатишь, – рявкнул сержант. – Бери троих солдат, и перекачивайте вон то орудие вот туда. Порох и ядра знаешь где. Всё, солдат. Действуй.

– Слушаюсь, – выдохнул Александр и, окликая ветеранов из своего десятка, понесся к пороховому складу.

Они едва успели перекатить орудие и навести его на ворота, когда через стену полетели глиняные горшки с какой-то горючей гадостью. Во дворе форта воцарился настоящий ад. Но бойцы легиона продолжали отбиваться. Очень скоро от дыма и копоти в форте было не продохнуть. Стволы винтовок раскалились так, что их стало опасно заряжать, но они все еще держались. А потом раздался взрыв. Что это было, Александр так и не понял. Помнил он только одно: тяжкий грохот, от которого содрогнулась сама земля, и неожиданно долгий полет, закончившийся сильным ударом. А потом все вокруг померкло.

* * *

Твою мать! Больно-то как... Сашка попытался открыть глаза, но, вместо хоть какой-то картинки получил очередную порцию боли. У парня было такое ощущение, что ему мозг вместе с глазами рыболовным крючком вынимают. Кусочками. Машинально попытавшись пошевелиться, он краем сознания понял, что не ощущает тела.

«Только этого не хватало, – мелькнула мысль. – Неужели хребет сломан? Нет, только не это. Всю оставшуюся жизнь овощем лежать и под себя гадить, это не для меня. Лучше сдохнуть».

Но тут, вместе с головной болью, появилась и боль тела. Казалось, что по нему каток ездит. Болело буквально всё. Ныли даже те мышцы, о существовании которых Сашка и не подозревал. Не удержавшись, он застонал. Сквозь звон в ушах он неожиданно расслышал рядом какую-то возню, потом чьи-то грубые руки приподняли ему голову, и в губы что-то ткнулось. Потом в рот полилась вода. Теплая. Затхлая. Но удивительно вкусная. Именно так ему тогда показалось.

Закашлявшись, Сашка с грехом пополам сделал пару глотков и снова закашлялся. Кое-как отдышавшись, он вдруг сообразил, что дышать стало легче. Потом понял, что и боль немного отступила. Сделав очередную попытку открыть глаза, Сашка сквозь выступившие слезы рассмотрел склонившегося над ним человека с уса-той

физиономией в грязно-белом халате, старше средних лет. Точнее он определить не смог. Да и не интересно было.

На тот момент Сашку больше интересовало его собственное состояние. Судя по тому, как с ним обращались, позвоночник остался цел. На это его познаний в медицине хватило. Осталось выяснить, что же с ним на самом деле. Разлепив непослушные, словно резиновые губы, Сашка попытался заговорить, но вместо слов изо рта вылетело какое-то сипение. В ответ раздалась какая-то тарабарщина, среди которой Сашка четко расслышал одно-единственное знакомое слово:

– Мерд!

«Не понял. А при чем тут французский? – удивленно подумал парень. – Ведь по-французски это – дерьмо. Их излюбленное ругательство. Я же помню, во всех книжках так писали. Меня что, в плен взяли? Или это Красный Крест? Блин, что тут вообще происходит?»

Мысли текли вяло, но от них почему-то хотелось завывать. Отдышавшись, Сашка попытался сфокусировать взгляд на стоящем у кровати человеке в белом халате. Видеть лучше от этого он не стал, но вдруг понял, что смотрит на мир одним глазом. Второй что-то закрывало. Между тем разговор рядом возобновился, и после короткого спора носитель халата снова приподнял Сашке голову. Кое-как напоив парня, он развернулся и широким шагом вышел из помещения.

Во всяком случае, Сашке показалось именно так. Понимая, что возиться с ним никто не собирается, парень заставил себя расслабиться и попытался вспомнить все, что с ним было. Убедившись, что до разрыва гранаты помнит все случившееся, Сашка немного успокоился и неожиданно для самого себя уснул. Проснулся он от простого и естественного желания. Мочевой пузырь был переполнен. Понимая, что еще немного и случится конфуз, парень сделал попытку подняться и тут же свалился, скрученный очередным приступом боли.

– В чем дело, приятель? Тебе что-то нужно? – слышалось рядом.

– Да. В туалет, – прохрипел Сашка, даже не отдавая себе отчета, с кем говорит.

– Тебе отлить или серьезно?

– Отлить.

– Сейчас. Вот, подсунь себе и поливай, – в руку ткнулся какой-то странный предмет. – Надеюсь, сам справишься. Извини, но тут не госпиталь святой Женеви́евы и сиделок нет.

На ощупь определив, что это обычная больничная «утка», Сашка кое-как уложил ее и едва успел направить струю по назначению. Это было блаженство. Облегчившись, он попытался достать «утку», но руки были еще очень слабыми.

– Да, приятель, похоже, самому тебе не справиться. Ладно. Давай, – послышалось рядом, и чья-то рука отобрала у него «утку».

– Ты кто? – спросил Сашка, дождавшись, когда приступ боли отступит.

– Такое же мясо, как и ты, – послышался ироничный ответ. – Словил стрелу в локоть, потом рана начала гнить. В общем, теперь я однорукий инвалид.

– Я вообще-то хотел имя твое услышать, – нашел в себе силы хмыкнуть парень.

– Жак. Жак Полен. А ты кто?

– Александр, – выдохнул Сашка и снова потерял сознание.

В третий раз он очнулся, когда услышал рядом с кроватью странный разговор. Помня, что резкие движения ему противопоказаны, Сашка остался недвижим, решив послушать, о чем спорят эти двое. Разговор оказался весьма содержательным. Владелец сочного баритона наседа́л на своего собеседника, отвечавшего ему почтительно, но непреклонно.

– И вы хотите сказать, что эти симулянты не могут выполнять свой долг?

– Полковник, при всем уважении, но в этой палатке нет симулянтов. Вон там лежит солдат, потерявший руку. Вот здесь человек без ноги. А вот это очень тяжелая контузия, да еще и лицо изуродовано осколком. Не уверен, что он вообще выживет.

– Да плевать мне на его рожу, – зарычал тот, которого называли полковником. – Меня интересует только одно. Когда он сможет встать в строй?

– Боюсь, никогда.

– Вы издеваетесь, доктор?! – возмущению полковника не было предела. – Чтобы солдат не смог служить, получив по башке?

– Этот человек очнулся только вчера. А привезли его неделю назад. Чем обернется его контузия, я даже предположить не возьмусь. Я хирург, а не психиатр.

– Хотите сказать, что он свихнулся? – насторожился полковник.

– Мсье, мозг человека еще слишком слабо изучен. Медицина не точная наука, и что с ним будет дальше, я даже предполагать не возьмусь. Все в руках Божьих. Вполне возможно, все обойдется. А может произойти так, что с ним будут случаться приступы агрессии. Или при резких звуках он начнет забывать обо всем и будет просто кататься по земле, воя от боли в голове.

– Дьявольщина! Доктор, вы можете мне сказать хоть что-то хорошее, или у вас нет никого, кто может быть мне полезен?

В голосе полковника прозвучали злость и разочарование. Но воинственный тон он явно сбросил.

«Полковник Жофрей. Или мясник Жофрей. Только он способен гнать в строй людей, едва начинающих вставать на ноги после ранения». Эта мысль мелькнула у Сашки так неожиданно, что парень невольно вздрогнул.

– Не в этой палатке, полковник, – послышался ответ. – Здесь лежат только тяжелые. Те, кого я буду вынужден списать, несмотря на все ужимки наших доблестных тыловигов.

– Тогда какого дьявола мы тут делаем?

– Ну, вы же не пожелали дожидаться, пока я закончу операцию, и решили провести инспекцию сами, – в голосе врача послышалась неприкрытая усмешка.

– Откуда вообще взялся этот контуженый? – мрачно поинтересовался полковник.

– Привезли из форта. От взвода выжило только трое. Двоих мы уже похоронили. Этот последний.

– Ах да. Взрыв порохового склада. Проклятье! Там даже от самого форта ничего не осталось. Как он вообще выжил?

– Понятия не имею. Его привезли неделю назад. Едва живого. Я сделал все, что смог, но контузия не лечится хирургическими методами. Но вчера он очнулся. Что будет дальше, не знаю.

– Что ж. Пожалуй, вы правы. Списывайте эту шваль. Мне не нужны солдаты, с которыми нужно разговаривать только шепотом. Документы я подпишу. Думаю, пара инвалидов не сильно обременят

казну метрополии. А теперь я прошу вас показать мне тех, кто мне нужен.

– Прошу за мной, полковник, – слышалось в ответ. И спорившие вышли.

– Мясник поганый, – слышалось злое шипение из угла. – Эта тварь нас за людей не считает.

– Дай воды, – вздохнув, попросил Сашка и поперхнулся, сообразив, что сказал.

Точнее, не что, а как. Фразу эту он произнес на французском. Причем так, словно всю жизнь говорил на этом языке. Слышались шаркающие шаги, и в ладонь парня сунули кружку.

– Помоги, – попросил Сашка, вообразив, что сам не справится.

– Извини, приятель, но у меня только одна рука, – услышал он в ответ.

– Голову подними, дальше сам попробую, – нашелся Сашка.

Постанывая от напряжения и боли, он кое-как дотащил руку с водой до лица и принялся пить, проливая воду себе на грудь.

– Да, приятель. Похоже, не скоро ты сможешь на ноги встать, – вздохнул поивший его солдат, понаблюдав за мучениями парня.

– Жак, если я правильно помню? – отдышавшись, спросил Сашка.

– Смотри-ка, запомнил, – удивленно хмыкнул солдат. – Я уж думал, ты помер. Только что говорил, и вдруг уже без сознания. Потом присмотрелся, а ты спишь.

– Прости, Жак. Ты не мог бы говорить потише? – собравшись с духом, попросил Сашка. Голос солдата отдавался в висках болью.

– Хм, извини. А наш коновал не так и прост. Правильно сказал, что у тебя будет голова болеть от громких звуков.

– Это всегда бывает при контузии, – вздохнул Сашка. – Жак, а где мы находимся? Нет, то, что это госпиталь, я уже понял. Но где этот госпиталь находится?

– Понимаю, приятель. Тебя привезли сюда без сознания. Мы на окраине города Тиндуф. Ну, городом это только называется, но название точное.

– Ага, – прохрипел Сашка, понимая, что уже вообще ничего не понимает.

Сначала свободный разговор на французском. И это при том, что он всю жизнь немецкий мимо проходил. Теперь выясняется, что

очнулся он ни много ни мало, а на границе Западной Сахары. Во всяком случае, на карте, которую Сашка помнил совсем неплохо, было написано именно так. Ему всегда нравилось рассматривать карту мира, мечтая, что однажды он сможет объехать все страны и увидеть их своими глазами. В приюте вообще много мечтают.

И вот теперь сбылась мечта идиота. Он в Африке. Осталось выяснить, как он сюда попал и что с ним собираются делать. Про выкуп пленных он слышал много. Но нигде и никогда не говорили, что их предварительно вывозят в Африку, да еще и лечат. Обычно утаскивали в горы и сажали в яму. Выживешь, твое счастье. Обменяют, если захотят. Нет. Значит, не повезло. Но при чем тут французы? Может, они его решили на органы разобрать? Тогда зачем лечили? Можно было сразу распотрошить.

Окончательно запутавшись, Сашка тяжело вздохнул и решил заняться более актуальными делами. А именно, провести инвентаризацию собственного организма. Сосредоточившись, он слегка пошевелил ногами. Ноги плохо, но слушались. Даже пальцы. За ногами последовали руки. Тут тоже не все слава богу, но, по крайней мере, они на месте. Туловище, судя по болевым ощущениям, почти цело. Теперь самое главное – голова. Осторожно подтянув руку к лицу, Сашка принялся пальцами ощупывать голову и тут же наткнулся на толстую повязку.

– Что, приятель, зудит? – последовал вопрос. – Лучше не трогай. Пусть зудит. А то растрaviшь, потом только хуже будет.

– Пытаюсь понять, что от меня осталось, – шутливо пояснил Сашка.

– Все осталось. Наш коновал сказал, что у тебя только одна проблема. Голова.

– А чего тогда всю морду перевязали? – не понял парень.

– Осколком лицо распахало. Но самое главное, это контузия. Да уж, повезло. Из целого взвода ты один выжил. Взрыв порохового склада, это не шутки.

– Стоп! Какого на хрен склада?! Меня гранатой приложили! – едва не завопил Сашка в полный голос едва осознав, что слышит. – Жак, а какой сейчас год, – на всякий случай уточнил парень, приготовившись услышать очередную гадость.

Как говорится, предчувствия его не обманули.

– Тысяча восемьсот девяносто восьмой год от Рождества Христова. Семнадцатое мая. Ты неделю труп изображал, – слышалось в ответ, и Сашка, не удержавшись, застонал в голос.

Этого не может быть! Так не бывает! Это вообще не с ним происходит! Все существо парня буквально вопило и корчилось от ужаса, заставляя тело содрогаться и скулить от очередной волны накатившей боли. Но это была не только телесная, это была душевная боль. Он не понимал, что и как случилось, и почему он вообще все это видит и слышит. Спустя несколько секунд боль затопила все его сознание полностью, и наступила спасительная темнота.

* * *

Александр Мерсье в свои не полные двадцать повидал всякое. Были и боль, и унижения. И даже презрение. Но то, что он чувствовал сейчас, не с чем было сравнить. Страх, переходящий в животный ужас, боль, разрывавшая сознание в клочья. Больше всего ему в тот момент хотелось умереть, чтобы избавиться от этого кошмара. Наконец, все улеглось, и только на самом краю сознания продолжала биться трусливая мыслишка, что еще не все закончилось.

Отдышавшись, он собрался с духом и попытался открыть глаза. Как бы ни было страшно, но понимать, что с ним и что происходит вокруг, было нужно. Свет ударил по глазам, выжимая слезы и вызывая очередной приступ боли. Над головой раздался странный, неприятный звук, и тут же рядом с его лежанкой слышались чьи-то шаги. Звук исчез, а потом кто-то, аккуратно приподняв ему голову, начал смачивать пересохшие губы чем-то влажным. Судорожно хватая ртом живительную влагу, Александр снова попробовал осмотреться. На этот раз было гораздо легче. Очевидно, зрение привыкло к освещению и слезы уже не так застили взор. Сфокусировав взгляд на том, кто помогал ему, он рассмотрел миловидное женское лицо и, не удержавшись, еле слышно прошептал:

– Вы ангел?

– Эк тебя раскорячило, солдатик, – рассмеялась она в ответ. – Хочешь чего?

– Пить, – сумел выдать он.

– Сейчас, – кивнула женщина и, отвернувшись, взяла что-то со странной блестящей полки.

В губы Александру ткнулась тонкая трубка из странного прозрачного материала. Не понимая, что с ней делать, он инстинктивно всосал содержимое бутылки, которую держала женщина, и в рот ему потекла прохладная и удивительно вкусная вода. Моментально проглотив содержимое бутылки, он почувствовал, что начинает оживать. Заметив его настороженный взгляд, женщина поправила ему подушку и, убрав бутылку, вышла.

Пользуясь моментом, он принялся осматриваться и тут же едва не заорал от ужаса. В изголовье его лежанки стояло какое-то странное сооружение, которое ритмично попискивало и подмигивало ему крошечным фонариком. Скосив глаза, Александр заметил у второй кровати такую же штуку и с облегчением перевел дух. По всему выходило, что это не какое-то дьявольское ухищрение, а медицинский прибор, который присоединяют ко всем раненым посредством тонких шнурков.

Тяга Александра к технике позволила ему смотреть на вещи не с религиозной, а с жизненной точки зрения. Так что очень скоро он начал воспринимать окружающее не как нечто нереальное, а как достижения технического прогресса. Даже прослужив в забытых богом уголках Африки почти пять лет, он старался интересоваться всем, что появлялось нового в техническом плане, выпрашивая у офицеров старые газеты.

В палату вернулась женщина в сопровождении высокого худощавого мужчины средних лет. Приятное европейское лицо, седые виски и странная одежда салатового цвета. Присев на край кровати, мужчина быстро осмотрел Александра и, ловким движением обнажив ему грудь, достал из кармана небольшой металлический кругляшок. Вдев в уши гнутые блестящие трубки, он приложил эту странную железку к груди парня, приказав ему дышать.

Александр послушно сделал несколько глубоких вдохов, мысленно удивляясь тому, что видит. В полку доктор тоже слушал его грудь, но делал он это при помощи деревянной трубки. А тут кусок железа, соединенный с трубками веревочками из странного материала. Чуть кивнув, врач убрал железку обратно в карман и, повернувшись к

женщине, попросил ее принести историю болезни. Что это такое, Александр мог только догадываться.

Он несколько раз оказывался в госпиталях по ранениям, но никогда раньше не попадал в такие роскошные условия. И уж тем более ни один врач не записывал то, что с ним было. Обычно все было гораздо проще. Хирург извлекал из тела причину ранения, зашивал рану, после чего санитары регулярно меняли повязку, отслеживая, чтобы рана не воспалилась. Забрав у женщины в таком же костюме странного вида тетрадь, врач быстро пролистал ее и, задумчиво посмотрев на парня, хмыкнул, неопределенно пожав плечами.

– Совсем плохо, доктор? – негромко спросила женщина.

Про себя Александр решил называть ее сестра милосердия.

– Скорее, непонятно, – проворчал врач, продолжая листать тетрадь. – Тут написано, он сирота. Родственников нет. И для него это очень плохо.

– Почему?

– Боюсь, после такой контузии придется его отправить в клинику невротиков. Сейчас точно говорить о чем-то еще рано, но судя по реакциям, все грустно. Полная раскоординация организма, и сможет ли он восстановиться, одному богу известно.

– Доктор, что со мной? – на пределе сил спросил Александр.

– Что? Что вы сказали? – повернулся к нему врач.

– Я спросил, поправлюсь ли я, – прохрипел парень.

– Доктор, по-моему, это французский, – растерянно глядя на него, прошептала сестра милосердия.

– Какой нафиг французский, тут написано, что он в путяге немецкий учил, – фыркнул врач, встряхивая тетрадь. – Вы с ним о чем-нибудь говорили?

– Он спросил, не ангел ли я, – ответила женщина, еще больше растерявшись.

– На каком языке?

– На русском.

– Это еще что за фокусы? – возмутился врач, удивленно рассматривая парня. – Только левых закидонов нам не хватало. Начальство нам тут быстро все к единому языку приведет.

– Вы о чем, доктор? – не поняла сестра милосердия.

– Вы хоть представляете, что тут начнется, если гражданские психиатры узнают, что контуженый солдат, учивший всю жизнь немецкий язык, после контузии заговорил по-французски? Они ведь начнут требовать указать место, где это случилось. А наши генералы такие факты обнародовать очень не любят, – мрачно пояснил врач.

– И что делать?

– Пока молчать. Напоите его, приведите в порядок, и пусть спит. Пока для него это лучшее времяпровождение. Посмотрим, как будет чувствовать себя дальше. Если организм начнет оживать, начнем потихоньку восстанавливающую терапию. Парень молодой, крепкий, должен оклематься.

– Снотворное колоть? – деловито уточнила женщина.

– Не стоит. И так уснет, – чуть подумав, отмахнулся врач. – Ему сейчас сам организм будет подсказывать, что делать. Точнее, делать без участия мозга.

Развернувшись, доктор вышел из палаты, и Александр настороженно уставился на сестру милосердия. Улыбнувшись ему одними губами, она принялась за дело. Ловко сменив ему белье и одежду, она обтерла его тело влажными салфетками и, накрыв одеялом, тихо спросила:

– Есть хочешь?

– Только пить, – выдохнул Александр.

– Ну вот, опять по-русски заговорил. И как у тебя это получается? – удивленно вздохнула она, поднося ему бутылочку с водой.

Ответить Александр не успел, уснув, едва отпив несколько глотков. Второй раз его разбудило нестерпимое, но вполне естественное желание. Понимая, что нужно срочно что-то делать, Александр попытался приподняться, и тут же над головой снова раздался все тот же неприятный звук. В палату вошла уже другая женщина и, тронув что-то на приборе у кровати, спросила:

– Что случилось? Тебе что-то нужно?

– Да, в туалет, – осторожно кивнул Александр, делая очередную попытку подняться.

– Лежи спокойно, – осадил его сестра милосердия.

Ловко подсунув ему «утку», она дождалась, когда парень справится с делом, и, поправив одеяло, вышла. Вскоре, вернувшись,

она быстро умыла его и, еще раз спросив, не нужно ли чего, вышла. Сообразив, что у него появилась возможность осмотреться более тщательно, Александр осторожно повернул голову и всмотрелся в лицо человека, лежащего на соседней койке. Лицо парня, замotanного в бинты словно мумия, ему было незнакомо. Вздохнув, Александр повернул голову в другую сторону и едва не вскрикнул.

На другой койке лежал человек с обожженным лицом. Он уже видел такое несколько раз. Удивительно, как этот бедолага еще не отправился на встречу с Создателем. Боль от таких ожогов просто дикая. Туареги регулярно использовали зажигательную смесь на основе нефти, уничтожая укрепления на территориях, которые считали своими. Где они брали нефть, не знал никто, но подобная смесь появлялась у них регулярно. Сообразив, что поговорить тут не с кем, Александр сосредоточил свое внимание на технике.

Все окружающие его предметы были сделаны удивительно красиво. Явно заводская работа. Все ровное, блестящее, словно только привезенное. Но если присмотреться, то становилось понятно, что этими предметами пользуются уже давно. Так и не поняв их назначения, Александр решил сосредоточиться на самом себе. Доктор говорил про контузию. Это сходилось с тем, что помнил он сам. Был пожар и сильный взрыв. Рванул пороховой склад.

Сунув руки под одеяло, он тщательно ощупал свой торс и, убедившись, что тело не пострадало, переключился на конечности. Ноги плохо, но слушались. Руки тоже. По всему выходило, что пострадала только голова. Удивленно хмыкнув, припомнив тот взрыв, Александр тщательно ощупал голову и, убедившись, что открытых ран нет, снова принялся осматриваться. Было во всем окружающем что-то, что не соответствовало тому, что он знал о военном госпитале и больницах вообще.

Слишком уж роскошно для обычного солдата. Поят, моют, умывают. Наверняка еще и кормить будут. И кто за все это будет платить? У самого Александра на счету только пара су. Все его богатство припрятано недалеко от казармы, на старом кладбище. Ну не верил он банкам и менялам. Получая и без того невеликое жалованье, он тут же обращал его в звонкую монету и большую часть уносил в свой тайник.

Служба в легионе имела одно неоспоримое преимущество. Не важно, что ты сделал до службы. Не важно, кто тебя искал и в чем обвиняет. Отслужив положенный срок, ты чист перед законом и можешь получить документы на любое понравившееся тебе имя. А дальше свободен как ветер. Ни один законник не сможет к тебе придраться. Так что Александру осталось служить не так много. Всего-то чуть больше двух лет. А потом он сможет уехать в метрополию и с накопленными деньгами выучиться на механика.

Это была его мечта. Стать механиком и научиться управлять автомобилем. Увлечшись мечтами, он не заметил, как в палату вошел вчерашний врач. Подойдя к кровати, он снова провел быстрый осмотр и удовлетворенно кивнув, проворчал:

– Физически все соответствует положению. Осталось выяснить, что у тебя с головой.

– А что у меня с головой? – не понял Александр.

– О! По-русски. Уже лучше. А еще раз на французском можешь? – улыбнулся врач.

– Что вы хотите услышать? – растерянно уточнил Александр.

– А вот это уже интересно, – послышалось от двери, и к кровати подошел высокий мужчина крепкого телосложения.

– Где вы слышали этот язык? – спросил он, внимательно наблюдая за парнем.

– Простите, мсье, но я на нем всю жизнь говорю, – слабо улыбнулся Александр.

– Вот как? Тогда расскажите о себе, – потребовал неизвестный.

– Мне нечего особо рассказывать, – вздохнул парень. – Родителей своих не помню. Вырос в приюте святой Бригитты в предместье Сен-Дени под Парижем. Зовут Александр Мерсье. Семнадцать полных лет. Подписывая контракт в Иностранный легион, накинуд себе два года. Я был вынужден бежать. Убил главаря приспешников управляющего приютом. Случайно, но от каторги меня бы это не спасло. Потом служба в Алжире и Марокко. Контузия, очнулся здесь.

– Как по-вашему, который сейчас год? – дрогнувшим голосом спросил неизвестный.

– Одна тысяча восемьсот девяносто восьмой от Рождества Христова. Числа, извините, не скажу. Не знаю, сколько я тут провалялся, – смутился парень.

– Что происходит, товарищ майор? – спросил врач, заметив растерянность мужчины.

– Не увидел бы своими глазами, ни за что бы не поверил, – потряхнул мужчина головой. – Этот парень говорит, что родился сто лет назад в предместье Парижа. И кстати, говорит он именно так, как говорили в то время. Я еще кое-что проверю, но думаю, личность, которую он назвал, действительно существовала.

– Это что? Переселение душ? – растерянno пролепетал врач.

– Да хрен его знает, как оно там называется, – фыркнул мужчина, направляясь к дверям.

– Мсье! – окликнул его Александр. – Что происходит? Где я? Какой сейчас год?

– Это Россия, сынок. А год тысяча девятьсот девяносто третий, – обернувшись, тихо ответил мужчина.

Охнув, Александр судорожно перекрестился и, истерически рассмеявшись, потерял сознание.

* * *

Очнулся Сашка от резкого запаха. Хрипло застонав, он попытался отвернуться и застонал снова. На этот раз от боли в голове. Под черепом словно бильярдные шары перекатывались.

– О, очнулся, – слышался голос. – Напугал ты нас, парень. С чего это тебе вздумалось в обморок падать, словно графине при виде мыши?

– У доктора спроси, – еле слышно огрызнулся Сашка.

– О! Слышите, доктор? Опять этот странный язык, – слышалось в ответ.

«Мать твою! Что я там такого сказал-то?» – вяло подумал Сашка, пытаясь осознать, что вообще происходит.

Чьи-то руки принялись ловко обтирать ему лицо влажной тряпкой, от которой нестерпимо несло застарелой сыростью. Было не очень приятно, но слегка взбудрило. Осторожно приоткрыв глаза, Сашка вдруг понял, что повязка с лица и головы исчезла. Только на правой щеке появилось тянущее ощущение. словно кто-то скотчем

подтянул кожу. Он попытался коснуться лица рукой, но его крепко взяли за кисть, строго пояснив:

– Не нужно трогать рану. Ее смазали мазью.

– А что там, доктор? – поинтересовался Сашка, послушно опуская руку.

– Рассечено лицо. Тебя привезли, когда рана уже начала подсыхать, так что накладывать швы было бесполезно. В общем, украшением ты обзавелся не самым симпатичным, – пожал тот плечами, едва заметно смутившись.

– Скажите прямо, доктор, что с такой рожей лучше по темным улицам не шататься. За висельника примут, – жизнерадостно проворчал знакомый голос.

– Жак, ты бы лучше на свою рожу в зеркале полюбовался, – не остался Сашка в долгу. – И без шрама лопатой не отмашешься.

– Ага, уже начал шутить, – заметно повеселел врач. – Скажите, Александр, вы ведь выросли в приюте?

– Именно так, мсье.

– А родителей своих вы совсем не помните?

– Нет, мсье. Сколько себя помню, все время в приюте, – ответил Сашка, не понимая сути этих вопросов.

– Странно. Хотя кое-какие мысли у меня по этому поводу есть, – задумчиво протянул врач.

– А что произошло, мсье? Что я такого странного сделал, пока изображал покойника? – осторожно спросил парень.

– Вы бредили. И в этом не было бы ничего удивительного, если бы не делали это на русском языке. Я несколько раз сталкивался с русскими и запомнил несколько их выражений. Не уверен, что смогу воспроизвести их точно, язык у них сложный, но как они звучат, помню отлично.

– А я их вообще никогда не видел, – растерянно проворчал Сашка, судорожно прикидывая, как бы выкрутиться из сложившейся ситуации. – А вы как думаете, откуда это? Что вообще происходит, мсье? Почему я вдруг заговорил на другом языке?

– Моя теория заключается в том, что вы по происхождению русский. Отсюда и разговор на этом языке в бреду. Всплыли воспоминания раннего детства. Но, увы, точно я этого утверждать не могу, – вздохнул врач.

– А разве такое возможно? Ведь дети до определенного возраста ничего не помнят, – пролепетал Сашка, старательно изображая из себя недалекого вояку.

– Должен признать, что мы еще очень многого не знаем о работе человеческого мозга. Вот что. Вернуться в строй вы уже не сможете. Так что я немного вам помогу. Мой старый приятель содержит клинику для душевнобольных, и подобные случаи его очень интересуют. Я дам вам письмо для него. Вернетесь в Париж, отправитесь по адресу и отдадите ему письмо. Думаю, он сумеет вам помочь. А теперь расскажите мне, как вообще вы жили в приюте, кто был его управляющим и чем вы там занимались?

– Ну, а-а... э-э... – растерянно заблеял Сашка, напуская на себя испуганный вид. – Доктор, я не помню, – растерянно произнес он, подпуская в голос сиротскую слезу.

– Что, совсем? – врач тут же сделал стойку.

– Помню, как меня зовут. Помню, что всю жизнь прожил в приюте. Помню, что пришлось срочно бежать. И все, – в нескольких словах поведал Сашка свою историю.

– А почему вам пришлось бежать? – тут же последовал вопрос.

– Я сделал что-то плохое, – прохрипел парень, у которого от всей этой говорильни уже во рту пересохло.

– Что именно? – не унимался врач.

– Кажется, я с кем-то сильно подрался, – продолжал изображать амнезию Сашка.

– М-да, похоже, это и вправду задачка не по моим знаниям, – скривившись, проворчал врач и, поднявшись, добавил: – Ладно, будем считать, что вы все еще находитесь в процессе выздоровления. Две недели у нас с вами есть. Потом я буду вынужден отправить вас в метрополию. Занимать место в госпитале, когда идут тяжелые бои, мне никто не позволит. Так что в ваших же интересах побыстрее встать на ноги.

– Я постараюсь, мсье, – истово пообещал Сашка, чувствуя огромное желание сбежать из госпиталя прямо сейчас. Даже в таком состоянии.

Проводив врача взглядом, он осторожно повернул голову и, увидев с интересом наблюдающего за ним Жака, попросил:

– Дружище, дай воды, пожалуйста. В горле от всего этого пересохло, как в пустыне.

– Держи, – осторожно поднявшись, протянул ему кружку Жак.

Кряхтя, словно старый дед, Сашка сумел приподняться на локте и, осторожно осушив кружку до капли, с таким же кряхтением улегся обратно.

– На мне цветы не растут, Жак. Ты чего так уставился?

– Пытаюсь понять, кто ты, – с ухмылкой хмыкнул тот.

– Я бы и сам хотел это понимать, – буркнул Сашка, устраиваясь поудобнее.

– Ты и вправду русский? – не отставал Жак.

– Дружище, я понятия не имею, кто такие эти русские и как они выглядят. Говорил же, я всю жизнь в приюте прожил, – ответил парень с раздражением. Этот разговор начал его напрягать.

– Да ладно тебе. Мне-то ты можешь признаться, – продолжал настаивать Жак.

– В чем? В том, что ни черта о себе не помню? Можешь попросить у доктора мои бумаги. Там все написано.

– Неужели вообще ничего не помнишь?

– Только в общих чертах, – вздохнул Сашка. – И должен признаться, меня это крепко пугает.

– Думаешь, за тобой есть что-то, за что тебя могут потащить к судье? – тут же насторожился Жак.

– Плевать мне на судей, – отмахнулся Сашка. – Я честно служил, и не моя вина, что получил контузию. Это война, и на ней всякое бывает. Я не понимаю, что мне делать дальше.

– Ну, не все так плохо, приятель. Наш коновал решил принять в твоей жизни участие, так что, думаю, сумеешь пристроиться, – протянул Жак с заметной завистью.

– Возможно, возможно, – буркнул Сашка, погружаясь в собственные размышления.

Прежде всего нужно незаметно провести проверку организма. К его удивлению, на этот раз все было гораздо лучше. Похоже, полный покой при контузии был взят не с потолка. Во всяком случае, голова уже болела не так сильно. Само тело отзывалось на любое движение гораздо быстрее, а главное, что из пальцев пропал тремор. В прошлое пробуждение они тряслись, словно у завязного алкоголика с бодуна.

Накрывшись до подмышек одеялом тонкого сукна, Сашка принялся старательно напрягать и расслаблять поочередно все мышцы тела, пытаясь реанимировать их. Вскоре он почувствовал, что начинает оживать. Кровь быстрее заструилась по жилам, и даже в голове прояснилось. Но вставать он пока не рискнул. Грохот за стенкой палатки (похоже, уронили какую-то тару навроде бочки) заставил его болезненно сморщиться. Неожиданный шум отдался болью в висках и звоном в ушах. Словно сковородой по затылку приложили.

Прикрыв глаза, он принялся вспоминать свое прошлое, пытаясь решить, как быть дальше. Ехать к приятелю врача, имевшего собственную клинику, он не собирался. Что ни говори, а он профессиональный психиатр и очень быстро поймет, что Сашка пытается водить его за нос. Оказаться в комнате с мягкими стенами ему вовсе не улыбалось. Особенно если он вдруг заявит, что каким-то образом перенесся из будущего. Точнее, перенеслось его сознание, эго, или хрен его маму знает, как оно там называется.

Выходит, нужно добраться до Европы и свалить куда подальше. Оставаться в Африке Сашка не собирался. Слишком большая разница менталитетов. Что говорить, если многие местные племена при виде одинокого белого начинают точить ножи и разводить костры под котлами. Людоедство тут процветает во многих местах. В лучшем случае просто прирежут ради пары старых сапог. Ну не любят тут белых. Не любят. И с этим ничего не поделаешь.

«Где родился, там и пригодился», – вспомнил Сашка старую поговорку, которую частенько повторял дворник в их приюте.

Дядя Сеня был человеком выпивающим, но при этом очень умным. А главное, он был отличным рассказчиком. Именно благодаря его влиянию Сашка старался держаться подальше от всех банд. Быть одиночкой всегда тяжело, но, если сделал выбор, иди до конца. Именно так твердил ему дядя Сеня, обучая нескольким необычным приемам рукопашного боя. Кем он был в молодости, Сашка так и не узнал, но однажды, забежав к нему в дворницкую, увидел старый чемодан, стоявший раскрытым на узкой солдатской койке.

Из всего содержимого в глаза Сашке бросился прозрачный пластиковый пакет, в котором лежала солидная горсть орденов и медалей. Спросить что-то Сашка не решился, а дядя Сеня, увидев парня, быстро захлопнул крышку чемодана. Потом парню стало не до

вопросов. А вот теперь, вспомнив его, Сашка вдруг понял, что старик был прав. Где родился, там и пригодился. А родился он не в Париже. Точнее, тело-то, возможно, как раз там и родилось, а вот сознание, точнее, тот, кто сейчас это тело занимает, совсем нет.

Запутавшись в собственных сентенциях, Сашка плюнул на условности и сосредоточился на главном. Итак... Из Европы нужно валить. Куда? Само собой в Россию. Если в Европе контуженого солдата быстренько могут запихнуть в дурку, то там на странного француза, хорошо говорящего по-русски, посмотрят в лучшем случае с жалостью. А то и просто махнут рукой, проворчав вслед одно слово – иностранец.

А если забиться в какой-нибудь медвежий угол, то и вовсе станешь местной достопримечательностью. И даже можно будет открыть какую-нибудь маленькую механическую мастерскую. А что? С техникой он всегда был на «ты», так что разобраться с местным примитивом труда не составит. Благо он всегда умел пользоваться головой, а не только есть в нее. Но для такого рода деятельности, требуются вложения. А попросту бабки. А судя по всему, у солдат в этом мире с деньгами сложно.

Тут в глазах у парня помутилось, и перед внутренним взором предстала странная картинка. Окраина старого кладбища, и он, прячущий под могильную плиту кожаный мешочек. Осторожно потрянув головой, Сашка проморгался и, вздохнув, мысленно проворчал: «Видимо, мой сосед был не так прост. Это ведь он так нычку делал. Похоже, подыхать в этих песках он не собирался и тоже планировал устроить свою жизнь. Интересненько. Ладно. Будем решать проблемы по мере их поступления».

От размышлений его оторвал очередной вопрос Жака.

– Эй, приятель. Так ты решил, что собираешься делать, когда вернешься в метрополию?

– Сначала до нее добраться нужно, – отмахнулся парень, снова погружаясь в себя.

Итак, как любил говаривать дядя Сеня, сначала прими решение, а потом иди до конца. Но сначала сядь и как следует подумай. Если понимаешь, что чего-то не знаешь или не хватает информации, собери ее. Значит, начнем сначала. Что я знаю о России этого времени? А ни хрена. Помню только, что правил ею царь, страна называлась

империей, и что через некоторое время начнется война с японцами. Выходит, ехать за Урал смысла нет. Да и холодно там.

В Центральной России тоже все не просто. Там все всех знают, и полиция наверняка начнет присматривать за странным иностранцем. Мне оно надо? Нет. Такого счастья нам не надо. Средняя Азия вообще не вариант. Там сейчас, кажется, англичане заправляют. Остается Кавказ. Да, пожалуй, вариант. Горцы воевали всегда, но в города они не лезут. К тому же там тепло и с голоду не сдохнешь. Так и поступим. С этой мыслью Сашка неожиданно для себя уснул, словно провалился.

* * *

Проглотив очередную ложку супа, Александр вздохнул и мрачно покосился на лежащий перед ним кусок черного хлеба. Странный вид, странный вкус, но сытно. Во всяком случае, в этом госпитале кормят словно на убой. Хотя ему не хватало вина. Пусть кислого, теплого, но такого привычного. За годы службы в Африке он привык разводить воду вином и запивать любую еду этим дешевым пойлом.

Увы, спастись от дизентерии можно было только так. В общем, все не так плохо, как казалось вначале. Но теперь, когда он начал потихоньку вставать и даже умудрялся добраться до клозета, поражавшего его своей чистотой, парню предстояло решить, как быть дальше. Ничего иного, кроме как воевать, Александр просто не умел. Да, иногда в его ушибленной голове всплывали кое-какие странные воспоминания, но ему не к чему было их привязать.

Это были словно разрозненные картинки, которые он никак не мог уложить в одну полноценную мозаику. Да, было время, когда он мечтал стать механиком и управлять самобеглой коляской. Но те подростковые мечты давно уже канули в Лету. Прожив столько лет вдали от родины и постоянно занимаясь только одним делом, он начал забывать об этих мечтах. А самое главное, он вдруг неожиданно понял, что в этом мире все его познания не более чем потуги младенца сдвинуть гору.

Вспомнив свою реакцию на движущиеся картинки, подвешенные на стену, Александр покраснел, а аппетит окончательно испортился. В тот день он едва не обгадился с перепугу. Крестьясь и бормоча «Аве

Мария», парень свалился с кровати и попытался выбежать в коридор. Включившая телевизор медсестра заставила его лечь обратно и вызвала врача, который и смог кое-как объяснить ему, что это такое. Смех стоял по всему этажу госпиталя.

Не смеялся только врач. Глядя его по голове, словно маленького, он сумел успокоить Александра, рассказав, что эти картинки всего лишь очередное чудо современной техники. Потом была встреча с еще несколькими врачами, после чего его перевели в другой корпус. Теперь им занимались другие люди, и с каждым днем Александр все больше приходил к выводу, что его принимают за умалишенного.

Когда же он потребовал выпустить его из госпиталя, убеждая всех, что нормально себя чувствует, пришедший в палату человек в военной форме странного покроя и вида заявил, что он, Александр, все еще является военным служащим, дававшим присягу, и обязан выполнять все требования врачей. Сообразив, что так можно и до петли за дезертирство допрыгаться, парень притих, решив как следует изучить местные условия, чтобы однажды сбежать.

Провести остаток жизни в клинике с душевнобольными он не собирался. Но словно прочтя его мысли, Александра заперли. Нет, это не была тюремная камера. Его никто не держал на цепи, но покинуть отведенную ему комнату Александр не мог. Мало того что дверь открывалась только снаружи, так еще за ним постоянно следили. Непонятно как, но в этом он был уверен. А самое неприятное, что просто поговорить он мог только с местным персоналом и только о том, о чем они сами желали говорить.

Покончив с едой, Александр отнес тарелки на столик у двери и, вернувшись на кровать, задумчиво уставился в окно. Неожиданно на парня навалилась тоска, и он, сам того не замечая, тихо заплакал. В этот момент ему до зубовного скрежета было жаль своей бестолковой, несчастной жизни. Ведь за свои не полные двадцать лет он ничего толком сделать так и не успел. Да, воевал. Да, служил родине. Но нужна ли его родине была эта служба?

От мрачных мыслей Александра отвлек тихий шелест открывающейся двери. Обернувшись, он увидел врача и медсестру, собиравшую грязную посуду. Увидев слезы на его щеках, врач присел на кровать рядом с парнем и, заглянув ему в глаза, тихо спросил:

— У тебя что-то болит?

– Нет.

– Тогда почему ты плачешь?

– Я хочу домой, доктор, – вздохнув, признался Александр.

– А где твой дом, Саша? – участливо уточнил врач.

– Не знаю. Приют в Сен-Дени, наверное, – пожал Александр плечами.

– И что бы ты стал делать, окажись вдруг там?

– Я сильный, доктор. Могу работать грузчиком. Могу быть слугой. Уж приказы я выполнять умею, – растерянно улыбнулся парень. – Даже могу служить в какой-нибудь охране. Сторожа всегда нужны.

– А потом? – не унимался врач.

– Не знаю. Нашел бы, чем заняться. Мне ведь еще нет и двадцати, доктор. А я ничего в жизни не видел. Только приют и армия.

– Господи, – слышалось от двери, и медсестра, брякнув собранными тарелками, испуганно выскочила в коридор, заметив возмущенный взгляд врача.

– А ты хотел бы иметь свою семью? – вернулся врач к беседе.

– Конечно. Я, правда, не знаю, как это, но очень бы хотел, – с жаром кивнул Александр и тут же скривился. От резкого движения сдавило виски. – Почему меня держат здесь? – решился он на вопрос, переждав приступ тупой боли.

– Понимаешь, Саша, мы не уверены, что тебя безопасно отпускать, – вздохнув, ответил врач. – Ты воевал. Умеешь убивать. И никто не знает, что ты сделаешь, если тебя кто-то обидит. Ты можешь быть опасен и для других, и для себя самого. Так что пока тебе лучше побыть здесь. Так безопаснее и проще оказывать тебе помощь. К тому же нам очень интересно, как так получилось, что парень из двадцатого века вдруг стал носителем знаний солдата из века девятнадцатого.

– Дьявольским наущением или божьим соизволением, – буркнул в ответ Александр, насупившись.

Ему очень не понравилось, что его принимают за ненормального, который способен броситься в драку только за один косой взгляд. Да, он умеет убивать и потому отлично осознает ценность человеческой жизни. Да, бывают моменты, когда, защищая себе или ближнего, приходится пускать кровь напавшему. Но ведь это только защита. А они не верят в его способность держать себя в руках.

– Ну-ну, не стоит так расстраиваться, Саша, – улыбнулся врач, похлопав его по плечу. – Все не так плохо, как тебе кажется. Побудешь немного здесь. Привыкнешь к нашим реалиям, а там, вполне возможно, и отправишься куда сам захочешь. Главное, не запирайся и честно отвечай на все вопросы наших специалистов. Поверь, это очень важно. Ведь кроме тебя, контузии получают и другие солдаты. И ты своим откровением сможешь помочь им.

– Мне нечего скрывать, доктор, – пожал Александр плечами, немного успокоившись.

– Пойдем в мой кабинет и там поговорим, – позвал врач, поднимаясь.

Александр покорно последовал за ним. Войдя в уже знакомый кабинет, он уселся в удобное широкое кресло и, качнувшись из стороны в сторону, не удержавшись, широко улыбнулся.

– Я смотрю, тебе нравится это кресло, – улыбнулся в ответ врач.

– Да, доктор. Оно очень удобное, – смущенно признался Александр.

– Вот и прекрасно. А теперь расскажи мне, как начиналась твоя служба. Только ничего не упускай. Называй все даты, имена, которые помнишь. Это очень важно.

– А разве это не является разглашением военных секретов? – тут же насторожился Александр.

– А разве я у тебя спрашиваю, какую цель вы преследовали в той войне? – моментально нашелся врач. – Разговор идет только о тебе самом. И то, что ты расскажешь, уже никак не сможет повредить твоей родине.

– Да. Вы правы. Я все время забываю, где нахожусь, – грустно вздохнул Александр. От его хорошего настроения не осталось и следа. – Знаете, но у меня все время такое ощущение, что я сплю и вижу сон. И мне все время хочется проснуться, но у меня ничего не получается.

– Понимаю, – кивнул врач, нажимая на какие-то кнопки странного прибора под названием компьютер. – Но чем быстрее ты примешь эту данность, тем легче тебе будет потом. А теперь ответь, пожалуйста, на мой вопрос.

– Хорошо, – обреченно вздохнул Александр и, немного подумав, начал рассказ.

Спустя два часа, когда он уже охрип от разговоров, врач закончил беседу и отвел его обратно в палату. Вернувшись в свой кабинет, он нашел в своем кабинете того самого майора, который говорил с парнем по-французски. Закончив прослушивать запись, офицер задумчиво потер ладонью подбородок и, посмотрев на врача долгим взглядом, тихо сказал, указывая взглядом на монитор:

– Как думаешь, это фантазии или просто бред?

– Для бреда все слишком логично. Понимаешь, любой психически больной человек способен рассуждать вполне здраво и логично, но только с одним условием. В самом начале своего рассуждения он делает бредовое допущение, а потом его развивает. Здесь же этого нет. Он уверенно называет имена и даты. Кстати, это я для тебя материал собирал.

– Знаю. Спасибо. И кстати, – усмехнувшись, поддел его майор. – Я проверил его прошлый рассказ. И знаешь, что выяснил?

– Делись, – потребовал врач, сгорая от любопытства.

– Александр Мерсье действительно существовал, и он погиб во время взрыва порохового склада в форте, построенном на границе пустыни. И многие названные им имена тоже там мелькают. Больше того, даже даты совпадают. Как тебе такое?

– А не мог он каким-то образом все это где-то прочесть? – подумав, спросил врач.

– Исключено, – решительно отрубил офицер. – Даже нам пришлось потратить кучу усилий и резервов, чтобы добыть эту информацию. А откуда у него такие связи?

– Может, какие-нибудь рассекреченные документы? На Западе сейчас модно вскрывать подобные вещи, – не сдавался врач.

– Нет. Это американцы такой ерундой занимаются. Французы старательно делают вид, что в их истории ничего такого не было. А эта история вообще нигде не всплывала. Я проверял.

– Интересно девки пляшут, – растерянно проворчал врач. – Выходит, и вправду переселение душ?

– С этим в церковь, – тут же открестился майор. – Меня он интересуется только как твой пациент. Что там ваши светила пишут о подобных случаях? Было уже такое?

– Было. Но проверить информацию мы не можем. Все данные относятся ко временам мировых войн. Есть много левой информации,

запущенной, чтобы привлечь внимание к собственной персоне. Но ничего конкретного, сплошная болтовня. В основном это попытки сделать себе имя на пустом месте. В общем, работы, похоже, предстоит море.

– Сам это затеял, – беззлобно поддел его офицер.

– Знаю, но похныкать-то можно, – усмехнулся врач.

– Похныкать можно. Но не долго, – ответил майор наставительным тоном. – Что собираешься делать дальше?

– Еще не решил. Смотреть надо. Думать.

– Считаешь, он может быть опасен?

– Вполне возможно. Не забывай, он привык воспринимать законы через призму своего времени. А теперь представь, что будет, если его прижмут в темном переулке какие-нибудь гопники. Да вы сотни складывать устанете. Что ни говори, а парень действительно воевал. Ты сам сказал, что такая личность существовала.

– Думаешь, он настолько крут? – иронично хмыкнул майор.

– Насчет крутизны не скажу, а вот моторика его тела говорит о многом, – злорадно усмехнулся врач. – А еще ты забываешь, что прежний владелец этого тела тоже не рохлей был. Выжил в приюте. В роте считался одним из самых опытных бойцов. В общем, тот еще подарочек.

– А вот это идея, – неожиданно улыбнулся майор. – Как долго он еще будет головными болями маяться?

– Трудно сказать. Ты чего задумал? – насторожился врач.

– Хочу провести с ним небольшой спарринг. Посмотрим, чему их там учили в белых кепках, и так ли ты прав, опасаясь массовых побоищ.

– А надо ли? – с сомнением протянул врач. – Вдруг сорвется?

– Не страшно. Оденешь в халатик с длинными рукавами, и все дела, – отмахнулся майор. – Должны же мы понимать, врет он, или это действительно сознание иностранного солдата в чужом теле. Ты хоть представляешь, что будет, если мы сумеем понять механику этого дела?

– Твою мать! – схватился врач за голову.

Сделав пятидесятое отжимание, Сашка одним прыжком поднялся на ноги и, глубоко вздохнув, утер выступивший пот со лба тыльной стороной ладони. Тело медленно, но верно приходило в норму. А вот с головой то и дело возникали проблемы. Резкие головные боли выводили его из строя на пару дней. После приступа он даже шевелился словно со скрипом, а в голове то и дело вспыхивали разноцветные звездочки. Любое, даже самое плавное движение вызывало гул и звон в ушах. А самое неприятное, что начинались они резко, без всяких предпосылок. Достаточно было одного громкого звука или нервной обстановки.

Хотя в данной ситуации нервной она была для парня постоянной. В такие моменты с ним мог бы справиться даже ребенок. Но в нормальном состоянии Сашка уже представлял собой серьезную боевую единицу, хотя продолжал тщательно это скрывать. От всех подозрений со стороны врача и соседа по палатке его спас очередной приступ. Отойдя за лагерь, Сашка попытался проделать хоть один комплекс упражнений и, свалившись, пролежал под глиняным забором до самого вечера.

Провалившись в постели после приступа почти неделю, первое, что он увидел, была удивленно-задумчивая физиономия Жака. Увидев, что парень очнулся, однорукий прохиндей оживился и попытался завязать разговор, но Сашка только отмахнулся от него, словно от мухи. Ему было не до разговоров. Требовалось срочно осознать все произошедшее. А главное, найти выход из ситуации. Жить и постоянно бояться, что в любой момент можешь свалиться с ног, не самая приятная перспектива.

Погрузившись в собственные размышления, Сашка не заметил, как Жак выскользнул из палатки. Вызванный им врач провел быстрый осмотр парня и, убедившись, что помирать Сашка не собирается, принялся ему выговаривать за чрезмерные перегрузки. Быстренько скроив покаянную морду, Сашка смущенно развел руками, пояснив, что просто хотел прогуляться и побыть один. Ведь ему еще предстоит

решить, чем заниматься дальше. А для этого нужно вспомнить хоть что-то.

Понимающе покивав, врач заверил его, что приятель, к которому он хочет Сашку отправить, обязательно решит эти проблемы. Вежливо поблагодарив его, парень про себя хмыкнул: «Угу, свежо питание, да серится с трудом. Так он и станет заморачиваться с моими трудностями. Запрет в камере, и будешь до конца жизни на луну выть. Нет уж, дружок. Ты меня главное отсюда выпиши и к пароходу с обозом отправь, а дальше я и сам как-нибудь управлюсь. Но перед этим надо до кладбища добраться. Деньги мне теперь очень даже нужны будут».

Врач ушел, а Жак, словно прочтя его мысли, подсел на кровать и, понизив голос до шепота, спросил:

– Ты и вправду собираешься ехать к тому психиатру?

– А что? Ты что-то знаешь? – насторожился Сашка.

– Я только догадываюсь, но ты не ответил, что собираешься делать?

– А ты хочешь что-то предложить? – ответил Сашка, внутренне злорадно усмехаясь. Вести разговор в таком ключе он мог часами. Приютская школа это вам не фунт изюму.

– Ох, и трудно же с тобой, – скривился Жак. – В общем, ходят слухи, что этот его приятель та еще скотина. Запирает всех в своей клинике и ставит на людях всякие научные опыты. В общем, я вот что думаю. Нам с тобой нужно вместе держаться. Я тут поговорил кое с кем, так парни считают, что на первое время тебе денег должно хватить. У меня тоже кое-какой запас есть. Правда, не здесь. В полку припрятал.

– Я тоже припрятал, – вздохнул Сашка. – Вот только никак не могу вспомнить, где именно, – закончил он, подпустив в голос слезу.

– Да как же так?! – возмущению Жака не было предела.

– А то ты не знаешь, что со мной было, – огрызнулся Сашка. – Думаешь, я к стене погулять ходил? Я вспомнить пытался, куда деньги дел.

– И как? – жадно спросил Жак.

– А тебе не видно? – фыркнул парень. – Напрягался так, что чуть последние мозги из ушей не полезли. И все впустую. А потом вообще сознание потерял, хотя и специально в тени сидел.

– Это плохо, приятель, – мрачно вздохнул Жак. – Это очень плохо.

– А тебе-то что за печаль? – не удержавшись, спросил прямо Сашка. – Насколько мне известно, у тебя все дома в порядке. Во всяком случае, есть куда вернуться.

– В деревню? Ты смеешься? – возмутился Жак. – Да я там с тоски через неделю взвою. Да и какой из меня теперь работник, с одной рукой.

– Ну, тебе теперь пенсия положена, как герою войны, – пожал Сашка плечами. – Это вот со мной все гораздо сложнее. Руки-ноги на месте, значит, могу сам себя обеспечить. А то, что голова болит, так это не важно. И попробуй докажи нашим бюрократам, что без головы никакие руки не помогут.

– Что, могут и отказать? – насторожился Жак.

– Они все могут. Главное, причину найти, – вздохнул парень.

– Странно, ты рассказывал, что приютский, а говоришь так, словно Сорбонну закончил, – вдруг проворчал Жак, задумчиво поглядывая на него.

– Наш кюре все время повторял, что если мы хотим чего-то в жизни добиться, то должны много знать и уметь. А чтобы знать, нужно читать книги.

– И что? – не понял Жак.

– Вот и подсовывал нам книжки всякие, а потом еще и проверял, как прочел. Вопросы всякие задавал. В основном, конечно, религиозные, но и другие тоже бывали. Большого ума человек был, – вздохнул Сашка, краем глаза наблюдая за собеседником.

– А почему был? – тут же последовал вопрос.

– Он уже тогда старенький был. Помер уже, наверно.

– А ты ему писал?

– Зачем? – откровенно удивился Сашка.

– Ну, получать письма всегда приятно. Я даже папаше своему, будь он неладен, и то писал. Лишь бы ответ получить. Все легче, когда знаешь, что ты не один на свете, – усмехнулся Жак и тут же поперхнулся, сообразив, что только что ляпнул. – Извини. Не хотел тебя задеть.

– Ничего. Мне все равно тебя не понять, – отмахнулся Сашка. – Ладно. Ты ступай пока, а я посплю немного. Может, полегчает.

– Ага, давай. На ужин я тебя разбужу, – закивал Жак и, подхватившись, унесся из палатки.

«Похоже, побежал доктору стучать, – подумал Сашка, глядя ему вслед. – И в напарники ты меня не так просто зовешь. Вон как огорчился, когда услышал, что я забыл, где деньги лежат. Нет, приятель. Нам не по пути».

С этого дня Сашка, делая вид, что все время думает о своем прошлом, начал все больше отдаляться от однорукого пройдохи. Терпеть рядом стукача ему совсем не хотелось. Значит, ему еще предстояло найти способ избавиться от этого попутчика. Но до метрополии сделать это будет проблематично. А вот когда они пройдут все надлежащие бюрократические процедуры и станут полноправными гражданами республики, возможны всякие варианты. Вплоть до летального исхода.

К удивлению Сашки, мысль об убийстве бывшего сослуживца его не корбила. В сложившейся ситуации это был, прежде всего, враг. Просто потому, что он мог помешать его планам. В том, что из Европы нужно убираться, парень даже не сомневался. Здесь он будет контуженым инвалидом, от которого непонятно чего ожидать, а там просто эксцентричным иностранцем, которого и пожалеть не грех. Махнут рукой вслед и дальше по своим делам пойдут.

Отлежавшись после того приступа, Сашка с упрямством обреченного принялся приводить свое тело в порядок. Очень скоро в глазах перестало темнеть от малейшей физической нагрузки, и мышцы стали наливаться силой и приобретать внушительный объем. Костяк ему достался крепкий. Осталось только с толком мяса нарастить. Припоминая все, что успел выучить у дяди Сени по поводу тренировок, он регулярно уходил подальше от людских глаз и тренировался. До седьмого пота, до зеленых чертей в глазах, но делая все, чтобы привести себя в порядок.

Эта фанатичность была не приобретенной. Сашка с самого детства терпеть не мог чувствовать себя слабым. Потому и дрался со всеми подряд. Даже с теми, кто был гораздо старше и сильнее. А в драке не признавал никаких правил. Полез – получи. Оскорбил – отвечай. Эти нехитрые принципы Сашка вывел для себя сам и старался придерживаться всю сознательную жизнь. Не лезь первым, но отвечай так, чтоб на всю жизнь запомнили. Жак несколько раз

пытался увязаться за ним, но парень резко осаживал его, отвечая, что однорукий будет отвлекать его своими разговорами.

Врач, заметивший внешние изменения в парне, принялся задавать ему вопросы, на что Сашка, уже успевший продумать линию поведения, решительно заявил, что в прежнем виде просто не перенес бы дорогу до метрополии. Да и думается ему гораздо легче, когда тело занято чем-то. Врач, удивленно хмыкнув, несколько минут задумчиво расхаживал по палатке, еле слышно бурча себе под нос:

– Возможно, возможно. Привычка к действию, выработанная службой.

– Вот-вот, мсье, – тут же поддакнул Сашка. – Я ж из приюта сразу в армию, а тут без дела сидеть нельзя. А пока приказ выполняешь, голова о чем только ни подумает.

– Это да, – неожиданно поддержал его Жак. – Руками дерьмо выгребашь, а в мечтах на Монмартре кофе пьешь с круассанами.

– Ну, хорошо, – приняв решение, решительно заявил врач. – Я считаю, что ты, Александр, прав. Крепкое тело тебе действительно потребуется. Впереди долгая дорога, а тебе еще нужно найти себе достойное занятие. Только постарайся не попадаться на глаза полковнику. Иначе плакало твое увольнение. И плевать ему на твои приступы и больную голову.

– А когда нас отправят отсюда? – осторожно поинтересовался парень.

– Думаю, через две недели. Обоз уже начали формировать. Твои документы готовы. Письмо своему другу я написал. Так что, как только закончат с формированием, будет объявлен выезд.

– Мсье, а можно узнать, где остались мои вещи? Главное, мой ранец, – задал Сашка следующий вопрос.

– За это не беспокойся, – махнул врач рукой. – Его привезли вместе с тобой. Там все кровью залито, так что никто к нему и не прикасался. Можешь забрать прямо сейчас.

– Это было бы просто замечательно, мсье, – радостно закивал парень. – Мне ведь еще предстоит с тыловыми службами бодаться за полученное обмундирование. А ранец едва ли самая его дорогая часть.

– Я прикажу, чтобы тебе выдали все, что с тебя сняли, – понимающе усмехнулся врач. – Можешь забрать и потихоньку приводить в порядок.

– Большое спасибо, мсье, – Сашка постарался вложить в голос как можно больше сердечности.

– Впрочем, не думаю, что есть смысл терять время. Пойдем. Я сам тебя провожу, – окончательно растаяв, явил врач очередную милость. – И ты, Жак, тоже за нами ступай. Думаю, Александр не откажет тебе в помощи. Надоело видеть ваш затрапезный вид.

– Конечно, мсье, – поспешил заверить его Сашка.

Они добрели до складской палатки, и пожилой фельдфебель, получив прямое указание, с едва слышным ворчанием принялся рыться в залежах различного барахла. Сашка, незаметно проскользнув следом за ним, уже через минуту заметил свой ранец и, выдернув его из кучи, просто ткнул пальцем в именную табличку из куса светлой кожи, пришитую к клапану. Потом нашлась и его форма.

Мрачно оглядев эти руины, Сашка вздохнул и, мысленно скривившись, проворчал про себя: «М-да, одной стиркой тут не обойтись. Придется швеей поработать».

Мундир мало того что был вымазан рыжей пустынной пылью, так еще и зиял кучей прорех. С сапогами все оказалось гораздо лучше. Их требовалось только как следует почистить и размять. Хранить обувь правильно здесь никто и не собирался. Жак получил свои вещи, и сослуживцы поплелись обратно. Следующие три дня были заняты заботами о внешнем виде. Пожаловавший с очередной инспекцией полковник Жофрей, увидев их с формой в руках, было обрадовался, но услышав, что это готовящиеся к отправке списанные инвалиды, мрачно сплюнул.

Единственное, что спасло доктора от разноса, это его ответ, что отправлять в метрополию калечных оборванцев, значит, опозорить армию, немного успокоил полковника. С этого дня Сашка стал считать дни до отправления сначала в полк, а потом и в порт. К его удивлению, в полк их отправили уже через пять дней. Как оказалось, на этом настоял Мясник Жофрей, которому надоело путаться в списанных и выздоравливающих солдатах.

Там, поселившись в пустующей казарме, они провели остаток времени до отправки в порт, заодно и не спеша оформив все бумаги на увольнение. Успел Сашка сбегать и к своему тайнику. Там нашелся крепкий кожаный мешочек, в котором парень обнаружил полторы сотни серебряных динаров, два золотых и горсточку медных дирхемов.

Там же нашелся и кинжал, снятый им с помощника эмира. Изогнутый клинок дамасской стали напоминал клык зверя и имел полуторную заточку.

К нему были и роскошные серебряные ножны, украшенные перламутром и янтарем. Настоящее произведение искусства. Спрятав свои богатства на дне ранца, Сашка уложил полученные документы в шелковый мешочек, который повесил себе на шею. Теперь отнять их у него можно было только с головой. А еще через неделю, как врач и обещал, их обоз отправился в порт.

* * *

Александр не спеша поднялся с кровати и, пройдясь по комнате, направился к окну. Глядя в вечернее небо, он в очередной раз задался ставшим уже привычным вопросом: как это могло случиться? Едва его тело немного восстановилось, как он потребовал проводить его в церковь. Будучи воспитанным в католических правилах, он считал своим долгом возблагодарить Господа за спасение своей жизни.

Занимавшийся его лечением доктор, услышав это требование, за голову схватился. Мало того что этому странному парню нужна церковь, так ему еще и католическую подавай. В очередной раз связавшись с куратором, он поведал майору о возникшей проблеме. Внимательно его выслушав, майор удивленно хмыкнул и, подумав, пообещал решить вопрос. И вот теперь, сидя в кабинете врача, он отслеживал перемещения странного пациента, настороженно барабанил пальцами по столешнице.

Будучи человеком сугубо прагматичным, майор в мистику не верил, а то, что случилось с этим парнем, воспринимал как странный казус. Если не сказать грубее. Однако отказать ему в серьезной правдоподобности он тоже не мог. Как ни крути, а говорил парень именно на том языке, которым пользовались во Франции в конце позапрошлого века. Даже словесные обороты совпадали. И заявить, что парень прикидывается, майор не мог. Уж больно все соответствовало рассказанному.

Ведь в предоставленных ему документах, имевших гриф секретности, имя Александра Мерсье действительно фигурировало. И

было ясно указано, что погиб он при взрыве порохового склада, как и весь его взвод. Возникает вопрос: откуда приютский сирота, всю сознательную жизнь учивший кое-как немецкий язык, вдруг выучил французский и узнал о существовании такого незначительного персонажа?

И ведь какое странное совпадение. Тот Александр – и этот Александр. Тот сирота. И этот приютский. Тот погиб, отбивая атаку, и этого накрыло в бою. Вот и не верь после этого в потусторонние силы. Верь он в мистику, решил бы, что между этими двумя есть какая-то связь. Майор в очередной раз задумчиво хмыкнул и, вздохнув, отключил монитор. Поднявшись из-за стола, он вышел в коридор и, увидев врача, жестом указал ему на дверь кабинета.

– Как думаешь, он может симулировать все это? – спросил майор, едва врач вошел.

– Ты ему кюре нашел? – спросил врач вместо ответа.

– Решил веру сменить? – усмехнулся майор. – Чего это ты вопросом на вопрос отвечаешь?

– А самому подумать? – вяло огрызнулся уставший врач. – Ты же все эти премудрости религиозные лучше любого попа знаешь. Вот и посмотри, как он на службе стоять будет. Или как там оно у них называется.

– Логично, – подумав, кивнул майор. – Не зная канонов, легко проколоться. Ладно. Завтра будет ему кюре.

– Из ваших? – криво усмехнулся врач.

– Зачем? Настоящий, – пожал майор плечами. – Со всем атрибутами. Если уж играть в эту игру, то по всем правилам. Но ты на мой вопрос не ответил.

– Понимаешь, я бы мог сказать, что он изображает амнезию, если бы он с самого начала начал изображать потерю памяти. Но он этого не делает. Парень и вправду многого не знает. Вспомни, как он оглаживал пальцами кювету из обычной нержавеющей стали и все восторгался точностью литья. Это не сыграешь.

– Похоже. Похоже, – задумчиво протянул майор. – У меня в голове не укладывается, как такое может быть. И вообще, я пока не понимаю, под каким соусом все это подавать начальству. Нужно хоть как-то это все обосновать. И тут тебе и карты в руки.

– Издеваешься? – возмутился врач. – Да я и понятия не имею, как все это обосновать. Механики подобного нет ни в одном учебнике. Психиатрия, это тебе не баллистика. Тут формулами ничего не выяснишь.

– И что ты предлагаешь? – хмыкнул майор. – Просто списать его и отправить в ближайшую психушку?

– Шаз-з, – огрызнулся врач. – И отдать такой экземпляр в чужие руки? Это же готовая докторская. Изучать его стану.

– Сам?

– Ну, ты же помогать не хочешь.

– Врешь. Я не говорил, что не хочу. Я сказал, что для такого дела мне нужно толковое обоснование, – отрезал офицер.

– А того, что ты уже имеешь, тебе мало? – возмутился врач. – Ну, сам вспомни. Язык. Манера говорить. Знание фактов, о которых большая часть жителей страны даже не слышала. Точное описание мест и предметов того времени. Мало?

– Это все, конечно, интересно, но мало, – развел майор руками. – Понимаешь, я должен выложить начальству такие аргументы, которые заставят его не просто отдать парня нам, а дадут разрешение на полное его изучение. Полное. Понимаешь?

– Что ты имеешь в виду? – насторожился врач.

– То, что сказал, – пожал майор плечами.

– И что делать? – помолчав, уточнил врач.

– Собирай материал. Фиксируй его реакции на все новое. Говори с ним. Уточняй каждую мелочь. В конце концов, бабу ему найди.

– Зачем? – не понял врач, погрузившись в размышления.

– Ты издеваешься? – фыркнул майор.

– А, ну да, – сообразил врач. – И что? Все это снимать?

– Обязательно, – кивнул майор. – Кстати. Он у тебя что-то еще кроме похода в церковь просил? Ну там, книги, вещи, еще что-то?

– Ничего такого, – качнул врач головой.

– А почему?

– Не знаю. Да и не до него мне особо. Сам знаешь, госпиталь забит. Работы выше головы. А тут еще его приходится в отдельном боксе держать.

– Понимаю, но избавляться от него ты сам не желаешь, – поддел майор собеседника.

– Я хочу, чтобы твоя служба как следует разобралась с этим случаем. Сам понимаешь, случай уникальный. Одно совершенное владение языком, которого он никогда не учил, чего стоит.

– Тут согласен, – нехотя кивнул майор. – Ладно. Занимайся своими делами, а я пойду, попробую с ним побеседовать, – закруглил он разговор, поднимаясь.

Быстро пройдя длинными коридорами до нужного бокса, майор вежливо постучал в дверь и, приложив к считывателю личную карту, повернул ручку.

– Добрый день, Александр, – поздоровался он, остановившись на пороге.

– Добрый день, мсье, – улыбнулся парень одними губами.

– Как себя чувствуешь?

– Неплохо. Мсье, я просил отвести меня в церковь, но до сих пор не получил ответа на свою просьбу, – взволнованно высказался Александр.

– Не беспокойся. Этот вопрос решается. Просто все дело в том, что ты находишься в православной стране. Католические храмы у нас есть, но ты не простой человек, и мы должны быть уверены, что твое появление там не вызовет ненужных кривотолков.

– Не понимаю, о чем вы, мсье, – растерялся парень.

– Я попробую объяснить, – успокоил его майор. – Понимаешь, ты сам сказал, что оказался в этом мире случайно. Как это случилось, вопрос второй, и решать его будем не мы и не здесь. Но твоя реакция на то, что ты увидишь за стенами госпиталя, сразу выдаст тебя с головой и привлечет внимание. Ты же не хочешь, чтобы тебе начали задавать ненужные вопросы. К тому же у тебя нет на них прямых ответов. Или есть? – тут майор вонзил в парня настороженный, жесткий взгляд.

– Увы, мсье, – спокойно выдержав этот взгляд, качнул парень головой. – Я и сам ничего не понимаю. Если моя душа оказалась здесь, то куда делась душа моего предшественника? И почему я имею возможность пользоваться его знанием вашего языка? Ведь в той жизни я никогда не знал русского и даже русских не видел.

– Хороший вопрос, – одобрительно кивнул майор. – Очень хороший. Ты оказался здесь. А он? Там? В твоём теле? Или просто

погиб? Тогда как случилось, что твоя душа получила это тело через сто лет?

– Я не знаю, мсье, – растерянно вздохнул Александр. – Я потому и просил отвести меня в церковь. Может быть, молитва заблудшего будет услышана, и Господь решит вернуть все назад. Я не хочу жить в вашем мире.

– Почему? – тут же последовал вопрос. – Он тебе не нравится?

– Он пугает меня, – честно признался парень. – Но еще больше меня пугает то, что случилось. Я не понимаю, как реагировать. Не знаю, что мне делать.

– А чем ты бы вообще хотел заниматься? – неожиданно спросил майор.

– До службы я мечтал быть механиком, – грустно улыбнулся парень.

– Но ведь тебя пугает наша техника, – удивился майор.

– Она другая, – смущенно пояснил Александр. – Наша техника гораздо проще, а главное, привычнее. Скажите, мсье. Я вообще смогу выйти отсюда? – вдруг задал он прямой вопрос.

– Сложно сказать, приятель, – вздохнул майор, пряча глаза. – Ты задал нам такую задачку, что я уже ни в чем не уверен.

– Если бы это зависело от меня, – махнул парень рукой.

– Понимаю. Но и ты нас пойми. Представь. Служит в армии простой паренек, который ничем особо не выделяется. Кстати, тоже, как и ты, сирота. И вот однажды он, как и ты, вдруг попадает под взрыв. Ты попал под взрыв склада, а он под взрыв гранаты. И вдруг, очнувшись, он начинает говорить на языке, которого никогда не знал, и называет такие факты, о которых никогда не слышал. И как мы должны это воспринимать? Что мы должны думать?

– Действительно, странная ситуация, – растерянно усмехнулся Александр. – Кажется, в шахматах есть название, когда две фигуры меняются местами.

– Рокировка, – кивнул майор. – Меняют короля и ладью. Умеешь играть в шахматы?

– Слабо, – смутился парень. – В Африке начал играть. Там иногда бывают моменты, когда заняться нечем, а из развлечений только шахматы и местная игра, нарды.

– А ведь твой термин очень даже подходит к твоей ситуации, – подумав, улыбнулся майор. – Знать бы точно, что наш парень оказался в твоём теле, и тогда все было бы гораздо интереснее.

– Чем же, мсье? – не понял Александр.

– Тогда мы могли бы точно установить все критерии такой рокировки. Время, сила взрыва, расстояние. В общем, много чего. Но как рабочее название вполне сойдётся.

– Для чего именно, мсье? – заинтересовался парень.

– Не важно, – отмахнулся майор. – Главное, ты держи себя в руках и помни, мы постараемся сделать все, чтобы разобраться с этой ситуацией.

– Думаете, у вас получится вернуть меня обратно? – удивился Александр, явно не веря в подобное.

– Об этом я даже не думал, – честно признался офицер. – Но подготовить тебя к жизни в наших реалиях должно получиться.

– А зачем? – неожиданно спросил парень, грустно улыбаясь.

– Ну, приятель, ты же верующий, – развел майор руками. – Господь дал тебе жизнь, и значит, ты должен ее прожить от начала и до конца. Ровно столько, сколько он тебе отпустил. Или я в чем-то ошибаюсь?

– На первый взгляд, вы правы, мсье. Но откуда вы можете знать, что вся эта ситуация создана именно Всевышним, а не его антиподом? – иронично хмыкнул Александр, повергая офицера в некоторое замешательство.

* * *

То, что в полку гордо именовали портом, оказалось кучкой деревянных пристаней, к которым с грехом пополам приставали самые разные суда. Сашка, выбравшись из повозки, сумел рассмотреть с десяток самых разнокалиберных судов, суденышек и просто скорлупок. С первого взгляда было ясно, что этим пользуются местные рыбаки. Чуть дальше по пирсу, где глубина была побольше, стоял пришвартованный пароход. На фоне всего остального он казался вершиной технологичности.

Хмыкнув про себя, Сашка закинул ранец на плечи и решительно зашагал к трапу. Возницы, дождавшись, когда местные кули освободят пирс, направили свои фургоны следом. Увидев у трапа дежурного капрала, Сашка поправил кепи и, подойдя, отдал ему честь.

– Приказано передать капитану корабля, – пояснил он, протягивая капралу документы.

– Ты командуешь сопровождением? – уточнил капрал, забирая бумаги.

– Нет, мсье. Мне было приказано только передать документы. Я больше не на службе. Списан после тяжелой контузии, – вздохнул парень.

– погоди. Это ты тот выживший в форте после взрыва порохового склада? – оживился капрал.

– Так точно, мсье.

– Да уж. Повезло тебе, парень, – покачал капрал головой. – Ладно. Поднимайся на борт. С тобой есть еще кто-то?

– Да. В фургоне однорукий инвалид. Зовут Жак. Болтун каких мало, так что вы ему особо воли не давайте, – посоветовал Сашка, мстительно усмехаясь про себя.

– Не волнуйся, – понимающе усмехнулся капрал. – Нам тут не до разговоров. Нужно быстро перегрузить то, что вы привезли, и отправить это корыто в путь.

– Не очень-то вы ласково об этом красавце, – усмехнулся Сашка, вставая на трап.

– Это здесь он красавец, а в метрополии старое корыто, – отмахнулся капрал. – Всё, приятель. Ступай. Нужно делом заняться.

– Так точно, мсье, – кивнул Сашка и поспешил на борт.

Встретивший его боцман даже не стал смотреть его бумаги, отмахнувшись, он с ходу заявил, что раз уж капрал у трапа пропустил, то и говорить не о чем. И что все пассажиры могут устраиваться там, где сами найдут. И что у них не пассажирский корабль, а обычный трудяга сухогруз. Не ожидавший такого захода Сашка даже растерялся. Но все оказалось не так плохо. На палубе, у ходовой рубки, был натянут тент, под которым матросы бросили несколько пробковых матрацев.

Выбрав самый на вид чистый, Сашка уселся и первым делом стянул сапоги. Достав из ранца купленные на рынке чуваки, он стянул

с себя куртку и, с облегчением переведя дух, проворчал, глядя на подходящего Жака:

– Устраивайся, старина. И снимай сапоги. Думал, пока доедем, сварюсь в этом мундире.

– Да уж, жарко сегодня, – кивнул Жак, отдуваясь. – Ты не узнавал, когда тут обед?

– Не до того было. Да и чего лишние вопросы задавать? Позовут, когда время придет, – отмахнулся Сашка, поудобнее устраиваясь на матраце.

– Ты никак опять спать собрался, – удивился Жак.

– А что еще делать? – не понял Сашка. – Впрочем, можешь вспомнить несколько строевых приемов, если хочешь.

– Пожалуй, ты прав, – фыркнув, словно простуженная лошадь, усмехнулся Жак и так же растянулся на своем матраце.

Спустя пару минут Сашка действительно уснул и неожиданно для себя увидел странный сон. Он шел по тому самому кладбищу, где хранил свои невеликие богатства, но в этот раз, вместо редких посетителей, там были только вороны. Неожиданно за спиной парня послышался тихий шорох, и он, оглянувшись, увидел фигуру старика, сидящего на камне. В руке старик сжимал короткий посох. Все остальное было невозможно рассмотреть. Черный шелковый плащ укутывал его фигуру, а голову и лицо закрывала шелковая же куфия.

– Здравствуй, Искандер, – прошелестел старик еле слышно.

– Здравствуйте, мастер, – запинаясь, ответил Сашка, одновременно теряясь в догадках и понимая, что откуда-то знает этого старика.

– Ты растерян. Что с тобой случилось? – последовал вопрос.

– Меня сильно контузило, и я почти ничего не помню, – выдал Сашка уже ставшую привычной версию.

– Это правда. Но не вся, – помолчав, ответил старик. – Есть еще что-то.

«Была не была», – подумал парень и, решив рискнуть, признался:

– Мое сознание, мой дух, не знаю, как назвать это правильно, не из этого времени. Это не мое тело.

– Да. Вижу. Но ты все еще помнишь то, чему я тебя учил. Я вижу, как ты движешься.

– Я учился у вас? Чему? – не удержавшись, спросил парень. – Поймите, мастер. Я ничего не помню. Скажите. Для меня это важно.

– Возьми, – скомандовал старик, протягивая ему посох вместо ответа. – Начни танец, которому учился.

Не понимая, что все это значит, Сашка покорно взял протянутый посох и, перехватив его, словно оружие, растерянно покосился на старика.

– Не думай. Делай, – прозвучал приказ, и тело парня начало двигаться.

Высушенный до звона деревянный посох со свистом рассекал воздух, а в голове Сашки вдруг зазвучал странный мотив. Что это за музыка, он даже не пытался угадать. Не до того было. Его сознание словно отключилось, наблюдая за телом со стороны. Сколько это продлилось, Сашка не знал, но вдруг музыка оборвалась, и он замер в странной позе, с вытянутым в сторону посохом в руке.

– Ты помнишь, – прозвучал удовлетворенный голос. – Повторяй этот танец каждый день, и придет время, когда ты сам все вспомнишь.

Сашка протянул посох старику и вдруг понял, что его фигура медленно растворяется в воздухе.

– Помни, – снова зазвучал голос старика. – Ученик ученика сможет победить ученика мастера только в том случае, если Всевышний одарит его огромным талантом, и он сможет заставить себя отдать искусству всю свою жизнь.

– Как вас зовут, мастер? – успел спросить Сашка до того, как фигура старика бесследно исчезла.

– У безликого нет имени, – прошелестело в ответ, и все пропало, словно никогда и не было.

Вскрикнув, Сашка резко сел, оглядываясь вокруг и пытаясь понять, где он и что происходит. Льняная рубашка, в которой он уснул, была мокрой насквозь, словно его водой из ведра окатили. Утирая с лица крупные капли пота, парень краем сознания отметил, как дрожат пальцы.

– Что, приятель, кошмар приснился? – сочувственно уточнил Жак, не сводя с него внимательного, настороженного взгляда.

– Я что-то говорил? – повернулся парень к нему.

– Нет. Только стонал и задыхался, – мотнул Жак головой с таким видом, словно был обманут в лучших мечтах.

– Мог бы и разбудить, – вяло упрекнул его Сашка. – Видишь же, что плохо.

– Угу, и получить по морде? – иронично фыркнул Жак. – Я еще не забыл, как ты в бреду руками махал. Нет уж. Ты сам как-нибудь.

Их разговор прервал вахтенный матрос, появившийся из-за кучи каких-то ящиков, уложенных стопами на палубе.

– Поднимайте свои задницы и идите за мной. Кок сказал, что не станет ждать весь вечер.

Подхватившись, оба инвалида поспешили на камбуз. Получив по миске какой-то каши, куску хлеба и кружке с бурдой, случайно называемой кофе, они устроились у борта и принялись жевать.

– И эти помои они называют едой? – возмутился Жак, прожевав первую ложку каши.

– Не бухти, – отмахнулся Сашка. – Думай об этом, как о топливе для своего тела.

– Удивляюсь я тебе. Вот так легко относиться к таким вещам... – Жак возмущенно покрутил головой.

– А чего шуметь попусту? Ну сам подумай, это что-то изменит? Нет. Ну и чего тогда воздух сотрясать?

– Как ты сказал? Воздух сотрясать? – удивленно переспросил Жак. – Странное выражение. Никогда не слышал.

– Кажется, так наш капрал говорил, – состроив задумчивую физиономию, вздохнул Сашка, проклиная свой длинный язык. – Проклятье! Ничего не помню.

– Лучше вспомни, куда деньги сунул, – ворчливо посоветовал Жак.

– Какой теперь смысл? – пожал Сашка плечами. – Даже если вспомню, не плыть же за ними обратно.

– Почему бы и нет? Особенно если там есть, за чем плыть, – тут же отозвался однорукий. – Сколько там было, помнишь?

– Издеваешься? – возмутился Сашка. – Я имя свое с трудом вспомнил, а ты «сколько было».

– Ну хоть примерно, – не унимался Жак.

– Нет. Ты действительно издеваешься, – прошипел Сашка, начиная злиться. – Ну сам подумай, откуда у простого солдата могут быть серьезные деньги?

– Говорили, что ваш взвод резался с туарегами чаще других. Так что, думаю, тебе было что прятать, – не сдавался однорукий.

– И много ты видел у них серебра или золота? – рассмеялся Сашка. – Их богатство это верблюды. Чем больше стадо, тем туарег богаче. А из металлов они больше всего ценят не золото, а сталь. И больше всего дамасскую.

– А что тебе приснилось, что ты так стонал? – неожиданно сменил тему Жак.

– Взрыв склада, – скривился Сашка.

– М-да, понимаю, – кивнул Жак, покосившись на свой пустой рукав. – Мне иногда тоже моя рука снится.

Поев, они отдали свои миски помощнику кока и отправились обратно к своим матрацам. Жара начала спадать, дышать стало легче, но говорить не хотелось. Во всяком случае, Сашке. Так что, снова улегшись, он заложил руки за голову и принялся вспоминать свой сон. Станный, пугающий, но такой реалистичный. А самое главное, последние слова того старика. У безликого нет имени.

«Кто такие эти безликие и почему он называл меня учеником? – думал парень, прокручивая в памяти свой сон буквально покадрово. – Вот блин! Мне только мистики не хватало для полного счастья. А что если попробовать повторить то упражнение с посохом? Или посох имитирует оружие? Тогда какое именно? Хотя чего я гадаю? На Востоке пользуются саблями так, что применять эти движения, держа в руках шпагу, было бы глупо. Так, минутку. Это что же, я теперь еще и всяким холодняком владею? А ведь владею. Если вспомнить, как моя тушка кинжалами орудовала. Ага. Так, Санек. Не торопись. Ты в армии только толково стрелять научился и малость пользоваться тем, что обычному солдату положено. А здесь ты орудовал кинжалами и даже не морщился. Выходит, этот парнишка умудрился напроситься в ученики к какому-то мастеру и сумел выжить, благодаря его урокам. Нет. Так дело не пойдет. Надо пробовать», – с этой мыслью Сашка поднялся и принялся шарить среди груза на палубе, подбирая подходящую палку.

Наткнувшись на боцмана, парень коротко объяснил ему свои затруднения, мотивируя все тем, что потерял память. Задумчиво хмыкнув, боцман, мужчина лет пятидесяти, крепкий, как гриб боровик, задумчиво побарабанил пальцами по ящику, на который

опирался, и, кивнув, велел парню следовать за ним. Легко сбежав по трапу на нижнюю палубу, он привел Сашку в какой-то закуток и, отперев низкую дверцу, скрылся в подсобке. Погремев там чем-то, он спустя минуту вынырнул обратно и, протянув Сашке обрезок рукоятки от швабры, проворчал:

– Пользуйся. Только не вздумай выкинуть.

– Не беспокойтесь, мсье. Мне главное понять, что я забыл, а что еще помню, – заверил его парень.

Поднявшись на палубу, он прошел на нос, где приметил подходящую по размеру площадку, и, пару раз провернув в руке палку, замер. Спустя несколько секунд в голове его снова зазвучал все тот же мотив, и парень начал двигаться. Очень скоро он понял, что в точности повторяет те движения, что выполнял во сне. Доведя свой танец до конца, Сашка замер в той же позе и, сделав глубокий вздох, очнулся.

– Ну ты даешь! – послышался восхищенный возглас.

Жак наблюдал за ним из-за кучи ящиков.

– Что это было?

– Специальные движения для тех, кто владеет саблей. Во всяком случае, нам это так объясняли, – пожал Сашка плечами и не спеша отправился к своему матрацу.

* * *

Неприятный звук прервал бесконечное сидение в одной и той же позе, и два молодых помощника принялись отдирать от тела Александра липкие кругляшки, от которых отходили какие-то длинные шнурки, связывавшие его с непонятным ящиком, который и издавал тот самый звук. С облегчением вздохнув, парень поднялся и длинно, от души потянулся, вскидывая руки над головой. Молодое, сильное тело взяло свое, и теперь Александр чувствовал себя почти так же, как до контузии.

Только с головой все еще было сложно. Он никак не мог сопоставить свое нечаянное спасение и жизнь в новом теле. Но самое главное, у него никак не получалось научиться принимать новую действительность такой, какая она есть. Без вмешательства высших или низших сил. Впрочем, у его неожиданно проявившейся

набожности были весьма веские причины. Однажды, увидев по телевизору одно шоу, он покраснел, словно девица, и поспешил ретироваться из комнаты.

Потом, в разговоре коснувшись этой темы, он долго плевался, удивляясь распушенности современных нравов. Да, в его время тоже было не все так благостно, но люди не стремились так явно выставлять свои пороки напоказ. Именно это обстоятельство больше всего выводило парня из себя. Но при этом именно телевизор помогал ему наиболее быстро начать воспринимать многие понятия современности. Правда, после каждого просмотра телевизора у него возникала такая куча вопросов, что врачи, проводившие с ним различные исследования, начинали прятаться по углам.

Но самое большое впечатление на него произвела поездка на автомобиле. Из госпиталя, куда его привезли после контузии, Александра забрали в закрытый исследовательский институт. И эта поездка привела парня в дикий восторг. Едва оказавшись на территории института и дождавшись, когда машина остановится, он выскочил наружу и с ходу кинулся осматривать этот удивительный транспорт.

От полной разборки автомобиль спасло только то, у парня под рукой не нашлось никакого инструмента. Водитель то и дело оттаскивал его за шкурку от работающего двигателя. Привезший Александра майор тихо приказал ему присматривать, но не мешать, внимательно отслеживая реакцию парня. Дождавшись, когда Александр немного успокоится, он отвел его в сторону и, предложив сигарету, спросил:

– Я смотрю, тебе очень понравилась машина?

– Это же настоящее чудо, мсье! – восторженно выдохнул Александр. – Такие ровные линии! Точное литье! Я видел автомобиль всего три раза в своей жизни, но всегда мечтал научиться управлять им.

– То есть теперь ты окончательно убедился, что находишься совсем в другом времени и в этом нет никаких происков высших сил? – ловко ввернул майор.

– А как еще можно объяснить то, что со мной случилось? – тут же нашелся Александр. – Разве это сделала ваша техника?

– Увы, друг мой, – вздохнул майор с заметной растерянностью. – Наша техника к этому не имеет никакого отношения. Более того. Мы все здесь очень хотели бы знать, как это вообще произошло и чем это можно исправить.

– Вы готовы вернуть меня обратно? – встрепнулся парень.

– Я мог бы сказать, что могу это сделать, но это будет ложью. Но могу пообещать тебе точно, что с твоей помощью постараюсь в этом разобраться.

– Но чем я могу помочь? – не понял Александр.

– Полной откровенностью и старательным исполнением всех просьб, которые будут озвучены тебе другими учеными. Понимаешь, Саша, мы с таким еще не сталкивались, и потому любая крупица знаний может оказаться важной. Ты же хочешь вернуться обратно и получить назад свое собственное тело?

– Теперь, увидев такое чудо, – тут Александр кивнул на автомобиль, – я в этом не очень уверен. Хотя, если быть откровенным до конца, мсье, то мне очень страшно, и я действительно очень хочу домой. Да, там много неприглядного и откровенно мерзкого. Там грязно и много глупых проблем, но это была моя жизнь.

– Она и теперь твоя, – быстро ответил майор.

– Нет, мсье. Я, конечно, контужен, но я не дурак, отлично понимаю, что там, за забором, я не проживу и дня. Ведь я вообще ничего не знаю о вашем мире. Да, у меня проблемы с головой, но в этом я совершенно уверен.

– Ну, не все так плохо, друг мой, – поспешил утешить его майор. – Ведь сейчас ты абсолютно логично рассуждаешь, а значит, ты почти здоров. Это не значит, что мы можем просто отпустить тебя на все четыре стороны, ты сам сказал, что это станет для тебя гибельным. Но и назвать тебя умалишенным мы не можем. Это не так.

– Мсье, скажите честно. Что со мной будет? – помолчав, тихо спросил парень.

– Я не знаю, – нехотя вздохнул майор. – Решения принимаю не я. Ты был солдатом, и знаешь, что такое приказ.

В ответ Александр только молча кивнул, грустно усмехнувшись. Он и вправду понял, что хотел сказать ему этот необычный офицер. Как только он станет не нужен, его просто ликвидируют. Человек, знающий такой секрет, опасен сам по себе. Второй вариант – объявить

его умалишенным и навсегда запереть в лечебнице. Получается, что выхода у него просто нет. Александр закрыл глаза и замер, словно окаменел. Майор, прикурив следующую сигарету от окурка первой, снова вздохнул и, выждав пару минут, все так же тихо добавил:

– Все не так плохо, Саша. Время у нас еще есть. А раз есть время и есть ресурсы для изучения твоего феномена, то есть и надежда. Не нужно помирать раньше времени.

– Что я должен делать? – дрогнувшим голосом спросил Александр.

– Набраться терпения и выполнять все, что от тебя потребует наша ученая братия, каким бы диким тебе это ни казалось. Согласен?

– А у меня есть выбор, мсье? – спросил парень с горькой иронией. В голосе его прозвучала неприкрытая боль.

– Выбор есть всегда, но не всегда он нам нравится, – вздохнул майор.

– Мудрые слова, мсье, – оценил Александр.

– Мудрые, но не мои, – усмехнулся офицер в ответ. – Ладно, приятель. Пойдем. У нас еще куча дел.

С того дня перед глазами Александра закрутился калейдоскоп событий. Сначала это было интересно и даже иногда весело. Но потом он стал уставать. Многие эксперименты повторялись раз за разом, иногда доводя его до исступления. Пользуясь тем, что парень старался помогать своим мучителям, они окончательно потеряли стыд и принялись терзать его так, словно забыли, что перед ними живой человек.

Еще немного, и Александр бы сорвался, но положение спас все тот же майор. В очередном разговоре, сообразив, что парень находится на грани срыва, он своим приказом остановил все эксперименты и заявил, что если кто-то посмеет тронуть подопытного в течение следующей недели, будет иметь дело с ним. Этот перерыв позволил Александру успокоиться и вернуть себе душевное равновесие.

Очередной виток исследований он воспринял стоически. Ученая братия, в очередной раз войдя в раж, принялась на этот раз терзать его тело. Проводились сотни всяческих экспериментов, брались тысячи проб и анализов. Еще немного и они разобрали бы его на запчасти. И все бы ничего, если бы не одно обстоятельство. В группу молодых исследователей входили несколько женщин. Александр, хоть и был не

от мира сего в буквальном смысле этого слова, но оставался молодым, полным сил мужчиной.

Так что спустя какое-то время это стало доставлять некоторые неудобства. Как ученым, так и самому парню. Его бесило то, что эти женщины смели приказывать ему и одновременно заставляло держать себя в руках. Старательно выполняя их команды, он таким образом пытался привлечь к себе их внимание, но они дружно оставались равнодушны, видя в нем только объект исследования. Однажды, после очередной хамской выходки одного из лаборантов, Александр не выдержал и приложился кулаком к его физиономии от всей своей широкой души.

Уважение к самому себе всегда помогало ему в самых сложных ситуациях, а умение постоять за себя помогало выжить. Так что после этого молодецкого удара лаборанта просто вынесло в соседний кабинет, где он своротил стол с приборами и плавно стек на пол, потеряв сознание. Майор, узнав об инциденте, долго смеялся, после чего пообещал лично свернуть челюсть любому, кто еще раз посмеет себя вести подобным образом.

Но уважения среди ученых этот случай Александру не принес. Более того. Однажды, проходя по коридору на очередной эксперимент, он услышал разговор женской части группы.

– Такое впечатление, что он по уши деревянный, – говорила эффектная брюнетка. Имен этих женщин ему никто не удосужился назвать. – Импульс даю такой, что впору быка с ног свалить, а он только морщится.

– Солдафон, чего ты хотела, – пожала плечами миниатюрная шатенка. – Вроде по-русски говорит правильно, а такое впечатление, что общаешься с полным дебилом. Я его спрашиваю, какие фасоны платьев носили в его время, а он мне: я в армии служил. Ну, и какой тут может быть результат?

– О чем вы, девочки, о каких результатах речь? – фыркнула высокая изящная блондинка. – Да он за невинную шутку Витюшу так приложил, что у того челюсть в двух местах сломана и компрессионный перелом позвоночника. Это он о стол так приложился. А всего-то велели не обосраться на центрифуге. А там, кстати, и будущие космонавты блюют бывает.

– Ой, не говори, – отмахнулась брюнетка. – И смотрит так, словно вот-вот насиловать кинется. Нет. Что ни говори, а дикарь, он и есть дикарь. – Боюсь, импульсы при следующих тестах придется повесить до максимума. А вообще, надоело все. Не понимаю я смысла всей этой работы. Развели секретность, не продохнуть. Цели не вижу, девочки. Цели!

Дальше Александр слушать не стал. Хватило и этого. К тому же его ждали в кабинете. Механически выполняя все указания, он с нетерпением ждал, когда все закончится и ему позволят остаться одному. Обида жгла душу, словно адское пламя. Значит, вот кем они его считают. Тупым дикарем. Что ж. Как сказал майор, всегда есть выбор, но не всегда он нам нравится. Парень грустно усмехнулся. Похоже, пришло время сделать этот выбор. Даже если он ему очень не нравится. Но он солдат и должен уметь принимать тяжелые решения. Впрочем, услышав то, что услышал, Александр понял, что для него в этом мире места не существует.

День закончился, а настроение не улучшалось. Обдумывая все услышанное, Александр все больше укреплялся в своем первоначальном мнении. Этот мир не для него. Да, он комфортен, технологичен, в чем-то даже дик, но места в нем человеку из прошлого просто не существует. Как там сказал майор? Придет время, и все решат за нас. А это значит, что, закончив свои опыты с ним, эти люди просто запрут его в какой-нибудь лечебнице, и больше свободы он не увидит.

Понимание этого заставило парня содрогнуться и быстро осмотреться, словно за ним уже пришли. Сообразив, что ему это только показалось, Александр поднялся с кровати и, подойдя к окну, с тоской уставился в синее небо. Ощущение обреченности вновь овладело им. Он так и простоял у окна до того момента, пока за ним снова не пришли. Пройдя в лабораторию, он покорно уселся в уже знакомое кресло, за что тут же получил от лаборанта замечание. Перед опытом требовалось обнажиться до пояса.

В ход опять пошли все те же липкие кругляши из непонятного материала, от которых к приборам тянулись тонкие шнурки. Лаборант быстро что-то настроил на своих приборах и, повернувшись, вопросительно уставился на стоявших у стола ученых. Один из мужчин протянул ему лист, вырванный из блокнота, с несколькими

столбцами цифр. Удивленно хмыкнув, лаборант выставил требуемые параметры и снова покосился на ученых. Получив утверждающий кивок, он щелкнул тумблером и нажал на кнопку. По телу Александра пробежал электрический импульс, и ученые дружно склонились к мониторам.

Ни один из них не заметил, как тело парня начало мелко дрожать, а потом, резко выгнувшись дугой, обмякло. Сам Александр, наблюдая за их действиями, даже не пытался что-то сказать или возразить. Им овладела апатия и равнодушие. Единственная мысль, пойманной птицей бившаяся в его голове, была: «Я не хочу провести всю жизнь за решеткой!»

Потом с ним стало происходить что-то непонятное. Мышцы завибрировали, навалилась боль, зрение пропало, а в ушах раздался тихий, затухающий звон. Но очень скоро пропал и он. Тело вздрогнуло в последний раз и обмякло. То, что произошло что-то из ряда вон, заметил только наблюдавший за ходом опыта майор. Ворвавшись в лабораторию, он ударом ладони по клавише отключил прибор и потребовал вызвать бригаду реанимации. Но было уже поздно.

Вернувшись к себе, майор принялся просматривать запись, но ничего предосудительного так и не увидел. Отключив монитор, майор закурил и задумался. С уходом парня вся эта история теряла свой смысл. Стук в дверь оторвал офицера от мыслей. Вошедший врач, проводивший вскрытие, плюхнулся без разрешения на стул и, жадно закурив, тихо выдохнул, покрутив головой:

– Сколько живу, а такого еще не видел. Такое впечатление, что его просто выключили. Но не понимаю, как и почему.

– А все дело в том, что он не хотел жить под постоянным контролем. Он боялся нашего мира. Да еще и умники наши языки за зубами держать не умеют. Вот теперь сижу и думаю, что со всем этим стадом делать. Просто разогнать или отправить в Арктику пингвинов изучать.

– Пингвины в Антарктике, – затянувшись, напомнил врач.

– Жить захотят, и в Арктике найдут, – вдруг рявкнул майор, грохнув кулаком по столу.

Неделя перехода до Марселя оказалась настоящим испытанием. Сашка уже не знал, как избавиться от своего болтливой попутчика. Жак то и дело начинал ударяться в воспоминания, попутно словно невзначай задавая разные вопросы. Сашка или отмалчивался, или старался отвечать невпопад. Сам же в это время вспоминал свои похождения перед отправкой.

Сбежав из расположения полка, он отыскал среди запутанных улочек городка лавку менялы и, затаившись в тени закоулка, принялся ждать.

Спустя пару часов из лавки вышел дородный мужчина в арабской одежде, которого сопровождали двое громил. На поясе купца, а никем иным он быть не мог, висел солидный кожаный мешок. Похоже, менялу он посетил не просто кофе попить. Запах этого напитка разнесся по улице, когда купец покидал лавку. Выждав пару минут, Сашка осторожно выскользнул из переулка и тут же замер, удивленно хмыкнув.

Похоже, мешок купца привлек не только его внимание. Следом за группой шли трое. Тощие, жилистые и, бесспорно, смертельно опасные. По всему было понятно, что это у них не первая охота. Двигались парни грамотно, держась в тени и не приближаясь к жертве слишком близко. Дождавшись, когда купец и компания удалятся от центра города, парни атаковали. Глядя на их действия, Сашка только ухмылялся и одобрительно хмыкал.

Пара метательных ножей была пущена в ход шагов за пять до плотного контакта. И сделано это было весьма профессионально. Сашка успел отметить, что ножи вошли в широкие спины охранников на ладонь выше поясницы. В почки. При таком ранении человек может только хрипеть от боли. Кричать просто сил не хватает. Болевой спазм не дает вздохнуть. Едва ножи достигли цели, как все трое ринулись вперед. Двое добивали охрану, а третий, метнувшись к купцу, с ходу всадил ему нож в горло, не давая вскрикнуть.

Оттащив свои жертвы в ближайший переулок, бандиты тщательно обыскали тела, передав все найденное тому, который зарезал купца, и только после этого принялись извлекать свое оружие. Вот теперь пришло Сашкино время. Кинжал дамаской стали с едва слышным хрустом разрубил ребра ближайшему бандиту, заставив его выгнуться

всем телом и захрипеть. Далее последовал стремительный взмах, и второй бандит, булькая горлом, начал заваливаться на землю.

Главарь, отягощенный добычей, успел только выронить все собранное и схватиться за рукоять своего кинжала, когда клинок парня разрубил ему грудь, развалив сердце. Не останавливаясь, Сашка сделал шаг в сторону, одновременно выдергивая клинок из тела. Брызнувшая кровь попала ему только на кисть руки. Быстро обобрав бандитов и собрав все отобранное, Сашка покинул переулок.

Вернувшись в расположение, парень тщательно смыл кровь в лошадиной поилке и, прокравшись в казарму, завалился спать. Первая часть его плана была выполнена. Даже если в том мешочке окажется медь, все равно ему хватит на то, чтобы сделать задуманное. Утром, умывшись и позавтракав пустой кашей, парень снова отправился в город. Побродив по базару, он приобрел несколько мелочей и, добравшись до одежной лавки, принялся искать то, за чем пришел.

Широкие восточные шаровары темно-синего цвета подошли ему самый раз. Дальше нашлась шелковая темно-серая рубашка и такой же пояс. Там же парень приобрел три куска шелка черного цвета. В лавке сапожника он прикупил что-то вроде ботинок на кожаной подошве. Без каблука, но на кожаной же шнуровке. Как выяснилось, такие покупал мастеровой люд. И удобно, и не тяжело.

Вернувшись в полк, Сашка был с ходу атакован Жаком, который с какого-то перепугу решил, что парень станет перед ним отчитываться.

– Приятель, ты ничего не перепутал? – фыркнул Сашка, глядя на него с мрачной иронией. – Решил вдруг, что ты моя мамаша?

– Я беспокоился, – нашелся однорукий. – Вспомнил, как ты потерял сознание под забором.

– Приступов давно уже не было. К тому же я слежу за собой, – пожал Сашка плечами и, развернувшись, отправился в казарму.

Там, усевшись на койку, он снова занялся шитьем. За этим занятием его и застал Жак. Увидев, чем он занят, однорукий тут же снова принялся задавать вопросы. Понимая, что просто так он не отстанет, Сашка сделал вид, что удивлен, и, пожав плечами, спросил:

– А сам как думаешь? Мы возвращаемся в метрополию, а там подобные вещи из щелка стоят намного дороже. А носить что-то нужно. Не бродить же все время в мундире. К тому же он и так еле держится. Да и дома постоянно в сапогах ходить не будешь.

– Так это все только из желания сэкономить? – растерялся Жак.

– А ты что думал? – не понял Сашка. – Забыл, что с деньгами у меня теперь не очень?

– Так и не вспомнил? – участливо поинтересовался однорукий.

– Нет, – Сашка грустно мотнул головой. – Специально по городу бродил, думал, может, хоть какое место знакомым покажется. Пусто.

– Сочувствую, приятель, – скривился Жак.

«Сказал кот мышонку», – фыркнул про себя Сашка.

– Ты еще спроси, сколько отступных мне начислили. Вот тогда я точно посмеюсь.

– Мне выдали вексель на три сотни франков, – вдруг признался Жак. – Думаю, как только получим документы, так сразу пойду в банк и обменяю его на настоящие хрустики. Предпочитаю иметь свое при себе. Так оно надежнее. Даже серебро брать не стану. Бумага и легче, и места занимает меньше. Тем более что правительство и банкиры бумагой дают больше, чем металлами. В общем, мои деньги должны быть при мне.

– Это смотря, что делать собираешься, – подумав, высказался Сашка.

– Ну, выбор у меня не особо и большой, – усмехнулся Жак, шевельнув культей. – А ты что решил?

– Пока не знаю. Осмотреться надо, – вздохнул парень.

– Станный ты, приятель. Вроде и молод, а ведешь себя, словно старик. «Не знаю, осмотреться надо», – передразнил он Сашку. – Денег-то хоть много отвалили?

– Так же, три сотни, – ответил Сашка, едва сдерживая смех.

Вот теперь все вставало на свои места. Однорукий не просто так искал дружбы с ним и старательно влезал в душу. Он явно решил, что после получения бумаг и обналичивания векселя сможет избавиться от Сашки. Но сам парень уже давно принял решение, и попутчики ему были не нужны. Особенно такие. Его путь лежал в родные края. Закончив шить, он почистил мундир и отправился обедать. Кухня в полку разнообразием не отличалась, но и с голоду не помрешь. Обычная солдатская каша.

После обеда Сашка вернулся в казарму и завалился на койку. Их положение списанных инвалидов позволяло подобные вольности. Он проспал до самого ужина, на который отправился, освежившись у

колодца. Вода в этих местах огромная ценность, но на территории полка было аж пять таких колодцев. Что ни говори, а обеспечить целый полк солдат водой даже по самому минимуму было не так просто.

Бездумно поужинав, словно топливо в топку закидал, Сашка вернулся в казарму и принялся готовиться к ночному выходу. Теперь, когда у него была подходящая одежда, это должно было быть гораздо проще. Прошлой ночью, когда он решился напасть на трех вооруженных бандитов, это был почти шаг отчаяния. Ему нужны были деньги. Любой ценой. Влачить нищенское существование парень не собирался. Нищих в России и без него хватало. Это Сашка помнил из школьного курса истории. Но самое главное, это реакция на убийство его тела.

Увлечшись наблюдением за бандитами, Сашка словно отключился, и его тело начало действовать самостоятельно. И как оказалось, оно отлично знало, что нужно делать, а главное, как. В итоге в ранце поселился мешочек серебра. Среди захваченных клинков нашлось и несколько достойных внимания. Особенно один. Очевидно, купеческий. Внешне точная копия того кинжала, что был у самого Сашки. Остальные ножи не дамасская сталь, конечно, но и не полное барахло.

В общем, ранец заметно потяжелел. Но, как говорится, своя ноша не тянет. Убедившись, что Жак отправился в солдатский трактир, промочить горло местным просяным пивом, Сашка быстро проскользнул за казарму и, переодевшись, перемахнул через забор. Через полчаса снова он был у лавки менялы. Уже стемнело, так что рассмотреть его в узком переулке было нереально. Из одного куса шелка парень соорудил себе головной убор навроде тех, что показывали в фильмах про всяких японских мастеров тайных убийств. Одни глаза сверкали. Откуда у него вдруг проявились такие знания, парень и сам не очень понимал. В армии такому не учили.

Из лавки менялы появился крепкий мужчина восточной наружности, с виду настоящий воин, и не спеша двинулся к окраине города. Что-то в его движениях насторожило парня. Слишком уж уверенно шел. Словно знал, что помощь постоянно где-то рядом. Решив довериться своим инстинктам, Сашка остался на месте и не пожалел. С соседней улочки выскочили трое крепких мужиков, со

знаками местной городской стражи на бычьих шеях, и поспешили следом.

Задумчиво почесав в затылке, Сашка уже решил было вернуться в полк, когда приметил весьма интересную парочку. Мужички средних лет были точной копией той троицы, что он упокоил прошлой ночью. Явно местные джентльмены удачи. Задумчиво посмотрев вслед ушедшим ментам, так про себя Сашка обозвал тех мужиков, он последовал за парочкой. Как оказалось, эти уже точно знали, куда идут.

Добравшись до какой-то забегаловки, они притаились напротив дверей, в тени старого платана. Выбрав по каким-то своим признакам жертву, они проводили ее до ближайшего переуллка и занялись делом. На этот раз, словно для разнообразия, бандиты решили обойтись без крови. В ход была пущена дубинка. Точнее, кожаный мешочек, набитый свинцовой дробью. Череп такой штукой не проломишь, а вот из сознания вырубает разом.

Дождавшись, когда бандиты сделают свое дело, Сашка вступил в игру. Пара быстрых бесшумных шагов, стремительный взмах кинжалом, и тела мирно покоятся под стеной. Ни шума, ни криков и никаких свидетелей. На этот раз его добычей стало немного серебра, пара десятков медной мелочи и одна золотая монета.

«Негусто, – проворчал про себя парень, стремительно скользя по темным улицам в сторону расположения полка. – Но все лучше, чем ничего. А вообще, пора заканчивать. Раз уж местные менты засуетились, значит, можно нарваться. Вот интересно. Вроде север Африки, мусульманская страна, а нравы веселее, чем у нас».

Перемахнув забор, он достал из-под кучи старых досок свой мундир и, быстро переодевшись, пробрался в казарму. Жака еще не было. Так что он быстро разделся и улегся в кровать. Утром Жак выглядел весьма примечательно. С крепкого бодуна и с роскошным фингалом на половину морды. Похоже, не все готовы терпеть его длинный язык. Не обращая на него внимания, Сашка сбегал к колодцу и, умывшись, отправился завтракать.

Вернувшись в казарму, парень уселся на койку и предался размышлениям, чем заполнить нежданный досуг. Но как вскоре выяснилось, все уже было решено за него. Решительно вошедший в казарму дежурный сержант, увидев инвалидов, издал многозначительный возглас:

– Ага! – И решительно направился к ним. – У вас два часа, чтобы собраться и привести все дела в порядок. В полдень у ворот будет стоять обоз из трех фургонов. Поедете с ними. Заодно и послужите напоследок сопровождением. Корабль уже готов к отходу. И имейте в виду. Опоздаете, будете добираться до дому за свой счет. Следующий пароход будет только через два месяца.

– При всем уважении, сержант, но какое из нас сопровождение без оружия? – пожал Сашка плечами, доставая из-под койки свой ранец.

– Просто бумаги отвезете, – отмахнулся тот. – Возницы вооружены. А вам теперь оружия и не положено.

– Ну, бумаги, это запросто, – кивнул Сашка и, легонько пнув Жака по голени, скомандовал: – Приди в себя, приятель. Сходи к колодцу и окуни башку в ведро с водой. Полегчает. И вообще, возьми себя в руки. Я не собираюсь торчать тут еще два месяца, а потом платить за переезд.

– Вот это правильно, парень, – одобрительно кивнул наблюдавший за ним сержант. – Это по-нашему.

Спустя два часа они тряслись в старом фургоне, которым управлял седоусый возница. Пара мерингов тянули фургон неспешной рысью, но к пароходу они успели с запасом. Как оказалось, сержант над ними подшутил. Груз этих фургонов как раз и ожидался. Спустя еще два часа их плавсредство испустило долгий гудок и отвалило от причала.

* * *

Порт Марселя встретил их обычной суетой, запахами гниющих водорослей, рыбы и неистребимой угольной пыли. Сойдя на пирс, Сашка не спеша огляделся и, поправив ранец, решительно зашагал в сторону города. Едва поспевавший за ним Жак, запыхавшись, ухватил парня за рукав и, дернув, потребовал ответа:

– Ты куда так несешься? Случилось чего?

– Хочу успеть в магистратуру до закрытия. Оформлю бумаги, и тогда можно будет подумать о будущем. Надоела эта неопределенность.

– Ну, тут ты, пожалуй, прав, – кивнул Жак, несколько растерявшись от такого напора.

Сделав вид, что сказал всё, Сашка развернулся и зашагал дальше. Искать нужное здание не пришлось. В старых городах их располагали на центральных площадях. Это парень помнил из передач о городах мира, которые видел в приюте. Добрались они до места за час до закрытия. Ввалившись в здание, Сашка ухватил первого попавшегося чиновника за рукав и, мрачно глядя в глаза, спросил:

– Где тут паспорта бывшим солдатам выдают?

– Третий этаж, вторая дверь по правую руку в левом коридоре, – икнув и заметно сбледнув с лица, ответил чиновник, очень точно указав направление.

– Благодарю, мсье, – кивнул Сашка, вспомнив о правилах приличия.

В кабинете все повторилось почти в точности. С той только разницей, что сидевший за конторкой писарь четыре раза ронял перо и переспрашивал все по два раза. Получив бумаги и сдав полученные в полку документы, Сашка вышел за дверь, оставив Жака решать свои проблемы. Теперь, став полноправным гражданином, он мог отправляться куда угодно. У Жака же возникли какие-то проблемы с пенсией. Ему, как явному инвалиду, ее нужно было оформлять там, где он будет жить.

Для Сашки же все было гораздо сложнее. Вывод полкового врача должен был подтвердить психиатр, имеющийся в городе, который изберет для проживания сам инвалид. Только после его заключения парню станут начислять пенсию. И не сказать, что большую. Понимая, что спорить с чиновником Жак может до второго пришествия, Сашка вышел из здания и, оглядевшись, заметил небольшую кофейню, из которой доносились дразнящие запахи настоящего кофе и свежей выпечки.

Аккуратно проверив наличность, Сашка прошел под широкую маркизу, где располагалось полдюжины столиков, и, усевшись в дальнем углу, с нетерпением покосился в сторону официанта. Подошедший к нему гарсон, разбитной парень лет двадцати, в белом переднике, окинул мундир парня быстрым, оценивающим взглядом и, чуть поморщившись, коротко спросил:

– Что подать, служивый?

– Парень, я пару часов как с парохода, так что принеси чашечку кофе и пару сладких булочек, душу отвести, – улыбнулся ему Сашка.

Лучше бы он этого не делал. Гарсон, заметно побледнев, истово кивнул и исчез, словно испарился. Спустя три минуты перед парнем стоял его заказ. Поблагодарив его кивком головы, Сашка сразу попросил счет и, увидев сумму, мысленно присвистнул. Такие развлечения ему явно не по карману. Но разок оттянуться можно. Так что, достав из кармана пару серебряных монет, парень выложил их на счет и, не дожидаясь сдачи, принялся за еду.

Гарсон, ловко смахнув со столешницы деньги, отошел в сторону, но старался держаться так, чтобы видеть Сашку постоянно. Заметив этот его маневр, парень удивленно хмыкнул и незаметно осмотрелся. Он не понимал, что происходит и почему официант так нервно реагирует на его присутствие. Впрочем, для самого Сашки никакой опасности не наблюдалось, так что он с удовольствием отдал должное свежей выпечке. Уничтожив заказанное, он с сожалением отодвинул тарелку и принялся смаковать остатки кофе. Такой напиток он пару раз пробовал в Африке. Арабы умеют варить отличный кофе. Но и местный бариста был настоящим профессионалом.

Сашка уже заканчивал балдеть, когда в кофейню вошла шумная компания и, заметив в углу солдата, тут же обрадованно загомонила, предвкушая веселье. Гарсон, приметив компанию еще на подходе, скривился и, покосившись на парня, вздохнул. Все это Сашка вспомнил уже потом. А в тот момент ему было плевать на подгулявшую компанию с высокой колокольни. Он сумел вырваться из армии живым, даже почти здоровым, и теперь мог приступать к выполнению своего плана. Осталось только посетить банк, чтобы обналичить вексель.

Из размышлений он вынырнул, когда почувствовал, что в его сторону явно с недобрыми намерениями двигаются два человека. Одним глотком допив остаток кофе, парень осторожно поставил чашку на блюдце и, поднявшись, подхватил свой ранец. Найдя взглядом гарсона, Сашка сделал вид, что не замечает движущихся к нему парней, и, стараясь не улыбаться, громко сказал:

– Приятель, передай баристе мою благодарность. Такой кофе я пробовал только в арабских кофейнях в Африке. Он настоящий мастер.

– Она, мсье, – ответил официант, удивленно улыбнувшись. – Благодарю вас. Обязательно передам ей ваши слова.

Приближавшаяся парочка, как следует рассмотрев физиономию парня, заметно стушевалась, но, переглянувшись, заступила ему дорогу.

– Любишь хороший кофе? – спросил один, перекрывая ему проход.

– Это запрещено законом? – ответил Сашка вопросом на вопрос.

– Э-э, нет, – буркнул неизвестный, заметно растерявшись.

– Вот и прекрасно. Значит, я смогу завтра повторить, – хмыкнул парень, ловко обходя стул, который этот болтун поставил перед ним.

– Ты больше сюда не придешь, – вдруг отчего-то разозлившись, заявил тот.

– С чего бы это? – фыркнул Сашка, чувствуя, что начинает злиться.

– Это наша территория, и мы будем решать, кто может посещать нашу кофейню, а кто нет.

– А что, мои деньги чем-то хуже других? – удивленно хмыкнул Сашка, понимая, что его провоцируют. Судя по физиономиям, это какая-то местная банда.

– Нам не нравится твоя рожа, солдатик. Так что вали отсюда и больше не появляйся, – выверился неизвестный, быстрым движением сунув руку в карман.

– Себя-то давно в зеркале видел? – спросил Сашка, краем глаза отслеживая перемещения второго бойца.

То, что это местный рэкет, парень уже не сомневался. Как не сомневался и в том, что парни, как следует выпив, теперь ищут развлечений. В общем, судя по их настрою, без драки точно не обойдется. Но самое неприятное, что попадать в участок Сашке категорически противопоказано. Ведь в ранце у него было сложено все, что он сумел добыть. В том, что местные жандармы прикарманят все его сбережения, парень даже не сомневался. Так что уходить придется не просто быстро, а так, чтобы подошвы у сапог отлетали.

Тем временем неизвестный, осознав, что ему сказали, зарычал и, выхватив из кармана все ту же кожаную дубинку, набитую дробью, замахнулся.

– М-да, мужик, пока ты собираешься, я успею еще чашку кофе выпить, – буркнул про себя Сашка, начиная двигаться вместе с ним.

Ранец из его рук тут же был отправлен противнику в лицо, а нога пнула на развороте стул, отбрасывая его под ноги второму нападавшему. Не останавливаясь, Сашка тут же ударил первого рэкетира костяшками пальцев в горло и, прыгнув в сторону второго, приложил его кулаком под ухо. Он никогда толком не занимался рукопашным боем или еще каким-нибудь ногомашеством и рукодрыжеством, но драться умел так, что противнику становилось страшно.

Правил в драках для него не существовало. А самое главное, что дядя Сеня сумел обучить его нескольким приемам, которые он сумел отточить до полного автоматизма, за что Сашка был ему безмерно благодарен. Вот и сейчас заученные насмерть болевые точки, удары по которым качественно выводили противников из строя, позволили ему парой движений уложить нападавших на пол. Никто еще не успел ничего понять, а парень, подхватив свой ранец, ловко перемахнул невысокую декоративную загородку и тут же шмыгнул в переулок.

Раздавшийся в кофейне возмущенный рев полдюжины глоток заставил его презрительно усмехнуться и ускорить шаг. Он свернул в следующий переулок, обходя здание кофейни по кругу, когда из двери выскочила женщина и, ухватив его за рукав, стремительно протараторила:

– Не выходи на площадь. Они кинулись в погоню. Увидят – убьют. Пьяные они.

Сашка уже слышал азартные выкрики и топот ног.

– Не могу же я раствориться, – пожал он плечами. – Спасибо за помощь, мадам, но вам лучше спрятаться. Боюсь, сейчас здесь будет очень грязно.

– Иди за мной, – решившись, велела женщина и, не выпуская из пальцев его рукав, потащила в двери.

Понимая, что это шанс избежать проблем, Сашка без раздумий последовал за ней. Поднявшись по крутой узкой лестнице, он оказался в небольшой, но уютной квартирке, располагавшейся над кофейней. Оставив ранец у двери, парень тщательно вытер подошвы сапог о небольшой половичок у порога и осторожно вошел в комнату, с интересом оглядываясь. С первого взгляда стало понятно, что здесь

жила женщина. Все прибрано, протерто, а все вещи разложены по местам.

Остановившаяся у круглого стола, женщина, с интересом рассматривала его. Потом, указав на стул, сказала:

– Присядь. Расскажи о себе.

– Мне особо нечего рассказать, – пожал Сашка плечами, осторожно усаживаясь на стул. – Родился в приюте. Однажды, после драки, в которой случайно прибил одного подонка, вынужден был записаться в легион. С тех пор и служил. Недавно получил серьезную контузию и был списан. Вот, в общем-то, и все.

– Был в Алжире? – спросила она.

– Алжир, Марокко. Да можно сказать, весь север Африки.

– Там, в кофейне, ты сказал правду про кофе? – неожиданно спросила женщина.

– Это вы его варили? – проявил Сашка сообразительность.

– Да.

– Мои поздравления, мадам. У вас отличный кофе, – улыбнулся парень.

– Спасибо, – потупившись и чуть порозовев, улыбнулась она. – Сейчас у меня нет времени, нужно возвращаться к плите, но позже мы еще поговорим. А ты пока можешь тут отдохнуть. Все равно до темноты выходить на улицу тебе опасно. Эти подонки не отстанут.

– А для вас самой это не опасно? – проявил Сашка тактичность.

– Если не станешь подходить к окну и сильно шуметь, – пожала она плечами.

– Я могу воспользоваться вашей ванной? Хотелось бы привести себя в порядок после путешествия. Деньги у меня есть, – добавил он, припомнив, что в этих местах бесплатно только птички поют.

– Конечно, – тут же кивнула хозяйка. – В этом доме есть водопровод. Это одна из причин, по которой я не стала продавать его после смерти мужа. Я сейчас затоплю печь, и ты сможешь помыться.

К огромному удивлению Сашки, в ванной нашлось что-то вроде большого титана. Ловко раскочегарив его, женщина принесла полотенце и, кивая на нагреватель, сказала:

– Подкидывай уголь понемногу, и через полчаса можешь мыться. Таких устройств в Марселе по пальцам пересчитать можно, но нам

повезло. В общем, отдыхай. А я после принесу тебе еще кофе и булочек. Похоже, они тебе понравились, – лукаво улыбнулась она.

– Очень, мадам, – смущенно признался Сашка. – После армейской пайки это самое вкусное, что мне довелось попробовать.

– Сомнительный комплимент, но требовать от солдата большего было бы глупостью, – рассмеялась она. – Мой благоверный тоже не блистал красноречием, хотя был добрым малым. Всё. Я побежала, пока никто не хватился.

С этими словами она исчезла за дверью. Простучали ее быстрые шаги на лестнице, и все стихло. Задумчиво посмотрев ей вслед, Сашка недоуменно пожал плечами и, подхватив свой ранец, отправился в ванную. Раздевшись донага, он снял со стены медный таз и, наполнив его водой, принялся отстирывать исподнее. Благо мыло нашлось тут же. К тому моменту, когда парень закончил с хозяйственными делами, нагреватель забулькал, и он, наполнив ванну горячей водой, со стоном блаженства уселся в нее, не забыв положить рядом кинжал.

Он дважды добавлял горячей воды и, отмывшись до скрипа, нехотя вылез. Такого удовольствия он не получал с прошлой жизни. В приюте их регулярно водили в баню. Была там и своя душевая, но полежать в горячей воде вот так, никуда не торопясь, это нечто. Выбравшись из ванной комнаты, Сашка с удивлением увидел на столе плетеную корзиночку, полную свежих, еще теплых сладких булочек. Тут же, заботливо укрытые, стояли кофейник и чистая чашка.

Почувствовав, что голоден, парень присел к столу и принялся отдавать должное стряпне хозяйки дома. Уничтожив угощение, он старательно прибрал за собой и, помыв посуду, задумался, чем бы заняться. Но расслабленное, сытое тело решило по-своему. Он только прилег на диван, чтобы отдышаться после еды, когда глаза закрылись сами собой, а дальше, он просто провалился.

* * *

– Настоящий солдат, – с лукавой улыбкой мурлыкала Мадлен, ласково потираясь носиком о его плечо. – Поел и тут же уснул.

– Солдатское правило. Спи и ешь, как только появляется возможность. Потом может и не получиться, – перефразировал Сашка

поговорку из своего прошлого.

– Знаю. Мой бывший тоже так поступал, – тихо рассмеялась Мадлен. – Спал, едва возможность появлялась, и ел так, словно больше не дадут.

Вот уже двое суток Сашка жил в ее квартире, дожидаясь, пока местные бандюки перестанут носиться по городу и переворачивать все ночлежки. Не ожидавшие такого ответа на невинную с их точки зрения шутку, они впали в самую натуральную ярость. Дошло до того, что они рискнули сунуться даже в воинскую часть, стоявшую под Марселем. Но там их авангардизма не поняли, и бандюки огребли от солдат так, что едва ноги унесли. Все это ему рассказала Мадлен. В кофейне у нее частенько собирались чиновники из жандармерии и магистратуры.

Сашка понимал, что с его меченой рожей выходить из дома смерти подобно. Во всяком случае, добром это не закончится. Оставалось только одно. Затихнуть на время. Дать улечься первым страстям. В противном случае все закончится в лучшем случае каторгой. В том, что у этих подонков есть связи в чиновничьем мире, парень даже не сомневался. Марсель – портовый город, а значит, смычка криминала и властей здесь особенно крепка. Но и сидеть на шее у женщины ему тоже претило.

– О чем задумался? – спросила Мадлен, чутко отреагировав на его состояние.

– Думаю, как бы добраться до ближайшего портного. Нужно купить обычную одежду. Не ходить же все время в мундире, – вздохнул Сашка.

– Хочешь уехать, – понимающе вздохнула женщина. – А может, останешься? – осторожно спросила она.

– Это было бы здорово, но я не хочу навлечь на тебя беду. Эти подонки не успокоятся, пока не посчитаются со мной. Заодно достанется и тебе, за то, что посмела спрятать меня. Я этого не хочу. Я не лучший человек на свете, но до такой низости не опускаюсь.

– Они уже всем тут надоели, – скривилась Мадлен.

– Не сомневаюсь, – криво усмехнулся парень. – Так или иначе, но уходить мне придется. Так что лучше подумай и подскажи толкового портного, который умеет держать язык за зубами.

– Не нужен тебе портной, – вздохнула Мадлен, одним гибким движением поднимаясь с кровати. – Вот, – сказала она, распахивая шкаф. – Все это носил мой муж. Вещи почти новые. Все выстирано, так что можешь смело надевать. Если что-то не подойдет, я подошью. Тут все есть. И рубашки, и штаны, и башмаки, и даже шляпы.

– Мадлен, ты могла бы продать это все в трудный день, – вздохнул Сашка.

– Много за это не выручишь, а тебе поможет. Во всяком случае, я хочу в это верить, – чуть слышно всхлипнула женщина, ныряя под одеяло.

– Все будет хорошо, милая, – улыбнулся Сашка, целуя ее.

Спустя еще два часа Мадлен отправилась в кофейню, а он, не спеша позавтракав, занялся делом. Выбрав из всего ассортимента несколько рубашек и примерив их, Сашка принялся за штаны. Как оказалось, умерший муж Мадлен фигурой очень походил на самого парня. Так что даже ничего особо перешивать не пришлось. А самое главное, ему отлично подошли две пары крепких башмаков из толстой кожи.

Не заладилось только со шляпами. Носить что-то с широкими полями Сашка не привык. А у всех имевшихся головных уборов поля были, как у мексиканского сомбреро. Тяжело и обзор закрывает. После долгих раздумий Сашка достал из ранца кусок шелка и повязал его себе на голову как бандану. Вспомнив, что в выгороженном ширмой будуаре женщины есть большое зеркало, парень переоделся и направился туда.

Аккуратно сняв с трюмо легкую шаль, он отступил как можно дальше и принялся критически разглядывать собственное отражение. В ответ из зеркала на него уставился парень среднего роста, широкоплечий, жилистый, мышцы буквально оплетали его тело. Ни грамма жировой прослойки. Словно вяленый. Черные волосы, густые брови, прямой нос, упрямый тонкогубый рот и необычные, зеленые, словно весенняя трава, глаза, под пушистыми, как у девушки, ресницами. Но самое главное, это широкий шрам на правой щеке, который тянулся от виска к подбородку.

Плохо сросшиеся мышцы стянуло, и теперь губы его кривились в постоянной сардонической усмешке.

«М-да, такую рожу в темном переулке увидишь, лопатой не отмашешься», – скептически хмыкнул Сашка и, вздохнув, принялся дальше инспектировать шкаф.

Ну не было у него раньше привычки рассматривать себя в зеркале. В приюте такой возможности просто не было, а в армии было не до того. Там даже бриться приходилось не всегда, воду экономили. А если приходилось, то делали это, глядя в крошечное зеркальце размером с мужскую ладонь. Да и к внешности своей Сашка всегда был равнодушен. Не урод, и ладно. С этой мыслью он наткнулся на плотный кожаный сверток и, переложив его на стол, осторожно распустил узлы завязок.

Сверток раскатился, и перед парнем оказался роскошный походный несессер. Пара медных стаканчиков для пены, помазок, опасная бритва из великолепной стали, ножницы для ногтей, пилочка для них же, медная мыльница и медная же коробочка для зубного порошка. Все с изящной чеканкой и очень удобное. Не хватало только зубной щетки. Глядя на эту роскошь, Сашка вдруг понял, что уже забыл, как это чистить зубы щеткой. До этого он обходился собственным пальцем.

Шаги на лестнице вывели его из задумчивости. Влетевшая в спальню Мадлен, увидев его сидящим за столом в одежде умершего мужа, быстро отложила корзиночку со свежей выпечкой и, обойдя парня по кругу, удивленно хмыкнула:

– Поверить не могу. Как на тебя шилось.

– Да, все подошло отлично, – улыбнулся ей парень. – Это тоже от мужа осталось? – спросил он, кивая на несессер.

– Ага.

– Я хочу купить его у тебя, – предложил парень.

– Забирай, – небрежно отмахнулась Мадлен. – Мне он все равно не нужен, а тебе в дороге пригодится.

– Я не могу так. Ты и так много сделала для меня, – принялся спорить Сашка, но Мадлен не дала ему договорить.

– Будешь отрабатывать, пока не уедешь, – жарко прошептала она, ловко скользнув ему на колени и прижимаясь всем телом.

Спустя полчаса, отдышавшись и немного успокоившись, женщина быстрыми движениями привела платье в порядок и снова убежала вниз. Сашка, проводив ее взглядом, поднялся и, принеся свой ранец,

принялся перебирать лежащее в нем добро. Делать это в госпитале, да еще и под присмотром вездесущего Жака, ему совсем не хотелось. Более того, он отлично знал, что если бросить вещи небрежно и не поглядывать на них постоянно, то другие решат, что там нет ничего ценного.

Так и вышло. Жак даже не пытался сунуть в ранец свой любопытный нос. И вот теперь пришло время проверить содержимое и навести порядок. Вытряхнув все прямо на пол, Сашка принялся перебирать свои вещи. Узелок с купленной в Африке одеждой он сразу отложил в сторону. Это был наряд для особых случаев. Кошелек с деньгами сразу же отправили обратно в ранец. Светить наличностью Сашка не хотел. На полу осталась только смена исподнего, чистые портянки, плохонький несессер, который можно было купить в полковом магазине за пару франков, и обычные походные мелочи. Нашлось и жалкое подобие личной аптечки. Ничего серьезного. Корпия, бинт и кожаный шнурок, очевидно вместо жгута.

Оружие парень принялся инспектировать отдельно. Два кинжала дамасской стали. Пара метательных ножей. Запас пороха и пуль, оставшиеся еще со службы. Капсюли в жестяной коробке. И набор для чистки оружия. Уходя, он и забыл о существовании этих предметов, а в полку даже не пытались о них вспомнить. Хотя, если учесть, откуда и в каком состоянии его привезли, то такое отношение вполне объяснимо. Хозяйственно прибрал все оставшееся и вновь приобретенное, парень задумчиво оглядел сам ранец.

Бросать его не хотелось. Очень уж удобная штука. И вместительный, и достаточно плотный, чтобы использовать как подставку, и руки всегда свободны. Но идти по городу в гражданке и с военным ранцем все равно, что на лоб себе мишень повесить. В квартиру снова влетела Мадлен и, с ходу бросившись ему на шею, весело зашептала:

– Главарь этих бандитов собирает большой сход. Устал улаживать жалобы на своих прихвостней. А ты чего такой задумчивый?

– Да вот, думаю, где взять подходящий мешок, чтобы в него ранец сунуть, – вздохнул Сашка, кивая на свою проблему.

– Нашел о чем беспокоиться, – рассмеялась женщина и, выскочив на кухню, принялась греметь там какой-то посудой. – Вот, держи. Мой

бывший с этим мешком из Африки вернулся, – пояснила она, протягивая парню вместительный кожаный мешок.

Развернув его, Сашка понимающе усмехнулся:

– Хурджин. Арабы в таких товары по пустыне перевозят. Не жалко? Редкая в этих местах вещь.

– Куда он мне? – рассмеялась Мадлен. – Если только залезть в него и утопиться. Так не помещусь. Задница не влезет, – расхохоталась она, звонко хлопнув себя по означенной части тела.

– Но-но, не надо портить роскошь, – рыкнул на нее Сашка с деланой строгостью.

– Нравится? – спросила женщина с лукавой улыбкой.

– Такое не может не нравиться, – ответил парень, подходя к ней, обнимая и сжимая пальцы на упругих полушариях.

– Ну, так пользуйся, пока твое, – жарко выдохнула Мадлен, заваливаясь прямо на стол.

Женщина словно с цепи сорвалась, используя любую возможность, чтобы еще раз навестить его в спальне. Впрочем, это было понятно. За прошедшие два года она успела крепко истоскаться по мужской ласке и теперь старательно наверстывала упущенное. Отправив ее обратно в кофейню, Сашка старательно вычистил мундир, сапоги и, аккуратно свернув, упаковал в мешок. Сначала он сунул в него ранец, поставив его боком, потом затолкал сапоги и мундир.

В итоге получился плотно набитый кожаный сидор, по которому невозможно было угадать содержимое. Завязав горловину, парень внимательно оглядел свою поклажу и, удовлетворенно кивнув, проворчал:

– И спина прикрыта, и на землю бросить не страшно.

Из всего своего барахла при себе он оставил только пару кинжалов. Что ни говори, а расставаться с оружием в его положении было глупо. Пару дробовых дубинок он тоже отправил в ранец. Живые бандиты ему были не нужны. Впрочем, он вообще предпочел бы обойтись без встреч с этими аборигенами, но тут уж как получится. Теперь, когда вопрос с одеждой и поклажей был решен, ему предстояло найти способ, как добраться до банка и обналичить армейский вексель. Впрочем, тут и мудрить было нечего. Нужно было просто идти.

Дождавшись очередного появления Мадлен, он выяснил, как найти здание банка и до какого часа там работают, и, посмотрев на часы, решительно поднялся.

– Ты куда? – тут же вцепилась в него Мадлен.

– В банк. Ты сказала, что бандиты сейчас получают по ушам от своего главаря. Так что я успею обналичить свой вексель.

– Будь осторожен, – вздохнула она, прижимаясь к нему.

– Не волнуйся, – улыбнулся Сашка, поцеловав ее в мягкие губы. – Я только туда и обратно.

– Вот, возьми ключ, – вздохнула женщина, сунув ему в ладонь увесистую железку. – В кофейню не заходи. Не нужно, чтобы тебя там видели.

– Не беспокойся. Я сделаю все, чтобы про нас не узнали. Беды тебе я точно не хочу.

Дождавшись, когда женщина вернется в кофейню, Сашка осторожно спустился к задней двери и, бесшумно приоткрыв ее, осмотрелся. Убедившись, что в переулке никого нет, парень выскользнул на улицу и, закрыв за собой дверь, быстрым шагом прошел к дальнему концу переулка. Дождавшись, когда мимо прокатит воз, груженный дровами, он вышел на улицу и быстро зашагал в нужную сторону.

К его удивлению, в банке все прошло спокойно и быстро. Получив вексель, клерк вежливо попросил у него паспорт и, проверив дату выдачи, тут же отправил парня в кассу. Получив свои деньги, в ассигнациях, Сашка сунул пачку во внутренний карман короткой куртки и, вежливо попрощавшись, вышел из банка. Сделав крюк, он вернулся к дому Мадлен и, убедившись, что его никто не видит, проскользнул в квартиру.

Летняя ночь на юге Франции – это запахи моря, шум прибоя и легкий бриз. Сашка спал, разметавшись по широкой кровати, одной рукой обнимая прижавшуюся к нему женщину. Неожиданно его спокойное, ровное дыхание сменилось судорожными вздохами. Лицо и торс покрылись каплями пота, а мышцы стали непроизвольно подергиваться. Он застонал и, едва слышно вскрикнув, резко сел.

– Что с тобой? – разом проснувшись, сонным голосом спросила Мадлен, нехотя перекатываясь на спину.

– Не знаю, – прохрипел Сашка, утирая пот с лица ладонью. – Похоже, сон плохой приснился. Ты говорила, что у тебя от мужа остались трубка и табак. Не скажешь, где именно?

– В ящике стола, – махнула женщина рукой в нужном направлении. Потом, сквозь сон, сообразив, что именно он попросил, резко села и, обняв парня за плечи, спросила: – Ты же не куришь. Что тебе приснилось такого?

– Не помню, – тряхнул Сашка головой, беря себя в руки. – Но такое ощущение, что от меня что-то ушло.

– Так бывает, когда умирает кто-то близкий. Но ты говорил, что ты сирота, – задумчиво протянула Мадлен.

– В том-то и дело, – снова вздохнул Сашка. – Ладно. Спи. Я покурю и тоже лягу. Отдышаться надо.

– Может, не стоит начинать, раз уж в армии не начал? – осторожно спросила женщина.

– Иногда баловался, – с легкой усмешкой ответил парень. – Особенно когда есть нечего было, – добавил он, поднимаясь с постели.

Пошлепав босыми пятками к обеденному столу, он откинул край скатерти и, выдвинув ящик, в свете полной луны легко обнаружил искомое. Гнутая вересковая трубка-носогрейка, латунная коробка со спичками и жестянка с табаком. Переставив стул к открытому окну, Сашка не спеша набил чубук и, закурив, задумчиво уставился в сторону моря. Попыхивая трубкой, Сашка тщательно анализировал свои чувства, пытаясь понять, что именно его разбудило.

На первый взгляд, все было, как и всегда. Тело легко отзывалось на малейшее желание, навыки остались прежними. Проверяя их, парень пару раз провернул в пальцах старый столовый нож, которым Мадлен рыхлила землю в цветочных горшках. Даже знания языков никуда не делись. Но он был абсолютно точно уверен, что чего-то не хватает. Припомнив, как вел себя в драках, Сашка расслабился, и его тело тут же отреагировало. Пальцы привычно сменили хват ножа, а глаза уже выискивали противника.

«М-да, похоже, прежний хозяин этой тушки тот еще ухорез был, – буркнул про себя Сашка, припомнив собственные действия в Африке. – Судя по всему, в Алжире он с местными не на шутку резался. Тех пятерых я положил, они и мявкнуть не успели. Хотя и не простые обыватели были. Или это он их положил, а я только рядом стоял? Вот тоже, интересный вопрос. Кто в тот момент телом управлял? Я или прежний боец. Блин. А куда он вообще подевался? Так. Стоп. Это что же, настоящее переселение душ получается. Точнее, души. Блин, запутался. Если меня в его тело запихнули, то куда он сам делся? Помер? Тогда почему тело живо? Вроде говорили, что тело без души жить не может. Или это уже из области мистики? Или он после контузии забился куда-то в мозжечок и носа не высовывает? Блин. Опять запутался, – вздохнул Сашка. – Тут получается какая-то смесь философии, софистики и мистики. В общем, готовый клиент для дурки. И чего делать? А ничего тут не сделаешь. Как дядя Сеня говорил: раз получил жизнь, живи как человек. В дерьмо скатиться всегда успеешь».

Его размышления прервала Мадлен. Женщина вышла из спальни, накинув на плечи легкую шаль. Подойдя к парню, она прижала его голову к груди и, вздохнув, тихо спросила:

- Часто с тобой такое?
- Впервые, – буркнул Сашка, с удовольствием вдыхая ее запах.
- Тебе идет трубка, – вдруг улыбнулась она. – Глядя на тебя, юность вспомнила.
- Ну, ты и сейчас еще молодая, – нашелся парень.
- Ох, не смейся, – хихикнула она. – Не умеешь ты комплименты говорить. Так что лучше и не пытайся. А то впросак попадешь.
- Я думал, тебе приятно будет, – смутился Сашка.

– Какой же ты еще телок, – ласково целуя его, вздохнула женщина. – Вроде и воевал, и крови понюхал, а в обычных делах все равно мальчишка. Ты уже решил, куда поедешь? – вдруг сменила она тему.

– Думаю на восток податься.

– В Китай, что ли? – ахнула Мадлен.

– Почему в Китай? – не понял Сашка. – Там много стран. Посмотрим, какой корабль подвернется.

– А денег тебе на билет хватит?

– Думаю наняться на пароход матросом. Переход отработаю. Был я в кассах. Там билет даже третьего класса стоит столько, что аж в газах потемнело, – усмехнулся парень.

– А почему не в Новый Свет? – не унималась женщина. – Отсюда многие туда рвутся. Говорят, там можно неплохо устроиться.

– Везде устроиться можно, если деньги есть, – отмахнулся Сашка, припомнив пару документальных фильмов, которые крутили им в армии. – Там с работой проблемы. В основном устраиваются или на фермах, или на больших заводах, или на строительстве дорог. Если место найдется.

– Откуда ты это знаешь? – удивилась Мадлен.

– Еще в порту Алжира довелось поговорить с одним торговцем из тех краев, – выкрутился парень. – За тканями приезжал.

– И как? Купил? – с интересом спросила женщина.

– Не знаю. Мы на погрузку пошли, а он в город подался. Но думаю, купит. Если в переулке не зарезали, – фыркнул он, припомнив купца у лавки менялы.

– Шуточки у тебя, – возмутилась Мадлен, шлепнув его по плечу. – Живой же человек.

– Живой. Да только думать надо, куда прешься, да еще и с солидными деньгами, – возмутился Сашка. – Охрану иметь в таких местах надо. А у него один револьвер.

– Ну, тоже верно, – подумав, кивнула она. – Может, спать пойдем?

– Ложись, я посижу еще. Прости, что разбудил, – повiniлся парень.

– Не страшно, – отмахнулась Мадлен. – Тут иногда под окнами такое бывает, что невольно проснешься.

– Грабят, – понимающе кивнул Сашка, сообразив, что она имеет в виду.

– Если бы просто грабили, – вздохнула женщина. – Одно время трупы с улиц каждое утро собирали. Мой бывший даже ружье купил.

– И где оно? – тут же сделал стойку парень.

– В сундук убрала от греха подальше, – скривилась она. – Боюсь я оружия.

– Глупо. Запомни, милая. Убивает не оружие. Убивает человек. А оружие всегда нужно под рукой иметь. Не пристрелишь нападающего, так хоть напугаешь и остальным в округе знак подашь.

– Ну, если только так, – с сомнением протянула Мадлен.

– Именно так. В кофейне ему делать нечего, а вот дома оно всегда у тебя под рукой должно быть, – не унимался Сашка. – В кофейне и помощники есть, и жандармы иной раз мимо проходят, а вот ночью ты одна. И защитить тебя некому. Так что пообещай мне, что достанешь его и будешь держать у двери заряженным.

– Достану, – чуть подумав, сдалась женщина.

– Обещаешь? – спросил Сашка, требовательно глядя ей в глаза.

– Обещаю.

– Вот и умница, – улыбнулся парень, обнимая ее за бедра и с удовольствием вдыхая запах здоровой женщины.

– Сломаешь, битюг, – тихо рассмеялась Мадлен.

– Я осторожно, – хмыкнул Сашка.

– Да у тебя силы на троих, – продолжала хихикать женщина, еще крепче прижимаясь к нему. – Все, хватит дымить. Пошли в постель, – сделала она еще одну попытку отвлечь парня от его собственных проблем.

– Ложись, милая. Мне и правда еще подумать нужно.

– О чем? – возмутилась Мадлен.

– Нужно понять, что случилось и что я почувствовал, – нехотя признался Сашка. – Не знаю почему, но думаю, для меня это важно.

– Ладно. Думай, – сдалась Мадлен и, чмокнув его в щеку, прямо в шрам, отправилась в спальню.

Проводив взглядом ее крепкую, аппетитную фигурку, Сашка снова раскурил погасшую трубку и вернулся к собственным мыслям.

«Так, – думал он, попыхивая трубкой. – Знание языка и умение орудовать ножами я получил от моего соседа. Некоторое знание

местных реалий тоже. Выходит, если он где-то здесь, я должен его как-то почувствовать. Логично? Вроде да. И как понять, что я его чувствую? А хрен его знает, товарищ майор, – ответил он сам себе словами из старого анекдота. – Тело у него сильное. Тренированное. И судя по шрамам, в бою побывавшее не раз. Выходит, навыки тела остались. Но почему у меня получается совмещать их с моим сознанием. Или с душой? Или еще с чем? Блин. Одни вопросы. Да, не с моим образованием в таких делах разбираться, – скривился он. – Вот как тут понять, какие движения мои, а какие его?» – спросил он сам себя, снова беря в руку старый нож и ловко вертя его в пальцах.

Зажав трубку в зубах, парень легко поднялся и, отойдя от окна, сделал несколько движений, имитируя ножевой бой. Старый клинок со свистом рассек воздух. Убедившись, что случайно полученные навыки работают без сбоев, парень снова уселся на место и, отложив нож, вздохнул: «Твою мать! Совсем запутался. Если этот ухорез умел хорошо воевать, тогда становится понятно, почему я так спокойно зарезал пятерых и даже не сблевал. Я тоже не ангел, но живых людей мне резать не приходилось. Это что ж получается? Я хотел добыть денег, а он, уловив мои мысли, показал, как это сделать? Тогда, может, мне перед отъездом и тут поохотиться?» – подумал Сашка, старательно прислушиваясь к своему новому телу.

То, что его куда-то перетащило и воткнуло в новое тело, он воспринял как-то отстраненно. словно это и не с ним произошло. Впрочем, это можно было понять. Очнулся он после серьезной контузии. Причем, похоже, двойной. В своем мире его накрыли гранатой, а в этом взрывом порохового склада. Потом был испуг, что он вообще оwoщем стал, а когда понял, что это не так, то успокоился и на остальное просто забил.

А теперь, когда окончательно пришел в себя, понял, что изменить уже ничего не может. Ведь перед ним в полный рост встал вопрос выживания. Выжить в чужом для себя мире любой ценой. И как человек, занимавшийся этим делом почти все детство, Сашка и принялся решать его, плюнув на все остальные несуразности. Главное – выкрутиться. Найти себе тихий уголок и средства пропитания. Об остальном можно будет подумать после.

И вот теперь то, что разбудило его посреди ночи, заставило парня начать исследовать самого себя. В очередной раз почесав в затылке,

Сашка аккуратно выбил трубку о край цветочного горшка и, положив ее на подоконник, снова посмотрел в сторону порта. Прав ли он, пытаясь уехать отсюда и начать новую жизнь там, где его никто не знает? Если рассуждать, исходя из того, что он плохо ориентируется в местных реалиях, да. А если вспомнить, что здесь вроде как его родина, то вроде и не совсем.

Испустив очередной вздох, Сашка прикрыл окно и, пройдя в спальню, осторожно забрался под одеяло. Спящая Мадлен, сонно улыбнувшись, тут же устроилась у него на плече и, по-хозяйски обняв парня за пояс, продолжила спать дальше. Сашка, глядя на нее, улыбнулся и, заботливо прикрыв подругу одеялом, закрыл глаза.

* * *

Осторожно выглянув из-за угла пакгауза, парень всмотрелся в название парохода и, чуть усмехнувшись, тихо проворчал:

– «Святой Михаил». Россия. То, что нужно. Осталось договориться, – и ловко выбравшись из своей засады, двинулся к судну вдоль пирса.

Добравшись до трапа, он принялся не спеша подниматься по нему, давая вахтенному матросу время оценить обстановку. К тому моменту, когда он оказался на площадке у борта, рядом с матросом уже стоял крепкий мужик средних лет с роскошными усами. С первого взгляда было понятно – боцман. Форма не офицерская, но держится как самый главный. Усмехнувшись про себя, Сашка остановился и, не пересекая борта, вежливо поздоровался.

– И ты здравствуй, человек прохожий, – удивленно кивнул боцман на его приветствие. – С чем пожаловал?

– Хочу в Россию попасть, да с деньгами беда. Готов проезд отработать, – с ходу заявил Сашка.

За то время, пока он поджидал подходящее судно, Сашка успел побывать в билетных кассах и узнать стоимость проезда. Билет третьего класса стоил сто десять франков. Третью того, что ему выплатила армия. Так что, после долгих размышлений и походов по вокзалам, парень пришел к выводу, что вот так, морем, отрабатывая проезд, самый приемлемый вариант. Денег доехать, конечно, хватит,

но тогда, на месте, придется сложить зубы на полку или выходить на большую дорогу.

– А документ у тебя какой есть? – подумав, осторожно спросил боцман.

– С документами как раз порядок, – кивнул Сашка, не торопясь доставать свои бумаги. – Вот с деньгами беда.

– А делать что умеешь? – последовал следующий вопрос.

– Солдат я, – вздохнул парень. – После контузии, – тут он ткнул пальцем в шрам, – списали вчистую. Сам я сирота приютский. Ни кола, ни двора. Вот и решил в Россию податься. Работать умею. Приказы выполнять тем более. Сам понимаешь, солдат.

Боцман уже открыл рот, чтобы задать очередной вопрос, когда рядом с трапом появился офицер и, окинув собравшихся внимательным взглядом, спросил:

– Что тут у тебя, Макар Ильич?

– Да вот, ваше благородие, француз, матросом за перевоз до Одессы просится, – бодро доложил боцман.

– А ты что ж, уже успел и язык выучить? – иронично усмехнулся офицер.

– Так он по-нашему лопочет не хуже русского, – насупился боцман.

– Совершенно верно, мсье, – чуть поклонился Сашка. – По-русски я говорю свободно.

– Очень интересно, – удивленно хмыкнул офицер. – И где же вы успели его выучить?

– Откровенно говоря, не помню. После контузии, – тут он снова ткнул пальцем в шрам на щеке, – у меня вообще проблемы с памятью. Очень мало что о себе помню. Потому и списали из армии.

– А где именно служили?

– Иностраный легион. Рядовой стрелок. Был в Алжире, Марокко, – четко доложил парень.

– Документы есть? – чуть подумав, решительно спросил офицер.

– Так точно, – кивнул Сашка и, расстегнув рубаху, снял с шеи мешочек с бумагами.

Достав из него все полученные документы, он молча подал их офицеру. Кивнув, тот быстро, но внимательно просмотрел все документы и, возвращая их владельцу, спросил:

– А почему именно в Россию? Обычно отсюда стараются уехать в Новый Свет. А вы в дикую страну рветесь, – в голосе его прозвучала усмешка.

– Ну, те, кто это говорят, по-настоящему диких стран не видели, – усмехнулся в ответ Сашка. – А в Россию только потому, что язык знаю. Английским не владею, а по-французски там редко кто говорит. Да и большая она, Россия. Может, и мне где-нибудь в ней уголок найдется.

– А чем заниматься собираетесь? – с интересом уточнил офицер.

– Я неплохо разбираюсь в механике, – пожал Сашка плечами.

– Следуйте за мной, – подумав, приказал офицер. – Я представлю вас первому помощнику. Как он решит, так и будет. Макар Ильич. И ты с нами ступай.

Офицер провел парня длинными коридорами и, поднявшись на третий ярус, постучал в какую-то дверь. Получив разрешение, он прошел в каюту и спустя пару минут, выглянув, велел Сашке войти. Первый помощник, мужчина чуть старше средних лет, с седыми висками и аккуратно подстриженными русыми усами, окинул парня долгим, внимательным взглядом и вместо приветствия потребовал документы. Сашка, так и не убравший их обратно в мешочек, быстро достал бумаги из кармана и, положив их на стол, отступил назад.

– Бывший солдат, значит, – задумчиво протянул помощник капитана.

– Так точно, ваше благородие. Списан после тяжелой контузии, – четко ответил Сашка, принимая уставную стойку.

– А чего билет покупать не стал?

– Билет третьего класса стоит сто десять франков. А мне по списанию всего три сотни заплатили. За билет отдай, за еду отдай, пока доедешь, придется в порту милостыню просить. А так я сильный и работы не боюсь. Что скажут, то и стану делать.

– Нам палубных матросов не хватает. Возьмешься? – спросил помощник, внимательно отслеживая его реакцию.

– Мне бы где-нибудь от пассажиров подальше, – чуть скривился Сашка. – С такой рожей я всем пассажирам аппетит испорчу.

– Скажу боцману, чтобы ставил тебя в ночную вахту, – ответил помощник, понимающе усмехнувшись. – Согласен?

– Да я со всем удовольствием, ваше благородие. Надоело уже в порту сидеть, – горячо заверил парень. – Главное, чтобы на меня за

внешность жаловаться не стали.

– Разберемся, – улыбнулся помощник и, отдавая бумаги приведшему Сашку офицеру, приказал: – Оформите временный паспорт и передайте парня боцману.

– Он тут, в коридоре дожидается, – быстро доложил дежурный офицер.

– Вот и хорошо. Пусть наш гость работает до Одессы.

– Благодарю, ваше благородие, – снова обозначил Сашка поклон, как видел в нескольких фильмах. Получилось вроде неплохо. Во всяком случае, во взгляде старшего помощника мелькнуло что-то вроде одобрения. Офицер же, приведший Сашку сюда, только чуть выгнул бровь.

Они вышли в коридор, и офицер, отдавая бумаги боцману, быстро объяснил ему решение старшего помощника. Внимательно выслушав офицера, боцман расправил усы и, многозначительно откашлявшись, кивнул:

– Добро, ваше благородие. Все исполню, не извольте беспокоиться. И дело ему подходящее найду. С этим у нас запросто. Всегда есть, чем занять. Пошли, француз.

– Меня Саша зовут. Александр Мерсье. Саша по-русски, – ответил парень, не трогаясь с места.

– Ну, Саша так Саша, – хмыкнул боцман и, развернувшись, двинулся обратно к трапу. – У тебя на берегу еще дела какие есть? – спросил он, быстро шагая по коридору.

– Вещи забрать да попрощаться. Двух часов хватит, – так ответил парень, не отставая от него.

– Ужин у нас в восемь. До этого часу свободен. Не придешь, считай и, разговора не было, – чуть подумав, решительно заявил боцман. – Бумаги твои пока у меня останутся.

– А когда отходим? – на всякий случай уточнил Сашка.

– Послезавтра бункеровку заканчиваем, принимаем пассажиров и отваливаем.

– Понятно. К ужину буду, – решительно кивнул Сашка и, не останавливаясь, скатился по трапу на пирс.

Проскочив между пакгаузами, он выскочил на улицу сквозь дыру в старом заборе и тут же свернул в узкий переулок. Идти к кофейне обычными путями он не хотел. Искать его так пока и не перестали,

хотя наглых вторжений больше не было. Обойдя все крупные улицы закоулками и дворами, он добрался до нужного дома и, убедившись, что его никто не видит, проскользнул в заднюю дверь кофейни. Едва Сашка успел прикрыть за собой дверь, как тут же попал в жаркие объятия Мадлен.

– Где тебя носило? – спросила она, едва оторвавшись после поцелуя.

– Есть нужный пароход. Я договорился на переезд матросом. За вещами пришел и попрощаться, – коротко сообщил Сашка.

– Куда едешь? – вздохнув, спросила женщина.

– В Россию.

– К этим дикарям?

– Никогда так не говори. Они такие же люди, как и мы. А по размеру их страна в шесть раз больше, – наставительно ответил Сашка.

– Да и черт с ними. Пошли, – опомнившись, скомандовала Мадлен и, ухватив его за руку, стремительно потащила наверх.

Спустя полтора часа, отдышавшись, Сашка оделся и, поцеловав женщину, вышел из дома. Изрядно потяжелевший хурджин оттягивал плечо, оба дамасских кинжала были засунуты за пояс, по бокам, а настроение было безоблачным. Наступал очередной этап жизни. Сашка уже был на территории порта, когда дорогу ему заступили четверо. Быстро осмотревшись и убедившись, что больше никого нет, парень сделал шаг к стене и, снимая с плеча мешок, сказал:

– Зря вы это, парни. Денег у меня нет.

– Зато за голову твою нам хорошо заплатят, – хмыкнул старший бандит. – Давай сюда свой мешок и повернись спиной. Руки сложи сзади, – приказал он, подходя к парню.

– Может, тебе еще и рожу вареньем намазать? – спросил Сашка и, сильным толчком швырнув ему хурджин, выхватил кинжалы.

Клинок в правой руке едва заметно скользнул по его жилистой шее, и бандит, выронив мешок, с хрипом начал оседать, булькая горлом. Кинжал левой руки с едва слышным хрустом пробил ребра шедшего за ним бандита, и парень, рванув оружие на себя, сильным ударом ноги отшвырнул его на третьего бандита и тут же бросился к четвертому. Левый кинжал полоснул по руке, сжимавшей револьвер, а правый клинок вонзился в шею. Стремительно развернувшись, Сашка

подскочил к третьему бандиту и ударил сразу двумя руками. В горло и грудь.

Выпрямившись, он, чуть задыхаясь от избытка адреналина в крови, быстро осмотрелся и, убедившись, что схватки никто не видел, тщательно вытер клинки об одежду одного из бандитов. Потом, убрав их в ножны, принялся обыскивать тела, стараясь не запачкаться в крови. Быстро собирая все, что может иметь хоть какую-то ценность, он скидывал добычу в хурджин. Убедившись, что живых нет, а на телах не осталось ничего мало-мальски ценного, он завязал горловину мешка и, закинув его на плечо, поспешил к пароходу.

Уже на пирсе парень неожиданно понял, что только что легко зарезал четверых бандитов, которые хорошо знали, как держать в руках оружие. Два взятых с них револьвера об этом говорили ясно. Их подвела самонадеянность и желание выслужиться. Они хотели привести возмутителя спокойствия к своему главарю живым. Но самое главное, что сам Сашка даже сейчас, уже успокоившись, не испытывал ни малейшего раскаяния или угрызений совести. Словно не людей живых резал, а траву косил.

На вахте у трапа стоял уже другой матрос, так что Сашка, поднявшись на площадку трапа, попросил его позвать Макара Ильича. Окинув его удивленным взглядом, матрос достал свисток и, выдув замысловатую трель, снова убрал его в карман. Появившийся словно из-под палубы боцман, увидев парня, удовлетворенно кивнул и, махнув рукой, скомандовал:

— Явился. За мной иди.

Отведя Сашку на нижнюю палубу, он свернул в боковой коридор и, толкнув одну из дверей, жестом указал ему в проход, попутно поясняя:

— В кубрике у нас постоянная команда живет. А временные, вроде тебя, вот в таких кандейках обитают. Бросай вещи, и пошли в каптерку. Переодевать тебя станем. Раз уж решил стать матросом, так изволь соответствовать.

— Это я всегда пожалуйста, — усмехнулся Сашка, засовывая свой мешок в рундук.

— У нас не воруют, так что двери не запираются, — высказался боцман, по-своему оценив взгляд парня, брошенный им на дверь.

– Ну и слава богу, – развел Сашка руками и последовал за боцманом, получать форму и наряд на работу.

* * *

Веревочная швабра со смачным плюхом опустилась на палубу, и Сашка, вздохнув, принялся елозить ею по ровным тиковым доскам.

«Взялся за гуж, полезай в кораб», – усмехнулся он про себя, выплескивая грязную воду за борт.

Матрос из него был никакой, так что все его обязанности сводились к простому и понятному, принеси – подай, иди нафиг, не мешай. Главное, что дело свое он должен был делать после полуночи, чтобы не беспокоить пассажиров. Этого он и добивался. Так парень не привлекал к себе внимания и не пугал важных персон своей рожей. Днем, отоспавшись в своей кандейке, он выполнял разовые поручения, постоянно держась поблизости от боцмана.

Тот умудрялся инспектировать судно, не попадаясь на глаза пассажирам. То и дело в коридорах нижней палубы слышался его зычный голос, раздававший указания матросам. Сашка, пользуясь относительной свободой, на палубу вылезал только ночью. А вот днем делал все, что было приказано. Впрочем, особых поручений для него у боцмана не было. Ведро, швабра и забортная вода, это все, что ему доверяли. Но парень и не думал огорчаться. Главное, он двигался в нужном направлении, а остальное и потерпеть можно.

Так было и в тот день. Пароход благополучно прошел пролив Дарданеллы и Мраморное море, когда вахтенный матрос распахнул дверь его кандейки и, не переступая комингс, порог по-сухопутному, скомандовал:

– Саня, хватай ведро и швабру и бегом на верхнюю палубу. Там срочно прибраться надо. Боцман приказал. Он и сам там. Тебя ждет.

Кивнув, Сашка одним движением поднялся с койки и, прикрыв за собой дверь, поспешил за инвентарем. Выбравшись на палубу, он пошел в указанном направлении, стараясь держаться подальше от чистой публики. Макар Ильич, увидев его, одобрительно кивнул и, жестом подзвав поближе, тихо велел:

– Вон там, на площадке народ видишь?

– Так точно.

– С нашего краю на палубе кровь. Замой, пока не засохла.

– Сей момент сделаю, – быстро кивнул Сашка и, не удержавшись, спросил: – А кровь-то откуда? Случилось чего?

– А-а, – скривился боцман, обреченно махнув рукой. – Скучно господам, вот и удумали кулачной борьбой развлекаться. Англичанин там один. Ловок, бес. Уже третьему противнику морду разбил. Так что ты поосторожнее. И главное, водой никого не забрызгай.

– Так, может, вы со мной пойдете. Как-никак, вы при должности, а я так, матрос, – чуть подумав, предложил Сашка. – Пусть видят, что о них заботу проявляете.

– И то верно, – вздохнув, согласился боцман. – Пошли.

Быстро сбросив ведро за борт, парень ловко вытянул его за веревку вверх и, стараясь не расплескать воду, поспешил за начальством. Аккуратно потеснив зрителей, боцман пальцем указал Сашке на пятна крови, и тот тут же принялся смывать ее, стараясь не сильно шлепать мокрой шваброй по доскам. Между тем на площадке, огороженной четырьмя стульями и веревкой, прохаживался крепко сбитый мужчина в спортивном трико. И боксерских перчатках.

Увидев этот наряд, Сашка едва сдержал смех. Уж очень это все напоминало кадры из фильмов. Англичанин в очередной раз пригласил на ринг нового противника, но желающих так и не находилось. Тогда он жестом подозвал к себе мужика средних лет, очевидно слугу, и, прошептав ему что-то, громко сказал:

– Я хочу добавить интереса в наше развлечение. Господа, я заплачу любому, кто выйдет на ринг, двадцать английских фунтов.

Зеваки дружно начали переглядываться. Сашка, отжав швабру, принялся снова затирать кровь.

– Тридцать фунтов, господа! – увеличил ставку англичанин, уже начиная злиться. Слуга по его знаку достал из кармана бумажник и, отсчитав нужную сумму, вскинул купюры над головой.

– Смени воду и протри чистой, – тихо приказал боцман, окинув взглядом Сашкину работу.

Кивнув, парень подхватил ведро и поспешил к борту. Быстро сменив воду, он вернулся обратно, но доделать работу не успел.

– Пятьдесят фунтов! – яростно выкрикнул англичанин и, не увидев желающих, обратил внимание на работающего парня. – Эй, ты.

С ведром. Сюда иди, – приказал он, ткнув в направлении парня боксерской перчаткой.

Сказано это было по-английски так, что для парня не было проблемой сделать вид, что он не понял, что обращаются к нему. Он и вправду не знал этого языка. Впрочем, он изначально старался держаться так, чтобы его прикрывали зеваки, и смотрел на ринг только краем глаза.

– Я сказал, подойди сюда, парень, – прорычал британец, подсакивая к веревке.

Боцман незаметно толкнул Сашку, и тот, выпрямившись, удивленно посмотрел на странного пассажира.

– Вы ко мне обращаетесь, мсье? Простите, но я не говорю по-английски, – произнес он с безупречной вежливостью.

– Я уже понял, – хмыкнул британец с заметным презрением. – Я предлагаю тебе бой, парень. Судя по твоей физиономии, драться ты умеешь. Пятьдесят фунтов, если продержишься против меня три минуты по часам моего слуги.

– Я не знаю правил этой борьбы, мсье. Я умею драться только так, как дерутся на улицах. А там, как известно, правил не бывает, – пожал Сашка плечами, снова берясь за швабру.

– Я тебя не отпускал, – снова принялся яриться британец.

– Простите, мсье, но я нахожусь на службе и должен выполнять свои обязанности, – вздохнул парень, покосившись на боцмана.

Им на помощь протолкался вахтенный офицер и, с ходу сообразив, что происходит, попытался урезонить буйного пассажира.

– Сэр, этот матрос находится на вахте, и я не могу допустить, чтобы он развлекал только вас, – произнес он на хорошем английском.

– Здесь достаточно много пассажиров, которым скучно, – моментально нашелся британец. – Прикажите ему выйти в ринг. Это нас всех развлечет, – добавил он, презрительно усмехаясь.

– А если он нанесет вам увечье? – снова попытался разрулить ситуацию офицер. – Я не могу допустить, чтобы наш пассажир пострадал. Это плохо скажется на нашей репутации.

– Ерунда. У вас куча свидетелей, что я сам вызвал его и предложил деньги, – не унимался британец.

– Я не могу ему приказать подобное, – пошел офицер в отказ.

– Боитесь, что в его лице окажется битой вся ваша империя? – расхохотался англичанин.

– Саша, сумеешь его побить? – потемнев лицом, спросил офицер, развернувшись к парню всем телом.

– Зашибу ведь дурака, ваше благородие. Я солдат, а не спортсмен.

– Да и хрен с ним, – выдохнул офицер, явно разозлившись после слов британца. – Главное, не убей.

– Так мне долго еще ждать? – снова послышался голос задиры. – Или вы тут все окончательно струсили?

– Мсье, как я уже говорил, я не знаю правил этой борьбы, но готов с вами драться. Но имейте в виду. Я буду драться только так, как сам умею, – отложив швабру, решительно заявил Сашка, которому это бахвальство тоже начало действовать на нервы.

– Отлично! – радостно усмехнулся британец. – Дерись, как хочешь, парень. А чтобы тебе было веселее, слушайте все, – он повысил голос, развернувшись к собравшимся. – Я плачу этому парню пятьдесят фунтов, если он продержится против меня три минуты. И по одному фунту за каждый его удар, который он сумеет мне нанести. Теперь, – тут он повернулся к вахтенному офицеру, – и вы, и ваш экипаж свободны от любых обязательств. Иди сюда и становись в середину, – скомандовал он Сашке.

Нырнув под веревку, парень быстро закатал рукава и, покрутив головой, разминая шею, встал перед противником, чуть согнув руки в локтях. Британец, гоголем пройдясь по рингу, встал в картинную стойку, держа кулаки перед лицом. Сашка чуть не расхохотался, глядя на это зрелище. Противник сделал короткий шаг вперед, одновременно выбрасывая левую руку ему в лицо. Парень, ожидавший чего-то подобного, начал двигаться одновременно с ним.

Делая шаг в сторону, он открытой правой ладонью резко ударил его в локоть выброшенной руки и тут же врезал левым кулаком в бок. Не останавливаясь, он двинул противника кулаком под ухо и, задумчиво посмотрев на растянувшегося на досках палубы британца, решительно направился к его слуге. Выдернув у растерявшегося мужика деньги, он отсчитал пятьдесят три фунта и, подняв их над головой, громко объявил:

– Пятьдесят фунтов за бой и по фунту за каждый из трех ударов.

Потом, убрав деньги в карман, он вышел из ринга и, подхватив свой инвентарь, поспешил убраться с палубы. Зеваки проводили его растерянными взглядами, не решаясь возразить. Слуга, очнувшись, поспешил привести своего хозяина в сознание. Убрав инвентарь в подсобку, Сашка вернулся в свою кандейку. Там его и нашел улыбающийся боцман.

– Ну, ты ему и врезал, – со смехом проговорил он, присаживаясь на койку рядом с парнем. – Пришлось к доктору отправлять. А тот ему постельный режим прописал. Силен, приятель, – закончил он, хлопнув парня по плечу.

– Говорил же, я солдат. Я так и зашибить могу, – усмехнулся в ответ Сашка, пожимая плечами.

– Теперь верю, – решительно кивнул боцман. – Ладно, Саша. Пока суд да дело, есть к тебе еще поручение. В каюте первого помощника полы помыть надо. Он как раз на вахте. Сделаешь, и до вечера свободен.

– Сей момент сделаю, – кивнул Сашка, поднимаясь.

Они поднялись на офицерскую палубу, и боцман, открыв нужную дверь своим ключом, быстро показал ему, что именно нужно делать. Потом, отходя к двери, добавил:

– Тут тебе одного ведра хватит, так что закройся на всякий случай. А будешь уходить, просто вот эту пим-почку поверни и дверь захлопни. Он потом сам своим ключом откроет.

– Сделаю, Макар Лукич, – кивнул Сашка, принимаясь за дело.

Вымыть полы в двух небольших комнатках дело не сложное. Управившись, он подхватил чистую тряпку и быстро прошелся по всем поверхностям. Что ни говори, а угольная пыль имеет странную способность проникать куда угодно. Так что сделать это было необходимо. Сашка уже заканчивал, когда взгляд его неожиданно упал на рабочий стол офицера и наткнулся на роскошный морской атлас.

Не удержавшись, парень отложил тряпку и, отерев руки о штаны, аккуратно открыл его. И уже с первых страниц не мог остановиться. Абрис побережий, знакомый ему с самого детства, оказался совсем иным. Здесь Азовское море было соединено с Каспием несколькими реками, протекавшими вдоль Кавказского хребта. Италия имела совсем другую форму, а Крымский полуостров только выступал в море, не имея никаких заливов, вроде Каркинитского.

Захлопнув атлас, Сашка вдруг почувствовал, что ноги его не держат, и, опустившись на палубу, сжался в комок, обхватив руками колени. Только теперь он отчетливо понял, что оказался не только не в своем теле, но еще и не в своем мире. И что возврата к прежнему не будет никогда. Это осознание напугало его, выбив из колеи. И если раньше он воспринимал окружающую действительность как какое-то приключение, отмечая его словно краем сознания, то теперь он вдруг понял, что это его новая жизнь. Парень словно завис в собственном испуге. Не замечая ничего вокруг, он раскачивался, сидя на палубе и тихо подвывая.

Из этого состояния его вывела чья-то рука, потрясшая парня за плечо, и участливый голос негромко спросил:

– Александр, что с тобой?

Вздрогнув, Сашка вскинул голову и, увидев хозяина каюты, принялся тяжело подниматься на ноги, попутно утирая ладонями лицо. Он и сам не заметил, как заплакал.

– Простите, ваше благородие. После контузии у меня такие приступы иногда бывают. Я все сделал уже, когда накатило.

– Да, я вижу, – поспешно кивнул первый помощник, поддерживая его за локоть. – Это ты от боли так скулить начал? – не удержавшись, спросил он.

– Угу, – мрачно вздохнул Сашка.

– Так, может, доктора позвать? – участливо предложил офицер.

– Не беспокойтесь, ваше благородие. Боцман меня до вечера отпустил. Так что отлежусь, – поспешил заверить его парень. – Мне сейчас только тишина и покой нужны.

– Ну, ступай, голубчик, ступай, – кивнул офицер, провожая его до двери.

Механически убрав ведро и швабру в подсобку, Сашка добрался до своего закутка и, улегшись на койку, с головой укрылся одеялом. Сейчас ему было так плохо и страшно, что хотелось просто выть. Или забиться туда, где его никто не найдет. Сам того не замечая, он принялся тихо поскуливать, словно маленький, заблудившийся щенок. Незаметно последовавший за ним офицер, подобрался к двери и, прислушавшись, растерянно покрутил головой. Потом, быстро поднявшись на палубу, он нашел боцмана и, отдав ему указания, вернулся в свою каюту.

– А может, останешься? – предложил Макар Лукич, пыхнув трубкой. – Парень ты справный, работать умеешь. А что людей сторонишься, так оно и понятно. Да только и матросы наши к тебе уже привыкли. Особенно после того, как ты того британца побил, – с усмешкой закончил он.

– Благодарствую, Макар Лукич, – улыбнулся Сашка в ответ. – Да только не мое это. Да и трудно мне здесь. Ну, сам подумай, какая на меня надежда, ежели вдруг снова скрутит. И вас всех подведу, и дело испорчу.

– Это да, – смутившись, нехотя согласился боцман. – Ну, смотри. Надумаешь, милости просим. А работу подходящую найду. Не сомневайся.

– И в мыслях сомневаться не было, – тихо рассмеялся Сашка, которому боцман живо напоминал армейского старшину.

Вот уж у кого не забалуешь. Для старого прапорщика сидящий без дела солдат был сродни красной тряпке для быка. А занятия для подобных сачков он придумывал просто виртуозно. Парень вздохнул и, вынырнув из воспоминаний, удивленно посмотрел на стоящего рядом боцмана. Тот, достав из кармана какую-то аккуратно свернутую бумажку, протянул ее парню и, расправив усы, пояснил:

– Адрес тут, в Одессе, и денег малость. На первое время.

– Да как же так, Макар Лукич? – растерялся Сашка. – Я ж за проезд работал.

– Не гоношись, – сердито сдвинул боцман брови. – Это тебе матросы промеж себя собрали. За британца того. Ловок, бес. Из наших его никто б побить не смог. А ты запросто. Вот они и решили... В общем, бери, не сомневайся. И не обижай людей отказом. А адрес на тот случай, коли в Одессе задержаться придется. Там вдова старого моего дружка живет. И не дорого, и покойно тебе будет.

– Благодарствую, Макар Лукич, – растерянно пролепетал Сашка, аккуратно убирая сверток в карман.

Потом, подчиняясь какому-то наитию, он развернулся к боцману всем телом и, приложив к груди правую ладонь, медленно поклонился в пояс.

– Гм, ты это... – смутился боцман. – Не мне кланяться. То матросам нашим. А вообще, никакой ты не француз. Наш ты. Исконный, – вдруг высказался он.

– То, Макар Лукич, одному Богу известно, – выпрямившись, грустно улыбнулся парень.

Кивнув, боцман вздохнул и, развернувшись, направился на нос. Проводив его взглядом, Сашка поспешил в свою кандейку. За вещами. Судно уже входило в порт Одессы и готовилось швартоваться. Так что и этот этап его путешествия подошел к концу. Теперь Сашке предстояло в очередной раз преодолеть бюрократический барьер, и можно будет отправляться дальше. Дождавшись, когда пассажиры сойдут на берег, он подошел к трапу и, сам того не ожидая, развернулся.

Все свободные от вахты матросы столпились на палубе, молча глядя ему вслед. Растерянно улыбнувшись, Сашка поклонился собравшимся в пояс и, откашлявшись, громко сказал:

– Благодарствуйте, братцы, за добро да за помощь. Даст Бог, отдарюсь, чем смогу. Храни вас Господь.

– Тебя храни, Ляксандр, – послышалось в ответ.

Чувствуя в горле комок, Сашка легко сбежал по трапу на пирс и, закинув мешок на плечо, быстро зашагал в сторону таможни. Пассажиры уже покинули здание, так что пятерка чиновников лениво перекладывала бумаги, дожидаясь, когда на берег начнут сходить моряки с пришедшего парохода. Подойдя к ближайшему чиновнику, Сашка вежливо поздоровался и, выложив перед ним свои бумаги, представился:

– Александр Мерсье, механик. Приехал в страну в поисках работы.

– Прибыли пароходом «Святой Михаил»? – уточнил чиновник с заметным удивлением.

– Точно так, – кивнул Сашка. – Был нанят матросом в уплату за переход от Марселя, – пояснил он, указывая на временную матросскую книжку.

Впрочем, здесь этот документ назывался как-то иначе, но Сашке это название было мало интересно. Он прибыл, куда хотел, а такие мелочи уже не важны. Возможно, и скорее всего, мнение это ошибочно, но пока ему было не до того. Чиновник, внимательно

рассмотрев подписи и печать, задумчиво кивнул и настороженно покосился на парня. Потом, переведя взгляд на его мешок, хмыкнул и, покачивая головой, проворчал:

– Не много же у вас вещей, господин Мерсье.

– Я был солдатом и привык обходиться малым, – пожал Сашка плечами. – Вот найду работу, тогда можно будет и хозяйством обраться.

– А что, во Франции работы подходящей не нашлось? – задал чиновник следующий вопрос, продолжая просматривать бумаги.

– Я слышал, что здесь механиков ценят. Вот и решил попытать счастья, – пожал Сашка плечами. – Семьи у меня нет. Так что собраться, только подпоясаться.

– Откуда вы так хорошо знаете русский? – тут же последовал очередной вопрос.

– А вот этого я не помню, – вздохнул Сашка, принимая удрученный вид. – Получил тяжелую контузию и многое забыл, – тут он указал пальцем на свой шрам. – Потому и был из армии списан. Это все в бумагах есть.

– Да. Вижу, – мрачно кивнул чиновник. – Странно получается. Язык помните, дело тоже. А вот остальное забыли. Как так? – спросил он, вперив в парня внимательный взгляд.

– Сам бы знать хотел, – вздохнул Сашка, отвечая ему равнодушным взглядом. – Доктор вокруг меня только что с бубном не плясал, пытаюсь мне память вернуть, да только не вышло ничего. Потому и решил уехать. Вроде как новая жизнь с чистого листа получается.

– Да уж, чего только в жизни не бывает, – проворчал чиновник, ставя в Сашкином паспорте отметку о пересечении границы и старательно переписывая нужные данные в толстый грессбук. – Что ж, мсье, добро пожаловать с Российскую империю, – закончил он, возвращая ему документы.

– Благодарствую, сударь, – вежливо поклонился Сашка и, аккуратно убрав документы, поспешил на выход.

Теперь ему предстояло понять, каким образом и на каком транспорте можно добраться до нужных мест. Припомнив, что все основные транспортные артерии сходятся в крупные города, он решительно направился к ближайшему городовому, с важным видом

стоявшему на углу. Поздоровавшись, он задал интересующий его вопрос и, получив четкие указания, отправился дальше. Как оказалось, до Киева он может доехать на почтовой карете. А дальше, до Воронежа, идет чугушка.

Мысленно подивившись странности строительства местных железных дорог, Сашка отправился к почтовой станции. Спустя час он нашел искомое и, оглядевшись, отправился к кассе. Ему повезло. Очередная карета должна была отправиться через полчаса. Купив билет, Сашка вышел из здания станции и, покрутив носом, свернул за угол. Время было к ужину и есть уже хотелось крепко. Так что, чуть подумав, парень купил пять пирожков с ливером, пару с вареньем и, прихватив стакан чаю, принялся заправляться.

Благо на билет и пирожки денег, собранных ему матросами, хватило с запасом. Про посещение банка он за всей этой суетой просто забыл. Поев, парень задумчиво почесал в затылке и, сообразив, что в дороге ему предстоит провести пару суток, поспешил к рядам торговков, сидевших неподалеку. Быстро прикупив всякой снеди в дорогу, он вернулся к станции и, услышав, что карета подана, отправился на посадку.

Вообще, с определенного момента у парня начало складываться впечатление, что его ведет по этому пути какая-то странная сила. Уж больно все легко и быстро получается. А главное, без особых приключений. Этот момент Сашку устраивал больше всего.

Почтовая карета внешне напоминала трамвайный вагон. Из тех, что стоят в музее. Деревянный ящик, поставленный на колеса. Только посадочных мест в ней было поменьше, и сиденья располагались не вдоль коробки, а поперек.

В салон, тут Сашка улыбнулся собственным мыслям, набилось человек десять. С первого взгляда было понятно, что все это люди разного сословия и достатка. Но никого из высшего общества, слава создателю, не было. Так что, выбрав себе местечко в уголке, парень засунул свой мешок под сиденье и, усевшись, прислонился плечом к стене. Судя по тому, что стена вагона была обита простой рейкой, покрытой лаком, это была карета второго, а то и третьего класса. Вдаваться в подробности Сашка даже не пытался, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

В салон заглянул крепкий седой мужик и, убедившись, что все расселись, подал кому-то знак. Звонко щелкнул кнут, и четверка упитанных меринов навалилась на постромки. Карета качнулась и начала плавно разгоняться. Прикинув скорость, с которой этот транспорт движется, Сашка только вздохнул. Потом, плюнув на грустные мысли, принялся рассматривать город. Из фильмов и книг он знал, что Одесса всегда славилась своей архитектурой. Строить из дерева там разрешали только на окраинах. Похоже, тут все было примерно так же.

Карета выкатилась на тракт и немного прибавила скорости. Понимая, что ничего нового теперь не увидит, Сашка прижал ногой свой мешок и прикрыл глаза. Его соседи, пара молодых мужчин, судя по одежде, студентов, и молодая семейная пара с маленькой девочкой на руках у жены, парня мало интересовали. К тому же, едва усевшись и рассмотрев его лицо, они принялись старательно делать вид, что Сашки тут вообще нет.

Само собой, такое отношение посторонних людей его задевало, но у него была цель, а значит, глупо было отвлекаться на подобные мелочи. Ну да. Не красавец. Как в том анекдоте, какую рожу Господь дал, ту и ношу. Так что устраивать по этому поводу шум Сашка не собирался. Он уже начал засыпать, когда соседский ребенок, воспользовавшись тем, что мать отвлеклась, подобрался поближе и, дернув парня за рукав, спросил:

– А тебе кто так лицо поцарапал?

– Мамку не послушался, вот и поцарапался, – улыбнулся Сашка, повернувшись к девчужке.

– Больно было?

– Ага. Я даже заплакал, – признался парень, продолжая улыбаться.

– Бедненький, – вдруг пожалела его девочка и, встав на цыпочки, протянула ладошку, чтобы погладить его по щеке со шрамом.

Понимая, что так детеныш просто не дотянется, он наклонился к ней, краем глаза наблюдая за реакцией родителей. Те, явно растерявшись, не знали, как реагировать на эту беседу. Мягкая детская ладошка осторожно коснулась шрама и, погладив его, опустилась.

– А сейчас болит? – задала девочка новый вопрос.

– Теперь уже нет. Это ж давно было, – ответил Сашка.

– Я тоже иногда мамку не слушаюсь, – подумав, вдруг признался ребенок.

– Это плохо. Мамку слушаться надо. Она ж тебя любит и потому плохого не посоветует, – развел Сашка руками, старательно подбирая слова.

– Глаша, оставь господина в покое. Он отдыхал, а ты с разговорами пристала, – подхватив дочку на руки, попеняла ей мать. – Простите, сударь, – повернулась она к Сашке. – Никакого сладу с ней нет, когда ей скучно становится.

– Ничего страшного, – усмехнулся Сашка. – Я и сам скучать не люблю.

– А вы, сударь, откуда будете? – спросил один из студентов, с интересом разглядывая его наряд и бандану. При этом Сашка вживую услышал роскошный говор, которым славился этот город в его мире.

– Только сегодня с парохода сошел. Приехал из Марселя, – ответил он, отслеживая реакцию соседей. – Позвольте представиться. Александр Мерсье. Отставной солдат, в недавнем прошлом матрос, а вообще механик.

– И шо, прям-таки самонатуральный француз? – снова спросил тот же студент.

– Он самый и есть, – кивнул Сашка, не собираясь вдаваться в подробности.

– А язык где учил?

– Нашлись добрые люди, научили.

– Сема, отстань от человека, – дернул приятеля за рукав его сосед.

– Ой, я тебя умоляю, – отмахнулся говорливый Семен. – Дай с человеком погуторить.

– Сема, гуторить ты будешь в шинке своего батьки. А тут ты беседуешь. Забудь уже за свой босяцкий говор. Ты теперь студент, а не шлемазл уличный, – наставительно посоветовал второй студент, и Сашка едва не заржал в полный голос.

Снова умудрившаяся ускользнуть от матери, маленькая Глаша решительно протопала к парню и, встав перед ним, спросила:

– А ты какие игры знаешь?

«Блин! Попадалово, – мелькнула у Сашки мысль. – Я ж понятия не имею, во что они тут играют», – но собравшись с мыслями, ответил:

– Я уж тех игр и не помню. Это ж давно было. А ты во что играть любишь?

– В куклы и в догонялки, – тут же последовал ответ.

– Ну, кукол у меня нет, а бегать тут негде. И что делать будем? – озадачил он девочку.

– Не знаю, – надула та губки.

– Ну, можно попробовать в ладошки поиграть, – припомнил он игру из своего детства.

– А это как? – тут же забыла обиды Глаша.

Понимая, что теперь она от него не отстанет, Сашка вздохнул и принялся объяснять девочке правила игры.

* * *

До Киева карета шла почти двое суток. Устав сидеть и одурев от монотонности дороги, Сашка выбрался из кареты и, устало потянувшись, принялся осматриваться. Теперь ему нужно было найти ночлег, а утром узнать, где находится железнодорожный вокзал и как часто от него ходят поезда в нужном направлении. Ориентируясь по памяти, Сашка избрал очередной переходной точкой Воронеж, не желая ехать до самой Москвы.

Вышедшая следом за ним семейная пара принялась разбирать поклажу, и Сашка, подмигнув уже сонной Глаше, вежливо поинтересовался, где тут можно не дорого снять номер на ночь. Задумавшийся глава семейства растерянно покосился на супругу, и та, приняв его взгляд как руководство к действию, тут же предложила парню за небольшую плату переночевать у них. Удивившись такой непосредственности, Сашка с ходу согласился и, заметив, что у главы семейства не хватает рук на все баулы, предложил помочь. Закинув свой хур-джин за спину, он подхватил большой фанерный чемодан, и тут Глаша, захныкав, протянула к нему ручонки.

– Она вас прям за родного приняла, – растерянно сказала мать, отдавая ему девочку.

– Мне и в приюте всегда нравилось с маленькими возиться, – улыбнулся Сашка, пристраивая ребенка поудобнее.

Глава семьи, понимающе усмехнувшись, развернулся и тяжело затопал в нужном направлении. Как оказалось, пара жила в двух кварталах от почтовой станции, в небольшом флигеле. Что это за здание рядом и почему они ютятся тут, Сашка даже интересоваться не стал. Устал, да и не интересно было по большому счету. Это все было только короткой вехой в его пути. Отдав уснувшую Глашу матери, он проследовал за хозяином флигеля и, убедившись, что прекрасно сможет выспаться на предоставленном диване, достал из кармана запрошенные пятьдесят копеек.

Умывшись у колодца, он быстро перекусил остатками своих продуктов и, устроившись на диване, уснул. Разбудил его солнечный луч, коснувшийся века. Не открывая глаз, Сашка от души потянулся и, легко поднявшись, отправился умываться и приводить себя в порядок. Пара вареных яиц и кусок хлеба вполне сошли за завтрак. Так что, едва услышав, что хозяева проснулись, он вышел из комнаты, где ночевал, и, увидев выходящую хозяйку, спросил, как добраться до железнодорожного вокзала.

Получив исчерпывающий ответ, он от души поблагодарил ее и, попрощавшись, вышел на улицу. Время было еще раннее. По внутренним часам парня часов шесть утра, но народ уже начал выбираться из домов. Широким шагом добравшись до вокзала, Сашка отправился напрямик к кассам. Сонный кассир, услышав, куда ему нужно, задумчиво хмыкнул и, полистав какие-то бумаги, ответил, что нужный поезд будет только завтра вечером и в пути он пробудет трое суток.

«М-да, в этом времени торопиться не принято, – проворчал про себя Сашка, покупая билет в купе второго класса. – И куда деваться на эти двое суток? А главное, что с мешком делать?»

Этот вопрос он и задал выдававшему билет кассиру. Понимающе кивнув, тот объяснил, как дойти до местной камеры хранения. Это заведение оказалось устроенным в большом деревянном сарае. Дежурный, или как он тут еще называется, осанистый крепкий мужик, заросший бородой по самые брови, одобрительно хмыкнул, разглядев билет, и, аккуратно выписав квитанцию, мелком написал ее номер на мешке. Потом, легко подняв увесистый хурджин, он уложил его на широкий стеллаж недалеко от входа и, заметив настороженный взгляд парня, с усмешкой прогудел, словно из бочки:

– Не извольте беспокоиться, сударь. У нас не воруют.

– А если я квитанцию потеряю? – на всякий случай уточнил Сашка.

– А вот это не стоит, – построжел мужик. – На этот случай придется сюда полицию вызывать и уточнять, что в мешке вашем лежит. На квитанции той еще и номер мой записан, – тут он ткнул пальцем в жетон, висевший у него на брезентовом фартуке. – Так что и мне вас опознавать придется. А это дело непростое.

– Понимаю, – кивнул Сашка. – Но меня не признать, это слепым быть надо, – добавил он, указывая пальцем на шрам.

– Гм, ну это да, – откашлялся мужик, заметно смутившись.

– Что ж. Не стану мешать, почтенный, – улыбнулся ему Сашка и, развернувшись, зашагал к зданию банка.

Пришло время решить вопрос с наличностью. Всю валюту, медь и часть арабского серебра он достал из ранца еще утром, за завтраком. Увидев на перекрестке очередного городского, парень выяснил у него, где находится ближайший банк, и отправился в указанную сторону. Еще через час Сашка вошел в роскошный холл банка и, остановившись, принялся недоуменно оглядываться. В этом заведении все было не так, как он представлял. Из затруднения его вывел проходивший мимо клерк в круглых очках.

Узнав, что Сашка желает обменять на рубли разную валюту, он отвел его к пожилому служащему, после чего вежливо откланялся. Сидевший за столом пожилой господин в сатиновых черных нарукавниках внимательно проверил всю наличность, но, увидев арабские деньги, заметно растерялся.

– Позвольте спросить, молодой человек. Откуда у вас эти монеты? – спросил он с предельной вежливостью.

– Я служил в армии в тех местах, – равнодушно пожал плечами парень.

– Простите? – недоуменно выгнул брови клерк.

– Французский Иностранный легион. Север Африки, – коротко пояснил Сашка. – Могу предъявить бумаги, если желаете.

– Нет-нет, в этом нет необходимости, – поспешно заверил его клерк. – В конце концов, это только ваше дело.

– Как пожелаете, – все так же равнодушно кивнул Сашка.

Ловко пощелкав костяшками счет, клерк сверился с какими-то ведомостями и, быстро заполнив квитанцию, пригласил Сашку к кассе. Подведя его к нужному окну, клерк передал кассиру квитанцию и, попрощавшись, отправился на место. Из банка парень вышел, имея в кармане пачку банкнот на сумму пятьсот тридцать два рубля семьдесят две копейки. Из этой суммы он сразу отложил тридцать два рубля, разменяв один рубль мелочью.

Вот теперь можно было дышать свободно. Денег и на дорогу, и на проживание хватит. В этом Сашка был уверен, припомнив цены на продукты и во что ему обошелся ночлег. Осталось придумать, чем занять эти два дня. Подумав, Сашка решил для начала сходить на местный рынок. Вспомнив, что во всех книгах писали, что на рынке можно купить что угодно, Сашка почесал в затылке и, задумчиво посмотрев в утреннее небо, решил не торопиться.

Спешить ему и вправду было некуда. Можно было пройтись по городу и спокойно подумать. Но сначала не мешало бы подкрепиться. Молодой, сильный организм уже давно переработал легкий завтрак и принялся настойчиво требовать чего-то более существенного. На этот раз Сашка решил не спрашивать дорогу, а положиться на свой нюх. Мысленно посмеиваясь над самим собой, он не спеша пошел по улице, то и дело старательно приносясь.

Запах свежей выпечки привел его к булочной. Едва войдя, Сашка мысленно поздравил себя с хорошей идеей. В этой лавке можно было не просто купить свежие булочки, рогалики, пряники и тому подобные вкусности, но и попробовать их на месте. В дальнем от входа углу стояло несколько столиков, где увлеченно завтракали человек пять. Слопав четыре булочки с вареньем и запив их парой чашек чая, Сашка окончательно подобрел и, выйдя на улицу, весело улыбнулся.

Настроение было просто замечательное. В очередной раз посмотрев на солнце, парень подумал, что не мешало бы обзавестись часами. Пусть даже самыми простыми. Надоело время угадывать. С этой мыслью он решительно направился к замеченному на углу дворнику. Выяснив у этого служителя метлы, где находится ближайший рынок, парень двинулся в указанную сторону, с интересом оглядываясь по сторонам.

К тому времени, когда он вошел в широко распахнутые ворота, рынок уже вовсю работал. Бойкие торговки во все горло восхваляли

свой товар, а покупатели делали вид, что их все это не интересует. Пройдясь по рядам, Сашка приценился к местным продуктам, помня, что скоро снова в дорогу. В пути ему предстояло провести трое суток, так что вопрос питания нужно было решить заранее.

Бродя по рынку, Сашка краем глаза приметил, как сорванец лет двенадцати, подобравшись к солидно одетому господину, покрутился рядом с ним минутку и тут же нырнул в следующий проход между рядами. Уже догадываясь, кто это, Сашка последовал за ним. Сорванец, проскочив в конец ряда, подбежал к парню лет двадцати и, ловко сунув ему в руку какой-то предмет, отскочил в сторону. А еще через пару минут там, откуда Сашка ушел, раздался обиженный вопль:

– Ограбили-и-и!!!

«А нечего клювом щелкать», – хмыкнул Сашка про себя, попутно касаясь собственного кармана.

Все его богатства были на месте. Да и его внешность, чего уж скрывать, заставляла рыночных воришек держаться подальше. Сам толком не зная, зачем, Сашка принялся наблюдать за парнем, которому воришки скидывали все добытое. Тот не спеша прогуливался по базару, то и дело прицениваясь к различным товарам. И судя по ответам и физиономиям торговцев, те отлично понимали, кто он и чем занимается. Забредя следом за ним в скобяной и механический ряды, Сашка неожиданно почувствовал, как чья-то рука осторожно пытается прощупать его брючный карман.

Не оборачиваясь, он одним резким движением перехватил руку воришки и от души сжал пальцы, заставив его тихо взвизгнуть от боли.

– Пусти, меченый, не то хуже будет, – срывающимся от боли голосом пригрозил мальчишка.

– Ну, будет или нет, неизвестно, а вот лапу тебе я прямо сейчас сломаю, – так же тихо пригрозил Сашка, поворачиваясь к воришке лицом.

– Пусти, говорю, а то и с другой стороны тебе рожу подправят, – с ненавистью выплюнул малолетний ублюдок.

– Получи, гаденыш, – вызверился Сашка, резким движением выворачивая ему кисть до хруста.

Вскрикнув, воришка упал на колени и, прижав руку к груди, всхлипнул:

– Конец тебе, меченый. Тут и сдохнешь, – сквозь слезы пригрозил мальчишка и, поднявшись, заковылял куда-то к выходу с рынка.

– Меня уже убили, – еле слышно проворчал Сашка, глядя ему вслед.

Приметив на соседнем прилавке различные механические штучки, Сашка махнул рукой на воришку и двинулся туда. Часы ему и вправду были нужны. Жалеть мальчишку он не собирался. В их приюте такие тоже были, и закончили они все примерно одинаково. Кого зарезали в драке, кого забили до смерти, а кто сгинул в зонах для малолеток. Каждый сам выбирает свой путь. Небольшие часы-луковица в медном корпусе почему-то привлекли внимание парня.

Взяв их в руки, Сашка открыл крышку и, приложив часы к уху, с интересом вслушался в уверенный ход механизма. За ходики просили полтора рубля, но после пяти минут упорного торга цена снизилась до одного рубля ровно. Сунув часы в карман, парень отправился дальше. Мясные ряды он прошел не останавливаясь и уже собирался уходить с рынка, когда в бок ему уперлось что-то острое, и тихий голос приказал:

– Не дергайся. Шагай за угол сарая. Там с тобой поговорить хотят.

– А ты не пожалеешь? – хмыкнул Сашка, начиная свирепеть.

– Там посмотрим, кто о чем жалеть станет, – прошипели в ответ.

Покрутив головой, разминая шею, Сашка направился в указанную сторону. Устраивать драку на глазах десятков свидетелей он не собирался. Раз уж его решили наказать, то делать это будут там, где заступиться и звать полицию будет некому. А значит, и у него будет шанс. Коснувшись локтями ножен кинжалов, парень усмехнулся про себя. Бандиты, они бандиты и есть. Обыскать его никому и в голову не пришло. Так что, едва свернув за угол, Сашка запнулся о камень и, едва не упав, качнулся в сторону.

Шедший вплотную за ним бандит не успел сообразить, что происходит, как дамасская сталь пронзила ему живот под грудиной. Воткнутый снизу вверх изогнутый кинжал разрубил сердце. Чуть слышно икнув, мужик лет тридцати закатил глаза и начал медленно оседать на землю. Шедший за ним подросток лет пятнадцати, не видевший, что произошло, схватился за перерезанное горло и, булькая глоткой, повалился навзничь. Отерев кинжал об одежду бандита, Сашка быстро оттащил оба тела в ближайшие лопухи и не спеша

пошел дальше. Обыскать тела он решил позже. Сначала нужно было разобраться с остальными.

* * *

«Тиха украинская ночь, но сало надо перепрятать», – усмехнулся про себя Сашка, наблюдая из кустов, как два здоровенных битюга лениво перебрасываются фразами на крыльце деревянного двухэтажного дома.

Эта парочка была у бандитов что-то вроде охраны. Часовые те еще. Мало того что курят на посту, так еще и ленятся элементарно двор обойти. На собаку надеются. А пес давно уже истек кровью. Вон, в кустах лежит. Беспородный кобель честно погиб на боевом посту, когда сунулся выяснить, кто это в кустах под забором сидит. Бритвенной остроты кинжал вошел ему точно в сердце, пока другая рука зажимала собаке пасть.

Во двор Сашка проник обыденно. Просто выждал момент, когда все обитатели дома ушли со двора, и, пользуясь темнотой, вошел в калитку, с ходу метнувшись вдоль забора. Пес в этот момент спокойно спал у своей будки. Услышав тихий скрип калитки и шелест травы, кобель проснулся и поспешил выяснить, кто это ночью по двору бродит. Дальше все понятно. И вот теперь парень сидел под самым забором, мрачно наблюдая за этой парочкой.

Устроился Сашка с некоторым комфортом. В кустах нашелся крупный валун, нагретый солнцем. На него парень и уселся. Разросшиеся лопухи скрыли его с головой. Зато меж их стволов он ясно видел, что происходит на крыльце. Примерно ближе к полуночи в дом начали приходить всякие мутные личности. Пробыв в доме от десяти минут до получаса, они уходили. Во всяком случае, подросток, которого он выпустил с задворков рынка живым, прибежал именно сюда. Значит, надеется получить тут помощь.

А где может искать помощи и защиты начинающий преступник? Конечно, у тех, кто стоит выше него в воровской иерархии. Кстати, он так и не выходил оттуда, краем сознания отметил про себя Сашка. Часа через два поток посетителей иссяк и на крыльцо вышли эти два бугая.

Сашка задумчиво погладил пальцами шрам на щеке и принялся прикидывать, как можно подобраться к этим караульщикам.

Площадка перед крыльцом была просто куском вытоптанной и высушенной солнцем до звона земли. Бежать по ней все равно, что в барабан бить. И если до края этой площадки он может подобраться тихо, то дальше начнутся проблемы. А шуметь ох как не хочется. Не за этим он сюда пришел. Вообще, вся эта ситуация возникла спонтанно. Там, на рынке, избавившись от двух конвоиров, Сашка зашел за сарай и, увидев трех крепких мужиков, усмехнулся.

– Ну, ничего в этой жизни не меняется, – проворчал он, направляясь напрямик к ним. – Что дома, что в пустыне, что здесь. Даже рожи, и те почти одинаковые.

– Ты это про что? – удивленно спросил один из мужиков, заглядывая ему за спину. – А Хват где? Ты вообще как тут? – посыпались из него вопросы.

– А кто такой Хват? – пожал Сашка плечами, продолжая приближаться.

У стены сарая стоял тот самый парень, что собирал у мальчишек добычу. Рядом с ним приплясывал от нетерпения обиженный Сашкой воришка. Еще один подросток, лет пятнадцати, держался особняком. Воспользовавшись замешательством ударной троицы, парень сошелся с ними на расстояние шага и, не останавливаясь, ринулся в атаку. На что там рассчитывали эти трое, он так и не понял, но после резких, стремительных движений бойцы тихо хрипели на земле, а Сашка прыгнул к сборщику. Выпускать кого-то отсюда он не собирался.

Похоже, его скорость перемещения застала зрителей врасплох. Сборщик получил кинжалом в грудь и медленно оседал на землю, когда Сашка, походя, полоснул воришку по горлу и ринулся к последнему свидетелю. Тот, сообразив, что дело пахло жареным, кинулся было бежать, но разогнавшийся Сашка догнал его в три прыжка и ударил левой рукой, точнее, кинжалом в ней, в шею паренька. Охнув, тот запнулся и покатился по траве.

Быстро охлопав его карманы, Сашка отбросил в сторону длинное шило и, сунув найденную мелочь в карман, отправился собирать трофеи с остальных. Но в процессе этого дела парень неожиданно понял, что последнее тело еще было живым, когда он его обыскивал. Быстро рассортировав все собранное, парень избавился от всего, что

могло бы указать на хозяина, и поспешил скрыться в кустах, решив понаблюдать за хитрым пареньком.

Минут через десять тот осторожно приподнял голову и, морщась от боли в порезанной шее, осмотрелся. Убедившись, что опасность миновала, подросток оторвал от собственной рубахи кусок полотна и, перевязав рану, поспешил куда-то на окраину города. Сашка, хорошо помнивший, как поступали в таких случаях малолетние бандиты из его приюта, отправился следом. И вот теперь он сидел в кустах у этого странного дома и прикидывал, как в него попасть.

Время было глубоко за полночь, так что город и окрестности давно уже погрузились в тишину и сон. И только эта парочка продолжала тихо бубнить о чем-то своем, а на втором этаже все так же горел свет.

– Нахальство, второе счастье, – буркнул про себя Сашка, устав сидеть просто так.

Подобравшись к краю площадки, он выскользнул из кустов и неспешно двинулся к сторожам. Темная одежда до последнего скрывала его фигуру от бугаев, а лицо он укрыл банданой, повязав ее вместо маски. Его заметили, когда до крыльца оставалось шага три-четыре. Бугаи дружно замолчали, недоуменно уставившись на бесшумно приближающуюся фигуру.

– Привет, парни. Отличная погодка, не правда ли? – тихо спросил Сашка, поднимаясь на крыльцо.

– Ага. А ты кто? – слышалось в ответ.

– Да так, мимо проходил, – фыркнул парень, стремительно прыгая вперед.

Сверкнула сталь, и бугаи, хрипя и булькая глотками, начали оседать на крыльцо. Не давая им опомниться, Сашка произвел контроль, пробив грудь каждого и аккуратно придерживав оседающие тела, быстро обыскал их.

– Ого! А ребятки с серьезным довеском были, – проворчал Сашка, вертя в руках пару револьверов. На первый взгляд, один в один, как те, что он видел в фильмах про ковбоев, только капсюльные.

Чуть подумав, он сунул оружие за спину. И не мешают, и выхватить не так долго. Впрочем, если дойдет до стрельбы, значит, он все провалил. С этой мыслью парень толкнул дверь и растерянно покачал головой. Она не была заперта. Похоже, те, кто тут жил,

надеялись больше на свой авторитет, чем на силу. Впрочем, Сашке было плевать и на то, и на другое. Им овладело какое-то странное чувство злого веселья.

Проскользнув в дом, он прикрыл за собой дверь и, нащупав засов, осторожно задвинул его. Время позднее, нечего хозяев беспокоить, подумал он, осторожно заглядывая в ближайшее помещение. Пусто. Следующая дверь. Похоже, кухня. И тоже пустая. В комнате за кухней обнаружилась спящая толстуха. Похоже, ее тут держали на хозяйстве. Впрочем, не важно. Пара осторожных шагов, взмах кинжалом, и тихий хрип. Всё. Эта уже не встанет.

Проверив все комнаты первого этажа, парень принялся подниматься на второй, прижимаясь к стене и надеясь, что лестница не заскрипит. Выглянув в коридор, Сашка заметил три двери. Из-под той, что в середине, пробивался свет и слышался тихий разговор. Подойдя к ближней створке, парень аккуратно потянул за ручку, и дверь, едва слышно скрипнув, открылась. На кровати кто-то спал. Просочившись в комнату, Сашка подобрался к кровати и, вслушавшись в дыхание спящего, едва заметно усмехнулся.

Главное, уловить ритм. Вдох-выдох. Вдох-выдох. На третьем выдохе он одним резким движением вонзил клинок кинжала человеку в ухо. Тело несколько раз дернулось, но парень придавил его одеялом. Убедившись, что конвульсии кончились, он извлек оружие и, отерев его о подушку, выбрался в коридор. Крайняя от наружной стены комната оказалась пустой. Теперь осталось самое главное. Войти туда, где беседуют, и не дать никому из них поднять шум. Тишина в данной ситуации главное.

Замерев у двери, Сашка сделал несколько глубоких вдохов, вентилируя легкие и нагоняя в кровь адреналин. Потом, одним плавным движением открыв дверь, он вошел в комнату и, прикрыв за собой створку, широко улыбнулся.

– Вечер добрый честной компании, – произнес парень, плавно двигаясь к столу, за которым сидели трое.

Пожилой, солидного вида мужчина, крепкий, жилистый мужик средних лет и тот самый беглец с рынка.

– Дядька Христо, это он, – прохрипел подросток осипшим голосом.

Жилистый начал подниматься, но Сашка был уже рядом. Парню повезло. Жилистый сидел справа, подросток слева, а пожилой, похоже, хозяин дома, напротив двери. Взмах правой рукой, и жилистый рухнул на свой стул, хватаясь за рукоять кинжала.левой рукой Сашка доделал с подростком то, что начал на рынке, и, шагнув к главному, тихо спросил:

– Сам общак отдашь, или ремней из спины нарезать?

– Ты хоть понимаешь, что натворил? – сжав губы в тонкую полоску, спросил пожилой. – На тебя ведь теперь все деловые охоту начнут.

– Угу. Это если будут знать, на кого охотиться надо. А после меня живых не бывает, – зло усмехнулся Сашка, выдергивая кинжал из груди жилистого.

Пара капель крови с клинка упали главарю на лицо, и он вздрогнул. Похоже, подобного обращения он никак не ожидал.

– Чемодан на шкапу. Доску подоконную выдерни, там тайник, – утирая капли крови, выдавил из себя пожилой.

– Только не говори мне, что это все. Не поверю, – хмыкнул Сашка, выдергивая его на ноги и быстро обыскивая. – Лучше расскажи все сразу. Мучений меньше. Поверь, – добавил он, толчком в грудь возвращая его на стул и начиная связывать.

– Ты, похоже, и вправду не понимаешь, что творишь, – растерянно проворчал главарь. – Это ж не мои деньги. Это всего блатного общества киевского деньги.

– А мне плевать, – пожал Сашка плечами. – Деньги те ворованные да кровавые, так что не рассказывай мне сказок, как меня найдут и порежут, а лучше скажи, где тайники. Сразу говорю. На бугаев своих не надейся. И вообще ни на кого не надейся. В доме только мы двое.

Рассказывая ему все это, Сашка снял со шкафа чемодан и, сунув под подоконник кочергу, сдернул его. Под доской обнаружилась жестяная коробка, в которой парень нашел кучу разных драгоценностей. Поставив ее на чемодан, уже лежавший на столе, Сашка достал кинжал и, вздохнув, направился к пожилому.

– И почему люди никогда доброго отношения не понимают? – с деланой обидой спросил он, одним движением распарывая на главаре одежду.

– Стой! – пожилой вздрогнул, когда сталь коснулась его тела. – В углу, под половицей еще один тайник. А третий в комнате, – он кивнул в сторону, где никого не было. – На дверь сверху посмотришь. Там доску отковырнуть надо.

– И что там будет? – насторожился Сашка.

– Камушки. Вынимали из цапек, если они шибко приметные были, – вздохнул главарь, с ненавистью глядя на парня.

– Вот и ладно, – кивнул парень. – Зато мучений не было и в гробу будешь как новенький, – усмехнулся он, всаживая кинжал мужчине в грудь.

Выпотрошив все тайники, он обыскал тела и, убедившись, что ничего ценного не осталось, занялся самым главным. Поиском того, в чем удобно было бы перевозить добычу. Тащить с собой приметный чемодан Сашка не собирался. Быстро вытряхнув из шкафов содержимое, парень нашел обычный солдатский сидор и, весело хмыкнув, откинул крышку чемодана.

– Это я удачно зашел, – присвистнул он, разглядывая его содержимое.

На две трети этот большой ящик был наполнен купюрами. Аккуратно расправив сидор, Сашка начал перекладывать наличность. Опустошив чемодан, он сунул в сидор коробки из тайников и, завязав горловину, оторвал от рубашки жилистого солидный кусок. Теперь нужно было избавиться от всех следов своего пребывания в этом доме. Методично переходя из комнаты в комнату, он протирал все, чего касался. Спустившись на первый этаж, он проделал там те же манипуляции и, прихватив из кухни керосиновую лампу, вышел на крыльцо.

Пройдя к кустам, он полил керосином камень, на котором сидел, и, отходя к калитке, заливал пахучей жидкостью все свои следы. Оказавшись на улице, парень размахнулся и швырнул лампу через забор. Потом, поправив лямку сидора, зашагал к вокзалу. Добравшись до одинокого фонаря, Сашка достал из кармана часы и, откинув крышку, удивленно хмыкнул:

– Это я лихо погулял. Четыре часа утра. Блин, поспать бы не мешало. А то буду весь день с дурной башкой ходить.

Добравшись до вокзала, парень свернул в примеченный еще утром сквер и, устроившись на скамейке, сунул под голову сидор. До

рассвета было еще немного времени, так что отдохнуть он успеет. С этой мыслью Сашка и отключился.

* * *

Лениво лузгая семечки, Сашка сидел на скамеечке у стены здания вокзала и краем глаза наблюдал, как тройка мутных личностей сновала по перрону, шаря взглядами по чемоданам отъезжающих. Основное их внимание было сосредоточено на группах мужчин. Глядя на эти потуги криминала найти виновника большой беды, случившейся в их среде, парень вспоминал события прошедших суток и растерянно крутил головой, не веря, что все это дело его рук.

Действовать так стремительно и безжалостно было не в его характере. Да, рохлей он никогда не был, но и кровь словно воду не проливал. А тут настоящая машина для убийства, а не человек. И самое главное, что он не испытывал никаких угрызений совести. Словно так и должно быть. Испутив очередной вздох, он покосился на свои мешки и, достав из корзины бутылку с квасом, сделал пару больших глотков. До поезда оставалось еще два часа, так что он был просто вынужден набраться терпения.

«Шестерки» быстрым шагом прошли мимо него, окинув парня внимательными взглядами. Равнодушно посмотрев на них, Сашка отвернулся и не спеша развернул газету. Пора было начинать изучать местные правила правописания. Знание разговорного языка – это одно, а вот умение грамотно писать совсем другое. Криминальная тройка остановилась в десятке шагов от его скамейки и принялись о чем-то переговариваться, то и дело бросая на парня быстрые взгляды.

Их тихую перепалку прекратило появление полицейского патруля. Судя по всему, Сашкина выходка доставила неприятности и служителям закона. Увидев полицию, «шестерки» разом замолчали и, развернувшись, потопали в конец перрона. Сашка, перелистнув газету, краем глаза продолжал наблюдать за полицией. Троица служителей закона, крепкие мужики в белоснежных кителях, неспешно прошествовали вдоль перрона, окидывая собравшийся народ быстрыми, цепкими взглядами.

Заметив Сашкин шрам, они быстро переглянулись, и десятник, подойдя к скамейке, громко откашлялся. Аккуратно свернув газету, парень вскинул голову и, не вставая, вежливо поинтересовался:

– Чем могу быть полезен, мсье ажан?

– Чего? Какой еще ажан? – растерялся десятник.

– Ажан – это французский полицейский, – все так же вежливо пояснил парень. – Прошу простить мне мою ошибку. Я недавно приехал в страну и еще путаю некоторые слова.

– Вы француз? – окончательно растерялся полицейский.

– Именно так, мсье, – кивнул Сашка и, достав документы, протянул их полицейскому. – Прошу вас. Можете убедиться.

– Ага, благодарю, – беря себя в руки, закивал десятник, осторожно забирая бумаги.

Быстро пролистав их и увидев, что в стране Сашка находится всего неделю, он сразу успокоился и, возвращая документы, уточнил:

– Собираетесь уезжать?

– Именно так, мсье, – кивнул Сашка, убирая бумаги. – Показать вам билет?

– Нет-нет. Я вам верю, – отмахнулся десятник. – Счастливого пути, – пожелал он, отходя от лавки.

– Благодарю вас, мсье, – улыбнулся в ответ Сашка, вежливо приподнимая свой картуз.

Этот головной убор он приобрел на рынке, куда ходил несколько часов назад за продуктами в дорогу. Билет второго класса не давал ему доступа в вагон-ресторан, так что о питании в дороге имело смысл позаботиться заранее. Что он и сделал, накупив всего и побольше. И не важно, что еда была простая. Зато вкусно и сытно. Именно так он и любил. В общем, голод в дороге ему не грозил.

Корзина, которую он приобрел специально для продуктов, просто трещала от содержимого. Все это было аккуратно завернуто в куски холстины и разложено так, чтобы не перемешалось и не пропахло. Впрочем, последнее опасение было бессмысленным. Все купленное было свежайшим и пахло так, что Сашка в первые полчаса чуть слюной не захлебнулся. Потом принялся, и стало легче. Во всяком случае, объесться до заворота кишок он уже не боялся. В приюте так не кормили. Последней покупкой на этом поприще стали сладкие

пироги, за которыми он специально отправился в уже знакомую булочную.

Больше всего парня порадовали цены на продукты. За все это изобилие он отдал меньше рубля. Тут, усмехнувшись своим мыслям, Сашка напомнил себе, что в его сидоре лежит богатство на несколько десятков тысяч рублей. Так что умереть с голоду ему точно не грозит. Проснувшись в сквере от шорканья дворницкой метлы, он быстро огляделся и, убедившись, что вокруг никого нет, не удержавшись, полез в сидор, посмотреть на свою добычу.

Больше всего его интересовало содержимое трех жестяных коробок. В одной, как он уже видел, лежали разные золотые украшения. В другой, завернутые в аккуратные цилиндры из вощенной бумаги, золотые червонцы, а в третьей, извлеченной из двери, оказались драгоценные камни, разной формы и огранки. Сашка слабо разбирался в геммологии, а рубин от сапфира мог отличить исключительно по цвету. Так что, полюбовавшись минутку игрой камней на солнце, туго завязал горловину мешка.

«Блин, как в той рекламе. Ё-мое, это чего ж я сделал-то? – проворчал про себя парень, в очередной раз почесывая в затылке, рассматривая сидор, стоявший у ног. – Скорей бы уже поезд. Убраться отсюда подальше».

Утыкаться снова в газету не хотелось, так что Сашка, плюнув на конспирацию, принялся разглядывать проходящих мимо барышень. Что ни говори, а было ему всего восемнадцать, и интерес к противоположному полу был для парня так же естествен, как дыхание. Не забывал он и про бандитских «шестерок». Те, понаблюдав за его общением с полицией, недоуменно переглянулись, но заметно утратили к нему интерес.

Сашка же, продолжая лениво скользить взглядом по фланирующим по перрону пассажирам, про себя прокручивал в уме, что ему может потребоваться для работы. Чтобы влиться в местное общество, он должен был иметь какое-то легальное занятие, которое не вызовет у властей никаких вопросов. А значит, к такой деятельности нужно как следует подготовиться.

«Ой болван! – мысленно обругал себя парень. – Ну, был же на рынке, так нет, чтобы сходить в ремесленные ряды. Инструмент всякий посмотреть. Нет, с криминалом резаться кинулся. Заняться

больше нечем? Или адреналинчику захотелось? Ладно. Что сделано, то сделано. Теперь придется озаботиться этим вопросом в Воронеже. Потребуется тонкий инструмент, для мелких работ, и обычный. Но главное, это тонкий. Кажется, в этом времени со всякими ГОСТами и тому подобными правилами полный швах. Так что, придется это иметь в виду».

Увлечшись своими мыслями, он не обратил внимания, что на соседний край скамейки присела молодая девушка с парой чемоданов. Судя по одежде, из мещан. Эти нюансы Сашка уже начал немного понимать. Общество тут сословное, и за грубый ответ какому-нибудь дворянчику запросто можно загреметь в каталажку. С его характером вполне реальное дело. Уступать дорогу всяким снобам и наглецам парень не привык. А уж теперь тем более.

Что-то сильно изменилось в его характере после резкой смены среды обитания. И если раньше он предпочитал увернуться от неприятностей, то теперь начал решать их радикально. В общем, различать принадлежность человека к тому или иному сословию было здесь важно. Окинув соседку долгим взглядом, Сашка убедился, что девушка хороша собой и отлично сложена, после чего вернулся к созерцанию толпы. Пялиться долго так откровенно было невежливо. Это даже ему было известно.

Краем глаза парень успел заметить, что соседка, скользя по его лицу взглядом, едва заметно скривилась, но тут же взяла себя в руки. Грустно усмехнувшись, Сашка мысленно махнул на нее рукой и снова взялся за газету. Откуда вывернулась очередная криминальная троица, он так и не понял, но разом вскинулся, когда рядом раздался возмущенный женский возглас:

– Да что вы себе позволяете?!

Повернувшись, парень увидел, как один из троицы уже подхватил чемоданы соседки, а другой, крепко сжав ее руку, заставлял подняться. Гнусно усмехаясь, он тянул ее за собой, тихо приговаривая:

– Да не ерепенься ты. С прибытком останешься.

– Оставьте мадемуазель в покое, – поднимаясь, рыкнул Сашка.

– Слышь, мужик, ты бы сел на место и не лез в чужие дела, – с угрозой посоветовал ему третий бандит, сунув руку в карман штанов.

– Тебя не спросил, шваль, – рывкнул Сашка, резко выбрасывая ногу вверх.

Удар тяжелым ботинком пришелся «шестерке» в подбородок, моментально отправив того в нокаут. Из его ослабшей руки выпал нож. Не останавливаясь, Сашка метнулся к тому, что подхватил чемоданы, и пользуясь тем, что у того были руки заняты, с ходу приложил его кулаком в горло. Третий бандит, растерявшись от такой быстрой расправы, выпустил руку девушки и, отпрыгнув в сторону, сунул руку под пиджак. Как эта одежда правильно называется, Сашку не интересовало. Не до того было.

Он уже приготовился к тому, что придется уходить от револьверной стрельбы, что было очень не вовремя, когда рядом со скамейкой, словно из-под земли возникла полиция и знакомый уже десятник, с ходу приложивший последнего бандита по уху. Отшвырнув разом сомлевшего бандита подчиненным, он приказал:

– Вяжите этих троих. Барышня, что тут произошло?

Вопрос его был обращен к пострадавшей девушке после того, как он убедился, что его подчиненные дружно начали выполнять приказ. Выслушав ее рассказ, он мрачно кивнул и, многообещающе покосившись на последнего бандита, повернулся к Сашке.

– Ловко вы их приложили, мусью, – одобрительно усмехнулся десятник.

– Благодарю вас, мсье ажан, – изобразил Сашка любезную улыбку. – Я много лет служил в армии, так что они легко отделались. Впрочем, раз уж я все равно уезжаю, думаю, лавры победителей бандитов мне ни к чему, – с намеком добавил он. – Показания мадемуазель у вас имеются, так что дело за малым. Оформить все правильно. Она ведь, кажется, тоже собирается уехать, – тут Сашка указал на ее чемоданы.

– Гм, ну, по сути, тут и так все ясно, – чуть смутившись, усмехнулся десятник. – Вы, сударыня, тоже поезда ожидаете? – повернулся он к девушке.

– Именно так, сударь, – буркнула та, потирая руку.

– Извольте жалобу подавать, или оставите их на мое усмотрение? – спросил десятник, поглядывая на парня.

– Думаю, в жалобе нет необходимости, – вместо нее ответил Сашка. – Жалоба займет много времени, а поезд скоро подадут. Так что мы надеемся на вашу честность, ажан, – закончил он, незаметно подмигнув вскинувшейся было девушке.

– Это верно, – подумав, кивнула та с явной неохотой.

– Как пожелаете, – отковырял десятник с нескрываемым удовольствием и сделал подчиненным знак.

Те ловко подхватили задержанных и уволокли их, словно черти проклятую душу.

– Почему вы заставили меня отказаться от подачи жалобы? – с возмущением спросила девчонка, проводив процессию мрачным взглядом.

– Я сказал правду, мадемуазель, – вздохнул Сашка, про себя ругая всех упертых дур. – Написание такой жалобы займет много времени, после чего с вас начнут снимать показания и проверять все вами сказанное. В этом случае вы потеряете свой билет и время. А мне этого совсем не хочется. Уверяю вас, что про эту троицу теперь долго никто не услышит. Десятнику и его людям выплатят вознаграждение за пресечение преступления, а мы спокойно уедем по своим делам.

– Вы действительно служили в армии? – сменила девчонка тему.

– Да. Французский Иностранный легион, – кивнул Сашка.

– Так вы француз?

– Позвольте представиться. Александр Мерсье, – блеснул Сашка манерами.

– Анастасия Головкина, – назвалась девушка, сделав едва заметный книксен.

– Рад знакомству, мадемуазель.

– Это в армии вас так? – не удержавшись, спросила Анастасия.

– Да. Потому и списали, – развел Сашка руками.

– Едете в Москву? – не унималась девчонка.

– Нет. В Воронеж.

– А я в Москву. У вас билет второго класса?

– Да.

– Прекрасно. У меня тоже. Теперь в дороге будет не так скучно, – радостно улыбнулась девчонка.

«Да чтоб ты язык прикусила, трещотка, – выругался про себя Сашка. – Ты ж теперь ни минуты покоя не дашь», – взвыл он про себя, изображая радостную улыбку.

За время до подачи поезда он успел узнать об этой болтушке всё. И что ее папаша нашел работу в Москве, и что теперь она тоже будет работать в его конторе в качестве секретаря, и что, кроме отца, у нее

есть еще два брата, которые сейчас учатся в ремесленном училище. В общем, Сашка успел за эти неполные полчаса проклясть все на свете, включая собственную глупость, когда решил вступить за нее.

Пышущий паром состав подкатил к перрону, и служащий вокзала объявил посадку. Подхватив свои мешки и корзину, Сашка извинился, что не может ей помочь, и поспешил к своему вагону. Отдав проводнику билет, он услышал озвученный номер своего купе и поспешил туда. К его удаче им предстояло ехать в разных концах вагона.

Вагон второго класса оказался не плацкартой в привычном представлении парня, а обычным купированным вагоном, с той только разницей, что в этих самых купе было только по два лежачих места. Как оказалось, туалеты тут так же были расположены в концах вагона, хотя Сашка по фильмам помнил, что до революции в каждом купе был свой санузел. Или это было в первом классе? Или так в этом мире сделано?

Запутавшись в реальности и воспоминаниях, парень бросил вещи под свою койку и, усевшись, устало откинулся на стену. Слишком много впечатлений разом и слишком много событий за короткий промежуток времени. За свою прошлую жизнь он не испытал и половины того, что пришлось пережить здесь. Растерянно усмехнувшись, Сашка посмотрел в окно и, убедившись, что никто с револьвером, чтобы убить его, не подкрадывается, тихо проворчал:

– Ку-ку, Гриня. Здравствуй, паранойя.

Дверь распахнулась, и в купе вошел мужчина с чемоданом и кожаным саквояжем в руках. Молодой, лет тридцати пяти, гладко выбрит, русоволосый, светлоглазый, в общем, типичный русак, каких двенадцать на дюжину. Лицо приятное, а взгляд умный. Одет в форменный костюм и фуражку с путейскими молотками на петлицах и кокарде. Не иначе какой-то инженерный работник. Вежливо поздоровавшись, он занял свое место и, устало вздохнув, представился:

– Гаврилов, Модест Петрович. Младший инженер железной дороги.

– Александр Мерсье. Механик, – ответил парень. – Странно, что железная дорога отправляет своего работника вторым классом.

– Увы, моей должности для первого не хватает, – смущенно усмехнулся инженер.

– Ну, все впереди, – пожал Сашка плечами, не желая вступать в долгие беседы.

– Благодарю, – улыбнулся Гаврилов. – Едете в Москву?

– Нет. Только до Воронежа. В больших городах мне делать нечего, – отмахнулся Сашка и тут же выругался про себя. Опять разболтался.

– Что так? – удивился Гаврилов.

– Там все давно уже поделено, и устроиться будет сложнее. На окраинах, думаю, будет проще.

– Ну, логика в таком рассуждении есть, – чуть подумав, согласился инженер. – У вас, простите, такой вид, словно вы всю ночь не спали, – вдруг выдал он, разглядывая парня.

– Угадали, – не стал отрицать Сашка. – После контузии иногда очень сильно болит голова, потому и списали из армии, – пояснил он, в который уже раз указав пальцем на свой шрам.

– Ох, простите, – тут же повинулся Гаврилов.

– Пустое, Модест Петрович, – снова отмахнулся Сашка. – Вы просто не обращайте внимания на мою молчаливость, и все будет в порядке. После приступа мне тяжело поддерживать беседу. Да и доктор советовал после приступа в тишине оставаться.

– Конечно, конечно, я помолчу, – суетливо заверил инженер.

– Да господь с вами. Говорите, сколько пожелаете. Только сильно на ответ не рассчитывайте, – проявил любезность Сашка.

– Может, по рюмочке? – подумав, осторожно предложил инженер. – У меня с собой есть.

– Увы, мне пока нельзя, – вздохнул Сашка с деланным огорчением. – А вы употребите. Я вас с удовольствием квасом поддержу.

– Пожалуй, подожду, пока поезд тронется, – вздохнув, решил инженер, прислушиваясь к голосам в коридоре.

– Тоже правильно. А то, как только соберешься отдохнуть, как тут же кто-нибудь в дверь ломиться начнет, – одобрил его решение Сашка.

– Вот-вот, – закивал инженер. – Лучше уж после, как пассажиры успокоятся.

– Вот и я о том, – кивнул Сашка и, выложив на столик прихваченные с собой газеты, предложил: – Почитайте пока. Чтобы время провести с пользой.

– Благодарствую, сударь, – улыбнулся инженер и, быстро просмотрев газеты, вздохнул: – Это все я уже читал. Ну да не страшно. Я пока с вещами разберусь, – решил он, доставая саквояж.

Кивнув, Сашка развернул газету и убрал ноги под столик, чтобы освободить ему место. Инженер, поставив саквояж рядом с собой, раскрыл его и запустил вовнутрь обе руки, что-то выискивая. На перроне раздался звон колокола, и состав, дернувшись, начал движение. Минут через пять, когда вокзал скрылся за поворотом, в дверь постучался проводник и, еще раз проверив билеты, предложил чай.

Припомнив, что в корзине лежит куча вкусностей, Сашка тут же согласился, при этом с хитрецей посмотрев на соседа. Ответив ему таким же взглядом, тот так же спросил себе чаю и принялся выкладывать на столик прихваченную с собой снедь. Проводник принес чай в граненых стаканах и классических подстаканниках, и мужчины принялись с аппетитом ужинать. Инженер, быстро освободив свой стакан, плеснул себе водки и, отсалютовав им Сашке, негромко высказался:

– Ну, за знакомство.

«Блин, прямо генерал из фильма», – усмехнулся про себя Сашка, кивнув в ответ.

Лихо опустошив тару, Гаврилов смачно захрустел соленым огурцом. В дорогу его явно собирала жена. Уж очень у него все было аккуратно уложено и упаковано, а продуктов собрано, на месяц хватит. Плотнo поужинав, Сашка почувствовал, как начинают глаза слипаться. Так что, быстро прибрав за собой, он задвинул корзину под койку и, скинув башмаки, устало вздохнул:

– Вы уж простите, Модест Петрович, но я прилягу. Устал что-то.

– Конечно, конечно, сударь. На меня внимания не обращайтесь. Я тихонечко, – заверил его инженер.

– Да бог с вами. Делайте, как вам удобно. Мне не мешает, – усмехнулся парень, устраиваясь поудобнее.

Солдатская привычка спать в любом положении и месте сработала и в этот раз. Гаврилов приложился к бутылке еще пару раз, потом долго шуршал бумагой и жевал, после чего пару раз выходил из купе. Но все это парень воспринимал как фон. В том, что он проснется при первых же признаках опасности, он не сомневался. Такая особенность у его организма появилась еще в прошлой жизни, на Кавказе. Так и получилось.

Где-то в середине ночи Сашка проснулся от чьих-то осторожных шагов у двери купе. Кто-то старался идти по проходу, не очень сильно грохоча сапогами. Повернувшись, парень покосился на инженера и, убедившись, что тот спит так, что из пушки не разбудишь, плавно соскользнул с койки. Сунув ноги в башмаки, он достал из корзины кинжалы, которые сунул туда, едва войдя в купе, и, подобравшись к двери, прислушался.

В проходе слышались тихие голоса. Потом кто-то осторожно нажал на ручку двери. Помня, что открывается она наружу, Сашка подхватил ручку и придержал, не давая открыть дверь. Нажим ослаб, после чего кто-то попробовал снова. Убедившись, что так просто дверь не открыть, за дверью снова зашептались. Потом снова слышались шаги и голоса стихли. Обернувшись, Сашка еще раз посмотрел на своего соседа и, убедившись, что тот и не думал просыпаться, задумчиво уставился на дверь.

В том, что по вагону ходят не самые законопослушные граждане империи, он не сомневался. Как и в том, что утром кто-то обнаружит пропажу своего имущества. А может, кого-то даже найдут мертвым.

«Тебе это надо? – спросил он сам себя, продолжая мрачно тарашиться на дверь. – Ложился бы спать. Весь мир не спасешь. А попадешь в полицию, так и сам на каторгу загремишь».

Он уже собирался лечь обратно, когда в проходе слышалось испуганное женское оханье и какая-то возня. Похоже, какая-то пассажирка не вовремя высунулась в коридор и угодила в руки грабителей. От души выругавшись, Сашка осторожно повернул ручку и выглянул в коридор, стараясь не широко открывать дверь. К его удаче вагон почти не освещался. Только над дверями, выходящими в оба тамбура, висели свечные фонари.

У дальней двери две широкие спины тащили что-то в тамбур, и это что-то, слабо трепыхаясь, пыталось освободиться. Выругавшись еще раз, Сашка выскользнул в коридор и, ставя подошвы так, чтобы не бухать башмаками, поспешил в ту сторону. К двери тамбура он подошел, когда бандиты уже почувствовали себя в безопасности, утащив жертву подальше от пассажиров. Он прислушался и мрачно скривился.

За дверью кто-то зло шипел с угрозой в голосе. Потом слышался сдавленный возглас и глухой удар. Понимая, что может

опоздать, парень резко рванул дверь на себя, с ходу нанося удар ногой. Неважно куда. Главное, ошеломить. Удар пришелся в поясницу стоявшего спиной к двери бандита. Того швырнуло на стену, и Сашка, выхватив кинжал, нанес удар, снова швыряя противника на его подельников.

Воспользовавшись замешательством грабителей, он проскользнул в тамбур, успев прикрыть за собой дверь, и снова пнул кого-то ногой. На этот раз еще живого. Отлетев к двери, ушибленный бандит глухо крикнул, пытаясь справиться с дыханием. Лягался Сашка что та лошадь. А уж в драке жалеть противника не собирался ни в коем случае. Так что досталось грабителю от души.

Перехватив руку второго бандита, в которой был зажат нож, парень стремительным ударом пробил ему шею под ухом и, толкнув того на третьего бандита, шагнул следом. Дотянуться до него через плечо умирающего было делом техники. Клинок пробил горло, заставив бандита захрипеть. Быстро отерев клинок об одежду первого грабителя, Сашка быстро обыскал тело и, переправив в карман все ценное, шагнул ко второму бандиту.

Деньги его интересовали мало, но у бандитов могло найтись интересное оружие и всякие механические вещицы. Быстро обобрав всех троих, парень открыл входную дверь и, ухватив ближайшее тело за штаны и за шкурку, скинул под откос. Избавившись от тел, Сашка присел над лежащей под стеной лицом вниз женщиной и, приложив пальцы к шее, с облегчением вздохнул. Жива. Осторожно ощупав ей голову, он убедился, что ее просто стукнули по голове, и, присмотревшись, неожиданно узнал Анастасию.

«Да ну его нафиг, – взвыл Сашка про себя. – Так не бывает. Эта дура влипает во все неприятности, которые только можно себе представить. Так, жива и слава богу. Очнется, сама встанет, а я пошел отсюда, иначе она меня до смерти заговорит».

Проскользнув в коридор, он уже добрался до своего купе, когда что-то неприятно толкнуло его в сердце. Оставлять девчонку в беспомощном положении было неправильно. Вздохнув, парень прошел в другой тамбур и, негромко хлопнув дверью, мрачно посмотрела на дверь купе проводника. Похоже, тот и не думал просыпаться. В очередной раз выругавшись, Сашка постучал и, дождавшись, когда сонный проводник выглянет, тихо сообщил:

– Я тут подышать выходил и услышал, как в том тамбуре кто-то ругается. Похоже, там говорила женщина. Вам бы лучше проверить.

– Ага, благодарствую, сударь, – растерянно посмотрев в указанную сторону, сонно кивнул проводник. – Сей момент гляну.

Натянув форменный китель и фуражку, он прихватил фонарь и тяжело затопал в другой конец вагона. Сашка, посчитав свой долг исполненным, тихо проскользнул в свое купе. Убедившись, что инженер спит, за прошедшее время даже позы не сменил, он улегся на койку и снова уснул. Проснулся он от тихого разговора в купе. Открыв глаза, парень окинул помещение быстрым взглядом и, убедившись, что все в порядке, медленно сел.

– Что там такое, Модест Петрович? – спросил он, глядя в спину соседа.

– Проснулись, сударь, – повернулся тот. – Вот, извольте. Этот олух утверждает, что вы ночью стали свидетелем преступления, – сообщил он, тыча пальцем в мрачно насупившегося проводника.

– Ну, это громко сказано, – проворчал Сашка, зевая. – Я просто разбудил его, когда услышал в дальнем тамбуре какой-то шум. А потом сюда вернулся. А что случилось?

– Все так и было, – коротко кивнул проводник. – На одну из пассажирок напали. Трое. В тамбур ее вытащили и пригрозили, чтобы не шумела. А когда она крикнуть хотела, по голове стукнули.

– Надеюсь, она жива? – вежливо уточнил Сашка, вставая.

– Жива, сударь. Да только там непонятно, что произошло. Кровь на полу, а бандитов нет. Я ее на полу без сознания нашел.

– Ну, а от меня-то вы чего хотите? – удивился парень, делая вид, что сильно озадачен.

– Так мне придется на следующей станции полицию вызывать. Так может, вы кого из тех бандитов видели?

– Если бы видел, так бы и сказал, – пожал Сашка плечами. – Когда вышел, в коридоре никого не было. Я только когда обратно шел, шум услышал и сразу в вашу дверь постучал. Так что добавить мне больше нечего, – сказал он, намекая, что влезать в полицейские дела не собирается.

– Я с вашего разрешения все это так полиции и расскажу? – подумав, спросил проводник.

– Это пожалуйста, – пожал Сашка плечами и, достав свой несессер, отправился умываться.

* * *

В Воронеже он оказался вечером. Сойдя на перрон, Сашка поправил лямки своей поклажи и, вздохнув, отправился к кассам. К его огорчению, там уже никого не было. Полусонный служащий, заметив его растерянность, громко хмыкнул и, не подходя, объяснил, что кассы будут работать завтра с семи утра и до семи вечера. А на сегодня поездов уже не будет, и вообще вокзал скоро закрывается. Уже не надеясь на что-то хорошее, парень поинтересовался, где можно узнать расписание поездов, чем вызвал неподдельное изумление этого работника железной дороги.

– А вам, сударь, куда, собственно, надо? – пожевав губами и огладив клочковатую бороденку, уточнил служащий.

– На Кавказ. Куда там от вас поезда ходят? – пожал Сашка плечами.

– До Ессентуков доехать можно, – тут же кивнул железнодорожник. – А там уж на месте решите, куда именно вам ехать.

– Годится. А билет как приобрести? – сделал Сашка очередную попытку. – И вообще, когда поезд в ту сторону будет?

– Так через три дня и будет, – развел служащий руками. – А билет завтра уж. Как касса откроется.

– Весело, – растерянно хмыкнул парень. – И куда мне теперь деваться? Ночь на улице. Гостиница рядом с вокзалом есть?

– Рядом нет. А вот через два квартала вверх по улице будет, – невозмутимо пояснил железнодорожник.

– Не дорогая хоть? – мрачно поинтересовался парень.

– Так номера всякие есть.

– Благодарствую, – вздохнул Сашка и, подхватив корзину с остатками продуктов, вышел из здания вокзала.

Остановившись на привокзальной площади, он осмотрелся и, приметив сразу три дороги, уходящие в разные стороны, задумчиво почесал в затылке.

– И которая из них вверх идет? – проворчал парень, наблюдая только прямые линии.

– Вон тудой, сударь, посередке ступайте, – слышалось за спиной, и Сашка, оглянувшись, увидел ехидно усмехающегося служащего вокзала.

«Понятно. Очередной местный прикол», – буркнул про себя парень и решительно зашагал в указанную сторону.

Спустя три квартала он и вправду увидел вывеску с надписью «Гостиница. Нумера». Толкнув дверь, которая зазвенела колокольчиком, Сашка вошел в полутемный холл и, подойдя к стойке, первым делом скинул с плеч хурджин и сидор. Хоть и говорят, что своя ноша не тянет, но плечи поклажа ему оттянула уже изрядно. Сидевший за стойкой мужик лет тридцати, в синей сатиновой рубашке, жилетке и с прилизанными, разделенными на прямой пробор волосами, не спеша поднялся и, окинув парня внимательным взглядом, небрежно поинтересовался:

– Чем могу служить, сударь? – в голосе его слышалось недоумение, смешанное с некоторым превосходством.

– Одноместный номер на трое суток, – коротко проинформировал Сашка, глянув ему в глаза и жестко усмехнувшись.

Парень уже знал, как действует на неподготовленного человека такая усмешка.

– Желаете люкс или полулюкс? – судорожно сглотнув, уточнил мужик, стараясь держать марку.

– Обычный номер на одного, – отрезал парень, не сводя с него долгого, пристального взгляда.

– Это, прощенья просим, сударь. Но обычных номеров на одного нет-с. Только люкс или полулюкс.

– И сколько ваш полулюкс стоит? – спросил Сашка, подпустив в голос звериного рычания.

Он и вправду начал злиться. Мало того что застрял в этом захолустье, так еще и с элементарными вещами проблемы.

– Рубль двадцать в сутки. Ресторан при гостинице есть. Ежели пожелаете, можем и баньку истопить. Тридцать копеек стоит будет, – залепетал мужик, заметно сбледнув с лица.

– В номерах воруют? – помолчав, прямо спросил Сашка. – Только не ври мне. Потому как ежели что пропадет, я тебя лично пристрелю.

– Это за что же, сударь? – окончательно струхнул мужик, из чего Сашка сделал вывод, что в номерах воруют.

– За вранье, – отрезал Сашка.

– Всякое бывает, – нехотя признал мужик, тяжело вздохнув.

– Номер на ночь, – подумав, велел парень.

Сейчас ему нужно было где-то провести ночь. А завтра, сходяв на вокзал и приобретя билет, он найдет себе жилье где-нибудь в частном доме. Там точно никто грабить не станет. Если только не решат ограбить самого хозяина. Отдав мужику требуемую сумму и получив ключ, Сашка поднялся на второй этаж и, найдя нужную табличку, отпер дверь.

– И это у них полулюкс? – мрачно проворчал парень, оглядываясь.

Стол, кровать, шкаф, пара стульев и умывальник типа «мойдодыр» с гремющей соской за ширмой, в углу. Кровать уже была застелена, так что Сашка, недолго думая, сунул свои пожитки в шкаф и, умывшись, завалился спать. За трое суток в поезде он так и не сумел толком отоспаться. Сначала история с нападением воров. Потом долгие разговоры с полицией, а после еще и объяснения с ушибленной Анастасией.

Эта дуреха вдруг с чего-то решила, что он просто обязан был броситься спасать ее, забыв обо всех делах. И то, что она слышала, ее категорически не устраивало. Девчонке втемяшилось, что он скромничает и не хочет признавать, что это он избавил ее от бандитов. Именно это она и заявила, не обращая внимания на сидевшего в купе полицейского. Вздохнув и мысленно проклиная всяких экзальтированных дур, Сашка внятно, чуть не по слогам, принялся объяснять ей, что для подобного действия у него не было ни одного мотива.

– Я, сударыня, такой же пассажир, как и вы, и обнаружив какое-то безобразие, первым делом обязан сообщить о том работнику железной дороги, – со вздохом объяснял он, краем глаза наблюдая за полицейским.

Тот, внимательно слушая парня, только одобрительно кивал в такт его словам. Потом, откашлявшись, добавил:

– Господин Мерсье абсолютно прав, сударыня. Для поддержания порядка и благочиния мы имеемся. И работники железной дороги. А

то, ежели все кинутся сами порядок наводить, форменное безобразие получится.

Возмущенно фыркнув, девчонка поспешила в свое купе. Полицейский задал еще пару малозначительных вопросов и ушел. Но и после этого парня не оставили в покое. То и дело в купе под каким-нибудь благовидным предлогом кто-то заглядывал и принимался его рассматривать. Понятно, что людям элементарно скучно ехать, но и он не обезьяна цирковая, чтобы развлекать всю эту толпу зевак. Все кончилось тем, что Сашка просто запер дверь и велел своему соседу не отвечать на стук.

«Вот и не привлек к себе внимания», – мрачно думал Сашка, уставившись в газету.

Настроение было испорчено, и вплоть до выхода на своей станции он старался купе не покидать. И вот теперь еще и это. И плевать бы на деньги. Больше всего Сашку бесило, что в этой гостинице его могут обворовать. За его же бабки. Утром, злой и не выспавшийся, он покинул гостиницу и первым делом отправился на вокзал. Купив билет, он оставил вещи в камере хранения, где ему выписали очередную квитанцию, и отправился искать себе жилье.

На третьем от вокзала подворье ему повезло. Хозяйка, пожилая миловидная женщина, сдавала внаем комнаты. А самое главное, во дворе была баня. Уплатив за постой и баню полтора рубля, Сашка узнал у хозяйки, где находится местный рынок, и отправился за покупками. Столоваться хозяйка ему не предложила, так что вопрос питания он решил так, как привык. Купив на рынке кучу вкусностей, парень прихватил жбан пива и, не забыв сменное белье, отправился в баню.

Напарившись, постиравшись и благополучно отпившись пивом, он, уже будучи в благодушном настроении, перебрался в выделенную ему комнату и, буквально рухнув на роскошную перину, уснул, словно провалился. Следующее утро парень встретил заметно повеселевшим. Что ни говори, а он медленно, но неуклонно двигался в нужном направлении. И беситься от того, что в этом времени все делается неспешно, было бессмысленно. К такому мнению Сашка пришел по здравому размышлению. От его подпрыгиваний поезд раньше не поедет и скорости не прибавит. Так что нечего себе нервы мотать.

Бродить по городу Сашке не хотелось. Не хватало еще приключений себе на пятую точку найти. Так что, пройдясь по рынку и соседним лавкам, он прикупил газет, пару журналов и озаботился хозяйством. Отстирав и вычистив все вещи, он скептически осмотрел свою одежду и снова вздохнул. «М-да. Пора обзаводиться приличной одеждой. А то в этом я как пират с потонувшего корабля. Хорошо хоть бандану на картуз сменил. А то бы уже пальцами на меня показывать начали».

Узнав у хозяйки, где поблизости есть магазин готового платья, Сашка быстро пересчитал наличность и отправился в очередной тур шопинга.

«Господи, как же просто в армии было! – взвыл он про себя, после очередной, бог знает какой по счету примерки. – Надел, что выдали, и свободен. А тут? Это подправим, это подгоним, это вам не идет, а это уже не модно. Да плевать мне на моду. Мне чтоб удобно было», – ворчал он, стоически ожидая результатов подгонки.

Из магазина он вышел, полегчав на восемь рублей. Бешеные деньги, даже по его меркам. Зато теперь Сашку запросто можно было принять за мещанина с серьезным заработком. Пиджачная пара серого в тонкую полоску цвета, голубая рубашка, галстук в тон костюму, удобные ботинки и даже котелок вместо картуза. Вообще, Сашка терпеть не мог любые головные уборы, но вынужден был терпеть их, будучи военным. Оказавшись же в этом мире, он просто вынужден был носить их. Потому как неприлично с босой головой ходить.

В общем, убив еще полтора дня на всю эту ерунду, парень решил в последний день снова пройтись по рынку. Ему все еще нужен был подходящий инструмент. Так что утром третьего дня он уже был на рынке, в скобяных рядах с момента открытия. Проходясь между прилавков, он осматривал, ощупывал и приценивался к различным инструментам, когда у самого края заметил скромно одетого старичка еврея.

Подойдя к его ящику, на котором было что-то разложено, Сашка присел на корточки и аккуратно раскатал матерчатый рулон. Тихо звякнув, его взору предстало именно то, что он искал. Осторожно коснувшись пальцами тонких надфилей, он растерянно покачал головой и, не удержавшись, спросил:

– Уважаемый, это все, что у вас есть из такого набора?

– Сразу видно, что вы не ювелир, юноша, – вздохнул старик. – Это малый набор для ремонта ювелирных изделий. Большой набор едва умещается в дорожный чемодан.

– Верно. Я не ювелир. Я по точной механике. Часы, музыкальные шкатулки, оружие, – с усмешкой пояснил Сашка.

– Я вижу, что по оружию, – хмыкнул старик. – Руки у вас не мастера, а солдата.

– Руки как руки, – смутился Сашка, рассматривая свою мозолистую лапу.

– Не обижайтесь, юноша. Но поверьте старику. Руки могут рассказать о человеке больше, чем он сам, – улыбнулся старик.

– Я что-то не пойму, вы ювелир или хиромант? – буркнул Сашка, продолжая рассматривать набор.

– Ювелиром был мой сын, юноша. Но после того, как его убили и ограбили наш дом, на мне остались трое его детей. Потому я и вынужден продавать его инструмент, – грустно вздохнул старик. – Сам же я был портным. Настоящим. Я мог построить любой костюм, и люди благодарили меня, когда носили мою работу. Но теперь я больше не могу шить. Глаза стали совсем плохие. А что до рук, так тут все просто, молодой человек. Каждое дело откладывает на руки человека свой отпечаток. У портного это исколотые иглой пальцы, у кузнеца ожоги от окаины, а у солдата мозоли там, где оружие упирается в руку. У вас именно такие.

– Ловко, – оценил его слова парень. – И сколько вы хотите получить за этот инструмент?

– Вам, юноша, я отдам этот набор за три рубля, – помолчав, вздохнул старик.

– Ты опять тут? – раздался над Сашкиной головой грозный вопрос, и парень, оглянувшись, увидел какого-то мастерового.

Заметно поддатый, злой и явно ищущий, на ком сорвать злость.

– Исчезни, пьянь, – рыкнул Сашка, стремительно поднимаясь и заглядывая мастеровому в глаза.

– Ты это, чего... – икнув и разом протрезвев, пробормотал мастеровой, осторожно пятясь задом.

– Сгинь, шваль, – прорычал парень, шагнув к нему.

Охнув, мастеровой развернулся и сломя голову кинулся бежать.

– Я беру ваш инструмент, – отрезал Сашка, круто развернувшись к старику.

* * *

К Сашкиному изумлению, в купе он ехал один. Как подсказал проводник, поток отдыхающих уже схлынул, а новый еще не собрался. В общем, все, как и всегда. Кто-то рвется к первому теплу, а кто-то к бархатному сезону. Узнал он, и почему пришлось уезжать из Одессы почтовой каретой. Оказалось, что железная дорога до города давно уже проложена, но использовали ее в основном для перевозки грузов. Пассажирские составы ходят только раз в две недели.

В общем, как обычно, повезло. Пытался бы уехать на поезде, сидел бы еще в Одессе, ожидая поезда. Внимательно выслушав пожилого проводника, Сашка благодарно кивнул и, вернувшись в свое купе, мрачно вздохнул: «Ну и когда ты, идиот, научишься правильно вопросы формулировать? Нет, чтобы сразу прямо в порту все выяснить. Нет, уперся и попер, как медведь на случку. Баран, блин. Ладно, что сделано, то сделано. Головой думай».

С этой мыслью он снова завалился на койку и, заложив руки за голову, бездумно уставился в потолок. В пути ему еще предстояло провести двое суток. С учетом расстояния ужасно медленно. Ну не привык он перемещаться вот так, неторопливо. Навалилась ленивая дрема, и очень скоро парень спокойно спал.

К вокзалу Ессентуков поезд подошел в середине дня. За прошедшие трое суток Сашка уже все бока отлежал. Успел вспомнить все, что с ним произошло уже в России, и, проиграв в голове все варианты, несколько раз выругать себя за бестолковость.

Выйдя на перрон, парень не торопясь осмотрелся и решительно направился напрямик к дородному полицейскому, который прятался от солнца в тени здания. Поздоровавшись, Сашка спросил, как он может попасть в город Пятигорск, и с ходу наткнулся на внимательный взгляд служителя закона.

– А зачем вам туда, сударь? – аккуратно поинтересовался полицейский.

– Место спокойное ищю, чтобы жизнь новую начать, – решив не лукавить, прямо ответил Сашка. – После контузии из армии списали, вот и решил механиком стать где потише.

– А по какой механике работать изволите? – тут же последовал очередной вопрос.

– По всякой, включая оружие, – пожал Сашка плечами. – А чего это вы, уважаемый, меня так расспрашиваете? Лазутчика ловите?

– Господь с вами, сударь, – растерялся полицейский. – Этими у нас военные да жандармы занимаются. Наше дело благочиние. А до Пятигорска вам надо обоз искать. Одиночки у нас стараются не ездить.

– И где его искать? – понимающе кивнул Сашка.

– А вон туда по этой дороге ступайте. До самой заставы. Там обозы и собираются.

– А если ушел уже, то ночлег где найти можно? – подумав, уточнил Сашка.

– А сюда возвращайтесь. Я вас сам на постой определяю, – подумав, заявил полицейский.

– И долго вы тут еще будете? – не унимался Сашка, которому хватило проблем с ночлегом в Воронеже.

– А до темна и буду. Еще три состава придут, – тяжело вздохнул полицейский, доставая из кармана платок размером с наволочку.

– Благодарю вас, уважаемый, – приподнял Сашка котелок. – Надеюсь, не придется вас лишний раз беспокоить.

– Ступайте с богом, сударь, – кивнул толстяк в ответ, утирая лицо.

Поправив ляжки своей поклажи, Сашка зашагал в указанную сторону широким солдатским шагом. Спустя сорок минут он вышел к местному блокпосту и, оглядевшись, увидел несколько подвод, у которых сустились крепкие мужики. Выбрав мужчину старше средних лет, с роскошными чапаевскими усами и торчащим из-под папахи густым чубом, Сашка подошел и, поздоровавшись, поинтересовался, не до Пятигорска ли он собирается ехать.

– Туда, сударь, – окинув парня долгим, внимательным взглядом, кивнул казак.

– Попутчика возьмете? – улыбнулся Сашка.

– А чего ж не взять? Возьму, коль в цене сойдемся, – хмыкнул усач.

– И сколько за проезд?

– Ну, ежели с охраной, то три рубля, а ежели сам себя охранить можешь, рупь, – огласил казак расценки.

– Сам себя охраню, – ответил парень, едва сдерживая смех.

– И чем же, позвольте спросить, сударь? Одним ножичком у нас не обойдешься, – без улыбки сказал казак. – Горцы и стрелять мастера, и саблями рубятся так, что любо-дорого.

– За это не беспокойтесь, уважаемый, – усмехнулся парень, хлопнув ладонью по хурджину.

– Вы уж лучше, сударь, покажите, чего у вас там, – качнул казак головой.

– Как скажете, – пожал Сашка плечами и, поставив мешок на телегу, принялся развязывать горловину.

Достав пару револьверов, он продемонстрировал их вознице, и тот, оценив оружие, махнул рукой:

– Добре, сударь. Сидайте. Только револьверты свои под рукой держите. Здесь-то тихо, а вот как от города отъедем, так настороже быть надо. Горцы, они народ лихой и воевать умеют.

– Неужто и сюда заходят? – решил поддержать беседу Сашка. – Вроде ж войска в городах стоят, и казаки, я слышал, дороги патрулируют.

– То так. Да только все одно озоруют. У них ведь как. Был в бою, джигит. Не был, мальчишка. Был в бою и с добычей вернулся, пехлеван. Ну, а коли сгинул, так шахид.

«Вот блин! Все как у нас, – проворчал Сашка, внимательно его слушая. – Сотня лет прошло, и ничего не изменилось».

– А вы, сударь, по какой части будете? – последовал неожиданный вопрос.

– Механик я, – вздохнул Сашка, выныривая из воспоминаний.

– Механик? Я уж, грешным делом, подумал, что солдат бывший, – удивленно признался казак.

– Так и есть, – не стал скрывать парень. – Списан после контузии. Вот и ищу местечко, где потише да поспокойнее. А тут у вас еще, говорят, и места целебные.

– То так, – важно закивал казак. – И вода всякая имеется.

«Поучи свою бабу щи варить», – буркнул про себя Сашка.

– А скажите, почтенный, жилье у вас снять можно?

– Чего ж нельзя? С этого здесь многие живут, – пожал казак плечами.

– Мне не просто угол нужен. Мне бы так, чтобы кузнец неподалеку был. Сам понимаешь, механика дело такое. Иной раз что-то и выковать, и отлить надо. Так что без толкового кузнеца никак.

– Тогда это вам в станицу надо. В самом-то городе таких мест почитай и нет, – почесав в затылке, высказался казак.

– А станица от города далеко? – насторожился Сашка.

– Так рядом. Почитай, пригород, – махнул казак рукой. – Просто город решили в другую сторону строить. А между предгорьями и городом мы и есть. А с оружием, сударь, работать умеете?

– Умею, – решительно кивнул Сашка.

Еще в поезде, проигрывая в уме различные варианты применения своих знаний, он понял, что отлично помнит устройство и местного оружия и оружия из своего мира. Этот факт порадовал его больше всего. Именно поэтому он и искал место для жилья рядом с кузнечным подворьем. Были у него идеи, как улучшить местное вооружение. Но об этом говорить пока рано. Для начала нужно было понять, что тут вообще имеется из станочного парка. Да и просто хоть немного обустроиться.

– Это хорошо, – обрадованно закивал казак. – А за постой не беспокойтесь, сударь. Есть в станице хаты, где людей на постой берут. Сам вас отвезу.

– Благодарствуйте, уважаемый. Это было бы хорошо. Устал уже ехать, – усмехнулся Сашка, разводя руками.

– А звать-то вас, сударь, как?

– Александром кличут.

– А по батюшке?

– Не дорос еще до такого величания, – усмехнулся Сашка. – Вас-то как величать прикажете?

– Матвей Лукич я, – представился казак, расправляя усы.

– Ну, вот и познакомились. А долго еще стоять-то будем, Матвей Лукич?

– А вот как с базару наши подъедут, так и покатим, – вздохнул казак, выразительно покосившись на соседнюю подводу, где копошилась целая семья, верховодила которой крупная горластая баба.

– А в дороге сколько пробудем? – задал Сашка следующий вопрос.

– Ну, ежели все слава богу пойдет, так часа три, ну, а ежели нет, то тут уж как получится.

– Понятно, – вздохнул Сашка и, откинув холстину, которой прикрывал продукты в корзине, мрачно посмотрел на пустые бутылки из-под кваса. – Матвей Лукич, а где поблизости квасу купить можно? А то дорога долгая, пить захочется.

– А вон туда, за угол ступайте, там бабы всякое продают, – ткнул казак пальцем в нужном направлении.

– Я тогда вещички тут оставляю, – сказал Сашка, не имея ни малейшего желания таскать баулы на себе.

– Оставляйте, конечно. Без вас уж не уеду, – заверил казак.

Подхватив все четыре бутылки, Сашка поспешил в указанную сторону. Зайдя за угол, он с улыбкой увидел до боли знакомую картину. Вдоль дороги, которая, очевидно, вела к центру города, чинным рядом сидели бабки, торговавшие всякой всячиной. Рядом с одной из них стоял пузатый ведерный бочонок.

– Квас? – уточнил Сашка, подойдя.

– Он, сударь, – закивала бабка.

– И почему?

– Так копейка за кружку.

– Вот, в бутылки налейте, – велел он, подавая тару.

– Никак в дорогу берете, сударь? – осторожно уточнила бабка, аккуратно наполняя бутылки.

– Ага. В Пятигорск еду, – кивнул Сашка, наблюдая за процессом.

В каждую бутылку вошло по две кружки квасу, так что парень, отдав бабке десять копеек, решил выпить кружечку на месте. Не спеша опорожнив широкую глиняную кружку, он одобрительно кивнул и, убирая копейку сдачи, спросил:

– А как сумели его прохладным сохранить? Жарко же?

– А у меня два бочонка. Как один нагреется, внук его в подвал сносит и второй достает, – лукаво усмехнулась бабка.

– Умно, – оценил парень и, попрощавшись, отправился обратно к заставе.

Еще через два часа их обоз увеличился на четыре подводы, и пятеро казаков верхами взяли его в своеобразную коробочку. Шедшие

головным дозором выехали за заставу, и возницы защелкали кнутами, погоняя коней и волов. Вся эта кавалькада, скрипя осями и нещадно поднимая пыль, выкатилась на дорогу и двинулась по ней в сторону предгорий.

«М-да, таким аллюром мы до завтрашнего утра телепаться будем», – мрачно вздохнул Сашка и, не удержавшись, чихнул.

– Здрав будь, Лександр, – усмехнулся казак.

– Благодарствую, Матвей Лукич, – вздохнул Сашка.

– А сам-то с откуда будешь? – спросил казак не оборачиваясь.

– Из Франции, – улыбнулся парень, наблюдая за его реакцией.

– Шутишь! – воскликнул казак, разворачиваясь к нему всем телом и при этом едва не вывалившись из подводы.

– Правда, могу бумаги показать, – пожал Сашка плечами.

– Это как же ты так, аж оттуда и сюда?

– Там механиков хватает. А мне все одно, где начинать. Приютский я, – снова вздохнул парень. – Пока служил, вроде и нормально было. А как списали, так и понял, что нигде никто не ждет. Вот и решил уехать куда глаза глядят.

– А чего к нам? – не унимался казак.

– Так говорил же. Контуженый я. А доктора сказали, что мне теперь покой нужен. Вот и решил где потише устроиться, а заодно и дело свое завести.

– Ну да, ну да, – покивал казак. – У нас и вправду тихо. Обычно. Но бывает, что и стреляют.

– Это не страшно. Я тоже не в конторе сидел. Солдат как-никак.

– Ну, тоже верно, – кивнул казак, почесав в затылке и погоняя пару соловых коней.

* * *

Подвода подкатила к чуть покосившемуся плетню, и казак, прыгнув с передка, зычным голосом позвал, шагнув к тыну:

– Аксиныя! Аксиныя, где тебя черти носят?!

– Это кто там еще орет, как ишак? Тута я, – послышалось в ответ, и откуда-то из-за сарая вышла высокая, статная женщина лет тридцати пяти.

Окинув звавшего ее казака мрачным взглядом, она скрестила руки под высокой грудью и, склонив голову набок, спросила с ехидцей в голосе:

– Ты чего разорался, Лукич? Или баба из дому выгнала? Так это тадысь не ко мне.

– Вот что у тебя за язык, Аксинья? – укоризненно вздохнул казак. – Помело поганое, а не язык.

– Ты сюда лаяться приехал или по делу? Потому как ежели лаяться, так это я запросто. Как раз настроение испорчено, – с угрозой пообещала казачка.

– Тьфу, дура баба, – в сердцах сплюнул казак. – Я к ней, как к человеку, а она... – огорченно махнув рукой, он развернулся и, подойдя к подводе, ткнул пальцем в Сашку, с интересом наблюдавшего за этим диалогом. – Вот, постояльца тебе привез. А ты собачишься.

Сказав это, он обошел подводу и, усевшись на свое место, принялся сворачивать сигарку, всем своим видом показывая, что более он ни с кем разговаривать не намерен.

– Это ты, что ли, постоялец? – не спеша подойдя к плетню, спросила казачка, окинув парня долгим, внимательным взглядом.

– Если возьмете, – усмехнулся Сашка.

– А кто таков будешь?

– Механик я. Из армии по контузии и ранению списали, вот и решил своим делом заняться. Матвей Лукич вот сказал, что вы недалеко от кузнеца живете.

– То так, – кивнула женщина. – А платить чем будешь?

– Деньгами, чем еще платят, – недоуменно пожал Сашка плечами.

– Ну, иной и работой отплатить может, – задумчиво хмыкнула казачка. – Ну, пойдем, посмотришь хоромы, – придя к какому-то выводу, позвала она.

– Вещи пока тут оставь, – негромко буркнул Матвей Лукич. – Сговоритесь, так заберешь.

– А что, можем и не сговориться? – удивился парень.

– Да это ж не баба, а черт в юбке. Никогда не знаешь, как у ней левая пятка зачесется, – обреченно махнул казак рукой.

– Добро, – кивнул парень и, спрыгнув с подводы, легко перешагнул высокий тын плетня.

Калиток тут не было. Вместо них в плетеном заборе делали высокий порог, чтобы живность не выбралась со двора на улицу. Этот порог и называли тыном, насколько Сашка сумел вспомнить. Оказавшись во дворе, он с интересом осмотрелся. Подворье было широким, в дальнем от дома конце двора стоял сарай, откуда слышались вполне понятные звуки, выдававшие в нем скотник. Про себя Сашка решил называть этот сарай так. Рядом с ним что-то вроде птичника, а дальше, через еще один невысокий плетень, начинался огород. С другой стороны был роскошный фруктовый сад.

И посреди всего этого благолепия стоял широкий, добротный саманный дом. Строился прежний хозяин с явным размахом. Казачка неспешным шагом провела Сашку к дальнему концу дома и, толкнув крепкую дверь, жестом предложила войти. Чуть пригнув голову, Сашка переступил порог и с удивлением понял, что оказался в отдельной двухкомнатной квартире. Крошечные сени он миновал в два шага. За ними оказалась квадратная удивительно светлая комната. А самое главное, здесь было прохладно, словно на улице и не было одуряющей жары.

В боковой стене парень заметил еще один проход, завешенный легкой занавеской, и, не оглядываясь на хозяйку, заглянул туда. Это была спальня. Маленькая, но удивительно уютная. Широкая деревянная кровать, этажерка и платяной шкаф. Последний Сашку удивил больше всего.

– Раньше мы тут с мужем жили. Это батьки его дом. Потом, когда стариков не стало, в большую часть переселились, а эту старшей дочке оставили. А теперь вот сдаю, – вздохнула Акси́нья, прислонившись плечом к притолоке.

– А мне нравится, – улыбнулся Сашка. – Баня у вас есть?

– Как же без бани-то? – удивилась казачка. – За домом стоит.

– А можно будет сюда еще один стол поставить, для работы? – спросил Сашка, проходя в большую комнату.

– Чего ж нельзя, – кивнула женщина. – Только стол тебе придется самому покупать. Ну, или заказать можно. Расскажешь столяру, какой нужен, он любой сделает.

– Это хорошо. Для работы стол крепкий нужен, – кивнул Сашка. – Что ж, раз так, давайте по оплате говорить, – повернулся он к хозяйке.

– Два рубля в месяц, и живи, – пожала та плечами.

– А в плату что входит? – решился уточнить парень.

– Ну, прибрать тут стану, постель менять, захочешь, могу и на тебя готовить, но тут уж продукты или покупай, или плати за них, – чуть подумав, ответила казачка.

– Годится, – прикинув, что от добра добра не ищут, кивнул Сашка. – Сколько вперед уплатить?

– А сколько не жалко, – тут же нашлась хозяйка.

Прикинув, что в кармане у него лежит более двадцати рублей, Сашка достал ассигнации и, отсчитав двенадцать рублей, положил их на круглый обеденный стол, стоявший посреди комнаты.

– Вот, за полгода. А дальше, как заработок пойдет, – сказал он, указывая на деньги.

– Добро, – кивнула хозяйка и, одним движением смахнув их со стола, ловко сунула куда-то за пазуху. – Вечерять станешь?

– Хотелось бы. Вторую неделю еду, и все всухомятку, – усмехнулся Сашка. – И в баньку бы мне. Углем да креозотом провонял от той чугушки.

– Затоплю, – кивнула Акси́нья и, развернувшись, выскочила во двор.

Выйдя следом за ней, Сашка отправился к подводе. Улыбнувшись Матвеем Лукичу, он кивнул и, понизив голос, сообщил:

– Сговорились. Благодарствую, Лукич.

– Да на здоровье, – отмахнулся казак. – Акси́нья баба справная и хозяйка хорошая, но характер у ней не приведи господи, так что ты поосторожнее, – вздохнул он. – Трех дочек-погодок одна поднимает, я с мужем ейным в дружбе был, потому и терплю заразу.

– Ну, даст бог, не поссоримся, – тихо рассмеялся Сашка. – А ружье свое занеси. Посмотрю, что с ним.

– Добро, – кивнул казак. – То уж завтра. Сегодня дел еще много, – добавил он, тряхнув поводьями.

Подхватив свои вещи, Сашка перенес их в дом и, устало вздохнув, принялся разбирать. Сидор, после недолгих размышлений, он сунул в шкаф, решив потом разобраться с хранением своих богатств. Вынув из хур-джина ранец, он достал изрядно помявшийся мундир и, оглядевшись, снова вздохнул. Таких простых вещей, как одежная вешалка, тут, похоже, не знали. Сделав себе в памяти зарубку сделать

такие полезные в хозяйстве вещи, парень разложил мундир на лавке и принялся доставать все подряд.

После долгой дороги вещи требовалось почистить, проветрить, а многое постирать. Несессер, полученный от Мадлен, он оставил на подоконнике. Пару револьверов положил на стол. Вторая пара была у него за поясом. Задумчиво покосившись на оружие, Сашка подумал, что неплохо было бы разжиться всем необходимым для снаряжения и чистки. Впрочем, ему еще много чего было нужно. Но все остальное уже завтра. Сейчас ему требовалось просто остановиться. Он уже пару раз ловил себя на том, что посматривает на часы, словно куда-то опаздывает.

У порога раздались шаги, и Акси́нья, заглянув в дверь, позвала:

– Пошли с нами вечерять. Пока поедем, там и баня поспеет.

– Иду, – кивнул Сашка, продолжая разбирать вещи.

– Это что ж за мундир такой? Я таких не видала, – удивилась женщина, глянув на лавку.

– Французский Иностранный легион. Я сюда из Франции приехал, – пояснил Сашка, выкладывая на стол кинжалы и ножи.

– А я все думаю, чего это Лукич тебя так спокойно сюда привез. А у тебя стволов, как у дурака махорки, – хмыкнула казачка, спокойно беря со стола револьвер. – Тяжелый, – качнула она оружием.

– Осторожно, он заряжен, – проинформировал Сашка, не делая попытки отобрать ствол.

– Да уж вижу, что ты им не орехи колол, – усмехнулась Акси́нья, вертя револьвер в руках. – А чего не чищенный?

– Завтра займусь. В дороге негде было, да и нечем. Так что с утра к столяру и на базар. Мне еще много чего нужно, – вздохнул Сашка.

– А кинжалы у тебя знатные, – оценила женщина, отложив револьвер и вынув из ножен один клинок.

– Дамасской стали вещь, – кивнул парень. – С бою взяты.

– Ишь ты. Прямо как у нас, – одобрительно кивнула казачка.

– Я в Африке воевал, а там к таким вещам начальство спокойно относилось, – снова кивнул Сашка.

– Да, помотало тебя по свету, – проворчала женщина, удивленно разглядывая его. – А лет-то тебе сколько?

– По бумагам двадцать, а на самом деле девятнадцать зимой будет, – вздохнул парень.

– Это что ж там у вас, ироды совсем мальчишек воевать гонят? – возмутилась Аксинья.

– Вышло так. Из приюта бежать пришлось, – отделался Сашка коротким ответом, не желая вдаваться в подробности.

– Так ты приютский?

– Угу.

– И что, родителей совсем не помнишь? – не унималась женщина.

– Нет. Потому и решил оттуда уехать. Ни кола, ни двора, да еще и контуженый. И кому я там нужен? Вот и решил все сначала начать.

– Так ты вправду механик? – вдруг спросила Аксинья.

– Правда, – решительно кивнул Сашка. – Вот, смотри, – он раскатал на столе скатку с инструментом.

– Ишь ты. Я такого тонкого инструмента и не видела никогда, – растерянн охнула женщина.

– Это специально для мелкой работы. Часы там починить или еще какую тонкую механику, – пояснил Сашка.

– Что, и часы можешь? – не поверила казачка.

– Я много чего могу, – усмехнулся Сашка.

За время пути от Воронежа до Ессентуков он со скуки снял со своих часов заднюю крышку и как следует изучил механизм. По сути, ничего особо сложного там не было. Так что разобраться с подобной механикой для него действительно не было проблемой. А если вспомнить, сколько всего он мог воссоздать из своего времени, так и вообще можно в изобретатели податься. Главное, подобрать нужные станки и найти источник нужных сплавов.

– У меня от мужа ружье осталось, – помолчав, осторожно сказала женщина. – Так-то целое, а вот не стреляет. Глянешь? – спросила она с потаенной надеждой.

– Гляну, – тут же кивнул Сашка. – А оно вам вправду нужно? – подумав, уточнил он.

– В наших местах лучше, чтоб было, – кивнула хозяйка. – Турки горцам за рабов серебром платят. Особливо за девок. Так что нужно.

Вспомнив, что у нее три дочери, Сашка задумчиво посмотрел на свой арсенал и, хмыкнув про себя, спросил:

– Из револьвера стрелять умеешь?

– Из всего умею, – решительно кивнула женщина. – Станицу бабы наравне с казаками защищают, ежели горцы в набег идут. Даже

мальцы, и те из дедовых винтовок палят.

– Держи пока, – Сашка протянул ей револьвер, который она рассматривала. – Не знаю, что там с твоей винтовкой, так что пусть пока у тебя будет.

– Спаси Христос, – склонила Аксиныя голову. – Тебя как звать-то, постоялец? – вдруг спросила она с улыбкой.

– Вот блин! – Сашка звучно хлопнул себя ладонью по лбу. – Прости, хозяйка. Совсем забыл за всеми этими делами. Александр я. Можно Сашей звать.

– Бог простит, – понимающе усмехнулась Аксиныя. – Ну, бросай свои пожитки и пошли. Остынет всё.

Понимая, что она права, Сашка положил ранец и, выйдя из дому, поспешил к колодцу. Быстро умывшись и смыв дорожную пыль, он прошел на хозяйскую половину. Аксиныя, жестом указав ему его место, принялась накрывать на стол, попутно знакомя новичка со своим семейством.

– Наталья, Татьянка и Ульянка, – представила она дочерей погодок, с любопытством глазевших на парня.

На его взгляд, девочкам было шесть, восемь и десять лет. Но это он так считал, сколько им на самом деле, знала только их мать. Выставив на стол чугунок, Аксиныя раздала глиняные тарелки и принялась раскладывать что-то до боли Сашке знакомое.

«Это же армянская долма!» – сообразил он, рассмотрев виноградные листья.

– От горцев блюдо взяли? – спросил парень, поливая блюдо простоквашей с чесноком.

– Никак пробовал? – удивилась Аксиныя.

– У арабов тоже такое есть, – кивнул Сашка, с удовольствием впиваясь зубами в первый кусок.

* * *

Вся следующая неделя для Сашки оказалась заполнена бытовыми хлопотами. Как оказалось, у него не было почти ничего из того, что нужно обычному человеку для нормальной жизни. Чего уж там. У него даже своих столовых приборов не было, не говоря уже о кружках для

питья. В общем, пришлось лезть в сидор и слегка растрясти мошну. Стараясь не сильно афишировать наличие денег, он громогласно торговался на базаре и в лавках, очень скоро приобретя известность придиричивого покупателя.

Впрочем, на Кавказе, как и везде на Востоке, купивший товар без торга считался либо глупцом, либо зажавшимся снобом, которому деньги девать некуда и который не уважает продавца. Так что отношение, несмотря на его яростную торговлю, к парню было скорее благожелательное. Но возникла и проблема. Причем возникла она там, где он никак не ожидал. Сашка забыл, что в этом времени народ был весьма набожным и к посещению церкви относился весьма ревностно.

К тому же, как оказалось, основное население станицы было из староверов. Так уж сложилось, что все эти поселения основывали те, кто уходил от раскольничьего гонения. Так что в первое же воскресенье Аксинье начали задавать вопросы, которые она, недолго думая, переадресовала самому парню. Матвей Лукич, считавшийся в станице его добрым знакомцем, преодолев некоторое смущение, увидев Сашку на базаре, отозвал его в сторону и, попыхивая сигаркой, тихо спросил:

– Ляксандр, ты в Бога веришь?

– Верю, – решительно кивнул Сашка, не понимая сути вопроса.

– А чего тогда в церкву в субботу не пошел?

– Лукич, ну ты сам-то подумай, – усмехнулся парень. – Вырос я во Франции, а это страна католическая. Родителей своих не помню, так что, даже если окажется, что я из русских, то кто и в какую веру меня крестил, теперь не узнать. Так что в церкви мне без особого разрешения делать нечего. А в Бога я всегда верил, – вздохнув, закончил он. – Потому и жив, наверно.

– От оно как, – растерянно протянул казак. – Ну, добре. Но к батюшке нашему тебе б все ж надо зайти.

– Зачем? – пожал Сашка плечами. – Он креститься потребует. А я и так крещен. Вот только не помню, как именно. А второй раз креститься неправильно будет. Ты лучше скажи, где у вас тут можно боевой припас недорого купить? – сменил Сашка тему.

Набор для чистки он уже успел приобрести, в том числе и подходящую пулелейку. А вот порох, капсюли и свинец он в лавках не нашел. И это парня очень удивило. Как ни крути, а данный товар в

местных реалиях весьма важен. Война тут никогда не заканчивалась. Понимая кивнув, Лукич жестом позвал парня за собой и, пройдя в дальний конец базара, пальцем указал на приземистое здание, больше всего напоминающее крепость. Сложено оно было из обожженного кирпича и крыто черепицей. В общем, маленькая крепость.

Узенькие окошки, крепкие двери, обшитые доской в несколько слоев внахлест, мощные ставни и двускатная черепичная крыша. Такое не враз и штурмовать получится.

– Это что, арсенал ваш? – удивился Сашка, рассматривая мрачное здание.

– Чего это, арсенал? – удивился казак. – Лавка оружейная это. Тут весь припас боевой и продают. Просто повелось так. Порох-то, он сам знаешь, ежели полыхнет, беды не оберешься. Вот и построил хозяин такое, чтобы от пожара уберечься.

– Умно, – оценил Сашка и, поблагодарив казака, решительно толкнул крепкую дверь.

– Я вечером зайду, – пообещал Лукич вслед.

– Добро, ждать буду, – кивнул Сашка, переступая порог.

Войдя в помещение, он на несколько секунд закрыл глаза, давая им адаптироваться к резкой смене освещенности. После яркого солнечного света он словно в подвал закрытый попал. Проморгавшись, парень с любопытством огляделся. Торговая часть лавки оказалась небольшой. Шагов пять до прилавка и на всю ширину здания. Похоже, все остальное было отведено под склад.

На крепких деревянных щитах было развешано все имевшееся в наличии оружие. Винтовки, ружья, пистолеты, в основном кремневые. Ну и само собой, разное холодное оружие. Отдельно, под стеклом, были разложены уже готовые патроны, капсюли, гильзы и все необходимое для обслуживания огнестрела. Порох был обозначен просто бумажкой, на которой стояла цена. Похоже, к технике безопасности тут относились серьезно. Все прилавки были обиты листовой медью.

Именно этот факт заставил Сашку отнести к владельцу этого заведения с уважением. Медь металл мягкий и при ударе не дает искры. Так что данная трата была совсем не лишней. У прилавка с продавцом о чем-то старательно спорил какой-то господин, так что осмотреться у парня время было. Убедившись, что попал куда надо,

Сашка встал в сторонке, терпеливо ожидая, когда продавец освободится.

Как оказалось, яростный торг шел за отличное охотничье ружье. Владелец желал его продать и был категорически не согласен с предложенной ценой. Вспомнив, что в предгорьях всегда была роскошная охота, Сашка не удержался и, подойдя поближе, принялся рассматривать предмет спора. Это был двуствольный курковый «Зиг Зауэр» двенадцатого калибра. На ореховом ложе, с тонким орнаментом по казенной части.

– Ружье не новое, сударь. К тому же оружие это не боевое, а охотничье. На любителя, и в этих местах особой популярностью не пользуется. К тому же по прикладу три царапины имеются, так что за тридцать рублей я его никак взять не могу, – между тем упирался продавец.

– Да оно новое без малого сотню стоит! – возмущался клиент. – Ты его за полсотни выставишь, а мне тут ерунду рассказываешь.

– Как хотите, сударь, но больше двадцати пяти не дам, – решительно ответил продавец, складывая руки на груди.

– Прошу прощения, сударь, а сколько вы за него хотите? – вежливо поинтересовался Сашка, вклинившись в возникшую паузу.

– Тридцать рублей, – сказал, как отрезал клиент.

– А все остальное у вас к нему имеется? Ну, патроны там, приспособления для чистки и все остальное? – не унимался Сашка.

– Да там ящик целый всякого добра, – отмахнулся мужчина.

Сашка окинул его быстрым, внимательным взглядом, про себя отмечая добротную одежду, хорошую обувь и крупный золотой перстень на безымянном пальце левой руки. Судя по всему, мужик из благородных, служит каким-то чиновником и охоту явно не любит, подумал Сашка про себя и, чуть улыбнувшись, задал следующий вопрос:

– А где ж на все это посмотреть можно? Неужто с собой не принесли?

– Дома все, – буркнул мужик, сообразив, что дал маху. – Не таскать же по такой жаре эту тяжесть.

– Тоже верно, – кивнул парень. – А гильзы к этому ружью какие? Латунные или папковые? Картонные в смысле.

– Латунные, – кивнул мужик, удивленно рассматривая Сашку.

– Дозвольте ружье глянуть? – спросил парень, протягивая руку за оружием.

– Извольте, – недоуменно разрешил мужик, отступив на шаг.

Подхватив ружье, Сашка привычным движением переломил его и, заглянув в стволы на просвет, одобрительно хмыкнул. Судя по тому, что он увидел, стреляли из него только после изготовления, на заводе. Стволы блестели. Быстро разобрав оружие, Сашка взвел курки и, прижав большим пальцем бойки, поочередно нажал на спусковые крючки. Оба бойка исправно клюнули его в подушечку пальца. Похоже, первое впечатление было правильным и ружье было почти новым. Снова собрав ружье, парень задумчиво потер пальцами шрам на щеке и, вздохнув, спросил:

– Тридцать рублей говорите?

– Тридцать, – решительно кивнул мужик.

– Только ружье, или все к нему положенное тоже в эту цену входит? – осторожно уточнил Сашка.

– Минуточку, сударь, – вдруг засуетился продавец. – Мне вы за эту цену только само ружье предлагали.

– А ты про остальное не спрашивал, – злорадно ответил мужик, моментально найдя ответ. – Да, уважаемый. Тридцать за всё.

– Беру, – махнув рукой, провозгласил Сашка. – Где вас найти можно?

– Вот он я, чего меня искать? – не понял мужик.

– Так я про то, что мне еще ящик ваш забрать надо. Вы мне сейчас адрес свой скажите и домой ступайте. А я к вам с деньгами приду и сразу все заберу, – разложил Сашка диспозицию.

– И когда вас ждать? – задумчиво поинтересовался мужик.

– А часа через два и буду. Как дела свои тут закончу.

– Что ж. Извольте, – решившись, кивнул мужик и, достав из жилетного кармана визитку, протянул ее парню. – Тут мой адрес указан. Через два часа жду вас.

– Непременно буду, – кивнул парень, убирая визитку в карман.

Небрежно сунув ружье в чехол, мужик закинул его на плечо и, победно глянув на продавца, вышел.

– Что ж вы, сударь, в чужой торг врываетесь? – укоризненно спросил продавец у Сашки.

– Да не было у вас уже торга, – махнул парень рукой. – Уперлись оба. По всему видать, ему сильно деньги нужны.

– Еще б не нужны, – хмыкнул продавец. – В карты намедни проигрался, вот и суется.

– Знаете его? – насторожился Сашка.

– Его тут все знают, – махнул продавец рукой. – Лет пять, как приехал. В управе городской служит. Из благородных, а за душой хрен в кармане да вошь на аркане. А ружье вы ловко сторговали. Я б его и вправду за полсотни выставил, – вздохнул он.

– И висело бы оно еще года два, – усмехнулся Сашка. – Товар и вправду особый. На любителя. А тут у охотников свое оружие имеется, а приезжие не охотиться едут. Лечиться. Кто охотник, тот сразу со своим приедет.

– Господа офицеры купили бы, – задумчиво протянул продавец.

– К чему, ежели у них свое есть? Нарезное. Охота, заодно и тренировка. Это если по серьезному зверю. А по птице, так тут действительно охотником заядлым быть надо, – разбил Сашка его аргумент.

– А вы, значит, заядлый, – иронично хмыкнул продавец, окидывая наряд парня многозначительным взглядом.

– Я на базар шел, а не на прием, – фыркнул парень. – Да и жарко в костюме, – добавил он, дернув себя за отложной воротник шелковой рубашки.

Немного освоившись, он повесил купленный в Воронеже костюм в шкаф, для официальных случаев, и стал носить то, что успел приобрести еще в Африке. Шаровары, рубашку и высокие ботинки. Голову он покрывал картузом, а вместо ремня носил широкий кожаный пояс с кармашками. Кожа там была толстая, крепкая, которую не сразу и разрежешь, если обворовать носителя решишь.

К поясу крепились кобура с револьвером справа и кинжал слева. С первого взгляда и не поймешь, то ли бандит с большой дороги, то ли пират, невесть как попавший в предгорья, а то ли вообще охотник за головами. Но Сашке было плевать на чужое мнение. Ему было удобно, а это главное. Все свои покупки он складывал в тот самый ситор, который конфисковал на воровской малине. Деньги и драгоценности из него он переложил в ранец и убрал подальше в шкаф, сунув его в просторный хурджин. Так что вот так сразу и не доберешься.

– Чего желаете приобрести? – спросил продавец, решив на всякий случай сменить тему.

– Мне свинец нужен, порох и капсюли, – быстро перечислил Сашка.

– К револьверу? – уточнил продавец.

– Именно.

– Все имеем. По сколько всего подать?

– На сотню пуль свинца, столько же капсюлей и пороху в достатке, – подумав, назвал парень.

С момента ухода из армии потренироваться в стрельбе ему так и не довелось. А это было неправильно. Стрельба дело такое. Как забросил тренировки, так сразу и проблемы возникнут в нужный момент. Так что на боеприпасах он решил не экономить. К тому же слава о нем, как о механике, умеющем ремонтировать оружие, уже начала разноситься. Матвей Лукич был его первым клиентом. Быстро восстановив его музейную кремневку, он объяснил казаку, что было не так, чем заслужил его благодарность.

Так что клиенты уже начали появляться. Оружие в этих местах не роскошь, а жизненная необходимость. Больше всего Сашку удивляло, что правительство не торопится перевооружить армию на оружие с унитарным патроном. Про казаков и говорить нечего. Те всегда вооружались за свой счет. Так что музейных экспонатов в станице хватало.

Вот и в оружейной лавке продавались сплошь старые образцы оружия. Хотя Сашка точно помнил, что винтовка капитана Мосина была принята на вооружение еще в тысяча восемьсот девяносто первом году. Расплатившись за покупки, парень отправился по адресу чиновника. Ружье он решил купить обязательно. Всегда мечтал стать настоящим охотником.

* * *

С момента приезда Сашки в Пятигорск прошел ровно месяц. Как оказалось, в этом городе были большие трудности с железом. Точнее, с изделиями из него. Кузнецы вынуждены были ездить в Ессентуки и закупать так металл, в слитках, из которых потом и делали различные

изделия. Этот факт поставил парня в тупик. Для его задумок требовалась сталь, и желательно в самых разных видах. От листа до различного формованного проката.

Так что пришлось снова изобретать велосипед. Точнее, искать способы покупки и доставки нужных металлов с Пятигорск. Точнее, к себе в станицу. В общем, после долгих размышлений Сашка с грехом пополам отремонтировал старую хозяйскую телегу и с ближайшим обозом отправился в Ессентуки. У кузнецов он выяснил, что там, в депо, продавали различные списанные детали, запчасти и тому подобный лом по цене три копейки за пуд. Услышав эту цену, Сашка чуть в голос не заржал. Но вовремя вспомнил, что в этом времени копейка была деньгами и чего-то стоила.

Станичный кузнец, узнав, что он собирается ехать за железом, тоже присоединился к обозу. Так что в сторону депо они отправились на двух подводах. Охрана у ворот депо, узнав, что они приехали за железом, пропустила телеги на территорию, и кузнец с ходу бросился отбирать железки из хорошей стали. Сашка же принялся собирать то, что могло ему понадобиться в работе.

Медные трубки, болты, гайки, шайбы, латунные пруты, нашлось даже несколько латунных же емкостей. Для чего они служили раньше, он так и не понял, но в его хозяйстве точно пригодятся. В общем, телегу он нагрузил так, что оси трещали. Уплатив за все полтинник, Сашка окликнул кузнеца и предложил пообедать. Выехали они ранним утром, а время уже перевалило далеко за полдень. Кузнец, молча кивнув, направил телегу в нужную сторону. Похоже, он знал, что делал.

Спустя примерно двадцать минут неспешного аллюра они припарковали свой транспорт у трактира, и кузнец, привязав поводья своего мерина к ближайшему столбу, негромко сказал, повернувшись к парню:

– Тут и поедим. И не дорого, и готовят вкусно.

– Как скажешь, – пожал Сашка плечами, решив довериться ему.

Они вошли в трактир, и парень, осмотревшись, одобрительно хмыкнул. Помещение едадьни было светлым, чистым, и даже из кухни не доносилось каких-нибудь неприятных запахов. Мебель был добротной, крепкой, а главное, чистой. Едва они уселись за стол, как к

ним подошел крепкий молодой парень в удивительно чистом переднике и, дежурно улыбнувшись, поинтересовался:

– Чего желаете, господа?

– А что из готового есть, чтобы долго не задерживаться? – тут же спросил Сашка под одобрителный кивок кузнеца.

– Щи могу подать, окрошку холодную, жаркое свиное, курица жареная, рыба, опять-таки жареная, – не спеша принялся перечислять половой.

– Мне окрошку и рыбы жареной, – решительно потребовал Сашка. – И хлеба не забудь побольше. Потом чаю горячего и пирога с ягодой какой. Есть?

– С вишней, с клубникой, с абрикосом, с яблоком, – слышалось в ответ.

«Блин, вот что значит южные края», – мелькнула у парня мысль, и он потребовал себе пирог с абрикосом.

Кузнец, после недолгих размышлений, заказал то же самое. Стол был накрыт через пять минут, и они, не сговариваясь, дружно принялись утолять голод. Окрошка была сметена моментально. За ней последовала рыба. Отлично прожаренные караси в сметане. Вкусные, за уши не оттащишь. Съев все до крошки, Сашка привычно смахнул с тарелки остатки подливы кусочком хлеба и, забросив его в рот, заметил удивленный взгляд кузнеца.

– А мне говорили, что ты француз, – недоуменно проворчал он.

– Оттуда и есть. Да только вырос в приюте. С самого детства знаю, что такое голод. Впервые досыта поел, только когда в армию записался.

– От оно как, – почесал кузнец в затылке. – А правда, что ты умеешь само разные механизмы чинить? Даже ахтанабилю.

– И его могу. Главное, чтобы нужные части были, – улыбнулся Сашка.

– А сам их сделать можешь?

– Смотря какие. Есть такие части, которые сначала отлить правильно надо. А вот тут мне рядом толковый кузнец нужен, – закончил он, намекая на сотрудничество. – Сам-то литьем владеешь?

– Я-то не сильно, а вот мастер, что меня учил, тот всякое литье знает. Даже колокола для церкви лил, – честно признался кузнец.

«Точное литье это здорово», – кивая, подумал Сашка.

– А мастер-то жив еще? – на всякий случай уточнил Сашка.

– Жив, слава богу. Старый только уже. Но крепкий еще. Я иногда к нему захожу, совета спросить, – тепло улыбнулся кузнец.

– Тебя ведь Евсеем зовут? – на всякий случай спросил Сашка.

Специально их не знакомили, но им приходилось пересекаться на улицах станицы, и потому в лицо друг друга знали хорошо.

– Евсей, ага, – кивнул кузнец.

– Так что, сосед, поможешь мне, ежели вдруг нужную деталь отковать потребуется? – спросил Сашка, глядя ему в глаза.

– А чего ж не помочь? Особливо ежели работа интересная, – усмехнулся молодой мужчина.

Сашка окинул его задумчивым взглядом, про себя отмечая широченные плечи, бычью шею и громадные кулаки. Окладистая русая борода была коротко подстрижена. Очевидно, специально, чтобы не спалить искрами отковки. Они допили чай и, расплатившись, не спеша вышли на улицу. Кузнец закурил, а Сашка принялся осматривать сбрую смирной каурой кобылки. Кожа на сбруе была латаной-перелатаной, но функцию свою пока выполняла. Скептически оглядев это убожество, парень мрачно хмыкнул.

– Ты ж вроде охотиться собираешься? – вдруг спросил кузнец.

– Собираюсь, а что? – повернулся Сашка к нему.

– Сведу тебя с Семеном-кожемякой. Он на хуторе, у реки живет. Как разживешься мясом, поговори с ним. Ты ему свежатины, а он тебе кожи на сбрую, – посоветовал Евсей.

– А согласится? – усомнился парень.

– Запросто. Ему с кожами работы невпроворот, потому своей худобы почитай и не держит. Так что на свежую убоину завсегда нужную кожу сменяет, – уверенно кивнул кузнец.

– Добрый совет. Благодарствую, – подумав, кивнул Сашка.

Он и вправду собирался всерьез заняться охотой. В своих походах вокруг станицы даже он, не будучи следопытом, частенько замечал свежие следы кабанов, косуль, оленей и другой живности. Предгорья и вправду кишели дичью. Главное, суметь ее обнаружить и добыть. Так что, как только наступит осень, он отправится в лес. Даже патроны к купленному ружью уже накрутил.

– Куда теперь отправимся? – спросил кузнец, кивнув в ответ на слова благодарности.

– А где тут станки разные продают? Только не большие. Наверде тех, что ювелиры используют? – подумав, спросил Сашка.

– Так это тебе к ювелирам и надо, – развел кузнец могучими руками. – Только куда тебе такие махонькие?

– Так для тонкой работы, – пояснил парень. – В тех же часах шестеренки малюсенькие, а бывает, что и ломаются.

– Ага, – сообразив, о чем речь, кивнул кузнец. – Тогда поехали.

Он отвязал своего мерина и, усевшись в телегу, хлопнул его поводьями. Покружив по городу, они выехали на торговую площадь, и кузнец, подогнав телегу к длинному зданию красного кирпича, указал Сашке на нужную дверь.

– Туда ступай. Ежели у кого и есть нужные станки, так только тут.

Кивнув, Сашка соскочил с телеги и легко взбежал на каменное крыльцо. Толкнув дверь с неизменным колокольчиком, он уже привычно прикрыл глаза, на пару секунд замерев в дверях. Потом, проморгавшись, осмотрелся и, увидев выходящего откуда-то из подсобки молодого парня характерной наружности, вежливо поздоровался. Ответив, тот выжидающе уставился на посетителя.

– Меня интересуют станки. Размером с ювелирные, но по применению, как обычные, слесарные. Есть такие? – спросил парень, подходя к прилавку.

– Простите, сударь, но у нас только ювелирные станки, – качнул продавец головой.

– А на них можно взглянуть? – подумав, спросил Сашка. – Может, мне и подойдет какой.

– Ювелирный станок для не ювелирных работ? Чем же вы занимаетесь, молодой человек, позвольте спросить? – раздался старческий голос.

В торговый зал вышел пожилой, совершенно седой еврей. Чуть усмехнувшись собственным мыслям, Сашка еще раз вежливо поздоровался и, вздохнув, ответил на заданный вопрос:

– Механик я. И работать приходится с самыми разными механизмами. Вот и решил прикупить себе небольшие станки.

– И в первую голову у вас, конечно же, оружие, – иронично хмыкнул старик.

– Нет. Автомобили.

– Думаете, эти самобеглые повозки сумеют вытеснить хорошую лошадь? – усмехнулся старик.

– Не сомневаюсь, – решительно заявил парень. – Прогресс не остановить. И чем быстрее вы это осознаете, тем будет лучше для вашего дела.

– Какие именно станки вас интересуют, молодой человек? – помолчав, спросил старик.

– Токарный, фрезерный, сверлильный. Есть такие? – оживился Сашка.

– Есть. Не совсем именно такие, как вам бы хотелось, но нужные работы вы на них сделаете, – пожевав губами, заверил старик. – Мойша, проводи его на склад. Пусть посмотрит своими глазами и пощупает своими руками.

– Ступайте за мной, сударь, – позвал продавец, поднимая доску прилавка.

Войдя в большое, тускло освещенное помещение, он оглянулся на Мойшу и тот, проскользнув вперед, повел его по проходу куда-то в глубь помещения. Сделав пару поворотов, он вывел Сашку в подобие мастерской. Все имевшиеся в этом магазине станки были выставлены тут. Внимательно осмотрев каждый, Сашка удрученно вздохнул. Токарный и сверлильный ему вполне подходили, а вот фрезерный не годился.

– И сколько вот такой стоит? – поинтересовался парень, почесав в затылке и ткнув пальцем в токарный станок.

– Пятьдесят рублей на ассигнации, – тут же последовал ответ.

– А этот? – Сашка указал на сверлильный.

– Тоже пятьдесят. Вон тот, – Мойша указал на тот, что выдавался за фрезерный, – семьдесят.

– Сто рублей за два станка, – мрачно проворчал Сашка. – Дорого.

– Есть сверлильный за двадцать, но у него станина сломана, – послышался голос старика, и он, тяжело шаркая, вошел в мастерскую.

– Посмотреть можно? – оживился Сашка.

– Покажи, – кивнул старик Мойше.

Тот нырнул в какой-то проход и спустя пару минут приволок станок. Осторожно перевернув его на бок, Сашка принялся осматривать поломку.

– Если есть толковый кузнец, починить не сложно, – вздохнул старик. – Но мне этим заниматься сил не хватает, а Мойша еще слишком молод.

– И что? – не понял Сашка. – Какая разница, кто работу заказывает, если деньги честно платит?

– Эх, юноша, плохо вы знаете еще людей, – вздохнул старик. – Для них даже честные деньги от нас все равно кажутся грязными.

– Не могу с вами согласиться, – упрямо тряхнул Сашка головой. – Дураков везде хватает, но нельзя по ним судить обо всех.

– Вы мудры не по годам, молодой человек, – тихо рассмеялся старик. – И я даже соглашусь с вами. Но ответьте мне на такой вопрос. Почему тогда нам постоянно попадаются плохие люди?

– Да потому, что они сделали вас своей мишенью и постоянно крутятся рядом, – развел Сашка руками. – Нормальные люди не хотят иметь с ними дело, вот они и пытаются возвыситься в собственных глазах за ваш счет.

– Учись, Мойша, – одобрительно кивнул старик. – Этот юноша твой ровесник, а уже знает об этом мире не меньше твоего деда.

– Я приютский, почтенный, – грустно усмехнулся Сашка. – А там быстро учишься головой думать и понимать подобные вещи.

– А еще там быстро взрослеют, – сочувственно вздохнул старик. – Мойша, отдай ему этот станок за семь рублей. А токарный вы сможете купить у нас за тридцать пять рублей, молодой человек.

– Но, дедушка! – попытался возмутиться Мойша.

– Рот закрой, – послышалось в ответ.

Не обращая на внука внимания, старик развернулся и, все так же тяжело шаркая ногами, скрылся в боковом проходе.

* * *

Ликование парня от покупки таких нужных станков передалось и Евсею. Оглядев, ощупав и буквально обнюхав станки, кузнец с довольным видом кивнул и, небрежно махнув рукой, заявил, что станину отлить дело нехитрое. Сговорившись с ним на месте за всю работу, вместе с железом на два рубля, Сашка уже хотел предложить ему сходить в трактир, выпить пива, чтобы отметить это событие,

когда рядом с подводой парня появился странный, отлично одетый господин средних лет и, глядя на Сашку, на безукоризненном французском спросил:

– Месье Александр, если не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, мсье. Это я, – вежливо кивнул Сашка, моментально подобравшись.

– Мы можем поговорить? – спросил незнакомец, указывая ладонью в сторону от телег.

– Я слушаю вас, – произнес парень, сделав три шага в указанную сторону и круто развернувшись.

– Вы очень напряжены. Это не идет на пользу здоровью, – иронично усмехнулся неизвестный.

– Если вы собираетесь говорить о моем здоровье, то не стоит терять времени. Я и так знаю, что у меня с ним плохо, – хмыкнул в ответ Сашка.

– О нет. Ваше здоровье это только ваши заботы, – тут же открестился мужчина. – Я хочу поговорить о другом. Точнее, я хочу кое-что предложить вам.

– В таком случае, может, вам для начала стоит представиться? Я не веду деловых переговоров с неизвестными личностями, – морально щелкнул его по задранному носу Сашка.

– Называйте меня Немо, – впервые с момента начала их разговора в глазах неизвестного мелькнуло что-то похожее на злость.

– Никто? – иронично усмехнулся Сашка. – Не самое приятное имя. Впрочем, это ваши проблемы. Итак, о чем вы хотели поговорить?

– Не ожидал, что вам известны произведения мсье Верна, – чуть покривился неизвестный.

– Похоже, те, кто отправил вас на этот разговор, не удосужился как следует проверить свои данные обо мне, – понимающе усмехнулся Сашка. – Но давайте перейдем к делу. Итак...

– Я хотел спросить вас, мсье, вы хотите знать о себе все, что было скрыто до этого дня?

– Неожиданный вопрос, – задумчиво протянул Сашка. – Лет пять назад это было бы весьма актуально. Но теперь... – он замолчал, словно задумался, но потом, решительно тряхнув головой, продолжил: – Нет. Я тот, кто я есть. И другим уже не стану. Да и смысла нет искать

кого-то, кто мог бы быть моими родителями. Так что ваш секрет несколько протух.

– Вы уверены? – спросил неизвестный с некоторой растерянностью. – Ведь это будут не просто слова, а слова, подтвержденные документами.

– Мсье, – улыбнулся Сашка, припомнив слова одного из любимых авторов своего настоящего прошлого, – при современном развитии полиграфического дела подобные документы вам изготовят в соседней подворотне, и даже со всеми печатями.

– Я готов дать вам слово офицера, что это будут только подлинники, – растерянno пообещал неизвестный.

– Ох, – рассмеявшись, покрутил Сашка головой. – Мсье Немо, я перестал верить людям на слово, едва научившись ходить. Поверьте, в приюте таким вещам учатся быстро.

– Перед вами офицер и дворянин, – оскорбился неизвестный.

– Даже не думал сомневаться, – продолжал смеяться Сашка, при этом выставив перед собой открытые ладони, словно защищаясь. – Достаточно взглянуть на вашу выправку. Опытный солдат узнает офицера в любом костюме. А я солдат опытный, поверьте. Но я так же помню, что слово, данное не равному себе по положению, не многого стоит. А если учесть, что этого требуют от вас интересы вашей службы, то мои сомнения становятся вполне объяснимы. И последнее, мсье. В моей стране верность слову господ из соседней островной империи давно уже стало чем-то вроде шутки.

Последнюю фразу Сашка запустил на пробу, внимательно отслеживая реакцию неизвестного, и, когда тот едва заметно вздрогнул, удовлетворенно про себя хмыкнул: «Вот и прокололся, дорогой мой сэръ».

– Как вы догадались? – мрачно спросил неизвестный.

– Вы слишком правильно говорите. Ваши произношение и слог безукоризненны, но слишком литературны. Обычные люди так не говорят. Не стоит, – тут же жестко добавил Сашка, заметив, как правая рука неизвестного потянулась к карману. – Я тоже вооружен и открою огонь не раздумывая. К тому же мой сосед тоже приехал сюда с оружием и готов меня поддержать огнем.

– Прошу прощения, – взяв себя в руки, процедил неизвестный. – Вы правы. Разойдемся, как джентльмены.

– Согласен, – кивнул Сашка, не сводя с него настороженного взгляда. – Я тоже не хочу устраивать перестрелку посреди улицы. Просто развернитесь и уходите по своим делам. Я не стану стрелять вам в спину. Можете даже не прощаться, – закончил он, криво усмехнувшись.

– Меня не покидает ощущение, что я говорю с человеком, имеющим серьезное образование. Между тем мне сообщили, что вы едва закончили школу, – неожиданно высказался неизвестный. – Как такое может быть?

– Я всегда выделялся сообразительностью и памятью. А любовь к книгам мне привил наш кюре, – пожал парень плечами.

– Самообразование и кровь, – помолчав, еле слышно буркнул неизвестный.

Развернувшись, он быстро зашагал куда-то к центру города.

– И при чем тут кровь? – растерянno проворчал Сашка, провожая его взглядом.

Потом, тряхнув головой, вернулся к своей подводе и, заметив вопросительный взгляд кузнеца, устало махнул рукой:

– А, не обращай внимания. С бывшей родины случайный знакомец.

– Бывает, – кивнул Евсей, заметно расслабляясь.

Между тем Сашка судорожно соображал, как быть дальше. С одной стороны, и плевать на этого британского упыря. А с другой, в этих местах он объявился не так просто. А если вспомнить, что горцев подталкивают к войне турки, которых науськивают именно такие вот упыри, то жизнь ему испортить было бы очень даже неплохо. Во всяком случае, сон спокойнее будет. С этой мыслью Сашка повернулся к кузнецу и, тщательно подбирая слова, спросил:

– Евсей, а всякими иностранцами у вас жандармы занимаются?

– Смотря с чего, но обычно да, – подумав, кивнул кузнец.

– А где тут жандармов найти можно?

– Так это тебе лучше к военному патрулю. Они уж сами вызовут, ежели надо будет, – сообщил кузнец. – У нас тут такие дела лучше через военных делать.

– Ага, – мрачно кивнул Сашка. – Тогда поехали к заставе. Там патруль постоянно дежурит.

– Ага, поехали, – быстро кивнул Евсей и, усевшись в телегу, потряхнул поводьями.

Спустя час они встали на знакомой площадке перед заставой, и Сашка, оставив свое добро на кузнеца, решительным шагом направился к высокому поручику в пехотной форме, внимательно наблюдавшему за въезжающими в город со стороны предгорий. Поздоровавшись, парень попросил офицера о разговоре наедине и коротко поведал ему о британце, выдающем себя за француза. Коротко, но весьма точно описав ему внешность этого человека, Сашка вопросительно посмотрел на военного.

Кивнув, поручик жестом подозвал к себе одного из подчиненных и, тихо ему что-то приказав, сказал, повернувшись к Сашке:

– Придется вам, сударь, подождать тут малость. Сейчас прибудет человек из жандармерии, и вы повторите ему все, что мне рассказали.

– Конечно, – спокойно кивнул Сашка, ожидавший чего-то подобного.

Вот что его действительно удивило, так это то, что поручик поверил ему сразу. Не задав ни одного вопроса. Похоже, тут привыкли сначала реагировать, а потом уже задавать вопросы. Хотя чему удивляться? Война в этих местах длится уже не один десяток лет. И главные поджигатели этого противостояния давно и хорошо известны. Двое мужчин лет тридцати пяти в гражданской одежде появились у заставы незаметно. Словно из-под земли выросли. Не спеша подойдя к поручику, они показали ему какие-то предметы в едва раскрытой ладони, и тот, кивнув, глазами указал им на парня.

Один из мужчин, тот, что постарше годами, указал Сашке глазами на угол дома, и парень, чуть прикрыв глаза, не спеша направился в указанную сторону, тихо буркнув кузнецу:

– Присмотри тут пока. Я с жандармами поговорю.

– Добро, – так же тихо проворчал Евсей, даже не обернувшись.

Свернув за угол, Сашка остановился, поджидая офицеров. Они подошли к нему все втроем, мило о чем-то беседуя. Но едва троица скрылась за углом, как господа офицеры дружно замолчали, уставившись на парня.

– Позвольте представиться, господа, – выпрямившись, решительно начал Сашка. – Александр Мерсье. В прошлом рядовой стрелковой роты Французского Иностранного легиона. В вашей стране

нахожусь чуть больше месяца. Списан из армии после сильной контузии. Занимаюсь ремонтом различных механических приспособлений. Механик, коротко говоря. Если надо, могу предъявить свои бумаги.

– Это не к спеху, – чуть улыбнулся старший из жандармов, явно оценив его спич. – О чем вы хотели нам сообщить?

– Примерно два часа назад ко мне подошел неизвестный мне господин и, представившись французом, сделал некое предложение. Но в разговоре я понял, что он только прикидывается французом. На самом деле он британец.

– И как вы это поняли? – тут же последовал вопрос.

Следующие сорок минут Сашка старательно отвечал на их вопросы. Поручика давно уже отправили назад, к его подчиненным, а разговор и не думал заканчиваться. Вскоре Сашка уже чувствовал себя так, словно его через мясорубку пропустили. Даже голова разболелась. Заметив, как он морщится и потирает виски, старший жандарм, а представиться они так и не решились, остановил допрос и, участливо посмотрев на парня, спросил:

– Что с вами такое, господин Мерсье.

– Устал, сударь. Голова болеть начала. После контузии у меня еще случаются иногда приступы, – нехотя признался Сашка.

– Хорошо. Тогда закончим на сегодня, – кивнул жандарм. – Я так понял, что вы проживаете в казачьей станице?

– Все верно. Хозяйка подворья вдова Аксинья. Фамилии, простите, не удосужился узнать, – повинулся Сашка.

– Ничего. Этого нам достаточно, – улыбнулся жандарм. – Пока возвращайтесь домой и занимайтесь своими делами. Я благодарю вас за вашу помощь. Если потребуется, мы сами вас найдем.

– Если у вас есть хороший рисовальщик, я бы мог попробовать описать его так, чтобы он нарисовал его примерный портрет, – подумав, предложил Сашка.

– Гм, интересное предложение, – удивленно оценил жандарм. – Стоит попробовать. Поищем подходящего художника. А теперь ступайте, сударь. И будьте осторожны.

– Думаете, они рискнут меня убрать? – хмыкнул Сашка.

– От этих, – тут жандарм презрительно скривился, – всего ожидать можно.

– Спасибо. Учту, – кивнул парень и, вздохнув, направился обратно к заставе.

Подойдя к своей подводе, он устало присел на передок и, вздохнув, задумался. Но увлечся этим занятием парень не успел. Телега скрипнула, и рядом с ним уместился кузнец.

– Что, вопросами замучили? – понимающе усмехнулся он, протягивая парню жбан с квасом.

– Только что душу не вытряхнули, – вздохнул Сашка, прикладываясь к жбану.

Квас был прохладным, явно недавно из погреба.

Сделав пару глотков, он вернул тару кузнецу и, покрутив головой, спросил:

– Евсей, а в станице у вас людей пришлые убивали?

– Не, ни разу, – мотнул тот чубом. – Только когда горцы нападали. Но в бою всякое бывает. А так нет.

«Ага. То есть, если меня соберутся убить, то делать это станут где-то в дороге, а не дома. Или попробуют выловить за пределами станицы. Уже легче. Если что, хоть девчонок не заденет», – вздохнул он про себя, чувствуя себя словно обманутым.

Нет, он отлично понимал, что хватать этого британца сразу никто не станет. Для подобного действия требуется хоть какой-то обоснуй. Но то, что в процессе этих игрищ мишенью стал он сам, заметно напрягало. Впрочем, тут еще стоит как следует подумать. Убивать его в городе или просто при большом скоплении народа никто не станет. Свидетелей много. А значит, главная опасность может поджидать его где-то в пути. Даже сейчас, когда они соберутся ехать обратно в Пятигорск. А значит, у него есть возможность усложнить этим господам жизнь.

Отдав сверлильный станок Евсею на ремонт, Сашка, после недолгих размышлений, решил заняться для начала ремонтом телеги. Транспорт ему еще будет нужен, и это угрёбище едва дотащилося до дому. Почесав в затылке, парень раскидал телегу на составные части и, убедившись, что сделал правильно, взялся за дело. Беда заключалась в том, что обе оси телеги имели трещины и готовы были переломиться в любой момент.

Отобрав из привезенного железа две пары подходящих по размеру уголков, он отправился в кузню. Евсей, помня свое обещание, разрешил парню самому заняться ремонтом. Разметив уголки, Сашка насверлил в уголках отверстий, после чего склепал их между собой, получив что-то вроде двутавровой балки. На их основе он так же склепал каркас, к которому потом прикрутил на болтах пару осей. Теперь осталось самое главное. Сделать поворотный механизм. Тут Сашка особо мудрить не стал. Обычная шкворневая система на поворотных петлях. Просто и надежно.

А главное, угол поворота на ней значительно увеличился. Саму систему поворота он использовал от детских педальных автомобильчиков. Пара рычагов на петлях, соединенные между собой подвижной осью из очередного уголка. Эта подвижная ось соединялась с осью колес еще одним коротким рычагом, к которому крепились оглобли. Подумав, Сашка решил поставить сразу три таких рычага. На разную упряжку.

Единственное, что у старой телеги было хорошего, так это колеса. Их парень решил оставить. Но для облегчения их проворота вокруг оси задумал сделать что-то похожее на роликовые подшипники. Сходяв на лесопилку, он подобрал несколько дубовых реек и, тщательно обточив их до круглого сечения, принялся шлифовать. О наждачной бумаге тут пока не слышали, так что пришлось использовать влажный речной песок.

Насадив на металлические оси эти ролики под две шайбы на каждую сторону, Сашка залил это детище пьяного изобретателя дегтем и, навернув гайки, рукой принялся проворачивать колеса. К его

удивлению, колеса вращались легко, и даже не сразу останавливались. Удивленно почесав в затылке, парень покрутил головой, неверяще проворчив про себя: «Блин, сваял на дурика, но работает!»

Внимательно следивший за его работой кузнец, увидев подобный результат, задумчиво огладил бороду, добродушно проворчив:

– Ишь как оно. А я и не верил, что получится. Ловко у тебя выходит дерево с железом соединять.

– А чего б ему не получиться? – с гордым видом поинтересовался Сашка. – Система простая, давно известная. Ее, правда, в других делах используют, но и тут работать будет, никуда не денется.

– А железа не жалко? – вздохнул кузнец, поглядывая на каркас.

– Так для того и покупал, – пожал Сашка плечами. – Иначе пришлось бы новую телегу заказывать. Та-то совсем уж разваливалась.

– Это да, – все так же задумчиво кивнул кузнец. – На охоту когда пойдешь? – вдруг спросил он.

– Так охота вроде осенью начинается, – растерянno пробурчал Сашка, не ожидавший такого вопроса.

– Это кто сказал? – удивился Евсей.

– Ну, во Франции правила такие. Зверь еще мяса как следует не нагулял, а у птицы птенцы маленькие, – принялся пояснять Сашка.

– Ну, может, оно и верно, – подумав, кивнул кузнец. – Так, может, на рыбалку сходим? – не унимался он.

– У меня снастей нет, – вздохнул Сашка. – А так сходил бы.

– Есть снасти. Просто одному идти опасно. Горцы налететь могут. А вдвоем всегда отбиться можно.

– Согласен, – подумав, кивнул парень. – Когда пойдем?

– А завтра и пойдем. Червей я уже накопал. Есть у меня местечко. Форель берет так, что за голые пальцы хватает, – с жаром принялся описывать Евсей, и Сашка понял, что перед ним заядлый рыбак.

Так рассказывать мог только настоящий фанат этого дела. Уговорившись с ним встретиться на окраине на рассвете, парень закинул передок каркаса себе на плечи и зашагал к дому. Увидев это сооружение, Акси́нья только удивленно охнула. Понимая ее удивление, Сашка только усмехнулся и принялся застилать днище досками. Соорудил он и широкий, на всю ширину телеги облучок, со спинкой. Ездить ему предстояло много, и для дальнего пути требовался хотя бы минимальный комфорт.

Даже боковые стенки он сделал съемными. Таким образом, телегу можно было использовать в самых разных ипостасях. Как следует рассмотрев эти новшества, Акусья только глазами хлопала, не веря, что все можно изначально устроить так просто и функционально. Сашка же, умываясь у колодца, только посмеивался про себя, наблюдая за женщиной со стороны. Вся эта затея с телегой была начата с дальним прицелом.

Рано или поздно ему придется отсюда уехать, так что вдове останется новый, прочный транспорт, полезный в хозяйстве. Сама она ни о чем таком не попросила бы. За ужином он рассказал хозяйке, что собирается с утра на рыбалку. Кивнув, та обещала разбудить его, как пойдет корову доить. Если быть точным, то доить она собиралась буйволицу. Громадную черную животину, раза в полтора больше обычной коровы. Сашка уже видел таких зверей в Африке, так что в шок не впал, но от коровника старался держаться подальше.

После ужина, перезарядив револьверы, он приготовил одежду поплотнее и свои армейские сапоги. Мало ли придется в воду лезть. После чего завалился спать.

С кузнецом они встретились на околице, едва только солнце встало над горизонтом. Ежась от утренней свежести, они дружно зашагали куда-то к предгорьям. Евсей, пользуясь какими-то своими ориентирами, вывел Сашку к широкому стремительному ручью и, выдав удочку, отправил рубить удище, указав на разросшийся куст орешника.

Рыбалка вышла на славу. Сашка, сам того не ожидая, увлекся и таскал рыбину за рыбиной, не жалея уступать опытному рыболову. Евсей же только посмеивался, ловко вытягивая тушки длиной примерно в локоть. Выловив штук по десять, приятели засобирались домой. Смотав снасти, они не спеша двинулись в обратный путь, обсуждая рыбалку, когда за кустами раздался выстрел, и тяжелая пуля просвистела над их головами. Но за секунду до этого Сашка, повинаясь какому-то наитию, вдруг бросил всю поклажу и резким толчком отправил кузнеца в придорожные кусты.

Пока кузнец соображал, что случилось и откуда стреляют, парень успел откатиться в сторону и, выхватив револьвер, дважды выстрелить в сторону кустов, над которыми расплывалось облако порохового дыма. Вот чем плох черный порох, так это тем, что противник всегда

легко может определить, откуда стреляли. Так что Сашка, быстро прикинув, где может располагаться стрелок, всадил обе пули чуть ниже того места, где поднималось облако дыма.

В ответ послышался тихий вскрик, и ветви кустарника затрещали. Похоже, ему удалось зацепить стрелявшего, и теперь тот пытается сбежать. Оскалившись от охватившего его азарта, Сашка стремительным толчком вскочил на ноги и, петляя словно заяц, помчался к кустам. Он вломился в подлесок, когда метрах в десяти, чуть дальше того места послышалось конское ржание и топот копыт.

Не раздумывая, парень рванул следом. По тропе, параллельно дороге, рысью уходил всадник, кособоко сидевший в седле. Похоже, его все-таки зацепило. Остановившись, Сашка вскинул револьвер двумя руками и, тщательно прицелившись, спустил курок. Револьвер рывкнул, и убегавший, получив пулю между лопаток, скатился с седла. Держа его на прицеле, Сашка подошел ближе и, ногой перевернув лежащего ничком человека, мрачно вздохнул. Труп.

На первый взгляд обычный русак. Одежда не богатая, но добротная. Оружие – однозарядный капсюльный винтарь. Такими половина местного населения пользуется. Проломившийся сквозь кусты кузнец, сжимая в руке капсюльный пистолет, настороженно оглядываясь, подошел ближе и, покосившись на тело, перекрестился, тихо спросил:

– Знаешь его?

– В первый раз вижу, – мотнул Сашка головой, присаживаясь над телом и начиная тщательно его обыскивать.

Пороховница, жестянка с капсюлями, кисет с пулями, немного денег и нож. Ни одной бумажки и ничего, что могло бы указать на неизвестного.

– Что делать будем? – спросил парень, осматривая подобранный ружье.

– А что тут сделаешь, – пожал Евсей плечами. – Закинем на лошадь и в комендатуру отвезем. Такими делами они занимаются.

Пока Сашка обыскивал труп и осматривал добычу, кузнец успел поймать лошадь стрелявшего. Кивнув, Сашка повесил оружие за спину, и они, закинув тело через седло, вышли на дорогу. Подобрал свой улов, приятели быстро зашагали к станице. К тому моменту, когда они добрались до места, комендант уже знал о происшествии и

встретил их на крыльце комендатуры. Невысокий крепкий штабс-капитан, быстро заглянув в лицо убитому, мрачно хмыкнул и, указав кузнецу на здание больницы, scomандовал:

– Сдай его доктору, он знает, что делать. А вы, сударь, – тут он повернулся к Сашке, – со мной пройдите. Поговорим.

Передав кузнецу свой улов и попросив его передать рыбу Аксинье, Сашка покорно прошел в здание комендатуры. Присев в кабинете на указанный стул, он подробно рассказал об обстоятельствах нападения. Внимательно выслушав его, штабс-капитан вздохнул и, расправив аккуратно подстриженные усы, проворчал:

– Похоже, вас недаром предупреждали об осторожности.

– Вы имеете в виду мой разговор с жандармами? – удивленно уточнил Сашка.

– Угу, – мрачно кивнул офицер. – Я получил от них указание присмотреть за вами. А тут... – он скривился, огорченно махнув рукой.

– Ну, вам-то себя винить не в чем, – развел Сашка руками. – На рыбалку я сам отправился. Да и признаться, мне и в голову не пришло, что меня кто-то караулить у станицы будет. Долгое это занятие и неблагоприятное. Я выезжаю редко.

– Вот и меня это удивило, – кивнул штабс-капитан.

– Не похоже, что эти дела связаны, – подумав, покачал головой парень. – Слишком прямолинейно.

– С чего вы так решили? – насторожился офицер.

– Стрелял он плохо, – усмехнулся Сашка, посмотрев на него. – Мы же по дороге спокойно шли. Для толкового стрелка мишени, как на стрельбище. А он промахнуться умудрился. В общем, нужно сначала личность установить. Тогда хоть что-то понятно станет.

– Не понимаю, – помолчав, качнул офицер головой.

– Думаю, это просто какой-то беглый или решивший скрыться от закона человек. В карманах, кроме оружейного припаса и ножа, ничего не было. На лошади тоже никаких переметных сумок. Если бы он меня ждал, должны были бы припасы быть. А так, скорее всего, увидел двух пеших и решил хоть чем разжиться. На лошади клейма я не видел. Скорее всего, свел у кого-то, – принялся развивать свою мысль Сашка.

В дверь постучали, и в ответ на разрешение штабс-капитана в кабинет вошел пожилой унтер из казаков. Расправив роскошные усы, он откашлялся и, покосившись на парня, доложил:

– Конь, осмелюсь доложить, ваше благородие, мерин горский. Недавно кованный. Таких во многих станицах да деревнях пользуют. Клейма нет. Зверь молодой, здоровый. Ясно, что хозяйский. И под седло годится, и в оглобли.

– Благодарю, Лука Сергеич, – кивнул офицер. – Ступай.

Коротко козырнув, унтер не спеша вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Осталось доктора дожидаться, – задумчиво протянул офицер, доставая портсигар.

– А может, сами туда сходим? – подумав, предложил Сашка.

– Пошли, – подумав, кивнул офицер.

Они вышли из комендатуры и, пройдя в больницу, направились напрямик в прозекторскую. Доктор, уже успевший коротко осмотреть тело, увидев их, только кивнул и, моя руки под рукомойником, сообщил:

– Мужчина лет тридцати пяти – сорока. Не горец. И, похоже, из бывших сидельцев. Есть следы от кандалов на запястьях и татуировка на груди. Вы отлично стреляете, молодой человек. Сняли его одним выстрелом, прямо в сердце, – добавил он, посмотрев на Сашку.

– Ага, – протянул штабс-капитан явно обрадованно. – Выходит, вы, сударь, были правы. Похоже, и вправду не по нашему ведомству, а полицейский клиент будет. Сейчас с вас опрос снимем по всей форме и отпустим с богом. А тело это полиции передадим. Они эту рожу должны опознать. У них для того и бумаги специальные есть.

Настроение у него явно повысилось. Сашка же только стоически вздохнул. Из-за этого происшествия ему теперь придется провести в комендатуре еще пару лишних часов, занимаясь пустой говорильней.

– Не расстраивайтесь, – улыбнулся офицер, заметив его настроение. – Зато после опроса все с него взятые трофеи честно вашими станут. Включая мерина. Хоть какой прибыток, – закончил он, рассмеявшись.

* * *

Сентябрь ознаменовался похолоданием и частыми короткими дождями. Но Сашку это не смущало. Дождавшись нужного времени,

он отложил все дела и отправился на охоту. Оставив трофейного мерина Аксины, он взнуздal каурю кобылку и, нагрузив ее припасами на несколько дней, отправился в лес. Отыскав на ручье место водопоя каких-то копытных, он устроил неподалеку полати на раскидистом клене и принялся ждать.

Парень и сам не очень понимал свою одержимость этой идеей, но как ни странно, ему все нравилось. Нравилось бродить по лесу, отыскивая следы животных. Нравилось ночевать у костра, соорудив шалаш из подручных материалов. В общем, что называется, дорвался. Вообще, Сашка все чаще замечал за собой странные, доселе не проявлявшиеся наклонности. Точнее, необычные идеи, которые он тут же принимался воплощать в жизнь. Так было с телегой, о которой в станице уже ходили чуть ли не легенды, и так было с его новым вооружением. Пользуясь добрыми отношениями с Евсеем, он сошелся с его учителем, и вся троица две недели просидела в кузнице, отливая нужные части к новому револьверу. За основу Сашка взял уже имевшееся у него оружие.

Евсей оказался мастером точнойковки и сумел переделать ствол трофейного винтаря под нужный калибр. Его учитель, старый мастер Алексей Макарович, отлил переломную рамку, барабан и части ударно-спускового механизма. Потом настала очередь самого Сашки. Тщательно обработав каждую деталь, он долго полировал все трущиеся и прилегающие поверхности мелким песком, после чего взялся за сборку.

По его задумке это должен был получиться револьвер под унитарный патрон, в котором плотность прилегания барабана к стволу достигалась путем насадки самого барабана на специальный выступ во время выстрела. Нажимаешь на спусковой крючок, барабан проворачивается, подставляя очередной патрон, и одновременно сдвигается вперед, насаживая специальный паз на выступ ствола.

Ругани, мата и проклятий во время работы было столько, что все проходившие мимо кузни крестились и переходили на другую сторону улицы. Но в итоге револьвер все-таки получился. Отдельная сага сложилась при изготовлении патронов. Из тех латунных прутков, что Сашка привез со свалки депо, вышло всего шесть десятков готовых гильз с закраиной. Увидев кучу отходов после его мучений, Алексей

Макарович за голову схватился и едва не пришиб парня подвернувшейся под руку кувалдой.

После чего аккуратно собрал все опилки и пообещал подумать, как можно будет их отливать без подобных потерь. В общем, теперь Сашка был вооружен пятизарядным револьвером калибра примерно девять миллиметров, с самовзводом. Не забыл он и о скорозарядниках. Пара латунных увесистых железок лежали у него в подсумке, специально под них сшитом. И еще два десятка патронов россыпью он носил на поясе, словно ковбой.

На его пояс с низко висящей на бедре кобурой и ровной строчкой патронов косились многие, но Сашке было плевать. Окружающие сочли это очередной причудой иностранца и очень скоро махнули рукой. Ну, удобно ему так, и ладно. Сашка же по несколько часов в день тратил на то, чтобы научиться быстро выхватывать оружие из кобуры и наводить его на цель. Подсказать, как это делать правильно, было некому, так что он опирался на то, что видел в фильмах и читал в книгах. Смешно? Возможно, но, как говорится, терпение и труд все перетрут.

Это был как раз его случай. На стрельбище, где учили стрелять местную молодежь, в балке за станицей, он неожиданно для самого себя умудрился поразить мишень пять раз из пяти, каждый раз выхватывая револьвер из кобуры и стреляя от пояса. Едва удержав на месте отвисавшую челюсть, он с независимым видом отошел в сторону, внутренне ликую. Получилось! То, о чем они с мальчишками мечтали в приюте после просмотра фильмов о Диком Западе, он сумел воплотить в собственной жизни.

Вспоминая все это, парень осторожно сменил позу, всматриваясь в густой подлесок. Кусты чуть зашуршали, и к ручью вышел крупный подсвинок дикого кабана. Сашка чуть не подпрыгнул. Это было именно то, чего он хотел. Добыча серьезная, к тому же вкусная. Дождавшись, когда зверь начал пить, он плавно поднял ружье и, вжав приклад в плечо, прицелился ему под лопатку. Кабанчик поднял рыло и принялся старательно принюхиваться. Понимая, что он в любую секунду может сорваться с места и исчезнуть в кустах, Сашка сделал плавный, глубокий вдох, задержал дыхание и спустил курок.

Все лесные звуки перекрыл грохот выстрела, и кабанчик, громко хрюкнув, припал на передние ноги. Вспомнив, что кабан зверь

серьезный и на рану очень крепкий, Сашка снова прицелился и выстрелил примерно в то же место. Вторая пуля бросила зверя на бок. Хрипя и разбрызгивая кровь из пасти, кабанчик судорожно задергал копытами. Быстро соскользнув с полатей, Сашка перезарядил ружье и, зайдя со стороны головы, всадил третью пулю ему прямо в ухо, разом прекратив агонию.

Еще раз перезарядившись, он повесил ружье за спину и достал нож. Нужно было спустить кровь из добычи, чтобы сохранить мясо до дома. Перехватив зверю горло, он оставил его на месте. Уж очень удобно лежал. Вся кровь стекала в воду, и ручей стремительно уносил ее дальше. Сбегав за лошадью, он попутно срубил пару жердей и, соорудив волокушу, закрепил добычу на седле. Взяв кобылку под уздцы, Сашка весело зашагал к дому.

Настроение было приподнятым. Первый выход в лес, и такая добыча. Теперь он чувствовал себя настоящим добытчиком. Шагая по лесу к дороге, он немного успокоился и принялся анализировать свои собственные поступки. Парня и самого удивляли многие собственные действия, ведь раньше такого он за собой не замечал. Словно что-то всегда лежавшее внутри под спудом вырвалось на свободу и теперь наверстывало все, чего он был лишен в прошлой жизни.

Хотя, если разобраться, сколько ее было, той жизни? И что он в ней видел? Даже если учесть, что он оказался в чужом теле. Ведь и его визави тоже не много чего повидал. Такой же приютский сирота, случайно прибивший хозяйского холоуя и вынужденный бежать в армию. Воевать он бесспорно умел. Ухорез тот еще был. А вот обычной жизни просто не знал. Даже бабу он попробовал в первый раз, уже будучи солдатом. И чего он там понял, с обычной проституткой?

У самого Сашки в этом плане опыт тоже был невеликий, но обошлось без профессионалок. Запнувшись о корень старого бука, Сашка едва не упал и, вырвавшись из собственных мыслей, тихо выругался. До дороги оставалось метров двести, когда в той стороне, куда он шел, началась перестрелка. Придержав заволновавшуюся кобылу, Сашка насторожился и, переломив ружье, посмотрел на патроны. С собой он брал только пулевые и дробовые патроны. Не на волка охотиться шел, так что картечь решил оставить дома.

Убедившись, что в стволах патроны с пулей, он прибавил шаг. Кто на дороге воюет, было непонятно, но выяснить это было необходимо. Что ни говори, а теперь он живет в этих местах. Так что нужно принимать местные правила жизни. Привязав кобылу метров за пятьдесят до тракта, Сашка сошел с тропы и двинулся вдоль нее к месту перестрелки. Но к тому моменту, когда он добрался до обочины, стрельба стихла. Обругав себя за медлительность, парень осторожно выглянул из кустов.

На тракте стоял автомобиль фирмы «Рено», с открытым верхом. Капот машины был поднят. На дороге лежали в ряд четверо. Трое мужчин и женщина. Судя по одежде, из богатых. Еще одно тело лежало у передка машины. Судя по натекающей крови, труп. Вокруг лежащих, весело переговариваясь, гарцевали верхом трое горцев. Еще двое ловко вязали пленных. Вот теперь все стало ясно. Банда отправилась в набег и нарвалась на автомобиль отдыхающих, у которых возникла какая-то неисправность.

Теперь нужно было извернуться и положить банду раньше, чем эти бандиты положат его. До противника было метров семьдесят. Для ружья расстояние вполне приемлемое. А вот дальше начинаются варианты. Тихо выругавшись, Сашка плавно поднял оружие и, прицелившись в грудь самого дальнего верхового, спустил курок. Тяжелая охотничья пуля просто вышвырнула его из седла.

Неожиданный выстрел напугал коней, и всадники принялись осаживать их, одновременно пытаясь вертеть головами в поисках нового противника. Сашка, воспользовавшись сумятицей, выстрелил снова, на этот раз только ранив второго бандита. Схватившись за плечо, тот медленно начал клониться в сторону. Понимая, что перезарядиться ему не дадут, парень отставил ружье в сторону, прислонив его к стволу дерева, за которым стоял, и выхватил револьвер. Пришло время испытать его в настоящем деле. Теперь главное не начать палить в белый свет.

Горцы уже рассмотрели его и дружно ринулись в атаку. Само собой, верховой вырвался вперед, на скаку выхватив из-за пояса пистолет. Грохнул выстрел, и над головой парня свистнула увесистая пуля.

«А хорошо стреляет, зараза. С ходу, с коня и почти попал», – успел подумать Сашка, пригибаясь и наводя ствол револьвера в грудь

всаднику.

После ружья выстрел из револьвера прозвучал как-то несерьезно. Как тьяканье щенка после лая взрослого волкодава. Но результат оказался выше всяких похвал. Горец, схватившись за грудь, откинулся на круп лошади и свалился на дорогу, запутавшись ногой в стремяни. Двое оставшихся, разбежавшись в стороны, дали дружный залп в сторону Сашки и, бросив разряженные пистолеты, выхватили вторые.

Понимая, что, позволив им войти в подлесок, разом растеряет все свои преимущества, Сашка в два шага обошел дерево и, прицелившись в левого стрелка, спустил курок. Тот, словно почуяв, что стал мишенью, резво шарахнулся в сторону, и пуля прошла мимо. Выругавшись, Сашка подправил прицел и снова выстрелил. На этот раз более результативно. Пуля противника ударила в ствол у парня над головой, а сам он, схватившись за шею, упал на колени.

Тут же развернувшись, Сашка присел на колени, и еще одна пуля прошла у него над плечом. Ему даже показалось, как воздухом обдуло ухо и шею. Кусты почти скрыли фигуру последнего бандита, и парень от отчаяния выстрелил туда, где успел заметить его перед тем, как сместился. В ответ послышался крик боли и гортанное ругательство. Что именно сказал горец, Сашка не понял, но о содержании догадался.

Помня, что в барабане у него последний патрон, Сашка плюнул на все и, оттолкнувшись от дерева, ринулся на дорогу. Прямо из кустов он длинным кувырком выкатился на открытое пространство и, выходя из него, завалился на бок, сбивая противнику возможный прицел. Хрен его знает, сколько у горца стволов. Сделав еще один перекат, он поймал в прицел фигуру, осевшую у обочины, и тут же нажал на спуск.

Скособочившийся бандит медленно завалился на землю. Переломив револьвер, Сашка вытряхнул стреляные гильзы и, выхватив из подсумка скорозарядник, принялся перезаряжать его, от волнения промахиваясь в камеры. Тихо брякнув, патроны встали на место, и Сашка, захлопнув револьвер, быстро осмотрелся. Все пятеро горцев лежали там, где получили его свинцовые гостинцы. Только второй всадник, схлопотавший пулю в плечо, хрипло стонал, пытаясь подняться.

Вздохнув, парень поднял оружие и выстрелил. Таскать с собой пленных он не собирался. Ему и с попавшими горцам людьми проблем хватит. Обойдя все тела, он убедился, что парни ему попались

исключительно положительные, где положил, там и лежат, и, переведя дух, направился к пленным. Мужчины, судя по одежде, слуги, оказались крепко избиты. Женщина, точнее, молодая девушка, была только напугана.

Убрав револьвер, Сашка достал нож и, перерезав кожаные ремни, которыми их связали, подав девушке руку, спросил:

– Вы не ранены, сударыня?

– Нет, – тряхнула та головой, пытаясь привести платье в порядок.

Обойдя машину, Сашка присел над телом в кожаном реглане и, приложив пальцы к шее мужчины средних лет, вздохнул. Труп, к бабке не ходи. Убедившись, что с пленными все нормально, он занялся самым приятным во всей этой истории делом. Сбором трофеев. Кони нападавших, явно приученные к бою и перестрелке, не разбежались, так что собрать их оказалось не сложно. Привязав отловленных коней к ближайшему дереву, Сашка отправился за своей кобылкой.

Смирная животинка так и стояла там, где он ее привязал. Только опасливо косилась на него, почуяв запах сгоревшего пороха и крови. Выведя лошадку на дорогу, парень подозвал одного из слуг и с его помощью принялся грузить тела горцев на коней. На вопрос, зачем, он устало вздохнул и, пожав плечами, ответил:

– Порядок такой. В комендатуру их сдать надо.

* * *

Уехать с места происшествия сразу у них не получилось. Как оказалось, автомобиль оказался тут не просто так. Что-то в его двигателе забарахлило, и водитель принялся ремонтировать его, когда налетели бандиты. Водить машину один из слуг кое-как умел, а вот ремонтировать мог только водитель. Почесав в затылке, Сашка привязал коней к заднему бамперу машины и, засучив рукава, полез под капот.

Девушка, хозяйка этого передвижного зоопарка, которая так и не удосужилась представиться, увидев на волокуше кабанью тушу, сморщила носик и, отступив в сторону, проворчала, перейдя на французский:

– Господи, что за страна. Стоило избавляться от одних варваров, чтобы оказаться в зависимости от другого.

– Во всяком случае, этот варвар не собирается продавать вас в турецкий гарем, мадемуазель, – хмыкнул из-под капота Сашка, быстро откручивая корпус топливного фильтра.

– Простите? – в голосе девицы прозвучало неподдельное удивление.

– Я говорю, со мной вы до города точно доедете и не окажетесь в гареме, – повторил парень, не отрываясь от дела.

– Вы понимаете, что я говорю? – похоже, девица от удивления окончательно растеряла последние мозги. Ей не верилось, что кто-то в этих местах может так легко говорить на европейском языке.

– Вы случайно головой не стукнулись? – участливо спросил Сашка, поднимая голову.

– Э, нет. Все в порядке, – пролепетала девица, сбитая с толку.

– Тогда странно, что вы еще не поняли, на каком языке я вам отвечаю, – фыркнул Сашка, снова забираясь под капот.

– Да, я не сразу поняла, – досадливо закусив нижнюю губу и чуть порозовев, сказала та. – Должна признать, у вас очень хорошее произношение.

– Было бы странно, окажись оно другим, – Сашка уже откровенно смеялся. – Я, с вашего позволения, французский подданный. Позвольте представиться, мадемуазель, – отложив инструменты, парень развернулся к ней всем телом. – Александр Мерсье. Бывший солдат. Ныне механик. С некоторых пор проживаю в этих местах.

– Анастасия Головина, – представилась девица, сделав едва заметный книксен. – А почему вы решили переехать в Россию? – не удержавшись, тут же спросила она.

– После контузии был списан из армии и решил начать жизнь сначала, – пожал Сашка плечами. – Во Франции механиков много и все достойные места давно заняты. А Россия страна большая, тут еще сотне таких, как я, место найдется, – усмехнулся он, возвращаясь к работе.

Промыть топливный фильтр дело нехитрое. Особенно если учесть, что в этом времени они еще весьма примитивны. Сашка начал именно с этого просто потому, что помнил, что у первых автомобилей это была основная болячка. Топливо было, как говорили в его время,

самоварным. Прикрутив запчасть на место, парень сложил на крыле инструменты и, кивнув одному из слуг, скомандовал:

– Запускай.

Тот уселся за руль и, перекрестившись, выжал педаль стартера. Двигатель заскрежетал, чихнул и запустился. Но тут произошло то, чего Сашка никак не ожидал. Привязанные к заднему бамперу кони, испугавшись странного звука и вонючего дыма, дружно дернулись и попятились, волоча за собой и технику. Выругавшись, парень подскочил к ним и попытался успокоить, но еле успел отдернуть руку, когда серый мерин резко клацнул зубами.

– Глуши машину, – рявкнул Сашка, повисая на поводьях коней.

Слуга послушно заглушил машину, и парень, кое-как успокоив лошадей, принялся отвязывать поводья, попутно осматривая бампер на предмет повреждений. К его облегчению, все обошлось. Отведя коней в сторону, он привязал их к дереву и снова заставил слугу запустить двигатель. Убедившись, что мотор работает ровно, он опустил капот и, вытирая руки тряпкой, посоветовал ему:

– Сильно не гони. Дорога ухабистая. Поднимешь муть в бензобаке, опять фильтр чистить придется.

– Ага, понял, сударь, – закивал тот, поглядывая на автомобиль с явной опаской.

– Может, лучше за руль сядете вы? – спросила Анастасия, задумчиво оглядывая парня.

– А коней я куда дену? – хмыкнул Сашка. – Сами они за мной не побегут. А просто так нападение оставлять нельзя. Комендант о нем знать должен.

– И что делать?

– Езжайте вперед, – пожал Сашка плечами. – Я прямо в комендатуру приеду. О происшествии я доложить обязан.

– Странно. Ваши глаза мне почему-то кажутся знакомыми, – вдруг выдала девица.

– Увы, мадемуазель, мы не встречались, – покачал Сашка головой. – А глаза... Мало ли в мире зеленоглазых?

– Может быть, может быть, – задумчиво протянула Анастасия и принялась усаживаться в салон автомобиля.

Рыкнув мотором, машина пару раз дернулась и покатила вперед, поднимая клубы пыли. Проводив ее взглядом, Сашка отвязал коней и,

усевшись в седло самого крупного мерина, толкнул его каблуками. Лошадей он изначально увязал цугом, так что его странный караван неспешно порысил к станице. Положив ружье поперек седла, Сашка задумчиво оглядывал придорожные кусты, пытаясь понять, чем для него закончится вся эта история.

То, что горцы не простят ему гибели соплеменников, было понятно с самого начала. Но к этому в этих местах относились философски. Тут у каждого взрослого мужчины по десятку кровников и по дюжине кунаков. До станицы он добрался без происшествий. Отдав добычу Аксинье, он направил оставшихся коней к комендатуре. Автомобиль девицы Головиной уже был тут. Слуги и она сама давали коменданту показания о нападении, так что Сашке пришлось подождать, когда до него дело дойдет.

Быстро описав коменданту и двум его помощникам все, что с ним произошло, парень честно сдал на осмотр все добытое и, получив разрешение возвращаться домой, вышел на крыльцо комендатуры. Как оказалось, Анастасия еще не уехала. Пара ее слуг отправились готовить ей ночлег в отведенном комендантом доме, а сама она решила дожидаться Сашку здесь. Удивленно хмыкнув, парень сошел с крыльца и, обойдя машину, спросил у сидевшего за рулем слуги:

– Доехали нормально? Мотор не сбоил?

– Нет-нет, сударь, все слава богу, – суетливо заверил его случайный водитель.

– Ну и хорошо, – кивнул Сашка, удивленно поглядывая на внимательно смотревшую на него девицу. – Что-то не так, мадемуазель? – не выдержав, поинтересовался он у нее.

– Меня не покидает чувство, что я вас откуда-то знаю, – вдруг ответила та.

– Господь с вами, сударыня, – рассмеялся Сашка, переходя на русский язык. – Такую рожу вы бы ни за что не забыли, увидев ее раньше. Главное, чтобы ночью не приснился.

– Это меня и смущает, – неожиданно призналась девица. – У меня стойкое убеждение, что я видела вас, только без этого шрама.

– Просто переберите в памяти всех своих знакомых зеленоглазых брюнетов, и уверяю вас, один из них окажется слегка похожим на меня, – грустно улыбнулся парень. – Поверьте, лично мы с вами никогда не сталкивались. Впрочем, если вы бывали в Северной

Африке, то возможно и такое, – чуть подумав, добавил он. – Но я бы этого не забыл, – решил Сашка слегка добавить галантности.

– Нет, в Африке я не была, – еще больше растерявшись, помотала Анастасия головой. – Но где-то я вас все-таки видела, – упрямо повторила она.

Их разговор прервал вышедший из комендатуры офицер. Увидев девушку, он галантно поинтересовался, почему она еще не отдыхает после своего приключения, и, не слушая ее возражений, усадил в автомобиль. Усевшись рядом с водителем, он пообещал проводить даму прямо до дверей дома и приказал водителю трогать. Вышедший следом за ним писарь отдал Сашке опись всего взятого с убитых горцев и пообещал, что завтра он может получить все это на руки, если пожелает.

Коней он предложил продать военному ведомству за неплохую цену. Удивившись такому предложению, Сашка пообещал подумать и отправился домой. Акси́нья, уже знавшая о случившемся, с ходу усадила его за стол и, присев напротив, принялась выспрашивать подробности. Понимая, что страшнее женского любопытства может быть только женская месть, Сашка подробно рассказал ей о перестрелке и попросил совета, рассказав о предложении продать коней.

– Продавай, – чуть подумав, решительно кивнула женщина. – Видать, там кони хорошие, ежели они предложили такое. А станешь упираться, они обиду затаят. Тем более что и цену достойную дают.

«И тут коррупция», – усмехнулся про себя Сашка.

– А ты маслобойку сделать можешь? – вдруг спросила Акси́нья.

– Не знаю. Не пробовал пока, – растерялся от такого вопроса Сашка.

– А что нужно, чтобы попробовал? – тут же последовал вопрос.

– С чего это вдруг такое желание? – насторожился Сашка. – И почему раньше не спрашивала?

– Да я все не верила, что ты и вправду механик, – смутившись, призналась Акси́нья. – Думала, просто оружейный мастер. Ты ж все больше с оружием возился. А тут и револьверт новый, и машину той девице починил, да и Алексей Макарович про тебя говорит хорошо. Вот я и решила спросить.

– Понятно, – усмехнулся Сашка. – Ну, для начала мне надо посмотреть, как ты вообще масло взбиваешь. А потом уже под это дело железо нужно собрать.

– А чего там смотреть? – удивилась женщина. – Пахталка на веревках висит. Я ее туда-сюда, как люльку качаю, масло и взбивается.

– Ага, как люльку, – хмыкнул Сашка. – Люльку ты качаешь плавно, чтобы дитя не напугать, а пахталку как?

– Ну да. Верно, – растерялась Акси́нья.

– И потом, как эта твоя пахталка выглядит? Я ж приютский и о таких вещах ничего не знаю, – на всякий случай напомнил он.

– Ох, прости, Саша, – тут же повинилась женщина.

– Бог простит, – отмахнулся парень. – В общем, утром мне все покажешь, а я подумаю, как ее сделать. Только сразу скажу. Механическую, в смысле такую, чтобы молоко налил, рычаг дернул, и сама заработала, мне тут не сделать. Мотора нужного нет. Так что в любом случае придется или колесо крутить или рычаг качать, – сразу оговорился он.

– Да мне с мотором и не надо, – всплеснула Акси́нья руками. – Мне б такую, чтоб кто-то из девчонок моих управиться с ней мог, пока я другими делами занята.

– Это можно, – кивнул Сашка. – А что с добычей моей? – вспомнив про кабанчика, спохватился он.

– Соседу отвезла. Разделает, привезет, – отмахнулась Акси́нья. – За долю с туши. Нам столько мяса никак быстро не съесть.

– Так тушенку бы сделала, – буркнул Сашка, сосредоточившись на ужине.

– Чего сделать? – не поняла Акси́нья.

«Твою мать! За языком следи, баран», – выругался про себя Сашка и, почесав в затылке, принялся описывать способ приготовления и сохранения мяса.

Внимательно выслушав его, женщина задумалась. Потом, потеревив передник, вздохнула:

– Горшков маленьких много надо. Мне столько не купить.

– Узнай, сколько стоят, там видно будет, – ответил Сашка, ничего не обещая.

Выделить пару рублей на такое дело было не трудно. Особенно если вспомнить, что впереди долгая зима.

– Значит, говоришь, сверху топленным жиром заливать надо? – помолчав, повторила Аксинья.

– Да, под горлышко. Чтобы воздуху поменьше было, – кивнул Сашка, сообразив, о чем она.

Доев, он поблагодарил хозяйку и отправился на свою половину. После охоты и перестрелки нужно было привести в порядок оружие и приготовить собранные гильзы к перезарядке. Затепив свечу, Сашка задумчиво огляделся и, покачав головой, тихо проворчал:

– Блин, надо срочно керосинку покупать. Иначе я тут без глаз останусь с таким освещением.

Потом, вспомнив свой разговор с Анастасией Головиной, так же тихо добавил:

– Вот ведь приперлось ей вспоминать, на кого я похож. На самого себя, блин. Только общих знакомых мне тут и не хватало.

Оказавшись в этом мире, он стал иногда говорить с самим собой. Тихо, еле слышно. Только так, чтобы самому слышать собственные слова. То, что с ним случилось, и постоянное одиночество даже среди людей приучило его контролировать каждое свое слово. Но иногда он забывался, и случалось то, что произошло сегодня за ужином. Благо здесь можно было сослаться на свою службу в Африке. Об этой стране тут знали только то, что она где-то есть.

* * *

Весь следующий день у Сашки был занят какими-то бытовыми мелочами, так что за своими трофеями в комендатуру он так и не собрался. А следующим утром, едва успев позавтракать и собраться, он был вызван из дому прибежавшей средней дочерью хозяйки. Влетевшая на его половину девчонка, сверкая от возбуждения глазами размером с блюдце, с порога выкрикнула:

– Дядь Саш, там к тебе едут!

– Кто? – не понял Сашка, но девчонки уже и след простыл.

Недоуменно хмыкнув, парень на всякий случай проверил револьвер и вышел во двор. У плетня, напротив дома, стояла арба на громадных колесах, запряженная волами, и четверо верховых. Горцы. Это Сашка понял с первого взгляда. Но выделялся среди них главный.

Пожилой, но еще крепкий мужчина в черкеске отличного качества с серебряными газырями. Окладистая седая борода и умный, внимательный взгляд настороженных карих глаз.

– Вы хотели меня видеть, уважаемые? – спросил Сашка, подойдя к плетню.

– Ты дрался с пятью нашими воинами и убил их, – произнес старший горец, не сводя с парня взгляда. Он не спрашивал, он знал, о чем говорил. – Мы хотим выкупить их тела.

– Я привез тела в комендатуру. Они должны быть сейчас у хакима, в больнице, – ответил Сашка, намеренно назвав доктора восточным словом. – Я как раз собирался туда.

– Поехали, – кивнул горец, и вся кавалькада двинулась дальше по улице, в сторону комендатуры.

Ждать парня никто не стал, поэтому Сашка, дождавшись, когда осядет поднятая ими пыль, вышел на улицу и не спеша отправился следом. Они решили показать ему свое неуважение, не предложив места даже в арбе, ну так и он не станет торопиться. Пусть ждут. Шагая по улице, парень с удивлением отметил про себя, что жители станицы поголовно здороваются с ним, и не просто так, а с заметным уважением. Похоже, известие о его приключениях уже стало достоянием общественности.

У комендатуры Сашка застал странную картину. Кавалькада горцев стояла посреди площади перед зданием, а десяток солдат, рассредоточившись вокруг с оружием в руках, делали вид, что их это не касается. Десятник, увидев Сашку, кивнул каким-то своим мыслям и сделал знак стоявшему рядом молодому солдату. Забежав в здание, тот вернулся буквально через минуту и, коротко кивнув десятнику, занял свое место рядом с ним.

Удивленно хмыкнув, Сашка направился в комендатуру, но не успел пройти и половину пути, когда на крыльце появился сам комендант. Увидев парня, тот одобрительно усмехнулся и, легко сбегав по ступенькам, направился прямо к горцам. Понимая, что подобные процедуры здесь давно уже отработаны, Сашка свернул туда же.

– Здравствуй, ходжа Хазрат, – поздоровался штабс-капитан.

– И ты здравствуй, комендант, – склонил горец голову в вежливом кивке.

– Хочешь забрать тела?

– Да. Твой человек сказал, что привез их сюда, – ответил горец, подбородком указав на подошедшего парня.

– Это так, – кивнул штабс-капитан. – Вы уже договорились?

– Нет. Разговора еще не было. Но цену я знаю.

– Решать ему, – пожал комендант плечами и, повернувшись к Сашке, пояснил: – За каждое тело они обычно платят по десять рублей серебром. Из них по рублю ты платишь доктору и его санитарам. Они тела обмывали. И на пропой в десяток, что тебя прикрывает сейчас. Ну, тут уж как сам решишь. Обычно трешки хватает. Ну и на выкуп пленных в церкви обычно жертвуют. Тоже по своему решению.

– Возьми деньги, – сказал горец, подавая знак стоявшему рядом воину, и тот, зло оскалившись, швырнул в пыль к ногам парня увесистый кошель.

– Я не шакал, чтобы на мертвых зарабатывать. Мне хватит того, что я взял трофеями, – ответил Сашка, даже не глянув на кошель. – Заплатите хакиму, его помощникам и солдатам. Остальное оставьте себе, – закончил Сашка и, повернувшись к штабс-капитану, попросил: – Отдайте им тела, как только рассчитаются. А мне бы хотелось забрать свои трофеи.

– Сейчас принесут, – удивленно кивнул тот. – И деньги за коней тоже.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Сашка.

Старший горец, чуть слышно зашипев, кивнул вознице арбы, и тот погнал волов к зданию больницы. Бросивший Сашке кошель воин, подчиняясь его знаку, толкнул пятками коня и, свесившись с седла, подхватил свое серебро. Потом, тихо что-то сказав, поехал следом за арбой. В том, что он выругался, Сашка даже не сомневался, но решил не заострять на этом внимания. Из комендатуры вышел солдат, груженный каким-то баулом, и направился прямо к ним.

Подчиняясь молчаливой команде коменданта, он положил баул прямо на землю и, быстро распустив узлы, развернул его.

– Убедись, – негромко сказал штабс-капитан. – Пять ружей, десять пистолетов, пять кинжалов, пять сабель, весь огненный припас, пули и капсюли. В общем, все, что при них было. Переметные сумы и седла можешь забрать на конюшне. Если хочешь. А можешь продать вместе с конями.

– Так и сделаю, – кивнул Сашка, успевший забрать с тел всю наличность и все ценное, еще когда вез их в комендатуру.

Внимание его привлекли ружье и сабля. Сталь отличной выделки на стволе сразу показывала, что это не простое оружие. Сдержав себя, парень попросил солдата увязать все обратно и уже хотел спросить у коменданта, где можно получить плату за лошадей, когда от больницы галопом подлетел отправленный туда горец и, едва осадив коня, яростно выкрикнул:

– Я вызываю тебя на длань Аллаха.

От такого поворота Сашка растерянно замер, недоуменно глядя на резко помрачневшего коменданта.

– И что это значит? – уточнил парень, положив ладонь на рукоять револьвера. На всякий случай.

– Это вызов на поединок, – тихо пояснил штабс-капитан. – И отказавшись, ты станешь для них трусом, которого может убить любой.

«Что-то я не помню таких правил у наших горцев», – растерянно подумал Сашка и, повернувшись к вызвавшему его воину, спросил:

– Какие правила?

– Сражаемся в кругу. Кто вышел за черту, проиграл. Уронил оружие, проиграл. Попросил пощады, проиграл. Проигравший умирает, – зло, кривя губы, пояснил горец.

– И чем деремся? – спросил Сашка, почесав в затылке.

– На саблях. Там, – горец указал на баул, – тебе есть чем биться. Я жду ответа.

– А чего тут думать? – пожал Сашка плечами. – Пусть твои люди круг рисуют.

– Смелый гяур, – рассмеялся горец, змеей соскальзывая с коня.

По его знаку двое молодых воинов спрыгнули с коней и отбежали в сторону. Один из них нес с собой аркан. Ухватив его конец, второй воин отсчитал от напарника семь шагов и, держа веревку вытянутой левой рукой, выхватил саблю. Ткнув ее концом в землю, он начал пятиться по кругу. Сабля очертила на земле ровный круг в пятнадцать шагов в поперечнике. Воины закончили и снова уселись в седла. Отъехав от круга на несколько метров, они замерли, словно чего-то ожидая.

Вызвавший парня горец, передав поводья своего коня одному из воинов, принялся раздеваться до пояса. Чуть пожав плечами, Сашка снова развернул баул с оружием и, не раздумывая, выбрал ту самую саблю, что привлекла его внимание. Вытянув ее из ножен, он только восхищенно вздохнул и про себя порадовался, что не прогадал. Синеватая дамасская сталь с муаровым узором говорила сама за себя. Отложив саблю в сторону, парень начал раздеваться.

Стоявший рядом штабс-капитан, наблюдая за ним, еле слышно сказал, явно досадуя, что не может разругать ситуацию по-другому.

– Александр, это опасно. Это очень сильный воин. И вмешаться я и мои люди не можем. Но если вы откажетесь, все поймут. Вы механик, а не солдат.

– Я был солдатом, – ответил Сашка, усмехнувшись уголками губ.

Бросив рубашку на оружие, он подхватил саблю и, развернувшись, направился к очерченному кругу. Горцы, увидев шрамы на его торсе, начали переглядываться, одобрительно кивая. Пару раз, провернув клинок в руке, чтобы привыкнуть к его весу, Сашка не спеша шагнул в круг. Вызвавший его горец, закончив молитву, поднялся и, шагнув в круг, громко сказал:

– Я думал, ты испугаешься. Но ты воин. Это хорошо. Приятнее убить воина, чем покорного барана.

– Даже в детстве я не был бараном. А уж теперь и подавно, – усмехнулся Сашка и, прикрыв глаза, постарался вспомнить то состояние, которое ощущал в своем сне.

– Бой до смерти, гяур, – напомнил горец и, гортанно вскрикнув, атаковал.

С этого момента Сашка воспринимал все происходящее словно со стороны. Тело двигалось независимо от его желаний, словно жило своей жизнью. Сабли поединщиков сталкивались, высекая искры, заметные даже в солнечном свете. Все видевшие эту картину замерли, пытаясь понять, что происходит. А бой все длился. Противники метались по очерченному кругу, словно бесплотные тени.

В какой-то момент горец разорвал дистанцию и замер, опустив саблю. Дышал он тяжело, а грудь вздымалась так, словно вот-вот разорвется. Во взгляде бойца Сашка краем сознания отметил удивление и тень страха. Сам он даже не понял, как себя чувствует. Горец коснулся ладонью левого бока и, растерянно посмотрев на

окровавленные пальцы, качнул головой, словно не веря собственным глазам. Только тут Сашка почувствовал на груди какое-то жжение, и что-то холодное стекло по коже к поясу.

Отерев ладонь о штаны, горец вскинул клинок и ринулся в очередную атаку. И тут Сашка заметил, что двигается он гораздо медленнее, чем вначале. Шагнув вперед, он встречным движением перехватил опускающуюся саблю противника, направляя ее вбок и вниз, и, делая шаг в сторону, нанес обратный удар, даже не разворачивая клинок. Его сабля имела полуторную заточку лезвия. Клинок ударил горца по горлу, и его приятели дружно охнули.

Шея бойца оказалась зарубленной до самого хребта. Выронив оружие, горец пошатнулся, сделал шаг к парню и медленно осел на землю, хрипя и булькая зарубленной глоткой. Его ноги несколько раз дернулись, взбивая пыль, и боец затих. Переложив саблю в левую руку, Сашка прижал правую ладонь к груди напротив сердца и медленно поклонился погибшему. Потом, подобрав его оружие, вышел из круга.

Уже вызванный из больницы врач поспешил осмотреть его раны. Но к всеобщему удивлению, это были просто царапины. Промыв их и перевязав парня, врач задумчиво посмотрел на тело горца и, пожав плечами, вопросительно покосился на растерянно замершего штабс-капитана. Тот, словно очнувшись, тряхнул головой и, повернувшись к пожилому горцу, сказал:

– Ходжа Хазрат, ты все видел сам. Длань Аллаха показала свое решение.

– Да. Показала, – кивнул аксакал, с явным трудом беря себя в руки. – Мы можем забрать его? – спросил он, обращаясь к парню.

– Да. Похороните его до заката. Он был великим воином, – решительно кивнул Сашка, сам удивляясь своим словам.

– Что ты возьмешь из того, что принадлежало ему? – вздохнув, спросил аксакал.

– Его оружие. Коня и деньги отдай его семье, – помолчав, ответил парень.

– Ты выбрал лучшее, но сумел и проявить щедрость, – мрачно усмехнулся горец.

– Теперь ваш род станет моими кровниками? – подумав, прямо спросил Сашка.

– Нет, – подумав, качнул аксакал головой. – Я не верил, что ты один мог справиться с пятью. Но теперь, после того, что я видел, я в это верю. Длань Аллаха показала мне, что я ошибся. Кунаками мы уже не станем, но и вражды не будет. Я так решил, – добавил он, заметно повысив голос и посмотрев на своих сопровождающих.

Молодые воины, быстро переглянувшись, дружно покосились на очерченный ими же круг и, не сговариваясь, кивнули. Потом тот, который держал коня поединщика, спрыгнул с седла и, быстро собрав все оружие погибшего, отнес его на развернутый баул. Не говоря ни слова, он прошел в круг, где уже стоял его приятель, и они, подхватив тело, понесли его к арбе. Дождавшись, когда они закончат с погрузкой, ходжа Хазрат молча кивнул всем остающимся и тряхнул поводьями, разворачивая коня.

* * *

На следующий день после той странной дуэли на пороге Сашкиной половины дома неожиданно появился комендант. Поздоровавшись, он прошел в комнату и, перекрестившись на образа в красном углу, с интересом огляделся. Сашка, которого этот визит заметно напряг, незаметно коснулся ладонью револьвера, лежавшего в кобуре, которую он сдвинул на живот, и, широким жестом указывая на стул, спросил:

– Чем могу служить, господин штабс-капитан?

– С благодарностью я к тебе, Александр, – усевшись, широко улыбнулся офицер.

– Это за что же? – окончательно растерялся Сашка.

– А за головуреза того, что ты вчера порешил. Ох, и зверь был, доложу я тебе. Ох, и зверь! Мы уж думали премию за голову его назначить, а тут ты. В общем, Акси́нья сейчас на стол накроет. Я там принес кой-чего, там уж поговорим толком, – озорно подмигнув, усмехнулся штабс-капитан. – Не против, надеюсь?

– Да господь с вами. С чего бы? – деланно изумился Сашка, при этом судорожно соображая, чего ему надо.

Их разговор прервала хозяйка дома, чуть ли не бегом внесшая в комнату посуду и уже готовые к употреблению разносолы. Сбегав

туда-сюда еще раз пять, она сервировала стол и, вежливо поклонившись офицеру, исчезла. Штабс-капитан, подхватив со стола бутылку, подкинул ее на ладони и, развернув этикетку к парню, отрекомендовал:

– Настоящий, шустовский. Не хуже вашего французского будет. Но и стоит, зараза, – он удрученно качнул головой, ловко срывая с горлышка пробку.

Разлив напиток по стопкам, он поднял свою тару и, расправив усы, с чувством произнес:

– Ну, Александр, за удачу твою. Я, признаться, думал, всё. Пора панихиду по тебе заказывать. А ты вон чего, – с этими словами он лихо опрокинул рюмку и, занюхав напиток костяшкой кулака, одобрительно кивнул. – Хорош коньячок.

– Угу, – кивнул Сашка, проглотив свою порцию.

Коньяк и вправду бы хорош. Мягкий, ароматный, он легко прокатился по пищеводу, разлившись по желудку приятным теплом. Кинув в рот кусочек ветчины местного изготовления, Сашка вопросительно уставился на нежданного гостя. Понимая, что должен как-то объяснить свой визит, штабс-капитан достал портсигар и, разминая папиросу, принялся рассказывать:

– Горец этот из непримиримых. Рубака, каких поискать. Он в том клане вроде мастера по военному делу был. Молодняк обучал, а потом в набег их выводил. А самое поганое, что после их набегов живых не оставалось. Если только кого в рабство уводили. Остальных резали, как скот какой. Мы чего уж только ни делали. Даже пытались засаду на него устроить. Да только я не просто так его зверем назвал. Он любую засаду словно нюхом чуял. Неделями у их аула сидели, и ничего. За околицу ни ногой. А как засадники ушли, так через пару дней новый набег. В общем, спасибо тебе, Александр. От всей службы нашей, от людей простых, да и вообще, от всего народа православного, – поднявшись, торжественно проговорил штабс-капитан, коротко поклонившись. – Я вот только одного не пойму, – продолжил он, присев на место. – Как так получилось, что ты ловчее него саблей владеешь? Я не первый год служу, а такого мастерства не видал.

– Самому бы знать, – мрачно вздохнул Сашка и, заметив изменившееся лицо офицера, поспешно добавил: – Меня ведь из армии не просто так списали. После той контузии врач думал, я

вообще не выживу. А у меня только память отшибло. Только и помню о себе, что приютский да в армии служил. Потому и списали. Даже командира своего полка не узнавал.

– А с саблей как же? – растерянно уточнил офицер.

– Учил меня кто-то, – вздохнул Сашка. – Но вот кто, как, когда, ничего не помню. После контузии только раз сон приснился, что с учителем говорю.

– И что? – поторопил его штабс-капитан, подавшись к столу и ловя каждое слово.

– И все. Сон помню, а что за человек, не помню. Вам такое слово – «безликие» – что-то говорит? – спросил Сашка, решив поставить его в тупик.

– Вот оно значит как, – изумленно протянул офицер, простецким жестом почесывая в затылке. – Вот теперь я понял.

– И что вы поняли? – насторожился парень.

Вместо ответа офицер разлил по стопкам коньяк и, не произнося ни слова, выпил. Закусив соленым огурцом, он закурил и, покачив головой, тихо заговорил:

– Крестничек твой из них и был. Погоди. Это выходит, и тебя тоже безликий учил? – вдруг сообразил он.

– А я знаю? – возмутился Сашка. – Говорю же, не помню. Но если так рассуждать, выходит, да. А что вообще про этих безликих известно? Откуда они вообще взялись?

– А ты не знаешь? – удивился офицер. – А, ну да, – вспомнив, смутился он. – В общем, сначала, еще в старые времена, чуть ли не до Рождества Христова, это была личная гвардия персидского шаха. Отборная тысяча воинов, способная любого противника в клочья порвать. Их по одному против сразу пятерых выставляли, когда маску вручали. Прием в тысячу означал, что воин теряет всё. Свое имя, род, близких. Он словно исчезает. В тысяче ему дают новое имя.

– И чем они занимались? – с интересом спросил Сашка.

– Или шахский дворец охраняли, или биться учились. Сам понимаешь, до нас только слухи про тех воинов дошли. Но вот что мы точно знаем, так это то, что было у них одно правило, которое никогда не нарушалось. Воин, до того как умереть, обязательно должен был себе смену подготовить. Нового воина обучить. И отбирали они

юношей по каким-то своим правилам. Не важно, какого он роду-племени. Главное, чтобы мастерство не пропало.

– Не понимаю, – помолчав, тряхнул Сашка головой. – Если это шахская стража, то как они тут оказались? Или там. В Африке?

– Ты погоди, я не закончил, – отмахнулся штабс-капитан, снова разливая коньяк. – Случилось все лет пятьдесят назад, когда турецкий султан персидскому шаху войну объявил. Вроде и те и другие одной веры, но резали друг друга не хуже, чем протестанты с католиками. А то и похлеще. Вот с той вражды у них война и началась.

– Шииты и сунниты, – автоматически кивнул Сашка и едва сдержался, чтобы не стукнуть себя кулаком по лбу.

– Знаешь об этом? – тут же отреагировал офицер.

– Так воевал с арабами. А у них там тоже что-то подобное есть, – быстро выкрутился Сашка.

– А, ну да, – кивнул офицер. – В общем, султан на того шаха так навалился, что только пух с перьями летели. Почти всю страну захватил. До столицы дошел. А вот там завяз. Дворец шахский как раз безликие и держали, пока сам шах удирал. Говорят, что безликие там столько янычар положили, что стоя на трупах дрались. Тела потом почти месяц хоронили. А когда отведенное время вышло, безликие разбежались.

Султан, после такой победы, когда от войска почитай одни воспоминания остались, фирман издал, что любого безликого без суда и разбора казнить на месте надо. Да только как ты их узнаешь? Безликие, они потому так и назывались, что всегда на людях в масках были страхолудных. Оскаленных, словно вурдалаки какие. Глянешь, и мороз по коже. А истинные лица тех воинов только родичи и помнили. В общем, дошли турки до того, что любого, кто ловко с оружием обращается, сразу безликим называли и казнили на месте. А настоящие безликие по миру разошлись. Вот такая история.

– Выходит, этот воин у безликого учился? – задумчиво уточнил Сашка.

– Так и есть, – решительно кивнул офицер. – Это мы точно узнали. Я ж говорил, мы его словно зверя скрадывали, да не выходило ничего. Но как говорится, сколь веревочке ни виться, а конец все одно будет. Вот он на тебя и наварлся.

– А зачем он эту дуэль вообще затеял? – с интересом спросил Сашка, пытаясь разобраться в местных раскладах. – Ему вроде ничего уже доказывать не надо.

– Те пятеро его учениками были. А ты их как курят положил. Даже клинка не обнажив. Вот он и взбеленился, – усмехнулся штабс-капитан. – Решил, что ты только стрелять умеешь. А оно вон как вышло.

– Да уж, вышло, – вздохнув, скривился Сашка.

– Ты чего? – не понял офицер.

– Целый клан кровников, это не баран чихнул. Теперь и на охоту не сходишь, – пояснил парень свою реакцию.

– Нет, не будет, – решительно отмахнулся штабс-капитан и, быстро разлив по стопкам остатки коньяка, продолжил: – Ходжа Хазрат не просто так сказал, что вражды не будет. А он свое слово держит крепко. Понял старый лис, что тебя голыми руками не возьмешь, а воинов терять ему не хочется. Так что живи как жил. Если только дурной какой из молодых ослушается. Но это уже он сам по себе будет.

– Этот старик что, и вправду хадж совершил? – уточнил Сашка.

– Угу. Пешком в ту Мекку свою ходил, – кивнул офицер.

– Силен, дядя, – качнул парень головой.

– Силен, – кивнул штабс-капитан. – Он у местных навроде святого, так что любое его слово они исполняют со всем прилежанием. Но сам понимаешь. Головы терять не надо и за спину поглядывать не забывай. А в остальном живи, как сам захочешь.

– А много их тут таких было? – задумавшись, спросил Сашка, даже не уточнив, о ком именно говорит. Но офицер его понял.

– Один и был. Учеников готовил. Но слух прошел, что в последнее время стал обучать всех подряд, а не по тем правилам, по каким положено. Мол, не получалось у него то, что задумывал, вот и решил сразу много хороших рубак выучить. Потому Хазрат и задумался. У них такими вещами не шутят. Длань Аллаха это серьезнее, чем наш трибунал.

– Поединок на Божьей ладони, – понимающе усмехнулся Сашка. – Это как Божий суд у католиков.

– Вот-вот. Ловили-ловили его, ловили-ловили, а в итоге его на этой самой ладони и зарубили. Выходит, что сделал он что-то не так, и

был наказан. Вот Хазрат и задумался. А тут еще и ты думок добавил, когда отказался за тела деньги брать. Только и взял, что коней да оружие.

– У меня ремесло в руках есть, так что с голоду не помру, – отмахнулся Сашка. – А совсем туго станет, так и охотой проживу. Признаться, я вообще не понимаю, как можно за мертвых деньги брать. Не по-людски это. Не по-божески.

– Знаю, – вздохнул штабс-капитан. – Да только, сколько себя помню, всю жизнь так в этих местах было. И кто это начал, теперь уж никто не скажет.

– Да какая теперь разница? – удивился парень. – Главное, что прекратить это можно.

– А как? – удивился офицер.

– За тела денег не брать. Врачу да санитарам за работу пусть платят, да солдатам на пропой, чтобы знали, что силой тут ничего не решишь. А больше ничего. Ну, можно еще на выкуп брать. Пусть сами за тех, кого в полон, увели, серебро выкладывают, – закончил он, усмехнувшись.

– Не каждый на такое пойдет, – помолчав, вздохнул офицер. – Да и что это даст?

– Горцы народ гордый. Когда поймут, что русские перед ними благороднее оказываются, что на мертвых не зарабатывают, сами так же делать начнут, – пояснил парень. – Особенно если по дружественным кланам рассказывать, как тела наших солдат выкупали, а их так отдавали. Тут у них ретивое точно разыграет.

– Ну, не знаю, – с сомнением протянул штабс-капитан. – Бандиты, они бандиты и есть. Им все равно, с чего серебро получать.

– Но попробовать-то стоит, – развел Сашка руками.

– Подумать надо, – снова вздохнул штабс-капитан, ничего не обещая.

Они допили коньяк, и офицер, выглянув во двор, попросил Аксинью поставить самовар. Дальше беседа протекала в ровном, спокойном русле. Штабс-капитан интересовался, чем Сашка занимается и над чем работает, а когда услышал о решении создать винтовку нового образца, с жаром ударился в обсуждения. Домой он ушел уже затемно. Хозяйские дочери быстро прибрали со стола, и Сашка, распахнув окна, чтобы проветрить комнату, вышел во двор.

Бабье лето радовало людей теплом и сухой погодой. Вскинув голову, парень принялся рассматривать сверкавшие на небосводе звезды, казавшиеся такими близкими. Он и сам не понял, как долго простоял посреди двора, и очнулся, только когда его локтя коснулась небольшая, но крепкая рука хозяйки дома.

– Пойдем спать, Саша, – тихо позвала Акси́нья.

Кивнув, он обнял ее за плечи, привлекая к себе, и, вздохнув, еле слышно прошептал, зарывшись носом в густую гриву волос женщины, затянутую в тугую косу:

– Пойдем. И вправду, устал что-то от этих разговоров.

Между этими двумя давно уже все сладилось к обоюдному удовольствию. Акси́нья оказалась женщиной пылкой и очень сильной, а Сашке, в силу молодости, желания было не занимать. Так что, едва уложив дочерей и дождавшись, когда они уснут, она тенью проскальзывала на его половину, чтобы исчезнуть, когда солнце еще не поднялось. Но им было хорошо, а остальное не важно.

* * *

Свинцовый карандаш скользнул по желтоватой бумаге, чуть слышно шурша при касании ошкуренной реечки. С чертежным инструментом у Сашки были проблемы. В смысле их вообще не было. Поэтому приходилось на ходу изобретать велосипед. Отодвинувшись от стола, он окинул получающийся чертеж внимательным взглядом и задумчиво покосился на трофейную винтовку, лежавшую на лавке рядом.

Что ни говори, а трофей был знатным. Выделка ствола исключительная. Калибр примерно девять-десять миллиметров. Скорее, девять и пять. Замок кремневый, отделка тонкая, но дело не в отделке. Перестрелка с бандитами прямо показала, что количество выстрелов и скорострельность в данные времена все больше начинает играть первостепенную роль. Что ни говори, а времена холодного оружия заканчиваются.

Все это Сашка отлично знал и понимал еще в прошлой жизни, но тогда это была просто история. А теперь реальная жизнь. Так что он, пользуясь возможностью, решил увеличить свою огневую мощь. Но

упираться в оружие с болтовым затвором парень не хотел. Продольно-поворотный затвор хорош в снайперском оружии, где каждый выстрел это результат. В его же ситуации, когда бой может идти на коротких расстояниях, важна возможность быстрой перезарядки.

Скорострельность, вот главный козырь на подобных дистанциях. Ну, и само собой, умение стрелять точно, а не как-нибудь, лишь бы пальнуть. Вот и занялся он изобретательством. Точнее, сведением ужа с ежом. Решил сделать новое из того, что помнил по своему миру, опираясь на то, что можно найти в этом. В общем, что-то да получится. От привычной системы газоотвода Сашка отказался сразу. Местный порох, уже вроде и не дымный, а все равно при сгорании оставляет такой нагар, что придется винтовку после каждого выстрела чистить.

Остается только система со свободным затвором. И тут встает новая проблема. Отсутствие под рукой подходящих пружинных стале. Пружины тут уже хорошо известны, но их качество таково, что вполне реально после выстрела затвор собственным лбом словить. А если учесть калибр, который Сашка собирался использовать, так такая возможность была более чем реальна. Вот и мудрил он, пытаясь придумать, как сделать самовзвод, не рискуя головой.

С подачей патрона в патронник все было ясно. Система давно уже отработана и работает. Тут ничего придумывать не надо. Отъемный магазин на десять патронов. Двухрядное расположение боеприпасов. Короче, все как в той же СВД. Но что делать с самим механизмом возврата? Сашка снова задумался, мрачно уставившись в окно. В таком состоянии его и застал Евсей. Вошедший кузнец, перекрестившись на образа, негромко откашлялся и, поздоровавшись, участливо спросил, заметив мрачную физиономию парня:

– Случилось чего, Лександр?

– А? Нет, думаю, где пружины подходящие найти, – вздохнул Сашка, подавая ему руку.

– Так чего думать? В депо ехать надо, – развел кузнец руками и, заметив разложенные на столе чертежи, заинтересовался: – Это чего у тебя такое?

– Да вот, хочу магазинную винтовку сделать. Как у того капитана Мосина, только с самовзводом, – пояснил парень, подвигая к нему бумагу.

– Ишь ты. Магазинную, да еще и с самовзводом, – удивленно протянул Евсей. – Сложно.

– Да не особо. Главное, пружины подходящие найти, – снова вздохнул Сашка.

– Так, может, в кузне проволоку подходящую закалить? – осторожно предложил кузнец.

– Слабые будут, – скривился Сашка. – Тут сплав специальный нужен. А что за сплав и где его взять, не знаю, – нехотя признался парень. – Не металлург я.

– Чего? А, ну да, – растерянно кивнул Евсей. – Так что, поедешь со мной в депо?

– Так ты из-за поездки пришел? – сообразил наконец парень, с чего вдруг кузнец сам пришел к нему.

– Ага.

– А что? Пожалуй, поеду, – подумав, решительно кивнул Сашка. – В депо пружины спрошу, а потом еще в тот лабаз заедем, где я станки покупал. Может, у них чего найдется.

– Тоже верно, – активно закивал кузнец.

Глядя, как он старательно изображает китайского болванчика, Сашка улыбнулся. Интерес кузнеца в таком напарнике был понятен. Хоть Евсей и происходил из уважаемой казацкой семьи, но был скорее мастеровым, чем бойцом. Да, без всякого сомнения, стрелять и орудовать шашкой он умел, но более привычен был к клещам и молоту. Тут ему равных не было. Сашка видел, как он орудует своей кувалдой, и был уверен, что при необходимости кузнец на спор и иголку откует.

– Когда едем? – потягиваясь и разминая шею, спросил Сашка.

От долгого сидения за столом тело немного затекло.

– Так завтра с ранья и двинем, – тут же последовал ответ.

– А в обозе кто еще?

– Если только Семен горшечник поедет, – виновато вздохнул кузнец.

Сашка понимающе кивнул. Дело шло к зиме, и ездить на базар смысла не было. Отдыхающих до следующего сезона не будет. А кузнецу железо нужно. Народ и коней перековать желает, и инструмент всякий поправить. В общем, ему для дела надо, а одному ехать страшновато. А тут под рукой и изобретатель, который сам не дурак с

железом повозиться, да еще и боец не последний. В случае чего вдвоем, глядишь, и отобьются.

– Добро. Едем, – подумав, решительно кивнул Сашка.

– Ну и слава богу. Так я пойду тогда, – обрадованно кивнул кузнец.

– Ступай с богом, – кивнул Сашка. – Утром на околице встретимся.

Евсей ушел, а Сашка, аккуратно прибрал свои чертежи, занялся подготовкой к поездке. Сходив в конюшню, он осмотрел мерина и проверил его подковы. Потом осмотрел новую сбрую, которую сумел выправить благодаря своему увлечению охотой. После чего вернулся в дом и принялся готовить себя. Достав из шкафа вычищенную рабочую одежду, штаны и куртку из домотканой холстины, он выложил ее на лавку и полез на полку.

Аксинья по его рисункам нашла полдюжины пар грубых рукавиц. Как раз для подобных случаев. Перебирать железный хлам голыми руками занятие для заядлых мазохистов. Грязно, и руки изрезать можно запросто. Зашедшая звать его к ужину женщина, увидев его приготовления, моментально вскинулась и, уперев кулачки в бедра, потребовала отчета.

– Ты куда это собрался?

– В депо, за железом, – коротко проинформировал ее Сашка, улыбнувшись.

– Евсей сговорил, – кивнула Аксинья, многообещающе покосившись в сторону кузни.

– Мне и самому надо. Пружины нужны, – качнул Сашка головой. – Задумал кое-что, да железа подходящего нет.

– Ты там осторожнее, Саша, – понимающе вздохнув, попросила женщина.

– Само собой. Мне приключения тоже не нужны, – заверил ее парень.

– А чего хоть задумал-то? – не удержавшись, осторожно любопытствовала женщина.

– Винтовку хочу сделать, – проворчал Сашка.

– А чем тебя эта не устраивает? – не поняла Аксинья. – Вроде все работает. И сделана хорошо, – похвалила она, погладив пальцами богато инкрустированный приклад.

– Эта одноразовая. А я многозарядку сделать хочу, – принялся объяснять Сашка, постепенно увлекаясь. – Вот тут у нее магазин будет, а тут затвор, который после выстрела сам станет патрон в патронник подавать.

Подхватив с лавки оружие, он принялся показывать все женщине, тыча в винтовку пальцем.

– Все, все, поняла, – замахала руками Аксинья. – Ты, Сашенька, забыл, что я из той винтовки только стрелять умею да чистить. А остальное... – она махнула рукой. – Как оно там работает и почему, мне и не надо. Главное, чтобы работало. Я вон по сей день не пойму, как у тебя получилось, что я колесо кручу, а маслобойка туда-сюда качается.

В ответ Сашка только рассмеялся. Маслобойку он и вправду сделал. Простейшую. Колесо привода на оси. На той же оси маховик, к которому крепится шатун и шток толкателя, который и приводит в движение саму пахталку. Хозяйка крутит за ручку колеса, и вся механика приходит в движение. Сама пахталка висела в металлической люльке, которая крепилась к металлической же раме. С этой конструкцией даже младшая ее дочка справлялась легко.

Сообразив, что увлекся, парень убрал винтовку в угол и, прикрыв за собой дверь, отправился на хозяйскую половину. После ужина, пожелав девочкам доброй ночи, парень вернулся к себе и, подумав, взялся за нож. Идея сделать девчонкам кукол, у которых будут двигаться конечности и поворачиваться головы, посетила его давно. Но все руки не доходили. Вот он и решил резать их вечерами. Когда заниматься чем-то серьезным было просто сложно из-за плохого освещения.

Вспомнив об этой проблеме, Сашка отложил себе в памяти обязательно поискать в Ессентуках лавку, где можно было бы купить керосиновую лампу. Ну и керосину к ней, само собой. Дел он себе на зиму запланировал много, так что решать проблему освещения нужно было обязательно. Провозившись с куклой еще часа три, он смел опилки в старую корзину и, убрав инструмент, улегся спать.

Разбудила его Аксинья на рассвете, когда шла буйволицу доить. Выведя мерина, Сашка быстро запряг его в телегу и, проглотив кружку свежего молока с краюхой хлеба, начал выводить свой транспорт на улицу. Аксинья, быстро занеся ведро с молоком в дом, выскочила

обратно, неся в руках корзину с провизией, заботливо накрытую куском чистого полотна. Сунув ее под облучок, она быстро огляделась и, чуть слышно всхлипнув, нежно поцеловала его в губы и тут же, прикрыв лицо уголком косынки, метнулась в дом.

Проводив ее взглядом, Сашка растерянно вздохнул и, затворив ворота, забрался в телегу. Сильный мерин налег на постромки и легко поволок телегу к околице. К выезду из станицы они с кузнецом подъехали вместе. Евсей, поздоровавшись, тут же сообщил, что горшечник решил присоединиться к обозу и просил подождать его. Кивнув, парень осадил мерина и, спрыгнув на землю, обошел телегу, внимательно осматривая ее на предмет неисправностей.

Подвода Семена подкатила минут через десять. Окинув переложенные соломой гладкие горшки, Сашка поздоровался с соседом и, покосившись на старый кремневый пистолет у него за поясом, решительно скомандовал:

– Евсей, головным пойдешь. Семен, за ним. Я последним. И сижущу выше, и оружие у меня получше. Так что вас обоих всегда видеть буду. Да и со спины меня так просто не возьмешь.

Помимо револьвера и кинжала, он прихватил с собой и охотничье ружье. Как оказалось, в бою два ствола в толковых руках могут быть весьма убойным аргументом. Но на этот раз экономить Сашка не стал и прихватил с собой не только пулевые, но и картечные патроны. Так что при дуэте любому агрессору не поздоровится. Станичники, переглянувшись, дружно кивнули, принимая его решение и то, что он взял командование на себя.

Поезд выстроился и не спеша покатыл по тракту. Гнать с таким хрупким грузом было глупо, так что Сашка приготовился к долгой и нудной поездке, про себя усмехнувшись очередной жизненной коллизии. Туда они с кузнецом идут порожняком, а обратно порожним пойдет уже Семен. И тогда уже он будет вынужден подстраиваться под их аллюр. Впрочем, в случае опасности, он и сам примется погонять коня. Жизнь дороже.

Запахнув куртку, Сашка сдвинул картуз на затылок и, положив ружье на колени, принялся всматриваться в придорожные кусты. Верста сменяла версту, но ничего не происходило. Спустя почти четыре часа они вкатились в Ессентуки и, отметившись на заставе,

двинули прямо на базар. Там Семен занялся своим делом, а они с кузнецом поехали дальше. В депо.

* * *

Выстрел грохнул, и винтовка, чуть дернувшись, замерла в самодельном станке. Усмехнувшись, Сашка еще раз плавно потянул за шнур, и в овраге раздался новый выстрел. Не веря собственным глазам, парень раз за разом дергал за веревку, внимательно наблюдая за тем, как вылетают гильзы из окошка экстрактора.

– Блин! Работает! Мать твою! Оно стреляет! – хрипел он пересохшим от волнения горлом, все еще не веря, что у него получилось.

Отстреляв магазин, парень отвязал винтовку от колоды и, быстро проведя неполную разборку, принялся осматривать рабочие узлы и пружины. Но все было в порядке, даже трещин нигде не появилось, хотя больше всего он беспокоился за возвратные пружины. Да-да. Именно пружины. Найти одну подходящую, работающую на усиленное сжатие, ему не удалось, зато получилось подобрать аж две на растяжение.

В итоге пришлось извращаться и придумывать, как посадить их по бокам от затвора. Еще одну, короткую пружину он посадил в торце затворной рамы, как демпфер. И такую же пружину, только чуть длиннее, он воткнул под пятку приклада. В общем, винтовка получилась увесистая, килограммов на шесть, но калибром примерно в девять с половиной миллиметров, так что стрелять из нее мог только человек физически сильный. Но пока шли первые испытания.

Сменив магазин, Сашка прогулялся в конец оврага и, осмотрев мишень, задумчиво почесал в затылке. Тяжелые пули разнесли обрубок бревна в щепки. Достав из-за пояса еще один магазин, парень выщелкнул из него патрон и принялся рассматривать пулю. Пока, для испытаний, он отлил заряды по примеру тех, что использовал прежний хозяин оружия. Вытянутый эллипс, задний конец которого был просто обрезан ножом.

– А вот тут я, похоже, лопухнулся, – мрачно проворчал Сашка.

При таком калибре и наличии унитарного патрона пулю изначально нужно было брать с медный поясok. Тогда, чуть увеличив навеску пороха, можно было бы значительно увеличить пробивные качества оружия. А если сделать ее тупоносой, или вообще засверлить носик, то получится что-то вроде знаменитого дум-дума. Тогда, при наличии десяти выстрелов, о подранках вообще можно будет не беспокоиться. После попадания из такой гаубицы их просто не будет.

– М-да, если уж родился дураком, то никакое образование это не исправит, – мрачно вздохнул Сашка. – Хотя у меня и его нет. Ладно. Главное сделано. Винтовка есть, и она работает. Теперь нужно заняться боеприпасом. Но блин, пострелять все равно надо, – добавил он и решительно зашагал обратно к колоде, на которую крепил винтовку.

Встав на исходную, он вскинул винтовку и, ожидая серьезной отдачи, сильно наклонился вперед. Палец плавно выбрал свободный ход крючка, и снова раздался выстрел. Винтовка подпрыгнула, но не критично. Чуть сильнее, чем его охотничье ружье. Удивленно хмыкнув, Сашка прицелился снова и сквозь пороховую гарь сумел рассмотреть, как от полена полетели щепки.

– Блин, а неплохо. Приноровиться надо, а так очень даже вполне, – проворчал парень, осматривая винтовку. – Даже подкидывает не сильнее, чем тот же «калаш».

Расстреляв еще один магазин, он закинул винтовку за спину и отправился к мишени, выковыривать пули. Свинец в этом мире денег стоил, поэтому, по возможности, нужно было экономить. Вывернув из полена пятнадцать пуль из выпущенных двадцати, Сашка собрал все гильзы и отправился домой. Теперь ему предстояло найти в привезенном металлоломе подходящую трубку и придумать, как сделать из нее пояски для пуль.

В этом действии была еще одна необходимость. При стрельбе просто свинцом ствол быстро засорялся, и чистка его очень скоро могла привести к порче самого ствола. Припомнив лесковского Левшу, Сашка хмыкнул, тихо проворчав:

– Главное, винтовки кирпичом не чистить.

Он поднялся на край оврага, когда навстречу ему выскочил Евсей. Увидев парня, кузнец расстроено вздохнул:

– Никак опоздал?

– Куда? – не понял Сашка.

– Так я посмотреть хотел, как винтовка твоя работает, – смутился кузнец.

– Что, не поверил, что получится? – понимающе усмехнулся парень.

– Ага, – кивнул Евсей, оглаживая бороду.

– Пошли, покажу, – смиловился Сашка и развернулся в обратную сторону.

Зарядив оружие, он показал, как менять магазин и взводить курок для первого выстрела, он протянул винтовку кузнецу, с улыбкой потребовав:

– За неверие с тебя еще полсотни гильз будет.

– Добро, отолью, – рассмеявшись, согласился Евсей.

Приложив винтовку к плечу, он выцелил измахренное полено и нажал на спуск. В мощных руках молотобойца оружие даже не дрогнуло, а от полена полетела очередная порция щепы. Удивленно хмыкнув, кузнец не спеша отстрелял все десять патронов и, возвращая оружие, растерянно покрутил головой:

– Ну, Ляксандр, удивил. Мы о таком и мечтать не могли, а ты взял и сделал. Это ж как можно любого врага с таким оружием удивить?!

– Ага, ажно до смерти, – рассмеялся Сашка, забирая винтовку. – Да только рано еще их на продажу делать.

– Это чего? – не понял Евсей.

– Нужно отстрелять как следует, чтобы все ошибки найти. Посмотреть, как она в дождь, в снег, в мороз работать будет. Сам понимаешь, от этого жизни людские зависеть будут.

– А, ну да, – кивнул кузнец, почесав в затылке.

– Да и пружины мне доверия не внушают, – помолчав, признался Сашка.

– А они с чего?

– Да понимаешь, оружейные пружины из особых сталей отливают, а мне пришлось первые подходящие использовать, – пояснил он, задумчиво рассматривая собственное детище.

Больше всего его не устраивало, что если смотреть на винтовку со стороны среза ствола, то казалось, что у нее флюс и ее раздуло в обе стороны. Пружины пришлось прятать в футляры из тонкой жести, чтобы защитить от грязи и случайного удара. Вообще, вся винтовка

была дикой смесью его личных фантазий и солянки из знаний об оружии из будущего. Делалась она методом научного тыка, но итог оказался вполне рабочим, что Сашку устраивало больше всего.

Он сделал для себя то, что хотел. Винтовку с отъемным магазином, имеющую самовзвод. Не автомат, конечно, но и с этим оружием он становился серьезной боевой единицей. Все местные однозарядные карамульки его категорически не устраивали. Воевать так воевать. Век холодного оружия прошел. Это он знал точно.

Сам Сашка ввязываться в боевые действия не планировал, но зная, где живет и что это за времена, не обольщался. Тут и обычные каторжники, бежавшие с пересылки, вполне могли создать кучу неприятностей. Чего уж говорить о непримиримых горцах, которых старательно науськивают те же турки. Эти на Кавказ рвались всегда. И кстати, не так долго осталось и до того момента, когда они попытаются вторгнуться сюда, вырезав армян. Причину той резни Сашка не помнил, но ее последствия знал неплохо. Благо в его времени об этом говорили довольно часто. Наткнувшись на очередную мысль, парень задумчиво потер пальцами шрам и, вздохнув, качнул головой.

– Ты чего, Ляксандр? – насторожился Евсей, шедший рядом. – Никак опять задумал чего?

– С чего ты взял? – удивился Сашка.

– А ты как чего удумаешь, начинаешь свой шрам потирать, – усмехнулся кузнец. – Я еще с револьвером это приметил.

– Угу, есть мысли, да только пока не понимаю, что с ними делать, – вздохнул парень.

– Так расскажи, вместе и подумаем, – неожиданно предложил Евсей.

– А тебе-то с того какая корысть? – не понял Сашка. – Почитай, расходы одни. Я ж тебя вечно от всяких заказов отрываю или торопиться заставляю.

– А-а, – отмахнулся кузнец. – Мне те заказы только, чтоб семье на прокорм было. А твои идеи интересные. С ними жить веселее. Устаешь от обычной работы. А тут, прежде чем делать, еще подумать надо, как правильно сделать. Не закиснешь.

– Гм, не думал, – качнул Сашка головой.

– А чему удивляться? – развел Евсей руками. – Ты вот телегу переделал, а меня уже полстаницы вопросами замучило, когда я на такие заказы брать стану. Знают ведь, что ты ее в кузне делал.

– Так бери, чего теряешься? – удивился Сашка.

– Это как же так, без спросу? – растерялся кузнец. – Ты придумал, ты и хозяин. Дашь добро, стану делать. А ежели нет, так и не стану.

– Давай так, – помолчав, решительно заявил парень. – Ты на них заказы берешь, а прибыль мы с тобой делим. Тебе восемь частей от цены, мне две.

– А чего так мало-то? – удивился Евсей. – Идея, она дорого стоит.

– Знаю. Но мне твое доброе отношение дороже, – честно признался парень. – Да и если уж совсем откровенно, мне те деньги и не особо нужны. Не голодаю, крыша над головой есть, и ладно. Ты те две части сразу Аксинье отдавай. Вроде как за мой постой.

– Может, лучше сам? – подумав, осторожно спросил кузнец. – А то увидят люди, не то подумают. Каждому не объяснишь, за что деньги. А так я тебе, а ты уж ей.

– А ежели мне куда уехать понадобится? Так и будешь деньги в кубышке держать? А у нее три девчонки, – не уступил Сашка.

– Ну, тоже верно, – окончательно запутался Евсей.

– Да не переживай, – успокоил его Сашка. – Кто спросит, так прямо и говори, что мою часть от дела ей за мой постой отдаешь. Уговор со мной такой. Мол, мне самому так легче. От дела отвлекаться не надо. Тем более что это правда.

– И то верно, – кивнул кузнец, соглашаясь с его решением.

Они добрались до станицы и, попрощавшись, разошлись каждый в свою сторону. Вернувшись домой, Сашка первым делом взялся за чистку оружия. Приведя винтовку в порядок, он аккуратно убрал ее в шкаф и, устало потянувшись, огляделся. Заниматься патронами было уже поздно. Вот-вот прибежит хозяйка, звать его к ужину. Тем более скоро уже и темнеть начнет. А вот проверить, как высох лак на вырезанных для девочек куклах, времени как раз хватит.

Достав со шкафа игрушки, он проверил работу и, убедившись, что все готово, весело усмехнулся. Это были почти настоящие куклы, которые отличались от тех, что были в его прошлом, только материалом, из которого изготовлены. Конечности кукол были собраны на шарнирах и гнулись, головы вертелись, а вместо волос он наклеил

на головы обрезки с конского волоса. Получилось не очень ровно, но и это было чудом в местных условиях.

Чтобы избежать ссор и обид, парень сделал сразу три куклы. Одинаковых. Что по лицам, что по масти. Волосы он клеил из того, что настриг из хвоста своего мерина. Благо у того хвост был длиннющий. Дождавшись, когда в дверь постучала Акси́нья, он сунул кукол под куртку и отправился на хозяйскую половину. Девчонки уже были дома и сидели за столом, ожидая ужина. Поздоровавшись, Сашка, пряча улыбку, достал игрушки и, показав их девочкам, усадил всех трех на стол.

– Разбирайте, кому какая глянется, – предложил он. – Только не ссориться, а то больше ничего такого делать не стану, – предупредил Сашка, в корне пресекая любую ссору между сестрами.

– Ой! – испуганно ахнула старшая девочка. – Это нам? – прошептала она неверящим голосом.

– Вам, красавишны, вам, – рассмеялся Сашка.

Акси́нья, привлеченная их разговором, отложила тарелки и, подойдя к столу, изумленно покачала головой.

– Можно, мам? – повернулась к ней средняя дочка.

– Ну, раз дядька Саша говорит, что вам принес, значит, можно, – кивнула женщина.

Девочки быстро разобрали кукол и, забыв обо всем на свете, принялись рассматривать их, осторожно шевеля игрушечными руками, ногами и головами.

– Мам, они как живые, – изумленно сообщила старшая сестра. – Даже волосы есть. Еще их сажать можно.

– Да уж вижу, – растерянно улыбнулась Акси́нья.

– Наряды вы им сами сошьете, – усмехнулся Сашка, присаживаясь к столу. – Мое дело их сделать, а уж как вы их обрядите, вам решать.

– Балуеть ты их, Саша, – покачала Акси́нья головой. – Как из поездки вернешься, так обязательно сласти везешь. А тут еще и кукол сделал. И когда успел только? Вечно же железом всяким занят.

– Давно затеял, – признался Сашка. – Долго получилось, потому что резал, только когда минутка свободная была. А балую, так на то и дети, – развел он руками.

Подарок оказался настолько удивительным, что Акси́нья едва дочерей уgomонила, заставив отложить игрушки и спокойно поесть. Девочки, едва похватав куски, словно галчата, дружно выскочили из-за стола и понеслись в свою комнату, обряжать кукол.

– Ну, все. Теперь до самого утра не уgomонятся, – улыбнулась женщина, глядя им вслед.

– Да пусть играют. Детство, оно короткое. Оглянуться не успеешь, как и куклы уже не нужны станут. Другие игры начнутся, – вздохнул Сашка, вспоминая приют.

– Цены твоим рукам нет, Саша, – тихо вздохнула Акси́нья, погладив его по щеке.

Быстро сменив магазин, Сашка перекатился под телегу и, поймав на мушку очередную фигуру противника, спустил курок. Тяжелая пуля просто отшвырнула человека в облетевшие кусты.

– Во как! Знай наших, – хмыкнул парень с веселой злостью. – Таким калибром, да тупоносой пулей, прям как кувалдой.

Вскочив на колени, он повел стволом, выискивая очередную цель, но стрелять уже было не в кого. Зато на той окраине города, где располагались казармы, пальба вспыхнула с новой силой. Похоже, снять часовых без шума у нападавших не получилось. Солдаты оказались достаточно опытными и сумели организовать серьезное сопротивление нападавшим. В станице же все началось с громкого собачьего лая.

Все дворовые кабысдохи, словно взбесившись, дружно подняли такой хай, что хозяева, не удержавшись, отправились проверять, что происходит, и в итоге бесшумное проникновение сменилось стрельбой и лязгом клинков. Казаки свое дело знали туго и во двор ночью без оружия давно уже никто не выходил. В общем, перестрелки и яростные схватки на шашках и кинжалах то и дело начали вспыхивать по всей границе городской черты.

Перепрыгнув плетень, Сашка отбежал на другую сторону улицы и, быстро оглядевшись, бросился к соседскому плетню. Там уже несколько минут слышалась какая-то странная возня, словно мокрые мешки таскали. Во дворе, сопя и перетаптываясь, крутились две фигуры. Тихо выругавшись, парень перебрался во двор и, понимая, что не может разобрать, кто есть ху, негромко окликнул:

– Сосед, голос подай.

– Тут я, – прохрипел тот, что удерживал руки противника за запястья.

Примерившись, Сашка от души двинул второго прикладом по затылку и, тут же отступив назад, навел на спасенного ствол, скомандовав:

– На свет ступай, чтоб я лицо видел.

Тяжело, со свистом дыша, мужчина вышел из тени сарая и, встав так, чтобы слабый лунный свет осветил лицо, проворчал:

– Вовремя ты. Еще б немного, и все. Жилистый, сволочь.

– Вяжи его, – скомандовал Сашка, убедившись, что это действительно его сосед. – Будет с кем потом поговорить.

– А чего с ним говорить? – не понял сосед, кряжистый мужик лет пятидесяти. – И так ясно, из непримиримых, – бурчал он, ловко связывая горца.

– Хоть узнаем, с чего они в большой набег пошли, – пожал Сашка плечами.

– Весна скоро. Голодно у них стало. В прошлом году пшеница не уродилась, а на одном мясе долго не протянешь, – негромко пояснял сосед, продолжая паковать пленника. – Вот и решили и едой всякой и рабами разжиться, чтобы серебра у турок получить. Да не вышло.

– Не торопись радоваться. Еще неизвестно, сколько их было и чего они тут натворить успели, – осадил его Сашка.

– Ну, больше сотни их никогда не бывало, а натворить... – сосед быстро осмотрелся, выпрямившись, и, задумчиво кивнув, продолжил: – Вовремя хватились. Раз ничего не горит, значит, не вышло у них ничего. Пошли по шерсть, а вернутся стриженными. Они когда с добычей отходят, обязательно все деревянное поджигают. Знают, что люди бросятся огонь тушить. Пожар, он для станицы страшнее набега будет. А солдаты еще воют, – вдруг добавил он, прислушавшись к перестрелке.

На улице показались всадники с факелами в руках, и Сашка, всмотревшись, с облегчением узнал соседей. Увидев его, кавалькада остановилась, и атаман, свесившись с седла, всмотрелся в стоявших во дворе.

– По здорову ли, соседи? – узнав их, спросил он.

– Слава богу, – кивнул Сашка.

– Это верно. Вон ему поклон, – честно признался сосед. – Не поспей вовремя, этот пес меня б точно прирезал, – добавил он, пнув под ребра связанного.

– Никак живым взяли? – уточнил атаман, явно обрадовавшись.

– Его добыча, – снова перевел стрелки на Сашку сосед.

– Ай да француз! – рассмеялся атаман, хлопнув себя ладонью по бедру. – Опять удивил. Везучий чертяка. Что ни раз, всегда с

прибытком. Добро. Ты, Ефим, вооружайся и на околицу ступай. Сейчас ватаги собьем и станем станицу прочесывать. А ты, – он повернулся к парню, – к казармам ступай. Помочь солдатикам надо. Найдешь там подьесаула Чубко, скажешь, я прислал. Он сейчас там командует.

– Сделаю, – кивнул Сашка и, перемахнув плетень, рысью помчался в указанную сторону.

Спорить с опытными бойцами, которые уже не раз проходили подобное, было глупо. С первого взгляда было понятно, они знают, что делают. Так что он, как и положено толковому солдату, отправился выполнять приказ. Добравшись до околицы станицы, Сашка перехватил винтовку поудобнее и, сместившись на самый край дороги, настороженно зашагал к казармам. Он и сам понимал, что перестраховывается, но идти по освещенной дороге, изображая движущуюся мишень, ему совсем не хотелось.

Но спустя несколько минут парень сам похвалил себя за осторожность. Из-за толстого ствола высокого, пирамидального тополя выскользнула поджарая фигура с саблей в руке и стремительно метнулась в атаку. Разбираться и выяснять, кто это такой, у Сашки не было времени. Поэтому, взыв про себя от злости и обиды, парень принял широкий рубящий удар на ствол винтовки и, не раздумывая, пнул противника в промежность. Хекнув, неизвестный глухо застонал и, выронив саблю, рухнул на колени.

Решив не поднимать шума, Сашка примерился и со всей дури всадил носок своего сапога в горло неизвестного. Потом, быстро оглядевшись и убедившись, что бросаться на него снова никто вроде не собирается, он присел над телом и одним движением свернул неизвестному шею. Ухватив тело за шиворот, он оттащил его в кусты и, переведя дух, зашагал дальше. Спустя еще десять минут он оказался под забором, опоясывавшим территорию казарм, и, сориентировавшись по выстрелам, помчался дальше.

Перед воротами казарм лежала перевернутая телега, из-за которой отстреливались человек пять. Еще пара десятков поддерживали их от ворот и со двора. Горцы, сгрудившись на другой стороне площади перед воротами, палили на каждое движение в казармах, попутно огрызаясь на стрельбу уже подошедших казаков.

– Это как это я им в тыл вышел? – удивленно проворчал Сашка, пристраивая винтовку к стволу акации.

Так было удобнее, и сам в укрытии. Акация была старая, с толстым узловатым стволом. Ветер отогнал набежавшую было тучку, и заходящая луна осветила отряд горцев, азартно перестреливавшихся со всем подряд.

– Блин, такое впечатление, что им уже пофиг с кем, лишь бы пострелять, – буркнул Сашка, высматривая самого активного стрелка, или командира этого бедлама.

– Ладно. Хрен с ним. Неважно кого, зато стрелков меньше будет, – вздохнул он, убедившись, что его затея провалилась. Понять в той толчее и дымовой завесе что-то было просто невозможно.

Поймав на мушку чью-то спину, он плавно нажал на спуск, и винтовка толкнула его в плечо. Чувствительно, но почти по-дружески. Быстро сместив прицел, он выстрелил снова. К тому моменту, как его заметили, он успел снять четверых. Потом пришлось в срочном порядке прятаться. Половина осаждавших казармы развернула стволы в его сторону, и пули жужжали над головой, словно шмели.

Упав на землю, Сашка переполз метров на десять в сторону и, выстрелив еще пару раз, снова сменил позицию. Попал он в кого или нет, сам не понял, но сейчас это было не так важно. Главное, что они отвлеклись от казарм и казаков, а значит, у тех и других есть возможность что-то придумать, чтобы окончательно разобраться с возникшей проблемой. Под обстрелом он проползал минут двадцать.

Взмок, запыхался и в клочья изодрал одежду на коленях и локтях. Но когда со стороны казарм звонко рявкнула горная пушка, Сашка не удержался и, перекрестившись, прислонился спиной к какому-то дереву. Всё. Теперь дело за солдатами и казаками. Он свое дело сделал. Пушка выстрелила еще два раза, после чего стрельба вспыхнула с особой силой, а после послышалось знаменитое русское «Ура».

Отдышавшись, Сашка тяжело поднялся на ноги и, закинув винтовку на плечо, не спеша двинулся в сторону затихающей схватки. Бой уже закончился, и теперь казаки не спеша осматривали тела нападавших, выискивая раненых. Узнавший его подьесаул окинул его дырявые штаны ироничным взглядом и, покачав головой, сказал, скорее утверждая, чем спрашивая:

– Это ты им в спину палить начал?

– Угу, – устало кивнул парень. – Атаман к вам в помощь отправил. Вот и помог, – закончил он, разведя руками.

– Хорошо помог, – усмехнувшись, кивнул подъесаул. – Семерых положить успел, пока перестреливался. Добре стреляешь.

– Четыре года воевал, пока не списали, – пожал Сашка плечами.

– Да уж вижу, что не на складе подъедался, – снова рассмеялся подъесаул, ткнув пальцем в прореху на колене парня. – Где это ты так?

– Да они как в мою сторону палить начали, пришлось постоянно лежки менять, чтобы не пристрелялись, – пояснил Сашка. – А вставать при такой стрельбе – самому башку под пулю подставить. Вот и пришлось там ящерицу изображать. А там корни старые да камни острые. В общем, придется теперь еще и на обновы тратиться.

– Умно. Казаки, гляньте там, которые его, отдельно сложите, – скомандовал он своим подчиненным. – Что с бою взято, то свято, – повернулся он к Сашке.

– Это верно, – усмехнулся парень, направляясь к телам, на которые ему указали.

Нашлось и семь верховых коней с пятью заводными, которые так же стали его добычей. Усевшись в седло, Сашка попрощался с наводившими порядок казаками и поехал обратно в станицу. Не забыв по пути осмотреть тело напавшего на него горца, он вернулся домой и, устало улыбнувшись испуганным девчонкам, отправился досыпать. Устал, да и голова разболелась.

Разбудила его Акси́нья, сообщив, что Сашку срочно требуют на казачий круг. Удивленно хмыкнув, он умылся у колодца и, проглотив кружку молока, отправился на станичную площадь, где этот самый круг и проходил. Тут собрались все самые почетные жители станицы и командиры казачьего воинства. Увидев парня, народ дружно раздвинулся, пропуская его в центр, и тут же сомкнулся, взяв в плотное кольцо.

– Ага, Ляксандр. Пришел, значит, – одобрительно кивнул атаман, оглаживая бороду.

– Звали, вот и пришел, – чуть улыбнулся Сашка.

– Верно. Звали, – снова кивнул атаман. – Тут, значит, дело такое. Ты сумел одного горца живым взять, да еще и душу православную от смерти притом спасти. По всему выходит, то теперь твоя добыча. Но есть у нас к твоему горцу свой интерес. Поспросать его хотим как

следует. Узнать надо, с чего они в набег пошли и какие именно кланы собрались для того. Что скажешь?

– Ну, взял я его не один. Ефим мне помог. Так что добыча та на двоих, – помолчав, ответил парень. – Так что, ежели он не против, то и забирайте.

– Что скажешь, Ефим? – повернулся атаман к Сашкиному соседу.

– Благодарствую, Ляксандр, – выступив вперед, коротко поклонился сосед. – За честь да за помощь твою. А скажу я так. Коли обществу надо, так и забирайте.

– Вот так, без выкупа отдадите? – уточнил атаман, с интересом разглядывая Сашку.

– Его знания много жизней спасти могут. Забирайте, – кивнул Сашка.

– Добро, – улыбнулся атаман, и в глазах его мелькнуло одобрение. – Но просто так воина добычи лишать не след. Из казны казачьей вам пятьдесят рублей на двоих платим. Моей волей.

Круг одобрительно загудел. Кто-то стоявший рядом от избытка чувств крепко хлопнул парня по плечу. Но атаман продолжал внимательно наблюдать за ним. Понимая, что от него чего-то ждут, Сашка вздохнул и, почесав в затылке, поднял руку. Сообразив, что он хочет что-то сказать, казаки быстро смолкли, вопросительно уставившись на парня.

– Мою часть с тех денег, в выкупную кассу отдайте, – негромко попросил Сашка. – Я с тех денег не разбогатею, а кого, может, и выкупят.

– От это по-нашему! – раздалось в толпе, и стоявший перед ним Ефим, сняв папаху, глубоко, в пояс поклонился парню.

– Меня самого так выкупали, – выпрямившись, сказал он. – За то тебя и благодарю.

– Да, Ляксандр, хоть и не казачьего ты роду-племени, а дух в тебе казацкий, – шагнув к парню, громко произнес атаман и, обхватив его за плечи, крепко обнял. – Ступай с богом. И помни. С сего дня любой, кто в помощи тебе откажет, всей станице врагом станет. Тому порукой слово мое.

– Благодарствую, атаман, – чувствуя себя актером в какой-то странной пьесе, ответил Сашка и, сдернув с головы картуз, в пояс поклонился всему казачьему кругу.

Отмыв в ручье руки, Сашка тщательно протер нож и, убрав его в ножны, устало выпрямился. С момента начала его увлечения охотой пришлось ему и обучиться правильно разделывать добычу. Оглядев оленью тушу, висевшую на древесном суку, парень с довольным видом усмехнулся. Получается. Шкуру снял, ни разу самой туши не порезав. Осталось ее до дому довести. Хотя и зима стоит, а в этих местах она больше напоминает позднюю осень в северных губерниях. Так что с возвратом домой лучше не тянуть.

Приведя своего мерина, Сашка аккуратно спустил тушу на землю, предварительно расстелив снятую шкуру и увязав добычу, закинул ее на лошадь. Мерин недовольно покосился, фыркнув от запаха крови, но стоял спокойно. Похлопав его по шее, успокаивая, Сашка закрепил добычу и уже собрался сесть в седло, когда за спиной что-то тихо хрустнуло.

Он и сам не понял, что произошло, но по коже словно стадо ледяных мурашек пробежало. Аж вся шерсть на загривке дыбом, как у бойцового пса. Не раздумывая, он резко пригнулся и шарахнулся в сторону от лошади. Что-то свистнуло, и нечто увесистое крепко ударило его по затылку. К счастью, вскользь. Но в глазах все равно на секунду потемнело. Повинуясь какому-то инстинкту, Сашка громко охнул и завалился на бок, словно сознание потерял.

На правый бок парень упал специально. Вроде и на ведущую руку, но при этом запросто можно дотянуться до револьвера, который он перевесил на живот, собираясь разделывать добычу. Лежа лицом в прелой листве, Сашка весь обратился в слух, готовясь встретить неизвестного агрессора. Вопрос, кто это может быть, волновал его меньше всего. Сначала надо до него добраться, а уж потом посмотрим, кто тут хулиганить вздумал. Примерно такая промелькнула у парня мысль.

Листва еле слышно зашуршала, и мерин, поводья которого уже были перекинуты на луку седла, зафыркав, отошел в сторону. Так умное животное реагировало на приближение кого-то незнакомого, а значит, опасного. Сжав пальцами рукоять револьвера, Сашка уперся в землю коленом и носком сапога левой ноги, для возможности резкого рывка в сторону.

«Похоже, двое», – думал Сашка, усилием воли заставляя себя не шевелиться.

Послышалась тихая гортанная фраза. Кто-то явно спрашивал кого-то о чем-то. Языка Сашка само собой не знал, но тут и по интонации все было понятно. Шаги стихли. Потом в бедро парню ткнулось что-то твердое. Судя по всему, ружейный ствол. Сашка не пошевелился. Ствол ткнулся сильнее, а потом кто-то, зайдя со стороны головы, пнул его в плечо. Снова заговорили. Потом стоявший рядом нагнулся и, ухватив парня за плечо, попытался перевернуть его на спину.

– Вперед, – скомандовал Сашка самому себе и, толкнувшись опорной ногой, сам перекатился в заданном направлении, выхватывая револьвер.

Два выстрела едва не слились в один. Сашка, видя, что не промахнулся, ударом ноги отбросил оседавшего прямо на него бандита и, еще раз перекатившись, вскочил на ноги. Перед ним, держась за животы, скрючились на земле пара молодых горцев. Понимая, что лечить тут уже некого, Сашка вздохнул и, вскинув револьвер, сделал еще два выстрела, облегчив их мучения. При его калибре и с такого расстояния бедолагам все внутренности размочалило.

Привычным движением перезарядив оружие, парень принялся осматривать тела, пытаясь понять, кто это такие и откуда они взялись. К его удивлению, одеты парни были бедно. Винтовка нашлась только у одного. Второй вообще имел при себе только лук. Задумчиво почесав в затылке, Сашка на всякий случай обыскал пояса и сапоги обоих, найдя только пару медных монет. Оружие их тоже новизной не блистало.

– Твою мать, блин! Это как понимать прикажете? – проворчал он, поднимаясь. – Вы откуда взялись, убогие?

От резких движений в затылке, там, куда ему угодило непонятно чем, запульсировала боль, и возникло ощущение жжения.

– Уроды, блин, – выругался Сашка, коснувшись затылка ладонью и рассматривая окровавленные пальцы. – Чем это они меня так?

Осмотревшись и припомнив, где и как стоял, парень быстро прошелся до соседних кустов и, заглянув под них, удивленно хмыкнул. Это была стрела с наконечником из глины. Вот теперь все начало вставать на свои места. Похоже, парни отправились на охоту и, услышав его выстрел, отправились посмотреть, кому повезло. А

убедившись, что охотник один, эта парочка решила взять его живым, чтобы потом продать туркам.

Во всяком случае, в колчане таких стрел больше не было. Только с обычными, острыми наконечниками. Какими именно они должны быть, Сашка, понятное дело, не знал, но в выводах своих был уверен. Привязав мерина к дереву, Сашка быстро пробежался по следам убитых и метров через триста обнаружил оставленную в кустах старую кобылу без седла. Спину ее прикрывал только вытертый чепрак.

– Так, подруга, вали-ка ты домой, – проворчал Сашка, отвязывая кобылу и перекидывая повод ей через голову.

Получив увесистый шлепок ладонью, коняшка всхрапнула и неторопливой рысью скрылась в подлеске. Вернувшись к своему мерину, парень прихватил с убитых только старое кремневое ружье и весь боеприпас к нему. Оставлять оружие было бессмысленно и даже глупо. Кто знает, где и в кого оно потом выстрелит. Усевшись в седло, Сашка ткнул пятками мерина, и тот легко понес свой груз по знакомой тропе.

Спустя два часа парень отдал добычу хозяйке дома и отправился в комендатуру. Доложив штабс-капитану о происшествии, он объяснил, где оставил тела, и, попрощавшись, вернулся домой, перед этим посетив врача. Тот без долгих церемоний смазал Сашке ссадину на затылке какой-то мазью и выпроводил вон. Благо не пинком.

Дома, переодевшись и отдав Аксинье в стирку испачканную кровью рубашку, Сашка задумчиво осмотрелся, ища, чем себя занять. После истории с большим набегом вся его работа состояла только в осмотре и легком ремонте оружия местного населения. Деньги это приносило небольшие, зато времени отнимало много. Но Сашка не роптал. Доброе отношение соседей было в этом случае дороже.

Но и это не могло продолжаться бесконечно. Он потому и отправился на охоту, что работы на заказ не было, затевать что-то новое для себя пока не хотелось. Точнее, идей было много, но при местном станочном парке и отсутствии элементарной базы получения металлов все они были невыполнимы. В очередной раз вздохнув, он достал из корзины заготовки под куклы и, усевшись за стол у окна, принялся резать очередную игрушку.

Куклы, подаренные дочерям Аксины, произвели в станице настоящий фурор. Сашка сам видел, как взрослые женщины с восторгом рассматривают его поделки, сгибая и разгибая куклам конечности и вертя их головами. Сообразив, что очень скоро просьбы сделать такие же начнутся, он отправился на лесопилку и притащил домой заготовок на десяток кукол сразу. Острый нож снимал стружку с пахучего соснового чурбачка, а сам парень в этот момент был где-то далеко отсюда.

Он и сам не понимал, что не так, но чувствовал, что опять оказался не на своем месте. На первый взгляд, вроде все в порядке. Есть угол. Есть рядом ласковая женщина. Сыт, одет, обут.

– Чего тебе еще, хороняка, надо? – спросил Сашка сам у себя словами из фильма. – Живи и радуйся.

Но какое-то странное чувство неудовлетворенности не отступало. Сашка все чаще стал замечать, что в его памяти иногда словно приоткрывается дверца, из которой в его сознание перетекают какие-то знания и понимание ситуаций. Так было с решением, которое он озвучил на казачьем кругу. Так было, когда он просто отдал пожилой вдове молодого, сильного мерина из своей добычи. Так и теперь. Он понимал, что что-то идет не так, но что именно, никак не мог угадать.

Это чувство отступало только в лесу, когда он принялся скрадывать оленя. Его место заняло полное восприятие окружающего пространства, словно у парня вдруг разом появилось еще десять глаз и ушей. Именно это и спасло его при нападении раболовов. В противном случае его уже бы везли в горы переброшенным через седло собственного мерина. Закончив с кукольной головой, Сашка положил ее в корзину и достал заготовку под туловище.

В комнате стало темнеть, и парень, поднявшись, взял со стола керосиновую лампу и, прихватив в сенях канистру с керосином, вышел во двор. Аккуратно заправив лампу, он вернулся и, затеплив ее, снова взялся за нож. Работа спорилась. Теперь, когда технология была отработана, все было просто. Руки сами делали свое дело, а голова продолжала прокручивать одни и те же мысли. Шаги в сенях отвлекли Сашку от размышлений.

В комнату вошла старшая дочь Аксины и, улыбнувшись, позвала его ужинать. Кивнув, Сашка отложил работу и, загасив лампу, отправился к колодцу, руки мыть. Как оказалось, его небольшое

приключение уже стало достоянием общественности, так что пришлось за ужином коротко поведать умирающим от любопытства девчонкам о произошедшем. Даже царапиной похвастался. Аксиныя внесла в дом закипевший самовар и выставила на стол большое блюдо со сладкими пирогами.

— Мам, а он еще кукол режет, — вдруг выдала Сашку старшая девочка.

— И что? — не поняла Аксиныя, вопросительно посмотрев на парня.

— Ну, да. Режу. А то попросит кто, а мне потом некогда будет. А так, пока время есть, наделаю, и пусть лежат. Все какая копеечка капнет, — добавил он, стараясь не выбиваться из образа обычного мастерового.

Аксиныя, уже знавшая о его договоре с кузнецом, только согласно кивнула. Вообще, Сашке пришлось выдержать с ней целое сражение, пока она поняла, что эти деньги она получает от кузнеца за его, Сашкино изобретение. И что это просто плата за постой, как и было, оговорено раньше. Женщина уже пыталась однажды отказаться от этой платы, мотивируя это тем, что он и так много для нее сделал, но парень понимал, что трое детей в доме это серьезные траты. Так что сумел настоять на своем.

— А может, ну ее, эту охоту? — вдруг спросила Аксиныя, когда Сашка в очередной раз коснулся затылка рукой.

— С чего вдруг? — не понял парень. — Из-за этой мелочи?

— Головой ведь рискуешь, — сокрушенно вздохнула женщина.

— Я ею всю жизнь рискую, — отмахнулся Сашка. — Зато в доме всегда свежее мясо есть.

— Так пост скоро. Все одно скоромного нельзя будет, — привела Аксиныя свой аргумент.

— Вот до поста и съедим. А потом я свежее добуду, — уперся Сашка. — Ну не могу я долго на одном месте сидеть. Закисну, — честно признался парень.

— Ты мужик, тебе решать, — махнула Аксиныя рукой, сдаваясь. — Тогда уж ружье мое глянь. А то, когда набег отбивали, оно опять осеклось. Хорошо, револьвер, что ты дал, с собой был.

— Посмотрю, — кивнул Сашка, про себя подумав, что не мешало бы сделать ей такой же короткоствол, как и себе.

Что ни говори, а унитарный патрон гораздо надежнее капсюльной системы.

«Вот и занятие нашлось, – усмехнулся про себя парень, уминая очередной пирожок с малиной. – Калибр, правда, мама не горюй, но зато работает надежно. Во всяком случае, у меня осечек не было. Да. Так и сделаю. Револьвер, аналог моего, и часть патронов, что себе накрутил, ей отдам. Себе потом еще сделаю».

Вдохновленный такими мыслями, он отвалился от стола, сыто отдуваясь, и, поблагодарив хозяйку, отправился на свою половину. Настроение заметно улучшилось, так что к ночи он успел вырезать еще одно кукольное туловище и пару голов. Аксиныя проскользнула на его половину, когда он уже собирался ложиться спать. Страстно поцеловав парня, она нырнула под одеяло и, прижавшись к нему всем телом, жарко прошептала:

– Сашенька, богом молю, не ходи больше один. Я как услышала, что на тебя напали, чуть духа не лишилась. Едва не сомлела, хоть и не девка на выданье. Ажно сердце зашлось. Знаю, что в грехе живем. Знаю, что не женишься и что всегда тут жить не станешь. Всё знаю и понимаю всё. Пусть так. Но хоть один денек, да наш будет.

– Уймись, заполошная, – тихо рассмеялся Сашка, обнимая ее. – Эти двое на меня дуриком выскочили. И решили рабом взять. Мечтатели. Я не просто так столько лет в солдатах отслужил. Не будь у них лука, так и не попали бы вообще.

– А в чем разница? – не поняла Аксиныя.

– В том, что, когда в человека из ружья целятся, опытный солдат тот взгляд почуять может. Ваши казаки из опытных, так многие умеют.

– Слышала, – задумчиво кивнула женщина.

– Вот и я умею, – усмехнулся Сашка. – Так много опытных солдат умеют. Взгляд у человека злым становится, вот его и чувствуешь.

– И у тебя злым становится? – вдруг спросила Аксиныя.

– И у меня, – вздохнул парень.

– Не верю. Ты добрый. Только хочешь злым казаться, – добавила она, впиваясь ему в губы поцелуем.

Апрельские дожди смыли последний снег в предгорьях, и началась настоящая южная весна. С буйным цветением всего, что может цвести, и сумасшедшей смесью ароматов и запахов. Солнышко пригревало все живое, и жизнь снова начала бурлить. Сашка, который только теперь понял, как ему не хватало этой жизнерадостности, вытащил свой рабочий стол во двор и, пристроив над ним легкий навес, стал работать там.

Так что появление роскошной коляски, запряженной великолепной парой вороных коней, он увидел сразу. Следом за коляской ехали двое верховых. По выправке и посадке в седлах с первого взгляда было понятно, что это опытные кавалеристы, из бывших военных. Или настоящих, успел подумать парень, заметив взгляды, которыми всадники окинули улицу и двор. Из коляски вышел крепкий, дородный мужчина в партикулярном платье и не спеша, переступив тын, направился прямо к Сашке.

– Господин Мерсье, если не ошибаюсь? – спросил он звучным голосом, окидывая парня настороженным взглядом профессионала.

– Он самый, мсье, – вежливо кивнул Сашка, поднимаясь из-за стола и вытирая руки тряпицей.

– Механик, Александр Мерсье? – уточнил неизвестный.

– Да, мсье. Это я. С кем имею честь? – подобравшись, спросил Сашка.

– Это сейчас не важно, – решил сохранить инкогнито мужчина. – Мне рекомендовали вас как отличного мастера, способного отремонтировать любую механику... Вот, взгляните, – он протянул Сашке богато инкрустированную шкатулку. – Перестала играть, к сожалению, – коротко пояснил он, кивая на коробочку.

– Музыкальная шкатулка, – едва заметно улыбнулся парень, осторожно беря вещь в руки. – Давно их не видел. Присядьте, мсье. Я пока посмотрю, что с ней, – предложил Сашка, указывая на стоявший сбоку от стола табурет.

– Благодарю. Разомну пока ноги, – вежливо отказался неизвестный.

Кивнув, Сашка уселся на свое место и, расстелив на столе чистую холстину, поставил шкатулку перед собой. Внимательно рассматривая коробочку красного дерева, инкрустированную серебряной проволокой и перламутром, он вдруг почувствовал, что где-то уже видел такую.

Очень давно. Тряхнув головой, парень осторожно повернул ее боком к себе. Потом развернул задней стороной. И снова боком, только уже другим. Наконец, взяв ее в пальцы, он перевернул шкатулку, внимательно рассматривая ее днище.

– Что-то не так? – послышался вопрос, и парень, чуть вздрогнув, качнул головой, поворачиваясь к заказчику:

– Нет, просто осматриваю ее на предмет внешних повреждений, – собравшись с мыслями, ответил Сашка.

Взяв себя в руки, он повернул шкатулку лицевой стороной к себе и осторожно нажал на кнопку замка. Крышка плавно поднялась, но музыки из шкатулки не послышалось. Заглянув вовнутрь, парень тонким шильцем подцепил дощечку, покрытую красным бархатом, и, вытянув ее, отложил в сторону. Рассмотрев, как именно закреплен внутри механизм, он взял тонкую отвертку и, быстро вывернув четыре шурупа, достал сам механизм.

Отложив в сторону саму шкатулку, он принялся осматривать это сооружение из шестеренок, барабана и тонких пластин.

– Что вы там ищете? – послышался новый вопрос.

– Клеймо мастера, – отговорился Сашка и пальцем осторожно провернул механизм.

Вместе с музыкальными тактами послышался металлический шелест.

– Позвольте ключик, – повернулся парень к заказчику и удивленно замер.

Мужчина смотрел на него так, словно пытался загипнотизировать. Не мигая и не отворачиваясь ни на секунду. Кивнув, неизвестный достал ключ из жилетного кармана и, положив его перед парнем, снова замер, словно статуя.

– Благодарю, – кивнул Сашка и вернулся к работе.

Надев пустотелый ключ на заводную ось, он осторожно повернул его и, снова услышав все тот же металлический шелест, кивнул.

– Что ж, мсье, все понятно. Лопнула заводная пружина. Вы оставите механизм в ремонт или готовы подождать, пока я его починю?

– Подожду, – чуть подумав, решительно заявил заказчик.

– Как пожелаете, – снова кивнул парень и принялся разбирать механизм.

Сняв латунный барабан, в котором и находилась пружина, он осторожно раскрутил его, отсоединив переднюю крышку, и, достав ось, вытянул пружину.

– Вот, извольте, – показал он на пружину. – Она сломалась в месте ее крепления к оси.

– И это можно исправить? – уточнил неизвестный.

– Можно, – кивнул Сашка, поднимаясь.

Принеся из дому керосиновую лампу, он снял стеклянный колпак и, приподняв фитиль, поджег ее. Ухватив пружину маленькими плоскогубцами, парень сунул конец пружины в огонь и, нагрев, одним плавным движением выгнул. Потом, подогрев выгнутую часть еще раз, он опустил пружину в плошку с водой и, остудив, тщательно протер тряпицей. Собрав механизм, Сашка аккуратно завел его и шильцем приподнял стопор.

Над двором поплыла незатейливая мелодия детской песенки, и на парня снова навалилось ощущение чего-то давно забытого. Он смотрел на вращающиеся шестеренки словно замороженный и очнулся, только когда музыка стихла. Тряхнув головой, Сашка быстро вернул механизм в шкатулку и, снова заведя ее, развернул лицевой стороной к владельцу.

– Откройте сами, – предложил ему парень, жестом указывая на шкатулку.

Явно не ожидавший такого предложения неизвестный нагнулся над столом и, неловко прижав пальцем кнопку замка, резко выпрямился, когда крышка начала подниматься под уже знакомую мелодию.

– Работает, – коротко кивнул он, плавно опустив крышку. – Сколько я вам должен?

– Вещица старинная, такие механизмы теперь мало известны, – вздохнул Сашка. – Извольте рубль, мсье.

– Скажите, мсье Александр, что вам показалось, когда вы осматривали эту вещь? – вдруг спросил мужчина, выкладывая на стол серебряную монету. – Я же видел, как вы отреагировали на нее.

– Вы пытаетесь вторгнуться в личное, мсье, – насупился Сашка, смахивая монету со стола. – Думаю, это не важно.

– Важно, мсье Александр, – вздохнул неизвестный.

– Мсье, я починил вашу вещицу, а вы со мной честно рассчитались за работу. И более я не вижу причин продолжать эту беседу, – угрюмо проворчал Сашка, которому происходящее нравилось все меньше. Слишком уж решительно мужик начал задавать вопросы. Словно следак из прошлого.

– И тем не менее нам придется ее продолжить, – жестко отозвался неизвестный, доставая из брючного кармана жандармскую бляху. – Полковник Веселов, Глеб Сергеевич. Начальник Третьего отделения службы жандармов Его Императорского Величества.

– И чем же ваш отдел занимается, позвольте спросить? – мрачно хмыкнул Сашка, незаметно касаясь ладонью рукояти револьвера.

– Политическим сыском, – последовал жесткий ответ.

– Политическим? А я тут при чем? – растерялся парень. – Вот уж чем никогда не занимался, так это политикой.

– Вы иностранец, а значит, попадаете в сферу нашего внимания. Так что вы вспомнили? – повторил полковник свой вопрос.

– Странно, что с этим приехали сюда вы, – проворчал Сашка, складывая руки на груди. – Всегда думал, что людьми моего ранга занимаются чины не выше капитана. В чем вы собираетесь меня обвинить?

– Ни в чем. Тут дело значительно сложнее, – качнул полковник головой. – Но я вынужден настаивать на вашем ответе.

– На какое-то мгновение мне показалось, что я уже видел такую шкатулку. Очень давно. Что-то вроде дежавю, если вы знаете, что это такое.

– Знаю, – кивнул полковник. – И как вы сами думаете, такое могло быть?

– Сомневаюсь, – помолчав, качнул Сашка головой. – Я приютский сирота и видеть подобную вещь, а уж тем более держать ее в руках, просто не мог. Показалось, думаю, – вздохнул он, поднимаясь.

– Прошу вас взглянуть вот на это, – неожиданно предложил полковник, доставая из кармана пиджака небольшую миниатюру.

Положив ее на стол, он осторожно подвинул овальный портрет к парню и снова уставился ему в лицо. Сев обратно, Сашка пальцами приподнял миниатюру и всмотрелся в портрет молодой красивой женщины. Снова что-то мелькнуло, и парень чуть вздрогнул, не понимая, что происходит.

– Нет, я не знаю этой дамы, – вздохнул он, возвращая портрет.

– Не знаете или не помните? – быстро уточнил полковник, даже не пытаясь забрать портрет.

– Можно сказать, и то, и другое. Я вообще мало что помнил из своего детства, а после контузии еще больше забыл. Потому и из армии списали, – ответил парень, пальцем указав себе на лицо.

– Да, это нам известно, – задумчиво кивнул полковник. – Скажите, мсье, это правда, что некий иностранец, предположительно британец, обещал вам рассказать и доказать, кто вы на самом деле, за некоторые услуги.

– Да, такое было. Но я сразу сообщил об этом офицерам вашей службы, – поспешил напомнить парень.

– Да, это я тоже знаю, – одобрительно кивнул полковник. – Но почему вы ему не поверили?

– Мсье, я перестал верить чужим обещаниям, едва научившись как следует ходить, – грустно усмехнулся Сашка. – Если бы он начал с того, что принес с собой какие-то документы, я бы подумал. А верить словам... – парень презрительно скривился. – В эти игры я играл еще в приюте. За обещание ты делаешь что-то не очень правильное, а потом делаешь то же самое только потому, что об этом кто-то знает. Коготок увяз, всей птичке пропасть, как у вас говорят.

– Вы не поверили его обещаниям, но он готов был дать вам свое честное слово дворянина и офицера, – напомнил полковник.

– Слово, данное смерду, – фыркнул Сашка. – Да еще и британского офицера, который купил патент на свой чин. Нет уж, мсье. Увольте.

– Однако вы не слишком хорошо к ним относитесь, – удивился полковник.

– Я много лет резался с арабами, которых науськивали на нас такие вот джентльмены. Не будь их, колониальное правительство давно бы уже договорилось с местными властями. То же самое происходит и здесь. Ваши люди платят своей кровью за то, что британские джентльмены задумали очередной ход в большой игре.

– Не могу с вами не согласиться, – помрачнев, кивнул полковник. – И последний вопрос. Вы не собираетесь уезжать отсюда?

– Нет. Если только в Эссентуки за металлом или на охоту уеду, а так меня всегда можно тут найти, – удивленно ответил парень.

– Я бы попросил вас некоторое время вообще не покидать станицу, – произнес полковник, глядя ему прямо в глаза.

– И как долго продлится такое мое заточение? – иронично хмыкнул Сашка.

– Примерно неделю, начиная с завтрашнего дня. Буду вам очень признателен, если вы выполните эту мою просьбу, – в голосе офицера прозвучала настойчивость.

– Не могу не спросить, зачем вам это? – помолчав, решился Сашка.

– Сейчас я не могу ответить на ваш вопрос. Просто не имею на то полномочий. Но думаю, очень скоро все разъяснится, – выдал полковник витиеватую фразу и, коротко боднув воздух головой, вышел.

Он уселся в пролетку, и Сашка отметил про себя, что один из верховых не сводил с него настороженного взгляда, готовый атаковать или прикрыть полковника собой.

– И что это, блин горелый, было сейчас? – проворчал Сашка себе под нос.

Этот странный разговор поставил его в тупик, заставляя прокручивать в памяти все странности и несуразности, произошедшие с ним с момента попадания в этот мир. С ходу на память приходило ограбление бандитской малины. Но по трезвому размышлению парень понял, что предъявить ему тут нечего. Даже если найдут все его нычки, то всегда можно сказать, что привез все из Африки, взяв украшения и камни трофеем. А золотые червонцы обменял на франки в порту Одессы.

И пусть докажут, что это не так. Но эти улики еще найти надо. В доме ничего, кроме наличных денег, не было. Все остальное парень спрятал в лесу. Не просто же так он на охоту ходит. Недалеко от околицы станицы, но в таких местах, где никто, даже мальчишки, лазать не станет. Про сам налет и говорить нечего. Там живых не осталось. В этом Сашка был уверен абсолютно. Да и не станет полковник, занимающийся политическим сыском, пачкаться об обычную уголовщину. Это дело полиции.

Выходит, все упирается в тот случай с британцем. Но и тут Сашке предъявить было нечего. К нему подошли с определенным предложением, и он, отвергнув его, тут же сдал подошедшего местным

жандармам. И тут уж он в своем праве. Почему местным, и почему сам в участок не пошел? Так не знал, кто и где занимается такими проблемами. На тот момент он в стране меньше месяца пробыл.

Нет. Тут что-то было не так. Слишком большой чин приехал сюда лично, чтобы выводить на чистую воду простого механика. Не того полета птица. Такие влезают в расследование, только если дело вдруг касается высокопоставленных господ. Стоп. История с вызволением девицы Головиной. Фамилия известная. Это Сашка помнил еще из курса истории в своем прошлом. Выходит, все из-за нее? Но тогда при чем тут тот странный портрет?

Так и не найдя ответов на свои вопросы, парень собрал инструмент и, прибрав его, отправился обедать. Война войной, а обед по расписанию.

* * *

Три дня Сашка обкатывал про себя самые разные ситуации, но так ничего толкового и не придумал. Появление полковника Веселова стало для него очередным испытанием нервов и воли. Случить с ним такое в его прошлом, и парень в тот же день был бы где-нибудь за сотни километров от станицы. Любому приютскому хорошо известно, как умеют менты дела лепить. Но здесь, в этом времени, такой поступок стал бы прямым доказательством вины. Даже той, которой за ним нет. А значит, придется идти до конца.

С другой стороны, он и вправду ничего такого, что касалось бы политики России и Франции, не совершал. А значит, нужно просто стоять на своем и уходить в глухой отказ. Что бы ему ни пытались вменять. От тяжких размышлений спасала работа. Евсей сумел отлить очередную партию гильз для револьвера и винтовки, так что парню было чем заняться. Собирая патроны к своему оружию, Сашка попутно предавался медитации.

Так он сам называл этот процесс. Руки делали дело, а голова просто отслеживала процесс, попутно придумывая что-то новенькое. Больше всего Сашке нравилось воображать, как он мог бы самостоятельно собрать себе автомобиль. Конечно, не такой, как в его

прошлом, но что-то, что было бы в этом мире невиданным чудом. Полноприводной внедорожник или тот же гусеничный вездеход.

Размечтавшись, Сашка не заметил, как по улице подкатила к дому целая кавалькада. Три автомобиля, пролетка и целый взвод верховых жандармов. Услышав фыркание коней, парень оторвался от дела и, вскинув голову, растерянно хмыкнул:

– Блин, это еще кого принесло? Так, пролетка знакомая. А в машине кто?

Это был не праздный вопрос. Уже знакомая парню фигура полковника выбралась из пролетки и, подойдя к автомобилю, шедшему вторым в кавалькаде, коротко поклонилась. Из машины вышел осанистый пожилой мужчина в генеральском мундире и, огладив бороду, что-то негромко сказал. Полковник в ответ кивнул и жестом указал пожилому на дом Аксиньи. Тот, кивнув в ответ, направился к тыну.

Пара жандармов, соскочив с коней, первыми проскользнули во двор и, быстро пробежав по нему, встали так, чтобы контролировать каждое движение парня.

«Бодигарды, блин горелый», – выругался про себя Сашка, мрачно покосившись на них.

Такие пляски ему категорически не нравились, так что он, просто из чувства противоречия, медленно обернулся к одному из жандармов с какими-то знаками различия на петлицах и, не вставая, спросил:

– Как прикажете это все понимать, господа? Не помню, чтобы вас кто-то вызывал или приглашал войти.

– Прошу простить, сударь, но тут дело государственной важности, – не растерялся жандарм. – Вам сейчас все объяснят, – добавил он, взглядом указав парню на входящего во двор генерала.

– Блин, или я дурак, или жопа с двумя «п» пишется, – проворчал Сашка себе под нос, глядя, как тяжело генерал переступил через высокий плетень. – А дедушке-то, похоже, лет уже немало.

Предмет его наблюдений вошел во двор и, снова огладив бороду, решительно зашагал к Сашкиному столу. Понимая, что подобных гостей сидя не встречают, да и некрасиво сидеть, когда пожилой человек стоит, Сашка поднялся и, вытирая руки, спросил, разглядывая гостей:

– Добрый день, господа. Чем могу служить?

– Позвольте представить вам, мсье Александр, генерал, князь Тарханов, Алексей Михайлович.

«Прям как какого-то царя», – хмыкнул про себя Сашка, коротко склонив голову.

– Весьма польщен. Так что я могу для вас сделать, князь?

– Саша, – неожиданно произнес генерал странно дрогнувшим голосом.

– Здесь меня называют и так, – нашелся Сашка, не понимая, что происходит.

– Мсье Александр, нам с вами предстоит серьезный разговор, – вмешался полковник, видя, что генерал замер, словно статуя. – Мы могли бы остаться одни?

– Ну, это не сложно, если вы отошлете своих людей, – пожал парень плечами.

– А хозяйка дома? – выгнул бровь полковник.

– Ушла с дочерьми за черемшой. Будут только к вечеру, – коротко пояснил Сашка.

– Что ж. Тогда мы можем спокойно поговорить, – кивнул полковник и, повернувшись к оставшимся за плетнем людям, сделал какой-то знак.

Во двор моментально просочились какие-то безмолвные личности и принялись сноровисто накрывать стол, умудрившись очень аккуратно переставить все Сашкины приبلуды на самый край и при этом ничего не перепутать и не уронить. Бутылка вина, бокалы, блюдо с каким-то печеньем, в общем, все для того, чтобы промочить горло при долгом разговоре.

– Присаживайтесь, мсье Александр. Разговор у нас будет долгий, – вздохнул полковник, опускаясь в появившееся у стола складное кресло.

Точно такое же слуги поставили и для генерала. Сашка, отвлекшись на их суету у стола, не заметил, как они принесли мебель. Понимая, что отвертеться от этой беседы не получится, Сашка уселся на свой стул и вопросительно покосился на полковника. Вздохнув, тот расправил усы, тем самым выдавая свое беспокойство, и, бросив на генерала быстрый взгляд, заговорил:

– Думаю, вы хорошо помните мой первый приезд и наш с вами разговор.

– Такое сложно забыть, – кивнул парень. – Вы задали кучу вопросов, оставив меня в полном недоумении.

– Понимаю, – кивнул полковник. – Но как я и обещал, сегодня вы всё узнаете.

– Всё? – иронично усмехнулся парень. – По-моему, всё знает только Господь Бог.

– Всё о себе, – пояснил полковник, улыбнувшись одними губами и показывая, что оценил шутку.

– А вы уверены, что я хочу что-то о себе знать? – спросил Сашка неожиданно жестко. – Я взрослый, сложившийся человек. Такой, какой есть, и другим уже не стану. А то, что было в прошлом, уже прошло. Так зачем ворошить то, что невозможно изменить?

– Мсье Александр, я прошу вас дать мне несколько минут, – в голосе полковника брякнул металл. – А уж потом у вас будет возможность задать все ваши вопросы.

– Я вас внимательно слушаю, – кивнул парень, складывая руки на груди.

– Так вот, – начал было полковник, но тут генерал, ухватив его за рукав, странно всхлипнул:

– Этот жест! Виктор делал точно так же.

– Вы уверены, ваше сиятельство? – повернулся к нему Веселов.

– Я вижу, – прохрипел генерал.

Вскочив, полковник быстро открыл бутылку и, налив в бокал вина, поднес его старику.

– Выпейте, ваше сиятельство. Вы слишком волнуетесь, – участливо проговорил он, буквально насильно всунув тару в генеральскую руку. – Так вот, мсье, – продолжил он, дождавшись, когда старик пригубит бокал и усядется на место. – Я не просто так привез вам ту шкатулку и показал портрет. Это была своего рода проверка. И вынужден признать, вы ее прошли. Я внимательно следил за вашим лицом и сразу понял, что эти предметы вызывают у вас какие-то воспоминания. Но из-за большого срока и вашей контузии эти воспоминания оказались почти утраченными. Во всяком случае, врачи объяснили мне именно так.

По его тону Сашка понял, что полковник не доверяет этому мнению, и будь его воля, этого разговора вообще бы не состоялось.

Веселов, наполнив второй бокал, приложился к вину и, поставив его на стол, продолжил:

– Шестнадцать лет назад дочь его сиятельства с мужем и малолетним сыном была вынуждена совершить путешествие в Британию. Недалеко от Кале на их карету напали. Княжна Мария и ее супруг, князь Виктор, погибли, а их маленький сын Александр бесследно исчез. Все это время Алексей Михайлович делал все, чтобы найти внука, но так ничего и не добился. И вот недавно он получил известие, что на Кавказе появился молодой человек, очень похожий на княжну Марию. Свою мать. Вот теперь можете спрашивать, – вздохнул полковник и, глотнув вина, достал носовой платок.

– Погодите, – растерянно покрутил Сашка головой. – Вы хотите сказать, что тот маленький пропавший Александр – это я?!

– Об этом говорят некоторые факты, – кивнул полковник.

– Бред, – не сдержавшись, фыркнул Сашка, но, наткнувшись на жесткий взгляд полковника, растерянно развел руками. – Вы сами сказали, некоторыми фактами. Некоторыми. И какие же, позвольте спросить, это факты? Что я приехал из Франции? Так французы сюда часто приезжают. Что я сирота? Так таких сирот по Парижу тысячи. Что там еще у вас? – окончательно запутавшись, спросил он у полковника.

– Вы узнали музыкальную шкатулку, – напомнил тот.

– Это была твоя любимая игрушка, – еле слышно добавил генерал.

– Я не говорил, что узнал ее, – упрямо качнул Сашка головой. – Я сказал, что кажется, помню что-то похожее.

– Этот момент меня тоже смутил, но, как я уже сказал, врачи дружно утверждают, что это последствие контузии. Да и детские воспоминания постепенно стираются, – развел полковник руками. – К тому же есть еще и портрет княжны. И вынужден признать, сходство у вас с покойной просто портретное. Ведь именно так мы вообще узнали о вашем существовании.

– Девица Головина, – мрачно кивнул Сашка, мысленно проклиная ее болтливый язык. – Она несколько раз повторила, что я кого-то ей напоминаю, но тогда я решил, что просто похож на кого-то из ее знакомых.

– Верно, именно она и сообщила князю о вашем существовании. Да и то только когда увидела большой портрет княжны, висящий в его

доме.

– Я что, действительно так похож на нее? – растерянно уточнил Сашка.

– Мне сложно судить, – ушел полковник от прямого ответа.

– У тебя ее глаза, – грустно улыбнулся генерал. – Да и все остальное очень похоже. Конечно, с поправкой на пол. Твои черты несколько грубее, как у любого мужчины. Да еще и шрам... Похоже, тебе крепко досталось.

– Я не жалуясь, – вздохнул Сашка. – Ваше сиятельство, – собравшись с духом, обратился он к генералу. – Я понимаю ваше горе и, поверьте, сочувствую вам от всей души. Но я очень прошу вас, взгляните на меня внимательно. Вы уверены, что я тот, кого вы ищете? Поймите меня правильно. Я ничего не помню о своем детстве и еще меньше о родителях. А после контузии я даже имя свое с трудом вспомнил.

– Я смотрю на тебя с того момента, как переступил порог этого подворья. И с каждой минутой все больше убеждаюсь, что, наконец, нашел того, кого так долго искал, – срывающимся голосом ответил старик. – Даже то, как ты сложил руки, напомнило мне повадки твоего отца. А про Машеньку и говорить нечего. Как я уже сказал, вы с ней одно лицо.

«Блин, у меня сейчас крыша поедет, – взвыл про себя парень. – Мне только обвинения в самозванстве не хватало для полного счастья».

– Вы странно себя ведете, Александр, – задумчиво протянул полковник.

– И в чем же странность? – не понял Сашка.

– Другой на вашем месте уже плясал бы от радости, узнав о таком родстве, а вы словно бы пытаетесь оттолкнуть от себя случайно найденную родню.

– Как я уже говорил, ваше высокопревосходительство, я такой, какой есть, – пожал Сашка плечами. – И пользоваться чужим горем не собираюсь. Как у вас говорят, на чужом несчастье счастья не построишь. Мудрые слова. Да и признаться, я плохо представляю, как оно будет дальше, согласись я с вами.

– Ты займешь то место, которое положено тебе по праву рождения, – отрезал генерал, и в голосе его прозвучала такая

властность, что даже сидевший рядом с ним полковник подтянулся.

– И все-таки, ваше сиятельство. Я еще раз прошу вас как следует подумать. Ошибка может дорого стоить нам обоим, – настойчиво повторил Сашка. – Увы, я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть ваши слова. Просто не знаю, чем и как.

Окончательно запутавшись в мыслях и эмоциях, он плеснул вина в последний оставшийся на столе пустой бокал и, глотнув вина, осторожно добавил:

– Я никогда не смогу забыть, кем я был, и поэтому не смогу встать вровень с вами. Ведь я всю жизнь жил, как обычный ремесленник. Солдат, но не офицер. Признаться, мне вино местных казаков нравится больше, чем эта французская кислятина, – усмехнулся он, крутя в пальцах бокал.

– Мы вместе исправим это, – усмехнулся генерал. – А что до вина, так и я к нему не очень. Мне бы анисовой, да холодца тарелку, – закончил он, озорно подмигнув.

* * *

Ритмично покачиваясь в такт движению вагона, Сашка, глядя в окно, вспоминал события предыдущей недели и пытался понять, что делать и как вести себя дальше. Свалившееся словно кирпич на голову родство с одним из самых влиятельных семейств в империи выбило парня из колеи. Он, конечно, мечтал иногда проснуться однажды богатым и знаменитым, но не до такой же степени. Да и не в таком мире.

– Саша, хочешь чего-нибудь? – послышался голос князя, и парень, потряхнув головой, натянуто улыбнулся:

– Благодарю, нет.

– Ты все время молчишь. Тебе что-то не нравится? – не унимался старик.

– Ваш сиятельство, я просто пытаюсь понять, как такое могло случиться и что из всего этого получится, – растерянно усмехнулся Сашка.

– Что-нибудь да получится, Сашенька, – тихо рассмеялся князь.

– Ваше сиятельство, я спрошу вас снова, – вздохнул Сашка. – Вы уверены, что я тот, кого вы искали? Прошу понять меня правильно. Я не хочу причинять вам еще большую боль. А что, если вы ошибаетесь? Что, если я просто немного похож на вашу дочь?

– Нет, Саша. Ты не просто похож. Ты ее копия, только в мужском воплощении. Признаться, я сам едва духа не лишился, когда тебя увидел. Потому и молчал все время. Еще раз повторяю. Нет. Ты – Александр Викторович Тарханов, – твердо закончил князь.

– Минутку. А почему Тарханов? – насторожился Сашка. – Ведь ваша дочь замуж вышла. А значит, у меня должна быть фамилия отца. Или я опять чего-то не знаю?

– Это я настоял, чтобы Маша оставила нашу фамилию. И первенец ее должен был носить эту фамилию. Ты первенец, Саша. Мне самому Господь сына не дал, вот потому отец твой, царствие ему небесное, на такое условие и согласился. Второй сын должен был его фамилию взять. А первенца я хотел воспитать сам.

– Вы хотели забрать меня у матери? – не понял Сашка.

– Господь с тобой, – рассмеялся старик. – Хотел выждать, когда тебе лет пять исполнится, и ты уже перестанешь так в матери нуждаться. Тогда бы уже к себе перевез и обучил бы всему, что тебе знать положено было. Мы, Тархановы, от начала рода империи служили.

– Ну, из меня теперь служака такой, что не приведи господи, – скривился Сашка. – «Мне только офицерского звания не хватало, без серьезного образования», – подумал он попутно. – После контузии списан и признан к службе негодным, – добавил он, на всякий случай снова ткнув себя пальцем в шрам. – «Блин, я даже писать правильно по-русски не умею», – хмыкнул парень про себя.

– Мне и того, что уже знаю, достаточно, – улыбнулся князь. – Только за то, что ты того башибузука прирезал, тебе почитай весь кавказский фронт поклониться готов. Много он нашим солдатам крови выпил. А ты его словно барана глупого, одним ударом.

«Угу, – скривился про себя Сашка. – Только перед этим чуть он меня не выпотрошил. На пару сантиметров глубже, и ку-ку».

От этой мысли на его груди заныл свежий сабельный шрам. А генерал между тем, увлекшись, продолжал перечислять Сашкины

подвиги. Слушая его вполуха, парень вдруг понял, что жандармский полковник провернул целую операцию, выяснив о нем почти всё.

«А ведь и тут спецслужбы работать умеют. Хотя чему я удивляюсь? Считать местных дураками – нужно самому дурным быть. К тому же это в мое время они менты все на технику опирались, а тут головами думают».

– Саша, ты меня слушаешь? – выдернул его из размышлений вопрос.

– Конечно, ваше сиятельство, – активно закивал Сашка. – Только я все это знаю. Как знаю и то, что за самозванство пожизненная каторга положена, – выдал, наконец, Сашка причину своего дурного настроения.

– А кто тут самозванец? – деланно удивился князь. – И кто скажет, что ты сам себя называл кем-то другим? Думаешь, я просто так целого полковника жандармерии с собой на Кавказ притащил? Нет, внучок. Как раз на подобный случай он мне и нужен был. Чтобы никто и никогда не смел даже рта раскрыть, что ты не мой внук. В этом деле все на три круга вперед проверено.

– А что, полковника жандармов можно было как-то не целого притащить? – не сдержался Сашка от плоской шутки.

Генерал на секунду замолк, переваривая услышанное, а потом громко расхохотался.

– Ну, Саша. Как есть головорез. И шутки такие же, – покрутил он головой, утирая набежавшие от смеха слезы. – Это надо же?! Полковника, по частям... – он снова залился смехом.

«Блин, а ведь ему понравилось, – растерянно думал Сашка, глядя на старого князя. – Похоже, он не всегда придворным шаркуном был».

– Ох, внучок, насмешил, – выдохнул князь, успокаиваясь. – Давно так не смеялся. А что до самозванства, так забудь про это. Никто не посмеет. Я, как приедем, лично к государю императору на прием пойду. Просить стану, чтобы дозволил мне тебя официально внуком назвать.

– А разве это он решает? – удивился Сашка. – Дело-то вроде семейное.

– Так-то оно так, да не совсем, – покачал князь головой. – Я ведь не просто генерал, а еще и личный советник императора. Почитай уже

двадцать лет при троне. А значит, любое мое семейное дело сразу государственным становится.

– Оч-чень интересно, – мрачно прошипел парень.

– Ты чего, Сашенька? – всполошился старик.

– Вот теперь я начинаю понимать, с чего вдруг тот британец ко мне подошел со своим предложением.

– погоди, это который на Кавказе тебя нашел? – вспомнил князь.

– Угу. Похоже, он и вправду знал, кто я такой, и хотел это знание использовать. Точнее, меня использовать в своих целях, – задумчиво протянул Сашка.

– Так. А теперь давай по порядку, – разом переменившись, попросил старик.

– А по порядку дело было так. Мы приехали в Ессентуки за железом в депо, и там, прямо на улице, этот британец подошел ко мне и предложил рассказать, кто я такой, со всеми доказательствами. При этом он так старательно изображал из себя француза, что это стало заметным. Я предположил, что он британец, и не ошибся. Желтоухий чуть было стрельбу посреди улицы не устроил.

– Прости, Саша, а почему желтоухий? – не понял князь.

– Так их в свое время скандинавы называли. Ну, шведы всякие и остальные викинги, – пояснил парень так, что старик, не удержавшись, снова захихикал.

– В общем, он обещал привезти документы и доказать, что все сказанное будет правдой. Даже готов был слово чести дать, – презрительно усмехнулся парень.

– Не любишь их? – спросил внимательно следивший за ним князь.

– А кто их любит? – фыркнул Сашка.

– Да уж, – вздохнул князь. – Та еще компания. погоди. А ведь Машеньку убили, когда она туда, к ним ехала.

– Угу. Но во Франции, – осторожно напомнил Сашка.

– А как еще они могли поступить, если хотели, чтобы все думали на французов, а значит, из-за этого между Россией и Францией возникли трения на политическом уровне?

– А они возникли? – насторожился Сашка.

– В первые минуты я рвался уговорить императора объявить им войну, – вздохнув, признался князь. – Но потом смог взять себя в руки и понял, что тут не все так просто. А главное, французское

правительство сразу дало согласие на участие в расследовании преступления наших дознатчиков. Именно это меня отрезвило больше всего. Ну а потом началась рутина. Нет, они искали. Искали честно, старательно. Но, увы, безрезультатно. Признаться, до сих пор поверить не могу, что ты нашелся. Вот так, просто взял и нашелся, – князь вздохнул и неожиданно коснулся плеча парня.

«Нашелся ли? – вздохнул Сашка про себя. – Или это очередная чья-то хитрая комбинация. Хотя... Если про меня они и вправду узнали от той девчонки, то каковы были шансы, что я выйду на ее грабителей?»

– Тебе что-то не нравится? – снова вернул его к реальности князь.

– Пытаюсь понять, зачем это было сделано, – вздохнул парень.

– Из-за меня, – в тон ему вздохнул старик. – Я тогда старательно уводил государя от заключения договора с Британией, и, похоже, они решили таким образом вывести меня из игры. Точнее, вообще не некоторое время убрать с доски.

– Это уже не образом, а канделябром, – буркнул Сашка, выстраивая в голове возможность такой комбинации.

– Ох, Саша, у тебя, похоже, на каждый случай своя шутка найдется, – снова рассмеялся князь.

– А ежели не шутить, ваше сиятельство, так тогда и удавиться от тоски не долго. Жизнь сама не часто веселит.

– Сашенька, я могу тебя попросить... – начал было старик, но осекшись, замолчал, словно подыскивая нужные слова.

– Все, что я могу сделать, ваше сиятельство, – кивнул Сашка после короткой паузы.

– Я бы очень хотел, чтобы ты хоть иногда называл меня дедом. Когда мы одни. Если, конечно, тебе не трудно, – подобрал, наконец, слова, попросил старик.

– Я постараюсь, – дрогнувшим голосом ответил парень и, помолчав, тихо добавил: – Дедушка. Не поверите. Впервые в жизни произнес это слово.

– Спасибо, Саша, – выдохнул старик дрогнувшим голосом, пряча повлажневшие глаза. – И говори мне «ты», пожалуйста.

– Так вроде не положено, – окончательно растерялся Сашка.

– Я очень давно этого хотел. Мечтал, как мой внук будет сидеть рядом со мной и задавать самые разные вопросы. Как мы вместе с ним

отправимся на охоту в нашем поместье. Да много о чем мечтал, – снова вздохнул князь.

– Ну, про охоту, это вполне выполнимо, – подумав, улыбнулся парень. – Я на Кавказе к ней пристрастился крепко.

– Знаю, – улыбнулся старик. – Это, кстати, тоже одна из отличительных черт нашей семьи. По мужской линии у нас все охотники были. И не такие, что с рогами на полях рисовались, а с одной рогатиной на медведя.

– Сурово, – оценил парень.

– Тархановы всегда воинами были, – заявил князь с апломбом.

– Ну, значит, мне есть в кого быть контуженым, – нашелся парень с кривой усмешкой.

Их беседу прервало появление полковника, который ехал с ними в вагон-салоне, принадлежавшем князю. Точнее, ему принадлежал весь состав. Этот самый салон. Спальный вагон второго класса для слуг и водителей, пара грузовых платформ и два вагона охраны. Точнее, вагон для рядовых жандармов и вагон для лошадей. Автомобили и коляска полковника были загружены на платформы.

Пройдя к столику, за которым они с князем сидели, полковник церемонно поклонился и, спросив разрешения, присел после приглашающего жеста князя. Подскочивший слуга поставил перед полковником чашку свежесваренного кофе и исчез, словно испарился. Полковник пригубил кофе и, одобрительно кивнув, спросил, то и дело поглядывая на старика:

– Знакомьтесь?

– Родная кровь не водица, господин полковник, – проворчал старик.

– Конечно, ваше сиятельство, – поспешно кивнул Веселов.

– Его высокопревосходительство хочет сказать, что не верит в наше родство, дедушка, – усмехнулся Сашка так, что даже князь поежился. – Только он забывает, что я ни к кому в родичи не навязывался.

– Только это и примиряет меня с решением князя, – не менее жестко ответил полковник, глядя парню прямо в глаза.

– И ваша прямота мне нравится, – кивнул Сашка. – Я готов отвечать на любые ваши вопросы, но прошу вас не забывать, что я

мало что вообще помню. И должен признаться, меня это здорово раздражает.

– В свою очередь, обещаю вам воздержаться от праздного любопытства и пойму, если вы дадите слово, что, действительно, не помните ответа на мой вопрос, – ответил полковник, склонив голову.

«Мать твою, от этих китайских церемоний изжогу нажить не долго», – усмехнулся про себя парень.

– Глеб Сергеевич, я бы попросил вас принять тот факт, что отныне это мой внук. Князь Александр Викторович Тарханов, – сказал старик, как отрезал.

– Как пожелаете, ваше сиятельство, – помолчав, кивнул полковник.

* * *

Петербург встретил их заунывным морозящим дождем. Выйдя на платформу, Сашка мрачно огляделся и, вздохнув, покачал головой.

– Что-то не так, Саша? – тут же всполошился князь.

– Холодно, сыро, тускло. Все, что я терпеть не могу, – проворчал Сашка в ответ.

– Но, Саша... – растерялся старик.

– Все нормально, дедушка. Это я так, ною от волнения, – нашелся Сашка, взяв себя в руки и успокаивая его. – Но, если честно, север мне никогда не нравился. Наверное, поэтому я всю сознательную жизнь на юге прожил. И потом подался туда, где потеплее.

– Думаю, мы что-нибудь придумаем, – улыбнулся в ответ князь. – Поехали. Нас уже ждут, – скомандовал он и бодрым шагом направился к зданию вокзала.

Их отношения начали меняться после того, как Сашка, поднявшись среди ночи в туалет, вдруг заметил свет в купе деда. Дверь была приоткрыта, и парень, не удержавшись, осторожно заглянул в щелку. Ему показалось, что князь о чем-то тихо говорит. Он был прав. Старик действительно говорил. Но не с кем-то. Старый князь, стоя на коленях перед иконой Богородицы, молился. Страстно. Истово. Со слезами на глазах. Вслушавшись, Сашка вдруг понял, что он благодарит ее за спасение внука и за то, что помогла им встретиться.

Такого Сашка не ожидал. Тихо отпрянув назад, он прислонился лбом к оконному стеклу и, прикрыв глаза, попытался решить для себя, как быть дальше. Молитва старика и его слезы заставили парня пересмотреть свое отношение к нему. Сглотнув подступивший к горлу ком, парень сжал кулаки и еле слышно прошипел:

– Ну, блин! Видит бог, я этого не хотел. Но если хоть одна падла посмеет его обидеть, глотку вырву.

Решение было принято. С той ночи Сашка старался делать все, чтобы наладить со стариком отношения. Рассказывал о себе то, что мог. Отвечал на бесчисленные вопросы о службе в Африке. И даже сумел наладить диалог с полковником Веселовым. Жандарм, будучи в силу профессии Фомой неверующим, относился к парню с настороженностью, но учитывая тот факт, что Сашка сам несколько раз просил князя как следует подумать, решение старика принял.

Они прошли в ресторан вокзала и, пока грузчики снимали с платформ княжеский транспорт, слегка перекусили. Спустя полтора часа слуга доложил, что автомобиль подан и его сиятельство может продолжать поездку. Кивнув, старик отдал пару распоряжений и тут же устремился на улицу. Тент на автомобиле, или, как здесь его называли, маркиза, был уже поднят, так что до дому они доехали почти сухими.

В своей прошлой жизни Сашка в Питере никогда не бывал, поэтому глазел по сторонам с интересом. Заметив это, князь тут же принялся пояснять, что это такое и кому принадлежит. Автомобиль свернул на Фонтанку и, прокатив мимо роскошного дворца, подъехал к зданию поменьше. Водитель ловко вписал машину в поворот и, прокатив по аллее, остановил ее у широкого крыльца.

– Приехали, – весело улыбнулся князь и, не дожидаясь, когда слуга откроет ему дверцу, выскочил из машины.

Вообще, Сашка заметил, что с того момента, как они встретились, у старика словно вторая молодость началась. А после той памятной ночи как будто новые силы появились. Он даже как-то помолодел. И если уж ему эти перемены были заметны, то можно понять, как удивились те, кто знал князя давно. Выбравшись следом за дедом, Сашка с интересом осмотрелся и уже шагнул к каменным ступеням, когда на крыльцо высыпала целая делегация.

Человек двадцать народу. Среди них выделялись три женщины слегка под сорок, удивительно похожие друг на друга. Но первое, что

привлекло Сашкино внимание, это их глаза. У всех трех они были такие же ярко-зеленые, как у него самого. Женщины дружно шагнули вперед, всматриваясь в лицо парня. Под этим перекрестным огнем Сашка слегка смутился и, остановившись, настороженно покосился на князя.

– Знакомься, Саша. Это твои родные тетки. Наталья, Лиза и Стеша, – представил князь дочерей. – Девочки. Это Александр. Тот, кого мы так долго искали и наконец нашли. Сподобил Господь, – старик истово перекрестился и, уперев кулаки в бедра, возмущенно спросил: – Ну, и чего замерли? Почему стол еще не накрыт?

– Господь с тобой, дедушка. Готово уж все давно, – улыбнулась ему старшая тетка. Кажется, Наталья. Разобраться, кто есть кто, Сашка еще толком не успел. – Ну, здравствуй, племянник, – улыбнулась женщина, первой шагнув вперед. – Во всяком случае, глаза точно наши, – добавила она, обнимая парня.

– Надеюсь, и все остальное тоже, – усмехнулся Сашка в ответ.

Немудрящая шутка разрядила обстановку. Князь, хлопнув его по плечу, решительно повел внука в дом, где он был поручен одному из доверенных слуг. Следующий час Сашка отмывался от угольной копоти и дорожной пыли, переодевался и вообще приводил себя в порядок. Слуга, явно опытный в подобных делах, крутился рядом и, ненавязчиво помогая, заметно ускорил процесс. Переодевшись в купленный в Воронеже костюм, Сашка придирчиво оглядел себя в ростовом зеркале и, вздохнув, махнул рукой, тихо проворчав:

– Не жил богато, не хрен и начинать.

– Не беспокойтесь, ваше сиятельство, – улыбнулся слуга. – Завтра же вызовем портного и пошьем вам подходящие платья. А пока пусть будет так. По одежке здесь вас встречать точно не станут.

– Давно тут служите? – с интересом спросил Сашка, оглянувшись на него.

– Тридцать лет скоро будет, – улыбнулся слуга, чуть пожав плечами. – Еще матушку вашу, царствие ей небесное, застал. Вы и вправду на нее похожи.

– Вас как звать? – вспомнил Сашка правила приличий.

– Матвей, ваше сиятельство.

– А по батюшке?

– Так не положено к слугам, по батюшке-то, – развел слуга руками.

– Это у дураков не положено. А я привык к старшим вежливо обращаться, – насупившись, буркнул Сашка.

– Матвей Степанович я, – удивленно ответил слуга.

– Благодарствую, Матвей Степанович, – кивнул ему Сашка.

– За что же это, ваше сиятельство? – не понял Матвей.

– За поддержку и слова добрые. Ну, ладно. Веди, куда там мне надо, – вздохнув, решился парень.

– Извольте за мной следовать, ваше сиятельство. И не волнуйтесь так. Все хорошо будет, – тихо посоветовал он, притворяя за Сашкой двери. – Если уж князь решил, что вы ему внук, значит, так оно и есть. Вы первый, кого он лично в дом привез.

– А что, и другие были? – насторожился Сашка.

– Были. Как не быть, – вздохнул слуга, тихо скользя по коридору в нужную сторону. – Всегда найдутся те, кто желает на чужом горе руки погреть.

– Это точно, – скривился Сашка, вспомнив разных мошенников из своего времени.

Они подошли к высоким резным двустворчатым дверям, и слуга, одним плавным движением распахнув их, отступил в сторону, пропуская Сашку вовнутрь. Громадный зал удивил парня и размерами, и убранством. Никакой кричащей роскоши, но при этом даже ему с первого взгляда стало ясно, что отделка тут очень дорогая. И парчовые шпалеры, и резное дерево ценных пород, и позолота. Но так, чтобы не глаз резало, а все в нужных местах. Посреди зала стоял длинный стол, ломившийся от всяких угощений.

Слуга, опять проскользнув вперед, жестом указал Сашке на его место и, отодвинув стул, помог устроиться за столом. Уже собравшиеся здесь родственники о чем-то переговаривались, но при появлении парня смолкли. Усевшись, Сашка обвел всех сидящих внимательным взглядом, пытаясь понять, кем они его считают. Но, к собственному удивлению, вдруг понял, что в этих ответных взглядах было всё. Удивление, настороженность, радость, любопытство. Не было только самого страшного. Злости или презрения.

– Надеюсь, мне не нужно представляться еще раз? – решившись, нарушил парень затянувшееся молчание.

– Нет, имя мы запомнили, – хмыкнул в ответ какой-то мужчина.

Судя по тому, что он сидел рядом с одной из теток, чей-то муж.

– Поздравляю. У вас хорошая память, – нашелся Сашка, готовясь или драться, или уходить.

– Саша, – обратилась к нему молодая девушка с другого конца стола, – вы позволите вас так называть? – уточнила она и, получив согласный кивок, продолжила: – А правда, что вы воевали в Африке?

– Да. Был в Алжире и Марокко. Это украшение там и получено, – указал он на свой шрам.

– А про горского головореза тоже правда? – слышался вопрос из другого угла. На этот раз спрашивал юноша.

– Если вы про воина из клана непримиримых, то да, – вздохнул Сашка.

– Его действительно много лет пытались поймать? – спросил тот же голос.

– Да. Опытный боец был.

– И как же вы справились? – не унимался юнец. По голосу пареньку лет тринадцать-четырнадцать.

– Ну, меня тоже не дураки учили, – пожал Сашка плечами. – Тем более что там был не просто бой, а поединок. Дуэль, можно сказать.

– У горцев есть дуэли? – удивились собравшиеся.

– У них это называется длань Аллаха. Это больше подходит под определение, Божий суд. Очерчивается круглая площадка. На которой все и происходит. Бой идет до смерти. Правила оговариваются заранее. Оружие тоже. Но всегда такой бой заканчивается смертью одного из поединщиков. Вмешиваться в схватку не имеет права никто.

– И вы победили, – тихо закончил все тот же голос.

– Повезло, – вздохнул Сашка, которому этот разговор перестал нравиться.

– А трудно научиться хорошо владеть саблей? – спросила одна из юных девиц.

– Трудно, – коротко кивнул парень. – Особенно девице.

– Почему? – тут же последовал вопрос.

– Там сила нужна и реакция хорошая. А от постоянных упражнений начинают сильно раздаваться плечи. Ну и зачем молодой красивой девушке иметь плечи молотобойца? – чуть усмехнулся он, глядя на нее. – Если уж так хочется научиться владеть оружием,

учитесь стрелять. Стрельба развивает чувство расстояния, выдержку и твердость руки. А самое главное, не портит женскую красоту.

– А вы хорошо стреляете? – послышался вопрос от другого родственника.

– Неплохо, – отделался Сашка коротким ответом.

– И насколько неплохо?

– Из револьвера сбиваю пять поленьев из пяти с двадцати шагов.

– А что у вас за револьвер? Какой фирмы?

– Никакой. Я его сам сделал, – признался Сашка, решив быть честным в подобных мелочах.

– Сам?! – в голосе вопрошающего явно слышалось недоверие.

– На Кавказе я работал механиком. Был и оружейником. Нужно было на жизнь зарабатывать. Так и получилось, что, когда капсюльный револьвер осекся не вовремя, я решил сделать себе оружие, которое не подведет в нужный момент.

– А что еще вы сами сделали?

– Винтовку.

– Тоже сами?

Ему явно не верили.

– Конечно сам. Только стволы готовые взял. Там нужных станков не было, так что выделать хороший ствол было просто нигде. Вот и пришлось брать то, что оказалось под рукой. Зато получилось оружие, которое я всегда хотел иметь. Магазиновая самозарядная винтовка.

– Это невозможно, – отрезал молодой лейтенант, сидевший наискосок от парня.

– Вы называете меня лжецом? – в голосе Сашки брякнула сталь.

– Гм, – стушевался офицер. – Я не говорил, что вы лжец. Но создание подобного оружия – это мечта всех военных и инженеров оружейников. А вы заявляете, что сделали его сами. Вот так просто.

– Я не знаю, чья это была мечта, но я его сделал, – жестко отрезал Сашка. – И готов доказать это, как только привезут мой багаж.

С собой в салон парень взял только старый ранец с деньгами и драгоценностями. Там же лежал и пояс с револьвером и патронами к нему. Все остальное слуги князя ловко упаковали в деревянные ящики и таким образом отправили на вокзал. Где его вещи и были погружены в багажный вагон состава. Услышав его слова, лейтенант окончательно растерялся и, покраснев, опустил голову.

– Похоже, Владимир опять нарвался, – послышался голос, и в зал вошел старый князь. – Запомни, Володя. Когда-нибудь твоя горячность доведет тебя до беды. Научись уже выслушивать собеседника до конца и только потом судить. А еще лучше приучись держать язык за зубами.

– Все приходит с опытом, дедушка, – улыбнулся Сашка и незаметно подмигнул юному офицеру, заслужив его благодарный взгляд.

* * *

Следующие три недели для парня все слилось в один бесконечный калейдоскоп с марафоном. Его без конца возили по портным и примеркам, знакомили с сотней людей, представляли каким-то чиновникам и вельможам. Кончилось все тем, что однажды Сашка восстал, наотрез отказавшись куда-то ехать. Вошедшему деду он с порога заявил, что больше не желает видеть ни одной надутой рожи и готов сегодня же вернуться на Кавказ.

Быстро сообразив, что случилось, князь своим приказом отменил все дела и, устало присев в ближайшее кресло, с интересом спросил, пряча улыбку в уголках губ:

– А на охоту поедешь?

– Весна на дворе. Какая тут охота? – отмахнулся Сашка, плюхаясь в соседнее кресло.

– А перепелов постреляем. Их в полях теперь много. Поехали?

– Поехали, – подумав, решительно кивнул парень.

– Прикажу ружья приготовить и машину подать, – тут же подскочил старик.

– Сам скажу, – вскочил Сашка, жестом усаживая деда обратно.

Вскочив в коридор, он громовым голосом окликнул кого-то из слуг и, едва увидев своего наставника в местных делах, сказал:

– Матвей Степанович, скажи там, чтобы машину готовили и пару ружей охотничьих. Мы с дедом в поля поедem. Перепелов постреляем.

– Слушаюсь, ваше сиятельство, – коротко поклонился слуга и моментально исчез.

– Никогда не пойму, как он это делает. Не слуга, а какой-то факир восточный, – проворчал Сашка, возвращаясь в комнату.

– Я смотрю, у вас с ним все добром сложилось, – усмехнулся князь, кивая в сторону двери. – Матвей в нашем доме давно служит. Почитай третье поколение этой семьи рядом живет. Можно сказать, родня. И просто так он никого не примет. А за тобой как за дитем малым присматривает.

– Так и я к нему с уважением, – растерянно пожал Сашка плечами.

– Это правильно. Это ты молодец, внучок, – закивал князь. – У нас ведь в родовитых домах как. Кормилица там, или еще какой слуга, что долго в доме служит, и тебя еще мальцом знал, считай родственник, и может даже взрослому дворянину такую выволочку устроить, что хоть святых выноси. И ничего. Терпим. Потому как верность, она дорогого стоит.

– Это верно, – вздохнул Сашка. – Дед, – вдруг насторожился он, осененный какой-то догадкой, – а ведь ты эту охоту не просто так затеял. Похоже, нам поговорить нужно. Но так, чтобы этого разговора точно никто не слышал. Я прав?

Вместо ответа, старик с довольным видом расправил усы и, огладив бороду, только прикрыл глаза, давая понять, что парень прав. Кивнув, Сашка поднялся и, дернув себя за воротник рубашки, сообщил:

– Сбегаю пока переоденусь.

– Не суетись, – отмахнулся князь. – Слуги в машину штаны да сапоги кинут, а добычу приносить собаки будут. Мы с тобой просто малость погуляем да постреляем, ежели будет во что.

Спустя двадцать минут Матвей доложил, что машина подана и все к поездке готово. Сашка только удивился такой оперативности, но слуга потихоньку рассказал ему, что князь имеет привычку регулярно так выезжать, и для подобных развлечений у них давно уже все приготовлено.

«Вот, значит, как, – проворчал про себя Сашка. – Это у деда не просто развлечение, а оперативная необходимость. Только от кого он в собственном доме хоронится? Есть причины кому-то не доверять? И кому же? Слугам? Или домочадцам? Интересный вопрос. Надо будет разъяснить этот ребус».

Они спустились во двор, и князь, указав парню на стоящий первым автомобиль, не спеша уселся на сиденье. Устроившись рядом с

ним, Сашка оглянулся и с удивлением рассмотрел во второй машине четверых мужчин с оружейными чехлами и несколько спаниелей, весело крутившихся у них под ногами.

«Похоже, у деда и вправду все уже отработано», – подумал он, задумчиво потирая шрам на щеке.

– Потерпи, скоро все узнаешь, – тихо сказал князь, бросив на него быстрый взгляд.

Автомобили выехали на набережную и, набрав скорость, покатали в сторону Путиловского завода. Миновав деревню Автово, кавалькада свернула куда-то в поля и верст через пять остановилась. Выскочившие из второй машины слуги принесли им охотничьи сапоги, навроде болотных, только часть, которая закрывала бедра, была сшита из грубой холстины.

Скинув свою обувь, Сашка быстро перемотал портянки и, натянув странную обувку, пару раз притопнул каблуками. Сапоги встали, словно по мерке шитые. Заинтересованно осмотрев обновку, парень старательно напряг память, пытаясь вспомнить, было ли в его мире что-то подобное, но так ничего не вспомнив, махнул рукой. Получив от подошедшего слуги охотничье ружье примерно двадцатого калибра, он осмотрел патроны и, зарядив его, вопросительно посмотрел на деда.

Не спеша переобувшись, князь взял свое ружье и, выбравшись из машины, с удовольствием потянулся, расправляя плечи.

– Пойдем, внучок. Постреляем.

Слуги спустили собак, и спаниели с азартным лаем скрылись в траве. Буквально через три минуты в нескольких шагах от охотников они подняли перепела, и Сашка, не удержавшись, выстрелил навскидку. И к собственному удивлению, попал. Выдрессированный пес принес добычу и, получив кусочек чего-то вкусенького, снова умчался.

– Изрядно, – одобрительно кивнул князь. – Добрый выстрел.

Они отошли от слуг шагов на десять, и старик, положив ружье на плечо, тихо заговорил.

– Ты прости меня, Саша, что загнал тебя. Но Господь свидетель, так было нужно. История эта при дворе имеет большой резонанс и, похоже, кому-то она очень сильно помешала.

– Чем? – не понял Сашка.

– Тем, что я не оказался сломленным, – вздохнул князь.

– Не понимаю, – помолчав, качнул Сашка головой. – Если кто-то хотел тебя сломать, то ему надо было, прежде всего, убрать меня. А проще всего это было сделать, пока я был на Кавказе.

– Тогда они еще не были полностью уверены, что ты это ты. Зато теперь они это знают.

– Прости, дедушка. Они – это кто? – вздохнул парень.

– Самому бы точно знать, – скривился старик. – Но теперь тебе нужно быть очень осторожным.

– Думаешь, рискнут в дом залезть? – удивился Сашка.

– При чем тут дом? – не понял старик. – Нет, Сашенька. Эти люди играют тоньше. Спровоцируют на поединок, и все.

– Ну, стреляться со мной себе дороже, – хищно усмехнулся Сашка. – Если я чего и умею толком в этой жизни, так это стрелять.

– А сабля? – удивился князь.

– Ну, сабля это отдельная песня, – вздохнул парень, еще сам толком не разобравшийся, кто его учил и что он на самом деле умеет.

Один выигранный поединок, это еще не показатель. А вот в своем умении стрелять он был уверен. Недаром же столько времени проводил в овраге за станицей, сжигая патроны десятками. Князь, молча кивнув, заметил очередного взлетевшего перепела и, ловко перекинув ружье, спустил курок. К удивлению парня, дед умудрился попасть. Похвалив принесшую добычу собаку, князь с гордостью посмотрел на парня, мол, умею. В ответ Сашка только улыбнулся.

– Понимаешь, Саша, – продолжил князь, – те, кто станет тебя провоцировать, пойдут на все, чтобы добиться своего. Я им мешаю. Сильно. Так всегда было. Меня и подкупить пытались, и запугать, и дочерям грозили. Всякое было, – признался князь, тяжело вздохнув.

«Ого! Да ты, дед, кремень», – подумал Сашка и, усмехнувшись про себя, решил слегка польстить старику, задумчиво протянув:

– Читал я в одной книжке, что когда-то истинные воины носили при себе особые камни. Кому какой подходит. Но больше всего среди них ценился кремень. Тот, кто носил такой камень, считался лучшим воином. Я бы тебе вручил такой камень.

– Слыхал такое, – чуть улыбнувшись, неожиданно кивнул старик. – Камень воинов. Но вернемся к делу. Через два дня у нас с тобой состоится аудиенция у его величества. Я должен буду

представить тебя царю и лично подтвердить, что ты мой внук, – старик замолчал, искоса поглядывая на парня.

– Если ты сомневаешься, то я пойму, – вздохнул Сашка. – И просто вернусь обратно в станицу. Или еще куда уеду.

– Вот так просто. И даже просить ничего не станешь? – удивился князь.

– А чего мне просить? – пожал Сашка плечами. – Имений? Денег? Земель? Деньги я и сам заработаю, а имения и земли мне не нужны. Я солдат, механик, но не помещик. В любом случае, если так сложится, то вы никогда больше обо мне не услышите, и я вас ничем не побеспокою.

– Гордый. И упрямый, – одобрительно усмехнулся старик. – Наша порода. Нет, Сашенька. Нет у меня сомнений. Ты – мой внук. Я это сказал при всей семье, и это же я повторю при государе императоре. И на смертном одре повторю. А разговор этот я затеял, чтобы тебя предостеречь. Император не любит дуэлей.

– А если оскорбили? Как тогда быть? – не понял Сашка. – Смолчать? Это не про меня. Я любому болтуну с ходу в рожу дам. А там будь, что будет.

– Ты с кулаками-то поаккуратнее, – проворчал князь, построжев лицом. – Не масленицу гуляешь, чтобы кулаками махать.

– Мне можно. Я контуженый, – нахально усмехнулся Сашка. – Ты бы дал своим подчиненным поручение, чтобы они слух про меня распустили. Мол, ранен был, контужен, и потому за себя не всегда отвечает. Как рассердится, то и покалечить может. А что делать? – быстро добавил он, заметив, как князь собрался возражать. – Война, она такая. И что с инвалида взять, ежели взбесится?

Глядя парню в лицо, князь минуту настороженно переваривал услышанное, чуть шевеля губами, после чего вдруг от души рассмеялся.

– Ай, лис! Ну, внучок... Удумал ведь! А ведь точно, может сработать, – весело кивнул он, двигаясь дальше. – Вся эта публика привычна больше чужими руками действовать. Сами-то они предпочитают не пачкаться. Так что могут и испугаться на рожон лезть. И правда, что с контуженого взять. Взбесится, даст в морду, потом позору не оберешься на балах фонарем сверкать.

– Деда, а можно я после представления императору куда-нибудь на юг уеду? – осторожно спросил Сашка.

– Куда? Зачем? – тут же всполошился старик.

– Ну, есть же у тебя где-нибудь на юге поместье или имение? Вот туда и уеду. А ты будешь ко мне приезжать, когда захочешь. Ну не могу я попусту время терять. Мне все эти ваши балы да рауты и даром не нужны. Мне дело делать охота.

– Это какое же? – мрачно поинтересовался князь.

– Задумок у меня, дедушка, много. Тут и винтовки, вроде моей, и револьверы, и автомобили. А ведь все это империи очень даже пригодиться может. Главное, образец рабочий сделать и кому надо показать.

– Задумки хорошие, – помолчав, кивнул старик. – Но пока тебе придется малость потерпеть. Нужен ты мне тут, внучок. Очень нужен. Понимаешь, едва только слух прошел, что ты нашелся, так в самых разных местах шевеления всяческие начались. И нужно нам, чтобы шевеления эти малость усилились. Понять нужно, кто и чего добивается. А то слишком много всякого непонятного при дворе возникать стало.

– А я на той рыбалке живцом, значит, буду, – понимающе хмыкнул Сашка.

– Ты уж прости, Сашенька. Но, видать, судьба у нас с тобой такая. Жизнью своей ради отечества рисковать, – грустно вздохнул старик, даже не пытаясь отрицать очевидного. – Но ты не беспокойся. Рядом с тобой всегда нужные люди будут. Так что глупого риска мы не допустим. И на несколько балов и приемов тебе сходить придется.

– Терпеть не могу цирковую обезьяну изображать, – скривился Сашка.

– Тут уж ничего не попишешь. Принято так, – снова вздохнул старик. – Раз уж нашелся продолжатель рода, то я обязан его обществу представить.

– Думаешь, примут? – с сомнением проворчал Сашка.

– А куда они денутся? – фыркнул князь. – Тархановы – это не просто дворяне.

– В глаза улыбаться будут, а за спиной морды кривить, – продолжал шипеть парень. – Есть такой роман французский. «Человек, который смеется». Там тоже паренек сначала безродным считался, а

потом выяснилось, что он какому-то маркизу сын. А в итоге заклевали его.

– То роман, Саша. А это жизнь. Не переживай. Мы еще на свадьбе твоей гулять будем, – усмехнулся князь, крепко хлопнув парня по плечу.

«Вот мне еще твоих матримониальных планов не хватало», – кисло подумал Сашка, криво усмехнувшись в ответ.

Перед аудиенцией у императора Сашку едва не довели до нервного срыва. В течение суток его переодевали, причесывали, стригли, маникюрели и даже пытались навести макияж. Вот тут парень едва не устроил грандиозный мордобой, выбросив из своих покоев цирюльника, или как их тут еще называли. Сашку на тот момент это интересовало меньше всего. Вовремя вмешавшийся Матвей быстро уgomонил разбушевавшегося парня и, выпроводив пострадавшего больше морально визажиста, отправил кого-то из молодых слуг на кухню.

Немного успокоившись, Сашка достал из своих вещей трубку, подаренную ему Мадлен еще в Марселе, и, закулив, плюхнулся в кресло. Матвей, внеся в комнату поднос с кофе и шустовским коньяком, аккуратно накрыл небольшой столик и, плеснув в кофе щедрую порцию коньяку, с сочувствием посмотрел на парня. Потом, вздохнув, тихо посоветовал:

– Выпейте это, Александр Викторович. А потом мы с вами к его сиятельству сходим.

– Зачем? – пыхтя трубкой, словно паровоз, мрачно спросил Сашка. – У него и без меня забот хватает.

– У него сейчас одна забота. Вы, – улыбнулся слуга.

– Объясни, Матвей Степанович, сделай милость, – удивленно попросил Сашка. – А то у меня от всех этих хлопот уже голова кругом.

– Он почти двадцать лет Бога молил, чтобы вы нашлись. Чтобы род не угас. А тут такое счастье. Так что делами он только первую половину дня занимается. А все остальное время готовится свету вас представлять. Уже сейчас многие считают, что вы как-то сумели обмануть старика. А когда вы вместе в свет выйдете, то многие станут вас пристально рассматривать. Вот он и хочет, чтобы никто сторонний не посмел вам дурного слова сказать.

– Что-то это как-то все запутанно, – подумав, проворчал Сашка.

– Объяснил, как умел, – развел руками Матвей. – Но к деду вам все одно сходить надо.

– Ну, пойдем, раз надо, – вздохнул парень поднимаясь.

Они переместились в кабинет князя, и Сашка был очень удивлен, увидев царящую здесь суету. То и дело из кабинета выскакивали курьеры и чиновники с бумагами в руках, уносясь куда-то. Без доклада входили посыльные и фельдъегеря, передавая пакеты, украшенные сургучными печатями. Понаблюдав за этим пожаром в борделе, Сашка растерянно покосился на слугу и, отведя его в сторону, тихо спросил:

– Может, не стоит его сейчас беспокоить? Сам видишь, дел у него выше головы.

– Рутину, – отмахнулся слуга. – Тут всегда так. Пойдемте, – скомандовал Матвей и первым решительно двинулся к дверям.

Вскочивший было ему навстречу молодцеватый лейтенант, увидев Сашку, коротко кивнул, негромко пообещав:

– Доложу, – и нырнул в кабинет.

Спустя минуту он вышел, тихо сообщив:

– Через пять минут.

Кивнув, Матвей отвел парня в сторону и, прислонившись к стенной панели, негромко объяснил:

– Похоже, из дворца пакет пришел. Подождем.

– Как скажешь, Степаныч, – кивнул Сашка, попыхивая трубкой.

– Не видел раньше, чтобы вы курили, – улыбнулся слуга.

– А я и не курю толком. Так, иногда трубочкой балуюсь, когда подумать надо.

– Занятная трубка, – оценил Матвей. – Вишневого корня, похоже.

– Не знаю. Женщина подарила, – признался Сашка, лукаво улыбнувшись.

Адъютант негромко окликнул их и лично открыл перед Сашкой дверь. Поблагодарив его кивком головы, парень вошел в кабинет, и князь, поднявшись из-за стола, направился навстречу парню, раскинув в стороны руки и широко улыбаясь:

– Только что из дворца письмо получил. Его величество примет нас завтра, в два часа пополудни. Матвей, у тебя все готово? – повернулся он к слуге.

– Так точно, ваше сиятельство. Только Александр Викторович напрочь пудриться отказались.

– А что так? – повернулся князь к внуку.

– Так я ж не баба, – фыркнул Сашка.

– Так сейчас бледная кожа в моде, а ты загорелый, как тот арап, – поддел его старик.

– Дед, это с каких пор солдаты стали моде следовать? – усмехнулся в ответ Сашка.

– Так ведь ты теперь не служишь, – не унимался старик.

– Я, ваше сиятельство, солдатом был и тем горжусь, – жестко отрезал парень, гордо вскинув голову. – А кому это не по нраву, так я не навязываюсь.

– Мой внук, – рассмеявшись, хлопнул его князь по плечу и, одобрительно кивнув, добавил: – Вот так и держись всегда. Чтобы сразу всем ясно было: Тарханов идет.

– Я постараюсь, – усмехнулся Сашка.

– Ладно, внучок. Ступай к себе пока. Если что нужно, Матвей подаст. А пока дела доделаю. Вечером поговорим, – закончил он, выпроваживая их из кабинета.

Понимая, что дел у старика и вправду много, Сашка без единого слова покинул кабинет и в приемной, наткнувшись взглядом на адъютанта, отозвал его в сторону. Отойдя к окну, он окинул лейтенанта внимательным взглядом и, чуть улыбнувшись, спросил:

– Знаете уже, кто я?

– Так точно, Александр Викторович, – коротко кивнул молодой офицер.

– Тогда давайте знакомиться. Кто знает, как жизнь обернется. Вполне допускаю, что нам с вами придется на пару какие-нибудь дела решать, – пояснил парень свой заход.

– Лейтенант Григорьев, Сергей Андреевич, – все так же коротко отрекомендовался офицер.

– Давно с дедом в одной упряжке? – поинтересовался Сашка, которому этот молодой лейтенант действительно понравился. Было в нем что-то настоящее.

– Пять лет уже, – улыбнулся Григорьев.

– Ясно. Ладно, не буду отвлекать, – вздохнул Сашка, заметив очередного посетителя. – Будет время, заходите на чашку кофе. Я этажом выше обитаю.

– Знаю, – кивнул лейтенант. – Мы постоянно то тут, а то в дворцовом кабинете работаем.

– Не устаете за собой бумаги таскать? – удивился Сашка.

– Так там только текущие документы. А ежели что серьезное, то все сюда везем. У его сиятельства для таких документов особый шкаф имеется.

– Вот это правильно, – одобрительно кивнул парень и, попрощавшись, вышел из приемной.

На следующее утро Матвей поднял Сашку чуть свет и, обеспечив плотным завтраком, взялся одевать. Процесс этот оказался долгим, так что уже к полудню Сашка буквально взвыл. Пошитый для аудиенции костюм оказался очень неудобным. Жесткий воротник натирал шею и не давал опустить голову, а узкие штаны жали в паху. Матвей, искренне сочувствуя ему, тихо, чтобы никто не слышал, пояснил, что вынудил его одеться заранее, чтобы новенький костюм хоть немного пообмялся и парень не ощущал себя на приеме, словно заколоченный в гробу.

Еще через полчаса слуги подали транспорт, и они с князем отправились в зимний дворец. Старик, задумчиво оглаживая бороду, отсутствующим взглядом скользил по мелькающим мимо домам.

– Что-то не так, дедушка? – осторожно спросил Сашка, заметив его состояние.

– А? Нет, все так, Сашенька. Думаю просто.

– О чем же? Признаться, лицо у вас было такое, словно вы нападения ждете, – хмыкнул Сашка.

– Я, Сашенька, теперь всего жду. Даже того, о чем раньше и не думал, – вздохнул князь.

Аудиенция состоялась в малом кабинете. Император принял их и, с интересом рассматривая парня, неожиданно спросил, внимательно выслушав князя:

– Скажите, молодой человек, а что вы думаете о союзе России с другими государствами Европы? Мнение вашего деда мне известно. Но вы воспитывались во Франции и наверняка имеете свое мнение на этот счет.

Такого Сашка ну никак не ожидал. Сообразив, что в вопросе кроется какой-то подвох, парень привычным движением потер шрам на лице и, заметив настороженный взгляд деда, вздохнул.

«Похоже, придется каждое слово фильтровать», – подумал он и заговорил:

— Ваше величество. Я слабо разбираюсь в политике. Так сложилось, что мне больше приходилось действовать, чем размышлять, так что заранее прошу у вас прощения, если скажу что-то не так. Но думаю, что у России есть только два союзника. Это ее армия и флот, — заявил парень, припомнив слова какого-то императора, прочтенные в одной книге.

— Это слова моего отца, — чуть нахмурившись, вздохнул император. — А что думаете вы? Сами?

— Я так и думаю, ваше величество, — вздохнул Сашка. — В политике нет союзников. Есть только временные попутчики. Каждый блюдет свою выгоду, и, если возникнет необходимость разменять союзника на какую-то выгоду, они это сделают.

— Признайтесь, князь, — повернулся император к старику, — вы уже успели перетянуть его на свою сторону?

— Могу дать слово чести, ваше величество, что о политике мы с внуком не говорили ни разу. Простите, не до того было, — усмехнулся князь. — Я, признаться, и сам не ожидал такого ответа.

— Интересно, — задумчиво протянул император. — Выходит, вы, молодой человек, считаете, что союзники России не нужны?

— России нужны торговые партнеры. А союзы пусть они там, в Европе сами заключают, — фыркнул парень. — Все равно предадут.

— Значит, ничем кроме торговли они нам не интересны, по-вашему, — удивился император.

— А зачем они еще нужны? — не понял парень. — У России есть всё. Железо, уголь, древесина, пушнина, золото, серебро, нефть, в общем, перечислять устанешь. А что есть у них? Вот и получается, что нам нужно свое производство развивать, а не просто торговать. И в этом заключается главная проблема нашей страны.

— Поясните, — тут же потребовал император.

— Наши купцы не желают вкладывать деньги в долгое производство. А самое главное, что у нас нет ремесленного обучения. К станкам ставят крестьян. А что они могут сделать, если никогда производством не занимались? Вот и получается, что в России есть всё, а любую гайку вынуждены за границей покупать. Туда наше сырье, а оттуда из него же производственные товары.

— Интересно, — качнул император головой и, повернувшись к князю, спросил: — А вы, ваше сиятельство, о подобном никогда не

говорили. Это правда, что мы покупаем товары из нашего же сырья?

– Правда, ваше величество, – поклонился князь.

– И почему мы не развиваем свое производство? – не унимался император.

«Блин. Достал. Экономикой заниматься надо было», – подумал Сашка.

– Всеу свое время, ваше величество. К тому же Александр еще толком в нашей кухне не разобрался, вот и решил, что у нас производства нет. А оно есть. Слабое пока. Купцы вдолгую деньги вкладывать не любят, тут он прав. Но бьемся. Времени бы нам, ваше величество, – вздохнул князь, оглаживая бороду.

«Блин. Что-то тут не так, – лихорадочно соображал Сашка. – В нашей истории вроде производства неплохо развивались. Особенно на Урале. Или я опять что-то путаю? Ладно. Надо завязывать с этой бодягой, пока не прокололся».

Между тем разговор князя с императором продолжался. Слушая их, Сашка все больше поражался, как так получилось, что первое лицо государства почти ничего не знает о его экономике. Князь же, обстоятельно отвечая на каждый вопрос, стоял словно скала. Спустя сорок минут император, словно очнувшись, оборвал разговор и, потряхнув головой, решительно заявил:

– Алексей Михайлович, подготовьте мне доклад по этой теме. И привлечите к его написанию вашего внука. Похоже, ему есть что сказать по этому поводу.

– Прошу прощения, ваше величество. А как же мое дело? – тут же напомнил князь.

– Ах да. Конечно, вы можете объявить двору, что нашли своего внука. Раз уж вы сами в этом уверены, то я не возражаю. В конце концов, это ваше, семейное дело, – кивнул император, жестом отпуская их.

– Слава тебе, господи, – истово перекрестился князь, выйдя из кабинета. – Всё, Сашенька. Главное сделано. Остались мелочи, – добавил он, крепко хлопнув парня по плечу.

Следующим этапом этой эпопеи стал выход на раут, или, как тут говорили, прием. Сашка с самого начала был против подобных выступлений, но старый князь оказался непреклонен. Правила есть правила, заявил он, грохнув кулаком по столу. Сашка, уже успевший закусить удила, не раздумывая проломил кулаком столешницу, мимоходом удивившись такому результату, и, рыча не хуже бойцового пса, заявил:

– Дед, я все понимаю. Обычай, правила, этикет и так далее, но и ты меня пойми. Я терпеть не могу обезьяну в цирке изображать. Все ж пялиться станут и за спиной рожи корчить. Вот оно мне надо, дерьмо это терпеть?

– Это мне надо, Саша, – тихо выдохнул Алексей Михайлович, удивленно рассматривая дыру в столе. – Помнишь наш с тобой разговор в поле?

– Конечно, помню, – вздохнул парень, разом успокоившись.

– Вот на этом приеме все и выяснится.

– Вот так, сразу? – не понял Сашка.

– На тот прием сам император прибудет. Ненадолго. А все приглашенные лица тут же попытаются попасться ему на глаза в составе своей партии.

– Партии? – не понял парень, для которого это слово представляло нечто из его мира. Аморфное и маловнятное.

– Ну, скажем так. Двор разделен на несколько отдельных фракций. Что-то вроде клуба по интересам. Вот эти фракции мы и называем партиями, – коротко пояснил князь, оглаживая бороду.

– И каждая из них готова соседней в глотку вцепиться, – понимающе кивнул парень.

– Вот-вот, – кивнул князь. – И нам нужно это увидеть.

– Что это и кому вам? – вздохнув, уточнил Сашка.

– Это будет разделение, а кому – так нам, тем, кто за страну радуется.

– Так там вроде все радуют, – аккуратно поддел деда парень. – Только каждый по-своему.

– За свои интересы они радуют, – скривился князь. – Одни требуют, чтобы император договоры только с Францией заключал. Другие британцев проталкивают. Третьи за Австро-Венгрию голосуют.

Надоело. Ты тогда, на аудиенции правильно сказал. У страны нашей только два союзника. Армия и флот. Порадовал ты меня теми словами.

– Я и вправду так думаю, – кивнул Сашка. – Но ты мне скажи, дед, а что потом будет?

– Когда потом? – не понял князь.

– Потом, после того, как вы их увидите. Что вы с ними делать будете? – не унимался парень.

– А что с ними сделаешь? – пожал князь плечами. – Это ж не студенты дурные. Это дворяне именитые. Следить за ними будут. Наблюдать. А там, глядишь, чего и вылезет, за что их зацепить можно будет.

– Понятно, – вздохнул Сашка. – Ладно, дед. Сделаю, как ты хочешь. Но учти, ежели меня кто там зацепит, не обессудь. Терпеть не стану. Сам никого первым не трону, но и спуску не дам.

– За это не беспокойся, – понимающе усмехнулся князь. – Там в особых местах нужные люди будут. Да и не до тебя там особо будет. Я специально так подгадал, чтобы представлять тебя пришлось не на отдельном приеме, а вроде как попутно, под императорский выход. Теперь всем не до тебя будет. Так что не переживай особо.

– Да я не за себя, я за тебя беспокоюсь, – признался Сашка, вздыхая. – Я чего-нибудь на том приеме отчебучу, а тебе краснеть потом.

– Рядом с тобой мой адъютант будет. Сережа. Он на таких приемах, как рыба в воде. Будет подсказывать тебе, кто есть кто, кого следует опасаться, а от кого подальше держаться.

«Серега, это хорошо», – проворчал про себя Сашка.

– Ладно, дед. Будет так, как ты скажешь, – добавил он, сдаваясь.

Спорить со стариком парню не хотелось. От слова совсем. Сашка не знал, насколько правда все то, что он узнал о своем нынешнем теле, и правда ли, что он теперь является настоящим внуком князя, но за теплое отношение старика к себе готов был простить ему многое, если не всё. И помочь в такой мелочи уже начал считать своим долгом. Так уж сложилось, что парень никогда не видел своих родителей и теперь, почувствовав себя кому-то нужным, пытался отвечать тем же.

Пытался, потому что не знал и не умел делать это правильно. Так уж сложилось. Услышав его ответ, Алексей Михайлович заметно

повеселел и, поднявшись из-за стола, приобнял парня за плечи, тихо сказав:

– Спасибо, Сашенька. А что до того, что мне за тебя краснеть придется, так это не страшно. Да и не верю я, что ты что-то такое сделаешь, что честь твою уронить может.

– Когда прием-то? – в очередной раз вздохнув, уточнил Сашка.

– В субботу. На неделе рабочей гулять вроде как неместно, а в субботу в самый раз будет.

– Ну, значит, в субботу, – кивнул Сашка и, попрощавшись, вышел из кабинета.

Спустя три дня автомобиль привез их во дворец Белосельских-Белозерских, которые и проводили этот прием. Сашке уже объяснили, что эти граждане принадлежат к партии, которая радеет за страну и стоит на стороне князя Тарханова. В общем, их опасаться не следует. Вообще, все эти политические расклады и связи нагоняли на парня тоску и вызывали приступы немотивированной агрессии, но Сашка держал себя в руках, не давая воли эмоциям.

Пошитый специально для приема фрак на этот раз был удобен и движений не стеснял. Да и смотрелся Сашка в нем весьма импозантно. Выше среднего роста, широкоплечий, подтянутый. Только физиономия подкачала. Настоящая разбойничья рожа. По-другому не скажешь. Впрочем, по поводу собственной внешности он никогда не обольщался. Покинув машину у парадного крыльца, они поднялись и, войдя в прихожую, передали мажордому приглашения.

Сашка с первого взгляда понял, что приглашения не более чем формальность. Князя Тарханова тут знали. Мажордом, почтительно поклонившись, вызвал слугу и, перепоручив гостей ему, устремился к следующим. Слуга, ловко лавируя промеж уже прибывших, проводил гостей в приемный зал, где и оставил, быстро пояснив, где что находится. Адъютант, получив от старого князя команду обеспечить всю их компанию вином, моментально исчез, но уже через три минуты появился в сопровождении очередного слуги с подносом, уставленным бокалами.

Пригубив вина, Сашка не спеша огляделся. Народ тут явно кучковался по принадлежности к той или иной фракции, но то и дело кто-то отходил в сторону, чтобы перекинуться парой слов с кем-то из другой группы. Но все собравшиеся то и дело принялись

оборачиваться в их сторону, бросая на Сашку любопытствующие взгляды. Чувствуя себя неуютно, парень повернулся к залу спиной и сделал вид, что ему интересны вновь прибывающие.

– Правильно, – тихо одобрил его действие князь. – Заодно постарайся запомнить хоть кого-то.

– А оно мне надо? – не удержался парень.

– Не помешает, – усмехнулся Алексей Михайлович. – Так, ребятки. Сережа, присмотри тут, а мне поговорить кое с кем надо, – добавил он, моментально подобравшись, словно хищник перед дракой.

Ловко двигаясь, он моментально сместился куда-то в толпу, исчезнув из поля зрения.

– Ну, и чем займемся? – потерев пальцами шрам, спросил Сашка.

– Для начала я стану вам рассказывать, кто тут кто и чем занимается, а вы постарайтесь все это запомнить. Поверьте, пригодится, – добавил он с ироничной усмешкой.

В ответ Сашка только обреченно кивнул. Лейтенант принялся тихо, коротко, но очень метко характеризовать всех, кто попадался им на глаза. Слушая его, парень только диву давался, как ловко у молодого офицера это получается. Все шло своим чередом. Хозяин дома представил гостям внука князя Тарханова, провозгласив тост в честь воссоединения семьи. Потом некоторое время звучала музыка, после чего в зал вошел сам император. Пройдясь по залу и поприветствовав гостей, он отговорился тем, что сильно занят, и исчез.

Глядя на все это, Сашка только что в затылке не почесал, не понимая смысла происходящего. Стоявший рядом Сергей, моментально сообразив, в чем заключается его затруднение, начал тихо пересказывать правила этикета для подобных мероприятий. Сашка слушал его внимательно, то и дело прихлебывая вино. Он уже почти опростал бокал, когда кто-то из гостей сильно толкнул его в плечо. Успев отодвинуть тару так, чтобы не облиться, парень оглянулся на виновника происшествия и наткнулся на злой взгляд.

– Не надо стоять на пути, молодой человек, – прошипел мужчина средних лет.

– Глаза разувать надо, когда идешь, – рыкнул в ответ парень, глядя ему в глаза.

Сергей, чуть вытянув шею, нашел взглядом кого-то и, качнув головой, указал взглядом на неизвестного. Тут же рядом с ним, словно

из-под земли, появились двое с военной выправкой и, ласково ухватив мужика под руки, куда-то увели.

– Похоже, нас тут и вправду охраняют, – пробурчал про себя Сашка, наблюдая за действиями людей в гражданском. – А куда дед делся? – задался он вопросом, сообразив, что старого князя давно не видно.

Этой мыслью он и поделился с лейтенантом. Чуть подумав, Сергей кивнул и, взяв Сашку под руку, медленно повел по залу, тихо поясняя свои действия.

– Тут в нескольких местах есть укромные кабинеты, навроде альковов. Там любят уединяться парочки во время балов. Нам нужно их осмотреть.

– Что-то серьезное? – насторожился Сашка.

– У его сиятельства должна состояться встреча с не самыми приятными людьми, – поморщился лейтенант.

– Что-то опасное? – спросил парень, чувствуя, как забилося сердце.

– Не думаю. Здесь они не рискнут что-то предпринять, но разговор может оказаться очень неприятным, – задумчиво протянул Сергей.

– Тогда, может, нам следует разделиться?

– Плохая идея, – качнул Сергей головой. – Как только я отойду, вас снова попытаются поддеть. Так что просто идем, и смотрим.

Так, тихо беседуя, они миновали почти весь зал, когда лейтенант слегка сжал пальцы, еле слышно прошипев:

– Вот он, с иностранцами спорит.

Посмотрев в сторону, куда смотрел адъютант, Сашка увидел, как дед, чуть улыбаясь, отвечает какому-то очень рассерженному мужику. Тот, нависая над князем, что-то шипел, то и дело сжимая кулаки. Освободив руку, Сашка решительно двинулся в ту сторону. Ему было наплевать, что он может нарушить приватность их беседы. Старику угрожали, и терпеть это парень не собирался. Он уже почти добрался до алькова, когда перед парнем вдруг появился крепкий высокий мужчина.

Преградив ему путь, он выставил перед собой ладонь и с сильным акцентом произнес:

– Здесь частная беседа, господа. Прошу вас покинуть это место.

– Пшел прочь, скотина, – рыкнул Сашка, хватая его за пальцы и одним ловким движением выворачивая ему руку в противоестественном направлении.

Не ожидавший ничего подобного мужчина охнул и, пытаясь унять боль в вывернутой руке, встал на носочки. Сашка одним движением выдернул его на себя и, повернув руку, прибавил ускорения толчком в подбородок. Не удержавшись на ногах, мужик влетел головой в колонну и, скатившись по ней на пол, затих. Князь, сидевший лицом к выходу, заметил эту короткую схватку и, не дослушав своего оппонента, поднялся. Выговаривавший ему что-то мужик окончательно взбеленился и, схватив его за локоть, яростно выкрикнул:

– Вы не смеее вмешиваться в эти дела, старый идиот!

Вместо ответа князь Тарханов влепил ему оглушительную пощечину. Несмотря на возраст, рука у Алексея Михайловича оказалась тяжелой. У мужика даже голова мотнулась. Зарывав, тот вскинул кулак, и тут в голове Сашки словно струна порвалась. Тихий звон в ушах, и розовая пелена перед глазами. Парень влетел в альков и ухватил неизвестного за поднятую руку. Что было дальше, он уже не помнил. Очнулся, когда понял, что перед ним стоит дед, сжимая в ладонях Сашкино лицо и крича:

– Саша! Сашенька! Всё! Всё уже, внучок. Успокойся!

На плечах Сашки висели трое. Двое из них пытались удержать ему руки, а третий просто пытался прижать предплечья парня к его же телу. Замерев, парень тяжело помотал головой, хрипло спросив:

– Где эта сволочь?

– Вон, лежит, – ответил князь, кивая головой куда-то себе за спину. – За доктором уже послали. Слава богу, что дышит еще.

– Да я ему вообще башку оторву, – зарывал Сашка, снова начиная злиться.

– Все, Саша, уймись, – жестко осадил его дед. – И так натворил дел, – добавил он значительно тише.

* * *

– ...какой скандалище... одним ударом о стену... словно взбесился, – все эти фразы Сашка слышал словно сквозь вату.

Удары сердца отдавались в ушах и висках набатом, а в глазах все еще стояла розовая пелена. Отдышавшись, парень обвел столпившихся вокруг людей долгим мрачным взглядом и, убедившись, что смотреть ему в глаза не решается никто, повернулся к деду.

– Поехали отсюда, пока я еще чего не натворил, – глухо прохрипел парень, покосившись в сторону лежащих на полу тел.

Над ними уже хлопотал врач. Князь, мрачно покосившись в ту сторону, мрачно вздохнул и, кивнув, взял Сашку под локоть, еле слышно буркнув:

– Вот уж не ожидал такого...

– Ты о чем, дед? – сглотнув пересохшим горлом, осторожно уточнил парень.

– Черт тебя дернул влезть не вовремя, – проворчал старик. – Я его специально из себя выводил, чтобы повод был за глотку взять. А тут ты.

– Предупреждать надо, – буркнул в ответ Сашка, направляясь к выходу.

Их догнал адъютант и, подстроившись под шаг, быстро доложил:

– У охранника челюсть сломана и голова пробита. А вот барону не повезло. Сломаны ребра, обе руки и повреждена шея. Боюсь, он больше служить не сможет, – закончил Сергей, усмехнувшись и уважительно покосившись на Сашку. – Второй, что помешать Александру Викторовичу хотел, имеет поврежденное колено и так же сломанную челюсть, – закончил он доклад.

– И то хлеб, – чуть помолчав, вздохнул князь, продолжая двигаться вперед.

Но буквально через несколько метров путь им заступили сразу четверо. По тому, как напряглась рука старика, Сашка понял, что приключение еще не закончилось.

– Не так быстро, князь, – произнес стоявший первым мужчина, с каким-то странным, гортанным акцентом. – Ваш так называемый внук нанес нам серьезное оскорбление.

– Вы уверены, что хотите стреляться с ним? – моментально взяв себя в руки, спросил старик, гордо выпрямившись.

Столпившиеся вокруг разом замолчали. Судя по их реакции, кое-какие сведения о Сашкином прошлом собравшимся были известны. Заступившие им дорогу быстро переглянулись, и заводила, мрачно качнув головой, ответил:

– Нет. Такие оскорбления разрешает только честная сталь.

– Думаете, с саблей вам повезет больше? – иронично усмехнулся старик.

– Нет. Не сабли. Честная сталь настоящего дворянина, шпага, – пафосно возразил неизвестный. – Мы настаиваем на поединке. Здесь и сейчас.

Алексей Михайлович бросил быстрый взгляд на парня, и Сашка понял, что ничего еще не закончилось. Осторожно отодвинув деда в сторону, он шагнул вперед и, расправив плечи, негромко ответил:

– Я солдат и не владею шпагой...

– Кто бы сомневался, – презрительно усмехнулся мужчина.

– Но это не значит, что я откажусь от поединка. Раз уж сабля для вас недостаточно честна, то пусть будет шпага. Через десять минут, в саду, вы и я, – твердо закончил парень, глядя неизвестному в глаза.

– Наш вызов происходит от фракции, но защищать ее честь будет синьор Бочелли, – ответил мужчина, опустив взгляд и слегка отступив назад. – Для человека, которого никто не знает, это честь.

«Бойца выставили», – моментально сообразил Сашка, окидывая быстрым взглядом.

– Саша, ты не можешь... – схватив его за руку, горячо зашептал князь, но парень, сжав его пальцы, еле слышно ответил:

– Не суетись, деда. Я же говорил, я солдат.

Гости, разгоряченные происшествием, дружно потянулись в сад, где вскоре должно было произойти очередное кровавое действо.

«Хлеба и зрелищ, – усмехнулся про себя Сашка, глядя на эту толпу. – Что в древности, что теперь. Что потом. И чем более жестоко зрелище, тем лучше».

Шагая следом за князем, парень вслушивался в свои ощущения и с удивлением понял, что не боится. В его душе было всё. Злость, ненависть, презрение, даже веселая бесшабашность, не было только страха. И именно это больше всего напугало самого Сашку. Таким он себя не помнил. Никогда. Раньше, до начала своих приключений, он

был обычным человеком. Знал и страх, и боль, и презрение, но вот таким, безбашенным, он никогда не был.

Услышав над ухом чей-то голос, Сашка усилием воли заставил себя сосредоточиться и понял, что лейтенант уже несколько минут пытается ему что-то рассказать.

– Простите, Сергей, – извинился он перед офицером. – Я прослушал то, что вы сказали.

– Однако, – растерянно протянул лейтенант. – Хотя я вас понимаю. В общем, этот итальянец, по слухам, принадлежит к ордену иезуитов и выполняет для фракции некоторые щекотливые поручения. Надо признать, что фехтовальщик он изрядный. Бретер, одним словом. На его счету уже семь дуэлей, и все закончились в его пользу. Из его противников трое умерли, остальные вынуждены были отойти от дел.

– Умеешь ты ободрить, – фыркнул Сашка, которым вдруг овладела какая-то злая веселость. – Лучше скажи, что в поединке можно делать, а что нельзя.

– Нельзя бить ногами, наносить удары шпагой в торс ниже пояса и словесно оскорблять противника.

– В торс, ниже пояса? – удивленно переспросил парень. – А что, бывало и такое?

– Всякое бывало, – вздохнул лейтенант, заслужив укоризненный взгляд князя.

– Саша, на что ты рассчитываешь? – вдруг спросил старик, поворачиваясь к нему всем телом. – Это бретер. Его специально отправляют в такие дела. Убивать. Откажись. Я объявлю, что ты не владеешь шпагой, и потребую предоставить тебе возможность выставить поединщика. Правилами это допускается.

– Поздно, дед, – вздохнул Сашка. – Слово сказано.

– Саша... – голос старика дрогнул, и глаза вдруг странно блеснули.

– Не торопись меня хоронить, дед, – улыбнулся Сашка, сам не понимая причины своей уверенности.

Они спустились в сад и прошли на поляну, которую хозяин выделил под поединок. Гости уже собрались вокруг и негромко переговаривались, обсуждали будущую дуэль, разглядывая красовавшегося перед ними итальянца. Появление князя с внуком и десятком поддерживающих его дворян было встречено молчанием.

Обведя собравшихся долгим взглядом, Сашка мрачно хмыкнул про себя.

Большая часть гостей находилась тут только из любопытства. Те самые политические фракции, которые и заварили всю эту кашу, представлялись десятком избранных от каждой. Остальные же были или равнодушные, или просто сочувствующие. Это было видно по тому, как гости разделились. От края поляны, где стоял итальянец, отделился импозантный мужчина и, подойдя к князю, коротко поклонился.

– Чем могу служить, граф? – спросил Алексей Михайлович, отвесив не менее изысканный поклон.

– Я уполномочен объявить условия дуэли, ваше сиятельство. Синьор Бочелли желает драться шпагой, с засученными рукавами, в одной рубашке. Надеюсь, эти условия не кажутся вам обременительными? – уточнил граф, коротко поглядывая на Сашку.

– Передайте синьору Бочелли, что я готов драться с ним даже обнаженным по пояс, – опередив деда, ответил парень, криво усмехнувшись.

Он давно уже заметил, что именно такая усмешка, когда шрам кривится особо сильно, вызывает у людей оторопь.

– Думаю, он с удовольствием принял бы ваше условие, но здесь дамы, – нашелся граф и, еще раз поклонившись, отправился обратно.

Граф, вернувшись к своим, быстро им что-то сказал и, перехватив у слуги пару шпаг, вышел на поляну и, вскинув клинки над головой, продемонстрировал их собравшимся. Потом он воткнул в землю одну шпагу и, пройдя в сторону Сашки шагов семь, воткнул в землю второй клинок. То, что обе шпаги одинаковы, сомнений не вызывало. Слишком уж все было сделано демонстративно. Так что осталось только дожждаться сигнала.

Скинув фрак, Сашка быстро закатал рукава и, расстегнув ворот рубашки, сделал глубокий вдох. Медленно выпуская воздух сквозь плотно сжатые губы, он нагонял в кровь адреналин. Спустя минуту от такой гимнастики в ушах снова начало стучать, а мышцы налились новой силой. Сам того не замечая, парень тихо зарычал. Стоявший рядом с ним лейтенант растерянно оглянулся на князя и опасливо отодвинулся в сторону. Но Сашка уже ничего не замечал. Сейчас у него был только один враг.

Вставший посреди поляны граф вскинул над головой белый платок и, посмотрев на обоих поединщиков, резко опустил руку, громко скомандовав:

– Сходитесь.

Итальянец сделал пару танцующих шагов и, одним жестом выдернув из земли шпагу, продолжил движение. Шел он легко, мягко, словно кот на прогулке. Сашка, двинувшись вперед одновременно с ним, перехватил рукоять своего оружия обратным хватом и, выдернув клинок, так и зашагал дальше, даже не пытаясь развернуть шпагу. Адреналин в крови обострил все его чувства до невозможности. Парень даже рассмотрел, как в глазах итальянца мелькнуло удивление.

Расстояние сократилось до трех шагов, и Бочелли, не останавливаясь, сделал красивый выпад, целя концом своей шпаги в грудь парню. Прямо под левый сосок. Сашка, все еще держа шпагу обратным хватом, начал двигаться вместе с противником. Сделав короткий шаг в сторону, он одновременно отбил клинок противника своей гардой, развернув шпагу концом к противнику, и тут же нанес удар ему в живот.

Не останавливаясь, он рывком распорол рану и, разворачиваясь на пятке, перехватил оружие. Бочелли, опустив шпагу, начал сгибаться, прижимая левую ладонь к расплоскованной печени, и в этот момент Сашка, используя скорость своего поворота и замах, нанес еще один удар. По шее. Удар был нанесен передней четвертью клинка. Сашка, используя все возможные силы и скорость замаха, хотел просто перебить итальянцу шею, чтобы лишить противников бретера, но то, что случилось, напугало его самого.

Клинок, свистнув в воздухе, с глухим треском врезался в шею и, чуть прогнувшись, двинулся дальше. Тело итальянца вздрогнуло, и что-то с глухим стуком покатилося по аккуратно подстриженной траве. Итальянец покачнулся и медленно завалилось на землю, заливая траву кровью. Только теперь Сашка рассмотрел, что именно катилось. Голова противника. Он умудрился отрубить ему голову шпагой, предназначенной для нанесения колотых ран.

Моргнув, парень чуть тряхнул головой, словно пытаясь отогнать наваждение, и, очнувшись, сообразил, что так и стоит, со шпагой в опущенных руках, на полусогнутых ногах. Нанося удар, он вложил в него все, включая вес собственного тела. Зрители ахнули, не веря

собственным глазам. Сашка, усилием воли разжав пальцы, выронил шпагу на траву и, медленно выпрямившись, двинулся к замершему, словно статуя князю, старчески шаркая ногами.

– Господи! – жарко выдохнул Алексей Михайлович, истово перекрестившись. – Сашенька, да как же это? Шпагой!

– Говорил же, я шпагой не владею. Только саблей, – прохрипел Сашка и, жестом подозвав к себе попавшегося на глаза слугу, приказал: – Вина принеси, братец. В горле пересохло.

– Сей момент, сударь, – робко поклонился слуга и умчался, чтобы вернуться обратно минуты через две, с подносом в руках, на котором стоял бокал с вином.

Осушив тару в три глотка, парень устало потер ладонью лицо и, посмотрев на князя, вздохнул.

– Дед, я ведь предупреждал, что добром это не кончится. Теперь еще и с этим тебе разбираться.

– Нашел о чем думать, – растерянно отмахнулся старик, поглядывая на тело итальянца. – Этого бретера давно уже черти с вилами в аду ждут. Ты мне скажи, как ты это сделал? Шпагой!

– Рассердился очень, – выкрутился Сашка, пожимая плечами. – Поехали домой, а? Устал я чего-то, – жалобно добавил он, мечтая убраться отсюда куда подальше.

– И правда, загостились, – взяв себя в руки, кивнул князь.

Лейтенант подал парню фрак и, встав с другой стороны, отправился с ними к машине. Плюхнувшись на сиденье, парень вдруг почувствовал, как затряслись руки, а спину заломило от прилива адреналина. В глазах слегка потемнело, и неожиданно сильно заболела голова. Заболела так, что Сашка, не удержавшись, тихо застонал.

– Что с тобой? – тут же всполошился князь.

– Голова болит, – признался парень. – Дед, прикажи скорости прибавить. Мне полежать надо, – попросил он, теряя сознание.

* * *

Глаза медленно открылись, и Сашка не сразу понял, где находится. Потом, кое-как сфокусировав взгляд на громадном бархатном балдахине, вспомнил, что это его спальня. Точнее, спальня в

отведенных ему дедом комнатах. Мысли текли вяло, словно ползли. Не хотелось ни вставать, ни вообще шевелиться. Навалилась какая-то странная опустошенность.

«Блин, а чего это меня никто не будит? – лениво подумал Сашка, скосив глаза на дверь спальни. – Состояние такое, словно я вчера надрался до розовых соплей. Стоп. А чего вчера было-то? Я ж вроде не пил. Ну, точно, почти не пил. Пара бокалов какой-то кислятины, и все. Ой бли-и-ин! – Воспоминания навалились так, словно в мозгу плотину прорвало. – Я ж того итальянца как барана зарезал! Ой, мама, чего будет!!!»

Подхлестнутый воспоминаниями, Сашка сел в постели и тихо застонал от накатившей головной боли. Сжав ладонями виски, он переждал приступ и, отдышавшись, медленно спустил ноги с кровати. Следующим этапом был сам процесс вставания, но прежде нужно было дожидаться, когда перестанет кружиться голова. Приступ закончился так резко, как и начался, а вместе с облегчением в комнату вошел князь.

– Как ты, Сашенька? – послышался вопрос.

В голосе старика было столько участия, что Сашка невольно смутился. Ожидая окончания приступа, он успел подумать, не было ли все случившееся накануне одной большой интригой. И вот теперь, услышав голос старика, понял, что сильно ошибся. Князь действительно беспокоился за него. Взяв себя в руки, Сашка выпрямился и, улыбнувшись, ответил:

– Почти нормально, дедушка. Не беспокойся. После контузии у меня это иногда бывает. Доктор сказал, со временем пройдет.

– Зря ты встал, внучок. Тебе б полежать еще, – засуетился князь, подхватывая его под руку, чтобы помочь.

– Все нормально, дед. Все нормально. Если не торопиться, то все будет нормально, – бурчал Сашка, отодвигая старика и упрямо направляясь в туалетную комнату.

Умывшись и приведя себя в порядок, он натянул штаны и, вернувшись в спальню, медленно опустился в кресло. Матвей, сопровождавший князя, статуей замер в дверях, ожидая приказаний. Улыбнувшись ему одними губами, Сашка неожиданно для себя вдруг понял, что дико голоден, и, тихо порадовавшись, что слуга в комнате, попросил:

– Матвей Степанович, скажи там, чтоб подали хлеба, сыра, ветчины, пару булочек сладких и кофе побольше. Есть хочу, – сообщил он, повернувшись к деду.

Князь, одобрительно кивнув, жестом отпустил слугу и, усевшись в кресло напротив, участливо спросил:

– Саша, ты уверен, что тебе можно кофе пить?

– Вчера нельзя было. А сегодня уже можно, – решительно кивнул парень. – И вот еще что, дед. Нам поговорить нужно. Серьезно. Обстоятельно. До этого у нас времени не было. События как паровоз с горки неслись. А вот теперь пришло время. Уж больно много вопросов у меня скопилось.

– Пожалуй, – помолчав, задумчиво кивнул старик. – Поговорить нам и вправду требуется. Особенно после всего, что случилось.

– Вот и я о том, – кивнул Сашка.

– Ты мне только одно сначала скажи, – неожиданно улыбнулся князь. – Ты с чего вчера так взбеленился?

– Увидел, как тот иностранец посмел на тебя замахнуться, вот и сорвался, – вздохнул Сашка, смутившись.

– Но с чего? – так и не понял князь. – Он бы все равно не посмел.

– А я это знал? – иронично хмыкнул парень. – Знаешь, дед. Я всю жизнь жил по нескольким правилам. Никого не трогай первым, не лезь в чужие дела и за своих рви глотки. Вот и кинулся.

– Да уж, кинулся, – растерянно вздохнул князь. – Сержанта морской пехоты, который тебе первым дорогу заступил, уделал, как семинариста – первогодку. А ведь он и в рукопашной и в абордажной схватке толк знал. Про офицера адмиралтейства и говорить не стану. Одно слово – инвалид. Никто ничего и понять не успел, как ты его по стенке размазал. Ну, а про итальянца того и вообще вспоминать нечего. Одного только никак в толк не возьму. Как ты умудрился ему дуэльной шпагой трехгранного сечения башку снести? Это ж невозможно.

– Я тоже раньше так думал, – растерянно усмехнулся Сашка. – Но, видать, рассердился сильно, вот и получилось, что получилось. А вообще, это сабельный прием. Когда с двумя противниками сражаешься, и они на тебя друг за дружкой набегают. Потому и вышло все так. Лихо.

Их беседу прервало появление целой процессии слуг с подносами. Быстро сервировав столик, стоявший у кресел, Матвей

окинул его придирчивым взглядом и, поклонившись, жестом отправил слуг. Потом бросил на князя вопросительный взгляд и, дождавшись утвердительного кивка, принялся разливать кофе по чашкам. Закончив, он бесшумно поставил кофейник на поднос и исчез за дверью.

– Так о чем ты хотел спросить? – напомнил князь, отпив кофе.

– Я попробую по порядку, но ты уж прости, если стану с темы на тему прыгать. Вот для начала. Почему император так мало знает о том, что делается в стране. Я имею в виду экономику. Ну, помнишь наш разговор на приеме?

– Да, помню, – кивнул старик. – Так ведь его к такому и не готовили, – вздохнул он.

– Как это? – не понял Сашка.

– Ах да. Ты ж не знаешь, – вспомнил князь. – Наследником престола был его старший брат, Александр. Но когда императора не стало, началась череда очень неприятных происшествий. Сначала убили губернатора Петербурга. Бомбисты.

«Такое вроде и у нас было, – кивая, подумал Сашка. – Или это раньше у нас случилось? Блин, спасибо тебе, дядя Сеня. Научил дурака книжки читать и хоть какие-то знания передал. Дай тебе бог здоровья».

– Потом на самого наследника был совершено покушение, но его отбили. А через полгода Александр заразился оспой и еще через три месяца умер. Вот и пришлось Николаю короноваться. Хотя какой из него император, – князь удрученно махнул рукой. – Хватки у него нет. Характера.

– А Мария Федоровна? – осторожно спросил парень. – Ну, вдовствующая императрица, она-то куда смотрит? Уж у нее хватка должна быть железная.

– Это верно, – одобрительно кивнул князь. – Но пока есть прямой наследник, она не может принять власть.

«Это, блин, для моих мозгов слишком сложно», – скривился про себя Сашка.

– Тогда как получилось, что в империи иностранцы себя чувствуют, как в своей колонии? – спросил он, припомнив прошлый вечер. – И даже смеют императорскому советнику угрожать.

– Пока шли события, про которые я уже упоминал, они осмелели, а когда на трон сел Николай, все так и осталось, потому как он не

желает обострять отношения с западными соседями. Вот теперь и приходится своими силами порядок наводить.

– Дед, а жандармы на меня за ту дуэль дело не заведут? – вдруг спросил Сашка.

– Жандармы на нашей стороне. Да и не станут они суетиться. То дуэль была. И свидетелей тому множество, – отмахнулся князь. – Вот император, тот может возмутиться. Не любит он таких происшествий, – скривился старик. – Но пока молчит. Похоже, не знает, как на все это реагировать. Слишком уж все странно получилось. И слишком быстро. Зато от всяких владельцев салонов приглашения уже пачками несут. Ты теперь в столице знаменитость, – усмехнулся старик, лукаво подмигнув парню.

– Думаю, иностранцы так просто это дело не оставят, – задумчиво протянул Сашка.

– Думаешь, покушение устроят? – моментально подобрался князь.

– Скорее всего, – кивнул парень. – Мы с тобой им крепко мешаем. Ты своей деятельностью, а я как твоё силовое прикрытие.

– Как-как? Силовое прикрытие? – удивленно переспросил князь.

– Ну да. Как тот сержант, которого я о столб стукнул, – напомнил Сашка. – Ты голова, а я кулаки.

– Интересное определение. Не слыхал, – кивнул князь, с интересом поглядывая на парня.

– От меня и не такое услышишь, – отмахнулся Сашка, мысленно стукнув себя кулаком по лбу. – Сам понимаешь, мне приходится сразу на двух языках думать.

– И верно, забыл, – растерянно кивнул старик.

Дверь распахнулась, и в спальню, шурша шлейфами и кринолином, стремительно вошли все три Сашкины тетки. Для завтрака Сашка надел только штаны, так что сидел перед дедом с голым торсом и, когда вошли женщины, несколько смутился, припомнив, что в этом мире такое неглиже считается моветоном.

– Сиди, не подпрыгивай, – решительно приказала старшая тетка, заметив его попытку подняться.

– Да я одеться хотел, – еще больше смутился парень.

– Уймись. Чего мы там не видели. Взрослые, замужние бабы, – фыркнул та, рассматривая его. – Погоди. Это ведь свежий шрам, – ее

веее обличительно указал на след от сабли абрека на груди парня. – Еще даже выцвести не успел.

– Угу. Это я на Кавказе получил, – вздохнул Сашка, уминая очередной бутерброд.

Раз уж теткам его вид пофигу, то ему тем более. Да и жрать хотелось, как не в себя.

– А крепко ты повоевал, – не унималась Наталья. – Всего разукрасили.

– Уймись, заполошные, – добродушно рыкнул дед. – Дайте парню поесть спокойно. Чего примчались?

– Так ведь сказали, что он там едва ли не с целой ротой британской морской пехоты дрался, – всплеснула старшая тетка руками. – Вот и приехали узнать, как оно на самом деле было. Может, помощь какая нужна?

– Нормально уже все, – отмахнулся князь. – Рассказывайте, что там еще говорят, – потребовал он, незаметно подмигнув Сашке.

– Много чего говорят. Но все больше байки, – отмахнулась Наталья. – Но и напомнили нам кое о чем серьезном, – добавила она, покосившись на Сашку.

– Это о чем же? – насторожился князь.

– Про уговор с графом Разумовским. Который старший, – намекнула она с каким-то тайным смыслом.

– А ведь и правда был уговор, – кивнул князь с заметной растерянностью.

– Это вы про что? – осторожно уточнил Сашка, перестав на минуту жевать.

– Ты ешь, ешь, – повернулся к нему старик. – Это я потом тебе расскажу.

– Саша, так с тобой действительно все в порядке? – повернулась к нему Наталья. – А то я знаю, что тебя в дом на руках внесли.

– Было такое, – мрачно вздохнул Сашка. – После контузии мне сильно нервничать нельзя. А тут разом навалилось всё. Вот меня и отключило.

– Это опасно? Это лечится? – посыпались вопросы словно горох.

– Тихо вы, – снова рыкнул князь. – Лечится все. Временем. И покоем. Врач так сказал.

Сашка только кивнул в подтверждение, продолжая есть. Тетки переглянулись и, дружно пожав плечами, снова устали на парня. Сашка даже поежился под этим перекрестным обстрелом зеленых глаз.

– Ступайте в столовую. Чаю пока попейте. Нам поговорить надо, – скомандовал князь, и женщины, развернувшись словно по команде, вышли.

«Ловко это у него, получается», – одобрительно подумал парень.

– Ладно, Саша. Отдыхай, – вздохнул князь, поднимаясь. – Пойду. Дел еще столько, что заранее страшно.

– Надеюсь, я тебе не сильно все обгадил? – спросил Сашка, глотнув кофе.

– Пока не знаю, но думаю, что мы из этой истории поймеем много выгод, – хитро прищурившись, усмехнулся князь. – Хотя про тебя лично я пока ничего не скажу. Но обещаю, что сделаю все, чтоб тебя это не коснулось.

Хлопнув его легонько по плечу, князь вышел, а парень, проводив его взглядом, задумался. То, что историю с дуэлью ему не простят, он был уверен. Но больше всего его удивил то, как он сорвался. Такого Сашка сам от себя не ожидал. Самым удивительным был результат дуэли. Снести человеку башку дуэльной шпагой! Это даже не анекдот. Это из области «очевидное – невероятное».

По всему выходило, что тело его предшественника кто-то чему-то основательно учил. Но кто и чему? Никаких фактов у Сашки по этому поводу не было. Только один странный сон и неожиданное умение владеть холодным оружием и собственным телом. Драться он умел с детства, да и дядя Сеня кое-чему обучить успел, но делать это так, как было вчера, ему никогда не доводилось.

* * *

Два дня Сашка приходил в себя после того памятного вечера, а на третий вдруг проснулся словно заново родившимся. Не было ни апатии, ни ноющей головной боли, а самое главное, настроение было просто праздничным. Умывшись и почти залпом выхлебав чашку кофе, парень вышел на заднее крыльцо особняка, выводившее в сад, и, сделав несколько глубоких вдохов, удивленно подумал: «Друг ситный,

а ты случаем не с ума сходишь? То депресняк, то в драку кидаешься, словно пес цепной, а теперь вот восторг щенячий. Крыша едет, дом стоит. Где-то так. А хотя... И хрен бы с ним», – с усмешкой отмахнулся он от собственных мыслей.

Вернувшись в дом, парень залез в шкаф и, достав из него баул с оружием, вытянул трофейную саблю. Бросив ножны на кровать, парень снова выскочил на заднее крыльцо и, пробежав подальше от дома, свернул на небольшую ухоженную полянку перед уютной беседкой, заросшей диким виноградом.

Бросив клинок на траву, Сашка быстро разогрелся и, подхватив саблю, принялся повторять упражнения, которые отрабатывал еще на корабле по дороге из Африки. Клинок свистел, пластая воздух и отбрасывая блики на листву. Сашка метался по поляне, ведя бой с воображаемым противником и совершенно забыв обо все на свете. Закончив, он замер в странной позе, дыша ровно и глубоко, словно кузнечные мехи воздух качают.

Из полутрансового состояния его вывели одиночные хлопки. Выпрямившись, Сашка не спеша оглянулся и, увидев деда, смущенно улыбнулся.

– Лихо у тебя, получается, – оценил князь, медленно выходя на полянку. – Я и представить не мог, что кто-то может такое делать.

– На Кавказе могут, – усмехнулся Сашка, машинально потерев шрам на груди.

– А я за тобой пришел, Сашенька, – понимающе кивнув, сообщил князь.

– В такую рань? – насторожился парень. – Случилось чего, дед?

– Слава богу, нет, – отмахнулся старик. – Вечером мы с тобой на прием приглашены, к графу Разумовскому.

– Шо, опять? – просипел Сашка голосом мультяшного волка и, сообразив, что в этом мире шутку не оценят, в очередной раз обложил себя матом.

– Господь с тобой, – тихо рассмеявшись, махнул дед рукой. – Просто прием. Ну, и дело кое-какое там у меня будет.

– Темнишь, дед, – вздохнул Сашка, глядя ему в глаза. – Ты ежели чего, лучше сразу предупреждай, чего ждать. А то я опять взбеленюсь, твоих интриг не зная, а тебе потом холку намылят.

– Саша, – укоризненно протянул князь.

– Ну, прости, дед, – развел парень руками. – Но ведь сам знаешь, что я прав.

– Да я не про правоту твою, а про выражения, – качнул старик головой.

– Привыкай, дед, – вздохнул парень. – Я ведь не гимназию заканчивал, а церковно-приходскую школу, а потом все университеты в казарме проходил. Я даже писать толком по-русски не умею.

– М-да, – крикнул старик. – Это надо срочно исправлять.

– Не горит, – отмахнулся Сашка. – В любом случае писать мне пока некому, так что просто не обращай внимания на мои выражения. Считай, что это такой французский юмор.

– Да уж, юмор, – хмыкнул князь. – Ладно. Сейчас и вправду не до того. В общем, я чего тебя искал. К семи вечера будь готов. Одет, умыт, побрит и начищен, словно медяшка на корабле.

– Я не понял, ты меня сватать, что ли, собрался? – моментально подобрался Сашка.

– Пока нет, но разговор именно о том и пойдет, – сознался старик, удивленно посмотрев на него.

– Дед, а не рано? – помолчав, мрачно спросил Сашка. – У нас еще дело с дуэлью не разрешилось. Не хотелось бы невинного человека под молотки подставлять.

– Там не так все просто, – кивнув, принялся пояснять старик. – Подробности я тебе потом расскажу, но решить этот вопрос нужно сейчас. И так затянули.

– Вопрос не удавка, не задавит, – хмыкнул парень. – Ладно. Не стану спорить. Но я тебе еще раз повторяю. Подумай как следует. Пусть все успокоится. Ну, ты же лучше меня все придворные расклады знаешь. Так тогда чего лошадей гнать?

– Ты не все знаешь, Саша, – вздохнул князь. – Вечером поговорим, – резко закруглил он разговор и, развернувшись, быстрым шагом направился к дому.

– Блин, вот только женитьбы мне и не хватало, – тихо проворчал Сашка, глядя ему вслед. – Нет уж, дед. Извини, но об этом говорить пока рано.

Вернувшись в дом, он переоделся, умылся и, вернувшись в отведенную ему гостиную, вдруг понял, что не знает, чем заняться. До этого дня у него все время было занято подготовкой к различным

приемам и встречам, и вот теперь он оказался предоставленным самому себе на целых полдня. Побродив по комнате, Сашка задумчиво посмотрел на колокольчик, которым вызывали слуг, и, вздохнув, вышел в коридор.

Припомнив, что в гараже стоят аж три автомобиля, парень решительно направился туда. Возиться с техникой ему всегда нравилось больше, чем общаться с людьми. В гараже водители, столпившись у одной из машин, что-то бурно обсуждали. Глянув на их перепачканные смазкой физиономии, парень усмехнулся и, заглянув под открытый капот, спросил:

– Не едет?

– Когда разгоняешься, едет, а как скорость побольше, так сразу дергаться начинает, ваше сиятельство, – то ли доложил, а то ли пожаловался один из водителей.

– Чей аппарат? – уточнил Сашка, окидывая водителей внимательным взглядом.

– Мой, – осторожно признался говорливый водитель.

– Дергается на скорости, говоришь, – задумчиво повторил Сашка, заглядывая под капот. – А смесь кто регулировал?

– Так сами.

– Подачу тоже сами?

– Точно так.

– Понятно. Дай-ка отвертку, – потребовал парень, протянув руку.

Подобравшись к карбюратору, он полностью завернул винт холостого хода, после чего, вывернув его на три с половиной оборота, скомандовал:

– Запускай двигатель.

Водитель крутанул кривой стартер, и мотор, чихнув, заработал. Сашка плавно нажал на тягу подачи топлива, и двигатель послушно раскрутился. Водители удивленно переглянулись. Сашка же, вытирая руки, с улыбкой пояснил:

– Винт у него слабый. От вибрации сам раскручивается, и от этого обороты гуляют. Нужно под него пружинку вставить. Тогда она сам винт удерживать будет.

– И что, будет работать? – удивленно уточнил водитель машины.

– А куда он денется? – рассмеялся парень. – Пружинку подходящую ищи. А пока выгоняй во двор. Прокатимся, попробуем ее

на ходу.

Водитель послушно выгнал машину из гаража, и Сашка, усевшись рядом с ним, скомандовал:

– Давай вокруг квартала.

Автомобиль выкатился на набережную и, объехав квартал, вкатился обратно во двор особняка. Мотор тянул ровно, без сбоев. Выйдя из машины, Сашка еще раз напомнил водителю про пружину под винт и уже собрался выяснить у остальных водителей, какие есть проблемы с остальным транспортом, когда подошедший к нему Матвей сообщил, что ему пора приступить к подготовке. Вспомнив про прием, Сашка скривился, но покорно поплелся следом за слугой.

К семи вечера парень был полностью экипирован для посещения очередного дворянского гнезда. Окинув свое отражение в зеркале мрачным взглядом, Сашка вздохнул и отправился в покои деда. Увидев его, князь придирчиво осмотрел парня и, одобрительно кивнув, проворчал:

– Наша порода. Крепкий, поджарый, сразу видно, что боец, а не чинуша. Всё. Поехали, – скомандовал старик, первым устремившись к выходу.

Автомобиль привез их на Васильевский остров и, вкатившись во двор шикарного особняка, остановился у крыльца. Быстро осмотревшись, Сашка приметил еще два десятка автомобилей и несколько роскошных карет. Они прошли в дом, и князь, весело поздоровавшись с встречавшим их хозяином, тут же зацепился с ним языком. Сашка, чувствуя себя несколько забытым, принялся оглядываться, когда на широкой лестнице появилась стройная юная девушка и, стремительно спустившись, быстрым шагом подошла к хозяину дома.

– Вот, ваше сиятельство, извольте видеть. Оленька моя, – гордо улыбнувшись, отрекомендовал девушку хозяин.

– Красавица выросла, – улыбнулся князь. – А вот, позвольте представить, внук мой, Александр. Нашел. Сподобил Господь, – вздохнул старик, незаметно выталкивая вперед Сашку.

– Знакомьтесь, молодые люди, – улыбнулся граф. – Ольга Владимировна, Александр Викторович, – представил он их друг другу.

– Весьма рад знакомству, сударыня, – вежливо поклонился Сашка, припомнив, как ему показывал Матвей.

– Не могу сказать того же, сударь, – сухо отозвалась девица.

– Вот так сразу? – удивился парень, не ожидавший такого ответа.

– А чему тут удивляться? В зеркало на себя хоть иногда поглядывайте, – фыркнула она и, стремительно развернувшись, куда-то унеслась.

– Гм, прошу прощения, господа. Девчонка, что с нее взять. Да и ветер еще в голове гуляет, – принялся смущенно оправдываться граф.

– Пустое, ваше сиятельство, – грустно улыбнулся Сашка. – Я и так знаю, что не записной красавец. Тут ваша дочь права.

– Но что же мы стоим, господа?! – засуетился граф. – Пойдемте в зал. Александр, почувствуйте себя как дома. Напитки, закуска, что пожелаете. Слуги предупреждены, просто скажите любому, чего желаете, они все сделают. А нам с вами, князь, требуется поговорить.

– Это верно, – кивнул старик и, повернувшись к парню, добавил: – Поскучай пока, Сашенька. Мы не долго.

Сашка, кивнув, прошел в зал и, обойдя его по кругу, увидел у стены стайку девиц, верховодила которыми все та же Ольга. Подойдя к ним, Сашка представился и уже хотел было отвесить хозяйке какой-то комплимент, когда девушка, презрительно скривившись, произнесла:

– Сударь, мне вас видеть – нож острый. Сделайте одолжение, застрелитесь.

– Не очень-то это по-христиански, желать ближнему совершить тяжкий грех, – нашелся Сашка, едва сдерживаясь, чтобы не послать ее куда подальше.

– Так то ближнему, а вы мне скорее дальний. И чем дальше, тем лучше, – продолжала язвить девчонка.

– Что ж, не смею больше беспокоить, – сухо ответил Сашка и, развернувшись, направился к выходу из зала.

Но у самой двери его перехватил какой-то юноша и, чуть запинаясь от волнения, заявил:

– Сударь, вы должны немедленно отказаться от всех претензий на руку Ольги Владимировны. В противном случае я буду вынужден вызвать Вас.

– Не торопитесь умирать, молодой человек, – иронично хмыкнул Сашка.

– Господь рассудит, кому умирать, а кому жить, – пафосно фыркнул малец.

«Дитятко, ты стрелять-то умеешь?» – вздохнул про себя Сашка, удивленно разглядывая это недоразумение.

– Не сомневайтесь, сударь, я это сделаю. Так вы откажетесь или нет?

– Начну по порядку. Итак, первое. Я у вас, сударь, не одалживался и ничего вам не должен. Второе, я не очень понимаю, почему вы говорите о женитьбе, если еще ничего не известно.

– Как неизвестно? – не понял юноша. – Все было оговорено еще при рождении Ольги Владимировны, а потом вы пропали. И вот теперь вы снова появились. А мы любим друг друга, – закончил он дрогнувшим голосом.

– Вот оно что, – растерянно протянул Сашка. – Да, некрасиво получается. Простите, сударь, но прежде, чем дать вам какой-то ответ, я должен сперва поговорить с дедом. С князем Тархановым.

– О чем? Тут и так все предельно ясно, – снова вспыхнул малец.

– Вам – может быть. А вот мне пока еще ничего не ясно, – отрезал Сашка.

– Погодите. Так вы что, ничего не знали об этом? – вдруг сообразил юноша.

– Понятия не имел, – развел Сашка руками. – Мне, простите, не до таких мелочей было. Так что давайте пока закончим на этом. И мой вам совет, юноша. Прежде чем посылать кому-то свой вызов, как следует разузнайте все о человеке, с которым собираетесь драться. В противном случае рискуете умереть раньше, чем успеете ахнуть «мама», – жестко закончил Сашка и, развернувшись, легко сбежал по лестнице к выходу.

* * *

– А я тебе говорю, все будет в порядке. Разумовские – семья, известная своими традициями, и Ольга послушает отца, – упрямо повторил князь.

– Дед, ты правнуков хочешь или моей смерти? – устало вздохнув, спросил Сашка.

– Типун тебе на язык! Ты что несешь?! – возмущенно вскинулся старик.

– Тогда отменяй всё, и будем жить, как жили. Ты пойми. Она, еще не видя меня, уже возненавидела. Я не хочу жить и каждого куска хлеба бояться. Вдруг отравит. Или в постель в кольчуге ложиться, чтобы нож в спину не вогнала. Нет, дед. Мне таких радостей не надо, – отрезал Сашка, складывая руки на груди.

– А тот мальчишка чего от тебя хотел? – неожиданно спросил старик.

– Говорил, что жених ее. Грозился на дуэль вызвать, – пожал парень плечами.

– Господи, и этот туда же, – растерянно охнул Алексей Михайлович. – И чего соплякам спокойно не живется?

– Кровь играет, любовь, – иронично усмехнулся Сашка, успев проглотить слово «гормоны» раньше, чем произнес его.

– Любовь, – хмыкнул князь. – Сам молодым был, но голову-то терять не надо. Ладно, – вздохнул он. – Будь по-твоему. Поговорю я с графом. Признаться, мне Ольгина реакция на тебя тоже не понравилась, – нехотя признался он.

– Вот-вот. А вообще, дед, давай договоримся. Прежде чем ты кому-то слово дашь, сначала избранницу мне покажи. Точнее, меня ей. Поверь, первая реакция тебе многое скажет, – грустно улыбнулся Сашка. – И еще. Мой тебе совет, если выслушаешь. Ищи невесту в семье родовой, но сильно обедневшей. У таких и гонору меньше, и за любой шанс выкрутиться хвататься станут. В общем, ты понял. Да и чего тебя учить, сам все знаешь, – махнул парень рукой и, поднявшись, направился к выходу из кабинета, где они вот уже два часа спорили.

– Саша, – окликнул его старик у самой двери. – Ты прости меня старого, – тихо попросил он. – Забыл, что ты давно уже привык все сам за себя решать.

– Бог простит, дед, – улыбнулся парень. – И ты меня прости, что голос на тебя повисил.

– На прием к Головиным поедем? – тут же спросил князь, воспользовавшись тем, что парень расслабился.

– Опять? – скривился Сашка так, что старик, не удержавшись, рассмеялся.

– Ну надо, Сашенька, – вздохнул старик. – Надо.

– Когда? – обреченно уточнил парень.

– В пятницу. В восемь вечера ждут.

– А там что будет? Надеюсь, больше никаких женитьб?

– Нет. И вправду хватит, – открестился князь. – Просто светский прием.

– Уговорил. Поеду, – вздохнул Сашка. – Но учти, дед. Больше ни от кого оскорблений терпеть не стану. И плевать, мужик это будет или баба. Врежу так, что замучаются зубы по полу собирать.

– Господь с тобой, Сашенька, – растерянно перекрестился старик. – Нешто можно так-то?

– Надоело, деда. Я не обезьяна цирковая. Не нравлюсь, и плевать, не навязываюсь, – зло выдохнул парень и, оборвав самого себя, вышел.

– Слово тебе даю, Саша. Ежели еще кто посмеет тебя задеть, тому я лично башку отверну, – вслед ему выдохнул старик.

Свободные два дня Сашка провел в гараже. Быстро найдя общий язык с водителями и механиками, он принялся доводить до ума все имеющиеся в наличии автомобили. Стараниями этой команды очень скоро даже князь заметил, что машины стали реже ломаться, а двигаться начали гораздо резвее. Алексей Михайлович, заинтересовавшись этим фактом, принялся расспрашивать водителей и, узнав, что инициатором этой истории был именно Сашка, крепко задумался.

На третий день, после полдника, Матвей едва не за шкурку уволок Сашку из гаража в дом и принялся обряжать. Едва надев уже почти привычный фрак, парень недовольно передернул плечами и, скривившись, вздохнул:

– И какой осел такую одежду неудобную придумал? Ни подраться, ни бабу зажать.

– Ну, бабу и сюда вечером организовать можно, – доверительно улыбнулся слуга.

– А дед? – удивленно оглянулся на него Сашка.

– А что дед? У его сиятельства свои комнаты в другом крыле. Сюда он и не заходит. Да и поймет он. Так что, ежели пожелаете...

– Проститутки? – с сомнением протянул парень, припомнив, что венерологические заболевания в эти времена процветали во всех слоях общества.

– За здоровье не беспокойтесь, – заверил его Матвей, словно мысли прочтя. – Хоть и гулящие, но себя блюдут. У доктора бывают регулярно. Точно знаю.

– Только не говори мне, что ты их и к деду приводил, – проворчал Сашка, с интересом отслеживая реакцию слуги.

В ответ тот только едва заметно улыбнулся и слегка пожал плечами.

– Однако... Дедушка-то у меня еще хоть куда, – тихо рассмеялся Сашка. – Ну, да и ладно. По мне, так лишь бы на здоровье. Ладно. Подумаю, – закруглил он разговор.

К указанному времени они подъехали к дому на Петроградской стороне, именно под таким названием Сашка помнил по карте эти места, и, пройдя на третий этаж, оказались в роскошном зале. Прибывшие раньше уже вовсю веселились. Слышен был женский смех, мужские голоса и легкая музыка. Граф Головин, увидев гостей, тут же устремился им навстречу, по пути прихватив с собой какую-то женщину.

«Блин! Вот только этого не хватало. То-то мне фамилия знакомой показалась», – мысленно скривился Сашка, едва разглядев спутницу хозяина дома.

Это была та самая девушка, которую он сумел отбить у горцев. Поздоровавшись, граф тут же повернулся к Сашке и, слегка выдвинув девушку вперед, спросил:

– Думаю, знакомить вас не нужно.

– Вы совершенно правы, граф. Мы действительно знакомы, – поклонился Сашка. – Такую девушку трудно забыть.

– Как и обстоятельства, при которых мы познакомились, – улыбнулась она.

– Ну, в тех местах это, можно сказать, обычное дело, – пожал Сашка плечами.

– И тем не менее, Александр Викторович, я считаю своим долгом выразить вам свою глубочайшую благодарность за спасение моей дочери, – церемонно поклонился граф.

– Не стоит, ваше сиятельство, – нашелся парень. – Я сделал только то, что обязан был сделать любой мужчина и солдат.

– Приятно знать, что молодежь способна на настоящие поступки, – улыбнулся граф князю.

Они двинулись медленным шагом по периметру зала, давая вновь прибывшим увидеть и поздороваться с остальными гостями, когда вдруг к Сашке и шедшей рядом с ним девушке подскочила служанка,

по виду что-то вроде наперсницы, и принялась что-то быстро шептать ей на ухо.

– Ты уверена? – удивилась юная графиня, бросив на парня быстрый взгляд. – Интересно. А я и не знала, что вы, Александр, спаситель всех попавших в беду девушек, – улыбнулась она, поворачиваясь к нему всем телом.

– О чем это ты? – насторожился граф, услышавший ее слова.

Только тут Сашка вдруг понял, что подскочившая к графине девчонка ему знакома. Та самая болтушка из поезда, которую пытались убить грабители.

«А ведь у нее фамилия Головкина. У князя Головина. И обе Анастасии. Блин, похоже, граф по молодости крепко нашалил и теперь грехи замаливает», – подумал Сашка, отмечая про себя, что обе девушки похожи.

Граф, заметив его взгляд, заметно смутился, но, взяв себя в руки, осторожно спросил:

– Дамы, о чем идет разговор?

– Александр Викторович умудрился спасти от позора не только меня, но и нашу Настеньку, – лукаво улыбнулась молодая графиня.

– Так та история в поезде... – растерянно уточнил граф, и девушки дружно кивнули.

– Вот уж не думал, что такое возможно, – покачал граф головой.

– Поверьте, сударь, я удивлен не меньше вашего, – вздохнул Сашка, про себя взыв: «Блин, они же меня до смерти заговорят. Вот влип».

Не сговариваясь, девушки подхватили его под руки, продолжили движение вдоль зала, попутно треща обо всем на свете. Уже через минуту Сашка понял, что смерть его будет мучительной и долгой. Даже голова болеть начала. Извинившись, он попросил девушек показать, где можно подышать воздухом в тишине. Они обе знали про его контузию, поэтому сразу повели парня куда-то в боковой коридор.

Вся троица спустилась вниз и, пройдя задним крыльцом, вышла в небольшой садик, где развлекались несколько молодых офицеров, уже явно крепко поддавших. Развлечение у них было, само собой, самое мужское. Господа офицеры изволили стрелять. Мишенями им служили различные предметы, от стаканов до незрелых яблок, которые они подбирали тут же.

Увидев девушек, молодые офицеры тут же распустили хвосты. Приосанившись и подкручивая усы, они принялись красоваться, подзадоривая друг друга на очередное безобразие. Глядя на них, Сашка вдруг почувствовал себя старым. Все эти брачные игры бабуинов ему были просто смешны. Больше всех старался молодой улан. Судя по некоторым высказываниям, поляк. То и дело подкручивая усы и бросая на девушек быстрые взгляды, он регулярно подбивал остальных на рискованные эскапады.

Наконец, заметив, что девушки больше интересуются парнем, с которым пришли, он презрительно усмехнулся и громогласно заявил:

– Господа, это все скучно. Я предлагаю пари.

– Уточните, о чем речь, поручик, – тут же потребовали остальные.

– Васька! Васька, мерзавец, сюда поди, – рявкнул поручик, повернувшись к дальним кустам.

Из них вылез мальчишка лет десяти и, понутив голову, поплелся к звавшему его офицеру.

– Бери яблоки и становись к поленнице, – скомандовал поручик.

Мальчик покорно подобрал три плода и поплелся в указанную сторону.

– Одно на голову, а два в руки, – продолжал командовать офицер. – Господа. Тому, кто собьет все три яблока, я плачу десять рублей. Сударь, – повернулся он к Сашке. – Не желаете поучаствовать? Или десять рублей для вас слишком большой заклад? – в голосе его прозвучало неприкрытое презрение.

– Десятка? – удивленно переспросил Сашка, не сводивший взгляда с мальчишки, в глазах которого застыли тоска и обреченность.

Но больше всего парня зацепил тот факт, что паренька явно недавно били. Губа распухла, на шее царапины, а за ухом запеклась полоска крови. Сжав зубы, Сашка усилием воли унял клекотавшую в груди ярость и, окинув поручика мрачным взглядом, ответил:

– Это вы называете пари? Это насмешка над этим словом. Легко рисковать чужой жизнью.

– Что вы хотите этим сказать? – насторожился поручик.

– Я заплачу сотню, если вы собьете яблоко с руки мальчишки, а потом встанете у поленницы вместо него. Свое яблоко я собью с вашей руки. Согласны?

– А-а, э-э, но я не имею таких денег при себе, – растерялся поручик.

– Что ж. Если я собою с вас все три яблока, заберу у вас мальчишку, – равнодушно пожал плечами Сашка.

– Я сбиваю одно яблоко, а вы все три? – растерянно уточнил офицер.

– Именно.

– И заклад, сто рублей против моего слуги? – не унимался поручик.

– Точно так, – снова кивнул Сашка.

– А вы не слишком самоуверенны? – вдруг возмутился поляк.

– За свои слова я всегда готов ответить, – усмехнулся Сашка так, что поручик невольно вздрогнул.

– Поверьте, сударь. Это он еще не хочет вас унижить, – неожиданно подлила масла юная графиня. – Я видела князя в бою и уверена, что он не проиграет.

– Тогда, может быть, вы тоже сделаете ставку? – моментально нашелся столичный повеса.

– С удовольствием, – мило улыбнулась графиня. – Я поцелую победителя.

Офицеры оживились и выжидательно уставились на поручика, затеявшего всю эту катавасию. Глядя на его кислую физиономию, Сашка понял, что тот уже и сам не рад собственному бахвальству. Становиться вместо мальчишки ему явно не хотелось.

– Впрочем, мне будет достаточно одного заклада, – снова заговорил Сашка. – Я собою все три яблока с вашего слуги, и вы согласитесь, что проиграли.

– Нет. Я встану, – вскинув голову так, что шея хрустнула, ответил поручик.

– Тогда начнем, господа, – зло усмехнулся Сашка, доставая из кобуры свой револьвер.

* * *

– Ну, и зачем тебе этот мальчишка? – удивленно спросил Алексей Михайлович, задумчиво рассматривая Васятку.

Сашкин выигрыш в этот момент, забыв обо всем на свете, жадно подчищал уже вторую миску наваристых щей. Глядя, как мальчонка глотает пищу, почти не жуя, Сашка только вздохнул и, отвернувшись, тихо ответил:

– Сам так жил. Помню, что такое голодным постоянно ходить. Пусть будет. Не обеднею. Уж одного мальчишку прокормлю.

– Господь с тобой, Саша, – укоризненно вскинулся князь. – Прокормим. И к делу приставим. Прости, все время забываю, что ты в приюте вырос. Конечно, пусть остается. Только нужно его доктору показать. Уж больно тощий. Может, болеет чем?

– Покажу, – кивнул Сашка, про себя подумав, что болезнь эта называется просто – голодное детство.

– Что делать собираешься? – неожиданно сменил тему князь.

– Не знаю пока. Но надеюсь, что приемов в ближайшее время не будет.

– А чем тебе у Головиных-то не понравилось? – удивился старик. – Граф к тебе весьма расположен. Да и дочь его тоже не сильно против знакомства возражала.

– Я возражаю. Она же мертвого до смерти заговорить может. Вот уж точно язык без костей, – проворчал Сашка, содрогнувшись от воспоминаний.

– На тебя не угодишь, – возмутился Алексей Михайлович.

– И не надо угождать. Дед, поверь, придет время, само все устроится, – поспешил заверить его парень.

– Ладно. Не желаешь приемов, так и не надо, – вздохнул князь. – Так чем тогда займешься? Только не говори, что опять в гараже застрянешь, – опередил он слова внука.

– Вообще-то, я хотел попросить одну машину и съездить на выставку техники, что в Манеже открылась. В газетах писали.

– Бери любую, – махнул старик рукой.

– А ты сегодня куда? – помолчав, осторожно спросил Сашка.

– Во дворец, – пожал князь руками. – У меня сегодня присутственный день.

– Кто с тобой кроме водителя будет? – уточнил парень, сам точно не понимая, зачем.

– Сережа, адъютант, и пара человек охраны из жандармов. А чего ты вдруг спросил? – удивился старик.

– Неспокойно мне, дед, – мрачно вздохнул Сашка. – Маетно. А почему, сам не понимаю. Давай так. Ты на своей машине поедешь, а я следом. А от дворца я на выставку поеду.

– Чего это ты вдруг-то? – растерялся князь.

– Да говорю же, сам не понимаю, что происходит, – скривился Сашка.

– Ну, поехали, ежели тебе так спокойней будет, – пожал князь плечами и, вызвав слугу, приказал подавать машины.

Едва усевшись рядом с водителем, Сашка достал револьвер и, переломив его, проверил барабан. Потом, убрав оружие в кобуру, он быстро осмотрел скорозарядники и, немного успокоившись, повернулся к удивленно наблюдавшему за ним водителю.

– Давай за машиной деда. Держись корпуса на два позади. И внимательно меня слушай. Понял? – спросил он, глядя водителю в глаза.

– Понял, – сглотнув, кивнул тот и, тронув машину с места, осторожно спросил: – Случилось чего, ваше сиятельство?

– А? Нет. Пока не знаю, – тряхнул Сашка головой. – Непонятное что-то происходит, вот и решил деда прикрыть.

– А-а, – протянул, кивнув, водитель, явно ничего не поняв. – Так, может, поближе взять? – подумав, предложил он.

– Нет. Ближе не надо. Двух корпусов хватит, чтобы врага рассмотреть, если он вдруг появится, – пояснил Сашка. – И расстояние не такое большое, чтобы из револьвера не достать.

– Только я это, ваше сиятельство, стрелять не умею, – чуть запнувшись, признался водитель.

– Тебя как звать? – чуть усмехнувшись, спросил Сашка.

– Михаил я.

– Так вот, Миша, стрелять тебе и не нужно. Для этого я есть. А твое дело – машину вести так, чтобы я стрелять мог, и мои команды слушать. Уговор?

– Это я запросто. Это мы со всем нашим удовольствием, – быстро закивал водитель, ловко вгоняя машину в крутой поворот.

Выехав на Невский проспект, автомобиль князя прибавил скорости и покатил к Адмиралтейству. Им предстояло объехать Зимний дворец и остановиться у подъезда, что выходил на Лебяжью канавку. Поэтому они свернули на Мойку и направились мимо

строящегося храма Спаса-на-Крови, к Конюшенной площади. Сашка уже почти успокоился, когда сразу за стройкой автомобиль князя резко остановился.

Дорогу перегородила телега с отвалившимся колесом, с которой рассыпались какие-то доски. Жандармы, сопровождавшие автомобиль князя верхами, тут же выдвинулись вперед, грозно потрясая нагайками и требуя освободить проезд, а из подворотни быстрым шагом вышел тощий молодой человек в одежде рабочего и направился прямо к машине князя. Сашка, едва увидев тощего, вздрогнул и автоматически взвел курок револьвера.

Подходя к машине, тощий воровато огляделся и сунул руку под пиджак. Сашка, не раздумывая, вскинул оружие и, подавшись вперед, громко крикнул:

– Эй, ты, замри, падла!

Резко повернувшись к нему, тощий оскалился, словно собирался укусить парня, и, выдернув из-за пазухи какой-то сверток, вскинул его над головой. В ту же секунду парень спустил курок. Тяжелая пуля ударила неизвестного в правое плечо, развернув его вокруг собственной оси, сверток выпал на брусчатку мостовой, и грохнул взрыв. Буквально выпав из машины, Сашка рванул к автомобилю деда, вертя головой по сторонам на все триста шестьдесят градусов.

Лошади жандармов, напуганные грохотом, взбесились, и теперь от этих вояк толку было мало. К тому же одна из лошадей оказалась раненой. Из соседней подворотни выскочили еще двое и, вскинув револьверы, дружно выпалили по машине князя. Сашка, крутанувшись на пятке, выпустил в ответ две пули, но впопыхах промахнулся. Его ответный огонь заставил нападавших искать укрытие и отвлек их от главной цели. Присев за тумбы ограждения реки, нападавшие принялись палить в его сторону так, словно у каждого было в запасе по ведру патронов.

Сашка, помня, что в барабане осталось всего два патрона, постоянно смещался, выискивая удобный ракурс для выстрела. Один из нападавших, потеряв его из виду, приподнялся над ограждением, и Сашка тут же всадил ему пулю в плечо. Вскрикнув, бандит свалился обратно в укрытие, а его напарник, высадив оставшиеся патроны, кинулся бежать. Взяв его на мушку, парень тщательно прицелился и плавно нажал на спуск.

Пуля ударила неизвестного в правую ягодицу, бросив его на землю. Переломив револьвер, Сашка вытряхнул из барабана гильзы и, быстро перезарядив оружие, кинулся к машине деда. Князь, наученный прошлым опытом, при первой же опасности упал на широкое сиденье, где так и пролежал все время нападения. Взрывом повредило машину и слегка зацепило водителя.

Распахнув дверцу, Сашка выдернул князя из машины, словно морковку из грядки, и, прикрывая его собой, поволок к своей машине. Запихнув его в салон, он захлопнул дверцу и, показав водителю кулак, скомандовал:

– Гони во дворец, Мишка! Гони!

– Саша, а ты? – засуетился старик, но парень, отмахнувшись, успел крикнуть уже вслед разгоняющемуся автомобилю:

– Им не я, им ты нужен.

Водитель, помня данное парню обещание, выжал из мотора все возможное, и спустя несколько секунд автомобиль, под визг сжигаемой резины, скрылся за углом. Сашка, быстро осмотревшись, оббежал завал на дороге и, держа бандитов на прицеле, осторожно приблизился к ним. Бандит, получивший пулю в плечо, был плох. Сильное кровотечение. У второго дела были получше, но тоже не очень радужно. Тяжелые пули наносили сильные повреждения.

Отбросив их оружие в сторону, парень оглянулся на подбегającego жандарма и, ткнув стволом револьвера в бандитов, скомандовал:

– Этих обоих под арест и к врачу. Делайте что хотите, но до допроса они должны дожить.

– Сделаем, ваше сиятельство, – кивнул жандарм и, сделав напарнику знак остаться, побежал куда-то в сторону Невского проспекта.

Убедившись, что мужики свое дело знают, Сашка вернулся к машине деда. Водитель так и сидел за рулем, сжимая левой рукой правое плечо. Открыв его дверцу, Сашка помог ему выбраться наружу и, помогая снять кожаный реглан, негромко проворчал:

– Не переживай. В плечо, это ерунда. Заживет.

– Больно, ваше сиятельство, – скривился водитель, охая и выбираясь из куртки из толстой кожи.

– Конечно, больно. Тут молотком по пальцу попадешь, и то с конца капнет, а это осколок. Потерпи. Сейчас перевяжу, и к доктору поедem, – улыбаясь, посоветовал Сашка, доставая кинжал и распарывая рукав рубашки.

Как он и предполагал, отбитый взрывом кусочек камня попал в мягкие ткани. Не смертельно, но жутко больно и без операции не обойтись. Быстро оторвав от собственной рубашки подол, он туго перетянул рану и, накинув на водителя куртку, обошел машину, осматривая повреждения. По правой стороне словно картечью прошлись. Под машину уже натекла лужа масла, а правое переднее колесо почти оторвало.

– М-да, – мрачно вздохнул Сашка. – Тут проще новую машину купить, чем эту восстанавливать. И мотор, и ходовая в клочья.

– Жалко машину, ваше сиятельство, – тут же занял водитель. – Почти новая ведь. Да и вами же отрегулированная. К тому же спасла она нас, – пустил он в ход главный аргумент.

– Это верно, – задумчиво кивнул Сашка. – Ладно. Оттащим в наш гараж, а там видно будет, – принял он соломоново решение, заметив подъезжающие машины, полные жандармов и полиции.

Спустя три часа, после бесконечных допросов, расспросов и уточнений, водителя вместе с разбитым автомобилем погрузили на дроги и отправили домой. Врач осмотрел водителя и, удалив оставшийся в ране камушек, сделал перевязку, похвалив действия Сашки. Полковник Веселов, командовавший следствием по нападению, задумчиво покрутив в руках Сашкин револьвер, проворчал, возвращая ему оружие:

– Вы бы взяли чего поменьше калибром. От этого раны такие, словно вы из ручной гаубицы стреляли.

– Зато сразу наповал, и правки не надо, – усмехнулся в ответ парень.

– Вот именно, а нам бы того бомбиста желательно было живым взять, – тут же отреагировал полковник.

– Да тут хоть из рогатки стреляй, – отмахнулся парень. – Он же собиpался сам вместе с машиной взорваться. Смертник он был. Тварь поганая, – не удержавшись, выругался Сашка.

– С чего так решили? – тут же насторожился полковник.

– Он вплотную к машине подойти пытался. Да я помешал, когда окликнул. А так и бомба бы взорвалась, и топливо, что в машине. После такого и хоронить бы нечего было. А после выстрела моего его закрутило и в сторону отбросило. Потому дед и не пострадал.

– И слава богу, – истово перекрестился полковник.

– Вы бы охрану дедову на автомобиль пересадили, ваше превосходительство, – подумав, осторожно посоветовал Сашка. – Лошадь животное благородное, но пугливое. Пока охрана лошадей успокаивала, я один с теми тремя воевал. А не будь у меня военного опыта?

– Да уж, – мрачно вздохнул полковник. – Да только у ведомства нашего на такие покупки финансирования не предусмотрено.

– А водители есть? – подумав, спросил Сашка.

– Водителей хватает, – отмахнулся полковник.

– Ладно. Подумаем, – кивнул Сашка и, попрощавшись, свистнул ближайшему извозчику.

Назвав адрес, он устало откинулся на спинку сиденья и, задумчиво потерев шрам на щеке, хмыкнул про себя: «Ну, вот и повод четвертую машину купить. Точнее, новую машину деду, а его разбитую восстановим и под охрану отдадим. Хотя нет. Отдавать мы ее не станем. Пусть в нашем гараже стоит. Охрана будет у нас лошадей оставлять и на ней следом ездить. Да, так лучше. А вообще, не мешало бы мне самому как следует этих подонков потрясти. Что-то резко за деда взялись. Как бы это не из одной задницы все хвосты торчали. Не смогли напугать, решили устранить. Блин, а если они еще добьются, чтобы меня куда сослали, тогда вообще амба. Точно до старика доберутся. А без него всей семье хана. Ладно, надо будет вечером с дедом все это обговорить. Но главное, чтобы полковник меня до материалов дела допустил. Мне нужно понимать, какая сволочь на нас с дедом сезон охоты открыла».

Вечером того же дня у парня состоялся весьма основательный разговор с дедом. Сидя в кресле, князь мрачно прихлебывал уже остывший чай, уставившись долгим взглядом куда-то в стену. Сидевший напротив Сашка, попыхивая трубкой, задумчиво посматривал на испуганно молчавшего полковника Веселова. А пугаться жандарму было чего. Покушение на лицо такого уровня это не просто ЧП. Это уже покушение на устои государства.

Отставив чашку, князь тяжело вздохнул и, повернувшись к полковнику, тихо спросил:

– Что уже сделано?

– Ну, допросить арестованных пока не получилось. Уж больно калибр у Александра Викторовича серьезный, – тут он покосился на Сашку. – Но врач сказал, что через пару дней с ними можно будет разговаривать.

– Если бы не мой калибр, последствия были бы куда хуже, – зло проворчал Сашка. – Охрану к ним приставили?

– Так они раненые. Куда они побегут? – не понял полковник.

– На тот свет, – фыркнул Сашка. – Охрана не для предотвращения их побега, а для спасения их жизней на тот случай, если от них избавиться решат.

– Молодой человек, вы всерьез полагаете, что кто-то решится убить двух арестованных в больнице, при большом скоплении народа? На подобное только смертник решится. Его ж сразу схватят.

«У-у, дядя, да ты, похоже, рыцарских романов перечитал», – скривился про себя Сашка и, вздохнув, принялся раскладывать на пальцах:

– Чтобы убить человека в больнице, совсем не обязательно стрелять, резать или даже душить. Вполне достаточно уметь одним движением свернуть ему шею, или взять медицинский шприц и ввести в жилу некоторое количество воздуха. И шума никакого, и клиент даже не вякнет.

– Откуда у вас такие познания, Александр Викторович? – тихо спросил полковник, не отводя от парня настороженного взгляда.

– А я удивлен, что вы о подобном ничего не знаете, – огрызнулся Сашка. – Или это не ваша работа, подобные способы убийства изучать?

– Гм, вы бы и вправду, господин полковник, думали, с кем говорите и что спрашиваете, – откашлявшись, негромко рыкнул князь, моментально приведя жандарма в чувство. – Не забывают. Саша много лет воевал на Востоке и об убийстве знает больше, чем мы все, вместе взятые. Достаточно вспомнить, что при сегодняшнем нападении спас меня именно он.

– А как вообще получилось, что вы оказались рядом? – тут же отреагировал полковник, снова окатив Сашку подозрительным взглядом.

– Глеб Сергеевич, вы совсем уме лишились?! – вдруг выверился князь. – Я его попросил проводить меня. Я! Этого вам достаточно?

– Прошу меня простить, ваше сиятельство, – пробормотал полковник, заметно сблестнув с лица. – Просто с этим нападением все как-то странно.

– А что тут странного? – не понял Сашка. – Нападение явно спланированное. Маршрут движения деда они явно знали. Устроить завал на дороге дело одной минуты. Лучше скажите, чем они взрывать пытались? Это, надеюсь, вы уже установили?

– Это да, – растерянно кивнул жандарм. – Полбанки нитроглицерина. Похоже, сами как-то сделать сумели.

– Рисковые ребята, – качнул Сашка головой. – Эта штука способна взорваться от любого резкого толчка. А сам бомбист кто, известно?

– Да. Установили. Правда, случайно, – нехотя признался полковник. – Там и опознавать нечего было, после вас-то, – подпустил он очередную шпильку.

– Господин полковник, – окончательно рассердился князь, – мой внук сделал все, чтобы спасти мне жизнь, и выполнил *вашу* работу, – он голосом выделил ключевое слово. – И если вы еще раз посмеете обвинить его в чем-нибудь, то будете заниматься другими делами. Это я вам обещаю.

От тона, которым было высказано это обещание, полковник разом вспотел и, машинально достав платок, хрипло извинился:

– Ваше сиятельство, я все понимаю, но и вы меня поймите. Всегда считалось, что для охраны особых лиц вполне достаточно двух

жандармов. А тут один бывший солдат умудрился всех нападавших положить, не получив даже царапины. Поневоле начнешь вопросы задавать.

– Хотите сказать, что это все я затеял, чтобы в доверие втереться? – сообразил Сашка и, медленно поднимаясь из кресла, прошипел, начиная свирепеть: – Вы белены объелись, сударь? Я в столице всего месяц. Где бы я мог с этими бомбистами познакомиться? Если уж вам так хочется меня обвинить, то для начала научитесь хотя бы задавать правильные вопросы. Кто был тот бомбист? – вопрос прозвучал как щелчок кнута.

– Недоучившийся студент. Заболел туберкулезом и был вынужден бросить учебу. Похоже, на этом его и зацепили. Доктор сказал, что ему все равно недолго оставалось. Уже кровью харкал.

– Гнездо их нашли? – тут же последовал новый вопрос. – Где-то же они этот нитроглицерин варили?

– Люди работают, – отделался полковник общей фразой.

– Мне нужно будет поговорить с вашими арестованными, – выдвинул Сашка очередное требование.

– Зачем? – спросил полковник, окончательно растерявшись от такого напора.

– Глеб Сергеевич, если Саша говорит, что надо, значит, так оно и есть, – в голосе князя зазвенела сталь. – Будьте добры обеспечить ему все условия для работы.

– Но... но... ваше сиятельство, он же не служит в нашем ведомстве. Он же вообще гражданское лицо, – запинаясь и потея, пробормотал полковник.

– Я вас больше не задерживаю, господин полковник, – отрезал князь. – Обо всех моих решениях вы будете уведомлены. До свидания, – взгляд Алексея Михайловича и его тон могли бы заморозить озеро размером с Байкал.

Сообразив, что делать тут больше нечего, полковник встал и, поклонившись, вышел из кабинета. Князь, проводив его долгим задумчивым взглядом, тяжело вздохнул и, повернувшись к парню, устало спросил:

– Признавайся, что задумал?

– Хочу быстро пробежать по всей цепочке и дотянуться до заказчика сегодняшнего безобразия, – коротко сообщил Сашка.

– Погоди, а жандармы тогда чем заниматься станут? – не понял князь.

– А ты не видишь, как они занимаются? – иронично хмыкнул парень, кивая на дверь. – Правая рука не ведаёт, что делает левая.

– Веселов не всегда таким был, – вздохнул князь. – Лет десять назад это был один из лучших сыскников, но потом, став начальником городского отдела, быстро превратился в чиновника. Точнее даже в политика. Но должен признать, он предан и честен, насколько может вообще быть честен человек на таком месте.

– А на пенсию ему когда? – задумчиво поинтересовался Сашка.

– Ну, по выслуге пора бы уже. Да и по возрасту тоже, – пожал князь плечами.

– А заместитель толковый у него есть? – не унимался парень.

– Подполковник Квасков, Лев Иванович. Сорок два года. Умный, хваткий, дело свое знает. А главное, весьма предан интересам страны. У него во время покушения семья пострадала. Сын обезножел. Так что всех этих бомбистов он ненавидит люто.

– Дед, сведи меня с этим подполковником, – помолчав, попросил Сашка. – Мы с ним будем делом заниматься, а полковник пусть присутствие изображает. Как говорится, меньше знает, лучше спать будет.

– Но почему ты, Саша? – подумав, спросил Алексей Михайлович, глядя парню в глаза.

– А я, дед, всегда считал, что жить нужно по Ветхому Завету. Око за око, зуб за зуб. А вообще, эту сволочь давно пора уже к ногтю прижать. Чтобы и думать боялись подобные вещи делать. И мстить за близких я предпочитаю своими руками. Слышал поговорку? Хочешь, чтобы было сделано хорошо, сделай сам.

– Слышал, – устало вздохнул князь. – Но ты забываешь, что для подобных случаев существуют следствие и суд. И это не мое пожелание, а закон империи.

– Закон? – усмехнулся Сашка. – А что тогда с адвокатами, присяжными и прочими бормотологами делать?

– Как-как? – удивился князь.

– Бормотологи. Бормочут вечно невзвесть что, – с улыбкой пояснил парень. – Они же сделают все, чтобы эта мразь вышла на свободу. Или, в крайнем случае, получили минимум. А потом они, выйдя на свободу,

снова возьмутся за старое. Нет, деда. С такими нужно решать вопрос один раз и навсегда. Ну не должны обычные люди страдать из-за чужих завиральных идей.

– Тут я вынужден с тобой согласиться, – вздохнул князь. – Но я не хочу, чтобы этим занимался ты.

– А кто еще? – удивился Сашка.

– Ты не понимаешь... – начал было князь, но парень не дал ему договорить.

– Дед. Ты не слышишь меня, – вздохнул парень. – Напали на нас с тобой. И убивать собирались нас. Так что это наше дело. Можно сказать, семейное. И разобраться с ним мы должны сами.

– Ну, может, ты и прав, – задумчиво протянул старик. – Но не спеши. Тут как следует подумать надо.

– Некогда думать, дед. Тут действовать надо. И действовать быстро, пока их заказчики не сообразили, что все провалилось и исполнители живы. Самое главное, не дать им добраться до исполнителей до того, как я до них доберусь.

– И что ты сделаешь, когда сам до них доберешься? – насторожился князь.

– Там видно будет. Все зависит от степени их желания делиться знаниями, – жестко усмехнулся парень.

– А если не захотят делиться? – не отставал старик.

– Ты же сам говорил, что я на Востоке воевал, – тихо рассмеялся Сашка.

– Ты чего делать собрался? – подскочил князь.

– Тебе лучше не знать, – качнул Сашка головой. – В общем, давай по порядку. Ты меня сводишь с подполковником Квасковым, а дальше мы с ним сами разберемся.

Алексей Михайлович взял со стола колокольчик и, вызвав слугу, велел ему принести телефонный аппарат. Получив прибор, он снял трубку и, покрутив ручку, потребовал соединить его с жандармским управлением. Попросив к телефону подполковника, князь представился и, дождавшись ответа, устало сообщил, что завтра с утра к подполковнику в кабинет явится, внук его, с некоторыми идеями по создавшейся ситуации. И что князь ожидает от подполковника содействия в данном деле. Выслушав ответ, старик положил трубку на рычаг и, вздохнув, тихо сообщил:

– Работать они начинают в девять. К половине десятого тебя будут ждать. Дальше сам.

– Не сомневайся, дед, – понимающе кивнул Сашка. – Только сам. Надеюсь, этот ваш Лев Иванович не страдает испугом перед высоким сословием?

– Саша, прекрати издеваться, – улыбнулся старик. – Нормальный он человек. И профессионал отличный. Жестковат, правда, но при его работе это понятно.

– Ну, варить его я не собираюсь, – усмехнулся парень. – А добрякам на такой службе делать нечего. Ладно, дед. Отдыхай. Дальше я сам разберусь, – добавил он, поднимаясь.

– Саша, скажи, – остановил его старик. – Почему ты вдруг решил проводить меня на службу?

– Ты же сам все видел, – вздохнул Сашка, пожимая плечами. – Мучительно мне было. Чувал что-то, а что, сам не понимал. Потому и решил рядом побыть. Во дворце тебе ничто не угрожает, а вот по дороге... В общем, делал то, что считал правильным. Так и получилось, – закончил парень с растерянной улыбкой.

– Как думаешь, кто решился на такое? – помолчав, тихо спросил старик.

– Те, кому ты очень сильно мешаешь, – решительно заявил Сашка. – Вспомни, кто все время пытался тебя отодвинуть от дел?

– Британцы и австро-венгерское лобби, – хмыкнул старик, пожав плечами, словно это было само собой разумеющееся. – И те и другие давно уже стали нашими противниками во всех внешнеполитических играх. С немцами у нас отношения ровные. Можно сказать, спокойные. А самое главное, самый большой торговый оборот у империи именно с ними. Французы спят и видят, как вернуть себе Эльзас и Лотарингию. Это у них большая тема. Даже пытаются создать тройственный союз против немцев. В общем, круг желающих от меня избавиться весьма ограничен.

– Вот именно, – кивнул Сашка.

– Погоди. А почему ты решил, что это именно иностранное влияние, а не наши, местные ужимки? – удивился князь. – Знаешь, по опыту могу тебе сказать, что там, где иностранец несколько раз подумает, наши лапотные мертвяков штабелями накладывают.

– Ты сам все сказал, – усмехнулся Сашка. – Иностранцы подумали и наших наняли. А все остальные народовольцы, эсеры и прочие социалисты не более чем наймиты. Ладно, дед. Разберемся. Ты только не вмешивайся без моей просьбы, – закончил Сашка и, попрощавшись, вышел из кабинета.

* * *

Лев Иванович оказался мужчиной примерно сорока лет, высоким, жилистым, широкоплечим. На лицо обычный русак. Волосы темно-русые, с благородной сединой на висках. Аккуратно подстриженные усы были тщательно ухожены и закручены, как у того Чапаева в известном фильме. Это была первая мысль, которая посетила Сашку, вошедшего в кабинет подполковника.

Поздоровавшись, парень отметил про себя и внимательный, настороженный взгляд офицера, и твердое рукопожатие. Присев на указанный стул, Сашка быстро осмотрелся и, чуть усмехнувшись про себя, начал разговор:

– Лев Иванович, я прошу меня простить за столь бесцеремонное вмешательство, но я считаю своим долгом участвовать в данном деле.

– Думаете, сумеете разобраться с ним лучше нас? – хмыкнул подполковник.

– И в мыслях не было. Тут другое. Я могу быть с вами откровенным, господин полковник? – тихо спросил Сашка.

– Я подполковник, – напомнил Квасков.

– Это выговаривать долго, – с улыбкой отмахнулся парень.

– Есть такое, – улыбнулся в ответ подполковник. – Так что вы хотели мне сказать?

– Лев Иванович, я хочу сделать так, чтобы ни одна сволочь больше даже думать не смела нападать на деда, – жестко заявил парень, глядя офицеру в глаза. – И для этого я должен добраться до заказчика этого нападения. Вы поможете мне?

– Все зависит от того, какой именно результат вам нужен, – помолчав, осторожно высказался подполковник.

– Я уже озвучил его, – пожал Сашка плечами. – А вот какими средствами, это второй вопрос. Впрочем, если вы считаете, что

действовать я могу, только опираясь на закон, то больше не стану вам докучать. Дайте мне просто поговорить с арестованными. Дальше я все сделаю сам.

– Что вы задумали? – подобрался подполковник, глядя ему в глаза.

– Я уже отвечал на этот вопрос, – выдохнул Сашка, отвечая ему не менее жестким взглядом.

– Вы понимаете, что это незаконно, и что я должен вас задержать? – тихо спросил подполковник чуть дрогнувшим голосом.

– Лев Иванович, вы не можете задержать меня просто потому, что вам нечего мне предъявить, – улыбнулся Сашка. – Как говорится, слова к делу не пришьешь. И если уж пошел такой разговор, то позвольте спросить, кому от этого легче станет? Спросите себя, что вам важнее: буква закона или спокойная жизнь ни в чем неповинных людей? Но помните, пока существуют такие подонки, спокойной жизни им не будет.

– Вы ведь не просто так задали этот вопрос, – посмурнев лицом, угрюмо спросил подполковник. – Похоже, вы уже успели навести о моей семье справки.

– Я говорил не касаясь вашей семьи. Я спрашивал вашего личного мнения, – качнул Сашка головой.

– Вы правы, – помолчав, еле слышно ответил Квасков. – Здоровье и покой обывателей для меня дороже жизни нескольких подонков, готовых уничтожать невинных ради своих идей.

– Так вы готовы мне помочь? – тут же последовал очередной вопрос.

– Сначала я должен знать, что вы собираетесь делать, – твердо ответил подполковник.

– Я уже сказал. Добиться до заказчиков, – пожал Сашка плечами.

– Мне нужны подробности, – заявил Квасков, упирая в парня тяжелый взгляд.

– Хорошо. Будут вам подробности, – зло усмехнулся Сашка. – Для начала я поговорю с арестованными. И поговорю так, что выжму из них все, нужное мне. Любым способом. Для этого мне потребуются ваши люди, которые умеют молчать. Ну, а дальше спланирую операции по наведению в городе порядка. Это я могу сделать и сам, но, если вы решите помочь, не откажусь. Но сначала допрос.

– Вы собираетесь их пытаться? – откровенно удивился подполковник.

– Если потребуется, – спокойно кивнул парень. – Но думаю, до этого не дойдет. Эта братия готова жертвовать чужими жизнями, но за свои обычно держится очень крепко.

– Тут я с вами согласен, Александр Викторович, – задумчиво кивнул Квасков.

– Господь с вами, Лев Иванович. Просто Саша. Молод еще для подобного величания, – отмахнулся парень. – Так что? Едем в тюрьму или в больницу?

– Зачем? – не понял подполковник. – Не надо никуда ехать. Господин Веселов еще вчера вечером изволили звонить и приказали перевезти арестованных в нашу внутреннюю тюрьму. И доктора сюда же вызвали. Он в нашем здании постоянно дежурит. К сожалению, ранения у них серьезные.

– Знаю, сам наносил, – хищно усмехнулся Сашка. – Они в сознании?

– Не знаю. Пойдемте, у доктора узнаем, – усмехнулся подполковник, поднимаясь.

Они вышли в коридор и спустились в цокольную часть здания. Дежуривший там унтер, увидев начальство, степенно поднялся и, откозыряв, негромко доложил о порядке на вверенном ему объекте. Приказав ему вызвать доктора, подполковник огляделся и, сняв трубку телефона, вызвал из казармы двух подчиненных. Приведенный унтером доктор, еще заспанный, нещадно зевая, сообщил, что арестованные хоть и имеют тяжелые ранения, но жизням их ничего не угрожает.

Подполковник отпустил его, поблагодарив за помощь, и уже собиравшись что-то сказать, когда на лестнице застучали шаги. Двое рядовых жандармов средних лет, оказавшись перед Квасковым, коротко доложились и уставились на подполковника настороженными взглядами.

– Знакомьтесь, – указал Квасков на Сашку. – Князь Тарханов, Александр Викторович. Историю ту вы, думаю, слышали.

Жандармы дружно кивнули, окидывая парня внимательными взглядами.

– И о том, что наши подопечные в тех камерах, тоже его работа, – продолжил подполковник.

Последовал очередной кивок.

– Это Иван, это Аркадий, – представил их Квасков Сашке.

– Рад знакомству, господа, – улыбнулся парень, протягивая им ладонь для рукопожатия. – А как по батюшке?

– Иван Власович, Аркадий Акакиевич, – представились оба.

– Значит так, господа. Сейчас, вы откроете двери в их камеры, вроде как для осмотра доктором, а после для допроса, который будет проводить господин подполковник. А между делом я буду вам рассказывать, как на Востоке людей пытаются. А потом предложу вам воспользоваться этим методом. В общем, они должны думать, что я приехал их жутко пытаться. Ваша задача – мне подыгрывать. Понятно?

– Чего ж непонятного? – дружно удивились жандармы.

– Тогда начинаем, – усмехнулся Сашка, кровожадно потирая руки.

Подполковник, слушая его, только головой удивленно качал. Жандармы прошли в арестную зону и принялись греметь ключами, отворяя двери. Квасков, подчиняясь жесту парня, прошел к камерам и, заглянув поочередно в каждую, одарил арестованных многообещающими взглядами. Рядовые, отойдя в сторону, встали так, чтобы из камер их не было видно, и Сашка, бесшумно пройдя к открытым дверям, принялся громко вещать:

– Вы не поверите, господа, каких успехов добиваются арабы, допрашивая пленных своими методами. И ведь шельмы что вытворяют. Берут тонкое шило и втыкают его промеж суставов. А после этим шилом начинают по костям шерудить. Не поверите, господа, ни один человек до локтя не выдерживал.

– Это как? – нашелся с вопросом Иван Власович.

– У человека в руке только на запястье четырнадцать суставов. Так вот, до сустава, что в локте, ни один не выдерживал. Боль такая, что человек начинает под себя гадить. В общем, вы перед тем, как тех двух к столу привязать, их разденьте сначала. Ну, чтобы потом портки стирать не пришлось. А еще лучше сразу в ведро поганое их сажайте. Грязи меньше будет.

– А следы на руках? – последовал вопрос от Аркадия Акакиевича.

– Господь с вами, сударь, какие следы? – громко рассмеялся Сашка. – Дырочки махонькие и только. Никакой врач и внимания не

обратит. А вообще, ежели вам от клиента избавиться желательно, то поступайте, как с английским королем Яковом, кажется, поступили.

– Это как же? – заинтересовался подполковник.

– А ему в зад бычий рог загнали, который сначала прожгли вдоль. А после через тот рог в брюхо раскаленный прут всадили. Не поверите, ни один врач ничего не поймет. Да вон, доктор вам сам подтвердит, – добавил Сашка, указывая на идущего по коридору врача.

– Я вам верю, сударь, – удивленно хмыкнул подполковник. – Мне говорили, что у вас в этих делах огромный опыт.

– Даже не сомневайтесь, ваше превосходительство, – улыбнулся Сашка, показывая ему большой палец. – Только скажите. Я вам любого клиента разделаю так, что ни один врач ничего не заметит.

– Уж в этом я теперь не сомневаюсь, – заверил его подполковник совершенно искренне.

Врач, осмотрев арестованных, дал добро на предварительный допрос, и первым в камеру к раненному в плечо вошел подполковник. Встав над кроватью арестованного, он окинул его долгим, мрачным взглядом и, презрительно скривившись, спросил:

– Говорить будем, или сразу специалиста позвать?

– Какого специалиста? Зачем? – испуганно уточнил арестованный, слышавший весь предыдущий разговор.

– Ну как же. Вы же, сударь, врать и заpirаться изволите. Вот он вам и поможет всю правду рассказать, – хищно усмехнулся подполковник, и арестованный, вздрогнув, затряс головой:

– Не надо специалиста. Я все скажу. Спрашивайте.

Задав все нужные вопросы, подполковник вышел из камеры, приказав закрыть дверь, и, перейдя в камеру к раненному в филейную часть, повторил допрос. Тут все было точно так же. Одного разговора в коридоре оказалось достаточно, чтобы арестованные поспешили поделиться всеми своими знаниями. Закончив допрос, Квасков вышел из камеры и, пройдя к посту дежурного, растерянно покачал головой, глядя на Сашку.

– Вы, сударь, словно колдун какой. Сколько лет служу, а такого еще не видел. Они же оба до полусмерти напуганы. Как так?

– Все просто, Лев Иванович, – с довольным видом усмехнулся Сашка. – Человек существо особое. С воображением. И однажды испытал боль, той боли начинает бояться. А мои рассказы на их боль и

наложились. Вас и людей ваших они уже знают. А вот мой голос еще не слышали. А рассказал я много. Вот они сами себя и запугали до обморока.

– И все? – дружно удивились жандармы.

– А ежели б не сработало? – помолчав, спросил подполковник.

– Тогда кому-то из ваших подчиненных пришлось бы сбегать в ближайшую скобяную лавку. За иглами, которыми шорники кожу шьют, – ответил Сашка, усмехнувшись так, что вздрогнули все присутствующие.

– Так ваши рассказы были не байками? – растерялся подполковник.

– Я несколько лет в Африке воевал и такого насмотреться успел, что от тех картин даже наших забойщиков стошнит, – вздохнул парень.

– Господи, спаси и помилуй, – истово перекрестились рядовые жандармы.

– Что будем делать дальше? – повернулся Квасков к парню.

– Едем на адрес. Автомобиль у меня есть. Город водитель знает. Через час на месте будем, – предложил Сашка.

– Согласен. Иван, поднимай дознавателя с группой, – скомандовал он своему подчиненному. – Аркадий, сходи в оружейку, винтовки возьми на обоих. Идемте, Александр Викторович.

– Саша, Лев Иванович. Для вас просто Саша. Я настаиваю, – улыбнулся парень.

– Как пожелаете, – улыбнулся подполковник в ответ.

Они вышли из здания жандармерии, и Сашка жестом приказал своему водителю подъехать. Они уселись в машину, и подполковник, дождавшись рядовых, назвал нужный адрес. Водитель кивнул и, включив передачу, вдавил педаль газа в пол. Автомобиль резво покотился по Невскому, в сторону доходных домов на Крюковом канале.

* * *

Обыск на съемной квартире заговорщиков принес неожиданные результаты. Помимо множества различных бумаг там нашлось оружие, боеприпасы, деньги и даже ящик динамита. Последнее Сашку удивило больше всего. Он помнил, что покушение было совершено при

помощи нитроглицерина. У парня сразу возник вопрос: зачем так рисковать срывом операции, если есть более безопасный способ убийства?

Да, динамит тоже не назовешь безобидной игрушкой, но он, по крайней мере, не взорвется от одного резкого толчка, тогда как нитроглицерин вполне способен на такое. С этим вопросом парень и обратился к подполковнику Кваскову. Удивленно хмыкнув, подполковник задумчиво подкрутил усы и, покачав головой, угрюмо проворчал:

– Похоже, не нашли способ, как привести свою адскую машинку в действие в нужный момент.

– Запальный шнур в нужном количестве нами тоже обнаружен, – осторожно добавил Иван.

– Лев Иванович, думаю, динамит вам придется в срочном порядке отправить на уничтожение, о чем следует составить соответствующую бумагу, – помолчав, усмехнулся Сашка, заговорщицки подмигнув подполковнику.

– Давайте пройдемся, – подумав, предложил жандарм.

Они отошли в сторону, и подполковник, с интересом посмотрев на парня, тихо спросил:

– А теперь подробно, Александр, почему я должен уничтожить динамит и зачем мне такая бумага?

– Лев Иванович, я не хочу, чтобы эта взрывчатка оказалась на складе. Нам с вами она больше пригодится.

– Динамит?! Но зачем?

– А затем, дорогой мой хранитель закона, что некоторые личности понимают только один намек. И называется он – кувалдой в лоб. Но самое главное, что в этом случае никто не посмеет сказать, что вы позволили кому-то воспользоваться этой взрывчаткой.

– И кто же посмеет сказать мне такое? – насупился подполковник.

– Найдутся доброжелатели, – фыркнул Сашка. – А тем временем я смогу использовать динамит по своему усмотрению, но для благого дела.

– А разве такое возможно? – грустно усмехнулся Квасков.

– Иногда бывает и так, – пожал Сашка плечами. – Но это все философия, а нам с вами предстоит грубая действительность.

– Князь, в случае необходимости я могу доставить вам десяток таких ящиков. Почему именно этот?

– Я не хочу, чтобы вы были хоть как-то привязаны именно к этому ящику, – качнул Сашка головой. – И вообще, чем меньше ниточек будет связывать вас со мной, тем лучше.

– А сейчас? – не понял подполковник.

– Сейчас я просто свидетель по делу, – лукаво усмехнулся Сашка.

– У нас говорят «видок», – поправил его Квасков.

– Без разницы, – отмахнулся парень. – Главное, что мне нужно, это ваша полная уверенность и указание, кто именно заказал нападение на деда. Остальное я сделаю сам. Так что больше в ваше расследование я не вмешиваюсь. Прикажите своим людям переложить динамит в другой ящик и составьте нужную бумагу. Ящик сдайте на склад. Вы должны быть прикрыты со всех сторон.

– Это весьма благородно с вашей стороны, князь, – коротко поклонился Квасков. – Даю слово, стоит вам только позвать, и все мои люди тут же будут в вашем распоряжении. Но с одним-единственным условием. Это никоим образом не должно быть направлено во вред государству.

– Даю слово, Лев Иванович, – твердо ответил парень.

– Хорошо, – кивнул подполковник. – Все будет сделано, как вы сказали. Что-нибудь еще?

– Мне нужно знать все, что будет известно вам. Но главное, это имена и адреса заказчиков.

– Иван будет посещать вас каждый день, – коротко кивнул Квасков.

– Это всё, – улыбнулся Сашка. – Если потребуется что-то еще, я сообщу Ивану. Встречаться лично часто нам не следует. Хотя, должен признать, что с вами интересно общаться и работать, – слегка подсластил пилюлю Сашка.

– Благодарю вас, Александр, – снова поклонился подполковник. – Надеюсь, у нас еще будет такая возможность.

Развернувшись, он отправился командовать своими подчиненными, а Сашка, глядя ему вслед, только вздохнул.

«Ну, и как тут всяким заговорщикам и шпионам не плодиться, если даже толковый жандарм смотрит на все только со стороны своей службы. И ведь не дурак. Совсем. Думать умеет. Про умение допросы

проводить я вообще помолчу. А вот мыслит однобоко. Или это я настолько испорчен детективами из своего прошлого? – удивленно хмыкнул парень. – Скорее всего. Разница менталитетов и мировоззрений. Иного объяснения всему этому у меня нет».

Жандармы, наконец, закончили работу и начали погрузку всего изъятого в автомобили. Заметив, что ящик из-под динамита они уложили в свою машину, Сашка нашел взглядом Ивана, и тот глазами указал ему на неприметную корзину, накрытую куском старой дерюги. Чуть кивнув, Сашка уселся в салон и, дождавшись, когда к нему присоединится подполковник, велел водителю отвезти их в жандармерию.

Оставив подполковника заниматься своим делом, Сашка отправился домой. Прихватив из машины корзину, он отнес ее в свой кабинет и, вызвав Матвея, попросил его сходить в лавки, за покупками. Что именно нужно купить, он записал и даже зарисовал на бумаге. Отправив слугу, он с головой залез в большой шкаф, который по приезде превратил в оружейный, и достал оттуда несколько пистолетов, взятых трофеями еще на Кавказе.

Ему нужен был запальный механизм, который приведет в действие адскую машину. Быстро зарядив оружие, он спустился в сад и, выстрелив из каждого ствола, убедился, что они работают. Вернувшись в кабинет, парень взялся за дело. Опилив стволы и рукояти, он старательно обработал места спилов и, убрав за собой, принялся дожидаться возвращения слуги. В голове парня уже сложился план действий. Но главное, что его машины приведутся к действию только теми, кто ему и нужен.

Но когда дверь в кабинет открылась, Сашка, вместо ожидаемого Матвея, увидел на пороге графиню Ольгу Разумовскую. С грехом пополам вернув челюсть на место, Сашка встал и, как полагается по этикету, коротко поклонился, удивленно проворчав:

– Графиня, не ожидал вас тут увидеть. Чем могу служить?

– Я к вам по делу, князь, – сообщила графиня, поджимая губы.

– Прошу вас, – вздохнул Сашка, указывая на кресло у стола.

– Благодарю, – кивнула девушка, присаживаясь на указанное место.

– Итак, чем я могу быть вам полезен? – перефразировал парень свой вопрос, усевшись за стол.

– Батюшка сказал, что вы отказались от притязаний на мою руку. Это так?

– Верно. Вы ведь этого хотели, или я чего-то не понял? – тут же поддел ее Сашка, не удержавшись.

– Нет. Вы все правильно поняли, – снова поджала девушка губы. – Но теперь, после вашего отказа, я стала посмешищем света.

– Простите, сударыня, но я вас не понимаю. Совсем, – окончательно растерялся парень. – То вы требуете, чтобы я застрелился и избавил вас от своего присутствия, а то заявляете, что я виноват в том, что вас освободили от данного обещания.

– Вся беда в том, что Николаша... – тут она запнулась, не зная, как объяснить, кто это такой, но Сашка, сообразив, о ком идет речь, только кивнул:

– Я помню его.

– Да. Так вот, Николаша не стал терпеть такое отношение ко мне и вызвал одного из моих обидчиков на дуэль.

Она замолчала, уставившись на Сашку непонятым взглядом.

– Ну, а ко мне это какое имеет отношение? – пожал парень плечами. – Я ему еще тогда, у вас на приеме сказал, что бросаться вызовами не самое полезное для здоровья занятие.

– Вы должны помочь ему! – неожиданно заявила графиня.

– Како... – чуть было не сорвался Сашка, но прикусив язык, поправился: – Гм, простите, каким образом? Все знают, что мы не были друзьями, более того, он считал меня своим врагом. И как я могу ему помочь? К тому же у меня сейчас и других проблем полно. На деда было совершено нападение, если вы не знали, и теперь я вынужден регулярно бывать в управлении жандармов. Давать показания, как это было.

– Это должно означать, что вы отказываетесь? – высокомерно поинтересовалась графиня.

– Это означает, что в данное время я нахожусь под постоянным присмотром со стороны жандармов и не могу вмешиваться в иные дела. Идет следствие, и я один из первых видов, – отозвался Сашка ровным голосом.

– И тем не менее, я прошу вас помочь ему. Научите Николашу правильно стрелять. Я знаю, что вы бились об заклад и выиграли. Ваш

маленький посыльный, что сидит сейчас под дверью кабинета, и есть тот выигрыш.

– Похоже, у кого-то в свете очень длинный язык, – не удержавшись, проворчал Сашка. – Николай утверждал, что умеет стрелять. И потом. На какую дату назначена дуэль?

– Послезавтра, – мрачно вздохнула Ольга.

– Слишком мало времени, – качнул парень головой. – Вмешайся я сейчас, и все станет только хуже. Мои советы наложатся на его знания, и это может отвлечь его в самый ответственный момент. Нет. Сейчас лучше не вмешиваться.

– Вообще-то, я надеялась, что вы встанете к барьеру вместо Николаши. Что ни говори, а опыта в таких делах у вас гораздо больше, – вздохнула графиня, поднимаясь.

– Увы, сударыня, но обстоятельства сложились так, что на данном этапе я не имею права даже на малейший риск. Речь идет о деле государственной важности, – развел Сашка руками. – К тому же это было бы не очень честно по отношению к его противнику. И как сам Николай отнесется к такой замене? Об этом вы подумали?

– Ему страшно, – еле слышно всхлипнула графиня. – А что до замены, то подобное допускается, если один из противников внезапно заболел или повредил руку.

– А он ее повредил? – спросил парень, еле сдерживаясь, чтобы не послать ее куда подальше.

– Похоже, вы решили подобным образом отомстить мне за оскорбление, – неожиданно высказалась графиня.

– Господь с вами, сударыня, – тихо рассмеялся Сашка. – Я и думать забыл о том инциденте. Все дело в нападении на деда. Вот что сейчас для меня важнее всего.

– Но этого не было в газетах, – резко возразила Ольга.

– Обратитесь к полковнику Веселову, – вздохнул Сашка. – Он в курсе всех событий. Дело ведет его заместитель, подполковник Квасков. Думаю, обе этих личности вам хорошо известны. Ну, или вашему родителю. Так что нужные справки вы можете навести сами.

– Вы назвали известные фамилии, – кивнула графиня, заметно растерявшись. – Что ж. Не смею больше беспокоить, князь, – последнее слово она словно выплюнула.

«Похоже, я в ее глазах рухнул ниже плинтуса», – хмыкнул про себя парень, провожая ее взглядом.

Потом, взяв колокольчик, он вызвал слугу и приказал позвать в кабинет управляющего, или, как тут его называли, мажордома.

Вошедший пожилой мужчина с окладистой бородой с достоинством поклонился и вопросительно уставился на парня. Поздоровавшись, Сашка поднялся и, сложив руки на груди, мрачно спросил:

– Как случилось, что графиня посетила меня без доклада слуг?

– Она сказала, что является вашим другом, – растерялся мажордом.

– Таких друзей... – прошипел Сашка, но взяв себя в руки, наставительно сказал: – С этого дня прошу запомнить всех. У меня в этом городе нет друзей. Есть только знакомые. Так что, несмотря на любые слова и просьбы, доклад о посетителях обязателен. Так же, как и для Алексея Михайловича. К нему без доклада хотя бы адъютанту никого не пускать. Это понятно?

– Но, ваше сиятельство, приказы мне отдает только его сиятельство Алексей Михайлович, – решительно возразил мажордом.

– Вы выполните этот приказ просто потому, что от этого зависит его жизнь, – жестко ответил парень. – Хотите стать причиной его гибели?

– Господь с вами! Свят, свят, свят, – истово закрестился старик.

– Тогда делайте, что приказано. Поймите, – успокаиваясь, вздохнул Сашка. – Это не моя прихоть. Это жестокая необходимость. И не случись вчерашнего нападения, я бы и не подумал вмешиваться в текущие дела. Так вы выполните мою просьбу? – уточнил Сашка, пытаясь смягчить свое требование.

– Ну, ежели вопрос стоит так, – растерянно вздохнул мажордом.

– Именно так, – кивнул парень. – Говорю же, если б не нападение, мне такое и в голову не пришло.

– Хорошо, ваше сиятельство. Все будет сделано, как велели, – подумав, решительно кивнул мажордом. – Только вы уж сами потом скажите Алексею Михайловичу, что это вы велели. А то осердится он, – решившись, осторожно попросил старик.

– Скажу. И не беспокойтесь. Ежели что, сразу ссылайтесь на меня. Я приказал. И все. Дед поймет. Я знаю, – заверил его Сашка.

– Благодарствую, ваше сиятельство, Александр Викторович, – поклонившись, улыбнулся старик.

* * *

Следующая неделя прошла спокойно. Сашка с головой погрузился в ремонт разбитого автомобиля. Двигатель пришлось покупать новый. У старого был пробит камнем блок цилиндров и рассечен поддон картера. Сменили правое крыло, дверцу и полностью заменили переднюю подвеску. Благо изделия господина Бенца в столице продавались в больших количествах, так что с запасными частями проблем не было.

После покраски и обкатки Сашка объяснил водителю, как правильно нагружать новый двигатель, чтобы дать ему нормально приработаться, и, поднявшись в кабинет деда, попросил адъютанта сообщить старику о своем прибытии. Сергей, кивнув в ответ, бесшумно просочился в кабинет и, получив от князя указания, вернулся в приемную.

– У вас десять минут, Александр. Князь ждет серьезных посетителей, – сообщил лейтенант, едва закрыв дверь.

– Вполне достаточно, – улыбнулся Сашка.

– Как дела с машиной обстоят? – вежливо поинтересовался Сергей, перебирая бумаги.

– Починили. Я потому и пришел. Хочу этот автомобиль под охрану отдать. Машина битая, так что, случись что, не так жалко будет. А то лошади после той истории мне доверия не внушают.

– Ну и правильно, – решительно кивнул адъютант. – Давно пора было это сделать. Что ни говори, а автомобиль так быстро, как лошадь, не устанет.

– Угу. Только ему дороги нужны, а лошадь и по бездорожью пройдет, – улыбнулся в ответ Сашка.

– Вы против прогресса? – удивился лейтенант.

– Наоборот. Я за него. Но нужно понимать, что современные автомобили не способны пока тягаться с лошадьми по всем статьям. Подчеркиваю. Пока.

– Похоже, у вас уже есть идеи по этому поводу, – понимающе кивнул Сергей. – Что ж. Вы механик и изобретатель, вам и карты в руки. Думаю, если у кого и получится, так это у вас.

– Откуда такая уверенность? – растерялся парень.

– Видел вашу винтовку. Князь приносил, – быстро добавил Сергей, заметив, как сверкнул Сашкин взгляд. – Оригинальное решение. И ведь работает. А если вспомнить, что делалось все в деревенской кузне, так это вообще чудо.

– Благодарю, – кивнул Сашка. – И да, вы правы. Идеи у меня действительно есть, осталось решить, где и как воплощать их в жизнь.

– Если позволите, дам один совет, – отложив бумаги и заметно понизив голос, сказал лейтенант. – Я на этой должности уже несколько лет и повидал всякое.

– Конечно. Я вас внимательно слушаю, – подобрался Сашка.

– Оформляйте патент на каждое свое изобретение. Понимаете? Не на машину целиком, а на каждый отдельный узел, который придумаете сами. Так вам самому потом будет проще.

– Может, тогда подскажите толкового юриста, занимающегося подобными делами? – подумав, уточнил Сашка.

– С удовольствием, – улыбнулся лейтенант. – Его контора ведет все дела вашего деда. Ну и я, грешный, туда же примкнул.

– Ага, семейный адвокат получается, – кивнул Сашка.

– Там их свора целая, – рассмеялся Сергей. – И все зубастые.

– Волка ноги кормят, – пожал Сашка плечами, аккуратно убирая поданную визитку в карман и делая себе пометку поинтересоваться у деда про эту контору.

Из кабинета князя вышел очередной чиновник, и лейтенант, проводив его взглядом, кивком головы указал Сашке на дверь. Войдя, парень поздоровался и, быстро доложив о состоянии дел в гараже, с ходу предложил пересаживать охрану на отремонтированную машину. Подумав, Алексей Михайлович чуть пожал плечами, после чего, махнув рукой, решительно заявил:

– Делай, как знаешь, Саша. Тебе эти дела ближе, так что полностью полагаюсь на твое мнение.

– Спасибо, деда, – улыбнулся Сашка. – Поверь, так будет лучше. С подполковником Квасковым я договорюсь, так что количество охраны будет увеличено.

– Зачем? – удивился князь.

– Затем, что ты мне еще живой нужен, – рыкнул Сашка, неожиданно вспыхнув. – И вообще, пока я с этими подонками не разберусь, без охраны ни шагу.

– Разберешься? Ты? – удивился старик.

– Именно я, – решительно кивнул парень, уже жалея, что распустил язык.

– Так, Саша, садись и рассказывай, – помолчав, потребовал князь.

– Что именно? – включил дурака парень.

– Что задумал, рассказывай, – зарычал в ответ старик.

– А вот это тебе знать пока не надо, – вздохнул Сашка, упрямо набычившись.

– Ты с кем говоришь? – моментально вспыхнул Алексей Михайлович и, поднявшись из-за стола, впери в парня грозный взгляд.

– С тобой, дед. И говорю я так только потому, что такие вещи тут у вас не приняты. Зато в Африке подобное регулярно практикуют. От тебя требуется только одно. Когда спросят, отвечать, что ты ничего не знал, и вообще все это сделано специально, чтобы всех запутать.

– Что это и кого оно должно запутать? – тут же последовал новый вопрос.

– Дед, – укоризненно протянул Сашка, с улыбкой подмигнув ему. – Я в эту игру могу часами играть. До следующего утра буду тень на плетень наводить.

– Ты хоть намекни, чего ожидать, – не удержавшись, рассмеялся старик.

– Большого шума. Это пока все, что я могу тебе сказать.

– Похоже, ты с Квасковым сумел общий язык найти, – задумчиво проворчал старик, удивленно рассматривая внука.

– Сильно надо будет, я и со змеей договорюсь, – ехидно усмехнулся Сашка.

– А чего ж тогда с Ольгой Разумовской не договорился? – тут же поддел его старик.

– А мне это не надо, – фыркнул Сашка. – Она же принеслась, чтобы уговорить меня влезть в дуэль ее дружка. А мне эта драка нужна, как зайцу триппер.

– Саша, – укоризненно качая головой, вздохнул князь. – Ну ты же не в казарме.

– Прости, дед, но иногда казарменный юмор отражает текущее положение дел гораздо точнее, чем все светские выражения, – моментально нашелся Сашка. – Да и рос я не во дворце. Так что мне простительно.

– Вот ведь выюн, – снова рассмеялся старик. – Из пальцев вывернулся.

– Жить захочешь, не так раскорячишься, – тут же отреагировал Сашка и сразу выругал себя за болтливость.

– Ладно. Что-нибудь еще? – устало поинтересовался князь, усаживаясь обратно в кресло.

– Пока всё, – качнул Сашка головой.

– Ступай тогда. А то сейчас набегут, – князь скривился, всем своим видом выражая нежелание видаться с будущими посетителями.

– Я могу чем-то помочь? – осторожно предложил парень.

– Нет, внучок. Но за предложение, спасибо, – улыбнулся старик. – Тут никто мне помочь не сможет. Один Господь Бог.

– Понятно. Тогда я пошел, – вздохнул Сашка, открывая дверь.

Оказавшись в приемной, он быстро осмотрелся и, наклонившись к адъютанту, тихо попросил:

– Сереж, не в службу, а в дружбу, присмотри за теми, кто к нему сейчас придет. Похоже, они ему сильно не нравятся, но отказать не может. И ежели что, меня зови. Я Васятку в коридоре под дверью оставлю. Как посыльного.

– Сюда присылай, – кивнул лейтенант. – Я его в уголке посажу. И на глазах, и мешать никому не будет.

– Добро, – кивнул Сашка, выглядывая в коридор.

Выигранный им мальчишка был ловким и сообразительным. А после того, как понял, что обижать его тут никто не собирается, стал ходить за Сашкой хвостиком, готовый в любой момент бежать с нужным указанием в указанную сторону. Введя мальчика в кабинет, Сашка передал его с рук на руки лейтенанту и, коротко объяснив, что надо делать, отправился к себе.

Там уже его дожидался рядовой жандарм Иван с вестями от подполковника. Поздоровавшись, жандарм протянул парню толстый пакет бумаг, коротко пояснив:

– Тут все, что нам удалось выяснить. Его превосходительство просил, чтобы вы после прочтения это уничтожили.

– Обязательно, – кивнул Сашка, забирая пакет. – Что-нибудь на словах?

– Он просил вас быть осторожным и помнить, что на вас не должна пасть даже тень вины, – тихо пересказал жандарм.

– Благодарю. Передайте Льву Ивановичу, что мне потребуется помощь пары его самых доверенных людей. Желательно, чтобы это были вы, Иван Власович, и ваш напарник, Аркадий Акакиевич. Пока я только вам двоим могу доверять полностью. Не говоря о Льве Ивановиче.

– Благодарствую, ваше сиятельство, – поклонился жандарм, и в глазах его мелькнуло удовлетворение. Доверие знатного лица в этом мире дорогого стоило.

– И еще, – кивнув, продолжил Сашка. – Передайте его превосходительству, что я просил увеличить количество охраны для деда. Двоих слишком мало. Требуются еще как минимум двое, не считая водителя. Автомобиль для охраны уже готов. Так что они станут приезжать сюда верхами, а потом, оставив лошадей в нашей конюшне, станут передвигаться следом за дедом на машине.

– Не извольте беспокоиться, – кивнул жандарм. – Все передам. И охрана будет. Его превосходительство сам об этом говорил на днях.

– Ну и слава богу, – улыбнулся Сашка с заметным облегчением. – И вот еще что. Передайте подполковнику, что кто-то из ваших, похоже, докладывает обо всем, что происходит у вас в жандармерии, кому-то из свитских. Дед многое узнал помимо меня.

– Это нам известно, – кивнул Иван, лукаво усмехнувшись.

– Тогда всё, – завершил Сашка встречу, понимающе усмехнувшись в ответ.

Коротко поклонившись, жандарм четко развернулся, словно на плацу, и вышел. Сашка, вытащив из ножен кинжал, вскрыл конверт и принялся читать послание. Спустя час, свернув бумаги, он мрачно скривился и, вздохнув, проворчал:

– Я так и думал. Не сумели отодвинуть интригами, решили убрать физически.

В полученных им документах приводились краткие выжимки из того, что жандармы вывезли из явочной квартиры. Особо опасных

бумаг там не было, но и тех писем, что нашлись, оказалось достаточно, чтобы понять, что затеяно это нападение было не просто так. В некоторых особо нетерпеливых странах уже начали торговать концессиями земельных ресурсов империи. А упорство и твердость старого князя и его фракции сломали эти планы.

В итоге было принято решение главных фигурантов фракции устранить, а саму фракцию упразднить, как опасную. Именно отсюда и брали начало все случившиеся неприятности. И скандал с дуэлью на приеме, и нападение по пути на службу.

– Похоже, ребят крепко приперло, если они решились на подобное, – вздохнул парень. – Ладно. Будем решать проблемы по мере их поступления. И первым номером нашей программы станет подготовка в оборатке. Похоже, ребятки забыли, что в эту игру могут играть две стороны.

Поднявшись, Сашка достал из шкафа все необходимое и принялся собирать свою первую адскую машинку. Три ящика из древесного массива ему привез Матвей. Как и все остальное, включая нарубленные гвозди. Ящики эти были сделаны на заказ, и заказывал их не Матвей, а по его просьбе это сделала одна вдова. Точнее, ее сын, который сразу после получения заказа отправился на службу в дальнее поместье графа Головина.

Эту сложную цепочку парень придумал и воплотил в жизнь сам, не привлекая деда. Матвей, едва узнав, что это требуется для защиты старого князя, взялся за дело, не задавая ни одного вопроса. Сашка же, еще планируя операцию, решил сделать все, чтобы дознавателям в руки не попало ничего кроме нескольких обломков. Так что делал он все старательно и очень осторожно. Соблюдая все меры безопасности, включая скрывание своих папиллярных узоров на пальцах.

Раскатав на столе кусок холстины, напоминавший половину портянки, разорванной по длине, он обильно смазал ее топленным жиром и принялся укладывать нарубленные гвозди. Потом, разделив выкрученный динамит на три части, он обвязал одну треть тонким шнуром и плотно закатал ее в материю, получив таким образом почти шрапнельный снаряд. Потом, укрепив этот снаряд в ящике, парень занялся взрывателем.

Спустя два дня вся столица содрогнулась от серии взрывов. Точнее, взрывов было три. Один в английском посольстве, второй в посольстве Австро-Венгрии и третий в доме барона Вотлански, известного поборника движения России в сторону Запада. Во всех трех случаях были серьезные жертвы. На этот раз газеты молчать не стали. Все периодические издания разродились сериями статей, буквально вопивших о несостоятельности специальных служб.

Сашка тем временем снова пропадал в гараже. Новости он узнал от приехавшего в особняк Ивана. Они уединились в кабинете, и опытный жандарм, растерянно качая головой, тихо поведал все, что с ним и его напарником произошло за это время. Отдавая им посылки, Сашка четко проинструктировал обоих, настрого наказав ни в коем случае не входить в дома и не вступать в долгие разговоры. На все вопросы отвечать одно: «В посылке есть письмо, и получатель, прочтя его, все поймет сам».

На этом посыльный должен просто откланяться. В случае невозможности просто уйти, твердить только одно – ему заплатили за доставку посылки. Всё. Но воплощать в жизнь вторую часть не пришлось. И Иван, и Аркадий легко сделали свое дело. Переодевшись в простую одежду, они доставили посылки по адресам и растворились в толпе прохожих. Что было дальше, они и сами узнали по вызову на происшествие.

Впрочем, что-то подобное они предполагали. Уж больно настойчиво парень требовал отдать ему динамит. Но такого размаха не ожидали даже опытные жандармы. Вместе с новостями Иван передал Сашке и просьбу подполковника встретиться с ним.

– С этого и надо было начинать, – проворчал Сашка, встряхивая колокольчик.

Спустя десять минут, переодевшись, он приказал подать к подъезду автомобиль.

Лев Иванович встретил его угрюмо-настороженным взглядом. Ответив ему открытой, обезоруживающей улыбкой, Сашка присел на указанный стул и, сложив руки на груди, тихо спросил:

– Кажется, вам не очень понравилось то, что произошло.

– Да что ж тут может нравиться? – возмутился подполковник. – Это, уж простите, Александр, массовое убийство.

– Разве? – деланно удивился Сашка. – А по-моему, это было неосторожное обращение со взрывчаткой при подготовке очередного террористического акта. Так бывает, когда люди, не умеющие правильно обращаться с такими опасными предметами, берутся ими заниматься.

– Теперь я понимаю, почему вы так настаивали, чтобы я составил бумагу об уничтожении того ящика динамита, – вздохнул подполковник. – А я ее уже и к делу подшил.

– Ну и правильно, – пожал парень плечами. – В любом случае дело сделано, и обратно ничего уже не вернуть. Зато теперь все эти господа знают, что в такие игры могут играть не только они. Лично для меня это главное.

– И не поспоришь, – проворчал подполковник с заметной растерянностью. – Вы уж простите меня, Александр, но я, признаться, не ожидал от вас подобной решимости. Думал, со злости, в сердцах динамит у меня потребовали. А вы вон как им распорядились.

– Какой динамит? – снова сыграл удивление Сашка. – Не брал я никакого динамита. Тот, что вы нашли, уничтожен. И давайте остановимся на этом.

Подполковник окинул его задумчивым взглядом и, чуть улыбнувшись, кивнул. Сашка, усмехнувшись в ответ, попрощался и, поднявшись, тихо добавил:

– Я благодарен вам за помощь, Лев Иванович.

– Я вам тоже, – грустно улыбнулся подполковник. – Надеюсь, пояснения вам не требуются? – спросил он, внимательно глядя на парня.

– Нет, – понимающе кивнул Сашка. – Скажу больше. Если вам еще раз потребуется моя помощь, милости прошу. Всегда буду рад. Да и просто так всегда буду рад вас видеть, Лев Иванович.

– Благодарю вас, Саша, – поднявшись, ответил подполковник, протягивая ему руку.

По приезде домой Сашка был срочно вызван в кабинет к деду. Пройдя в приемную, Сашка сразу понял, что его хулиганство вызвало в обществе большой резонанс. В приемной толпились чиновники разных рангов, тихо обсуждая между собой случившееся. Адъютант, увидев парня, тут же поднялся и отправился в кабинет с докладом.

Выйдя, он церемонно поклонился Сашке и, в точности соблюдая этикет, пригласил:

– Ваше сиятельство, князь ожидает вас.

– Благодарю, – вежливо склонив голову, ответил парень и широким солдатским шагом направился к двери.

Алексей Михайлович встретил его, расхаживая вдоль стола по роскошному персидскому ковру. Увидев внука, старик жестом указал ему на кресло и, присев на свое место, тихо прошипел, глядя парню в глаза:

– Ты что ж это, паршивец, натворил?

– Я? Господь с тобой, дед. Я уже неделю из гаража не вылезаю, – нахально усмехнулся Сашка.

– Вот именно это меня больше всего и удивляет, – растерянно проворчал старик. – Но ведь это именно ты не так давно предупреждал меня о чем-то подобном. Или мне это приснилось?

– Предупреждал, – не стал спорить парень.

– Так, Саша. Рассказывай. Всё. Мне понимать надо, как на все это реагировать. А то завтра на доклад к императору ехать, а мне и сказать нечего.

– А что я могу рассказать такого, что поможет докладу? – удивился Сашка. – Знаю только, что заговорщики пытались сделать запал для динамита и, похоже, что-то у них не срослось. Вот и вышло, что вышло.

– Угу, посольские станут сами, своими руками адские машинки делать? Саша, я хоть и старый, но из ума еще не выжил, – презрительно скривился князь. – Да и император наш, хоть и молод, но совсем не глуп. И что я ему должен ответить, когда он меня спросит об этих взрывах?

– Что нашу страну кто-то пытается таким образом стравить с нашими политическими противниками. Кто-то очень хочет большой войны. Да только они не учли, что войны с такого не начинаются.

– И с меньшего начинались, – устало вздохнул старик.

– Ну, кто желает воевать, тому и повода не нужно, – развел парень руками. – Ты, главное, стой на том, что я тебе сказал. Мол, начали с тебя, а когда поняли, что не вышло, решили не останавливаться. А остальное пусть тебе жандармы доложат. Там у них какие-то бумаги

отыскались. Думаю, найдешь, как их к этому делу пристегнуть, – лукаво усмехнулся Сашка.

– Да уж найду, – усмехнулся в ответ старик. – А если честно, зачем ты это сделал? И главное, как? Я ведь точно знаю, что ты ни с кем, кроме жандармов, не встречался и со двора никуда не уходил.

– Зачем, отвечу. А как, не скажу. Пусть это моей тайной останется, – вздохнул Сашка. – Я не хочу, чтобы подобные нападения повторялись, и потому дал тебе повод спустить на всех этих народовольцев и прочих социалистов всех собак. Потому что просто так они не успокоятся. Теперь у вас есть повод, чтобы прижать всю эту свору к ногтю. Раз и навсегда.

– Пожалуй, – задумчиво кивнул князь. – А ведь интересный расклад получается, – помолчав, продолжил он. – Этих господ с Запада старательно подкармливают, а едва мы начинаем их в чувство приводить, так сразу вой поднимается. Мол, свободу воли у нас зажимают. Вот теперь пусть попробуют взвыть, – злорадно усмехнулся старик.

– Я же говорил, что ты сам все поймешь, – удовлетворенно усмехнулся парень. – А что там по моей дуэли решено? – сменил он тему на всякий случай.

– Ничего пока, – скривился князь. – Их величество думать изволят. Они пока не верят, что человеку можно дуэльной шпагой одним ударом голову срубить. Вот и думает теперь, что решить. А там еще господа из фракции, которая того бретера выставила, ему на ухо нашептывают всякое. Да ты не переживай. Справимся. Теперь точно справимся, – злорадно усмехнулся старик. – Давно в столице такого шума не было.

– Ничего, пошумят и забудут, – отмахнулся Сашка. – А вообще, мне, дед, твой совет нужен.

– Это о чем же? – насторожился князь.

– У нас где-нибудь есть имение, чтобы рядом хоть какая промышленность была? – осторожно поинтересовался парень.

– Ну, под Таганрогом есть небольшое, – удивленно буркнул старик.

– Под Таганрогом, – задумчиво повторил парень, судорожно вспоминая, как в это время называли город Донецк. – А там рядом что производят? – спросил он, так и не вспомнив.

– Уголь копают и сталь льют вроде, – пожал князь плечами.

– И то хлеб, – вздохнул Сашка.

– Ты чего опять удумал? – потребовал князь отчета, неожиданно разволновавшись.

– Надоело даром время терять, – скривился Сашка. – Хочу уехать отсюда куда потеплее и свой автомобиль собрать. Такой, на котором по любой самой паршивой дороге проехать можно будет.

– А такое бывает? – удивился старик.

– Бывает, – решительно кивнул парень. – Точнее, будет. И оружие новое делать хочу. Такое, которого ни в одной стране еще нет. Вот кстати. Мне б пару винтовок новых, которые Мосин придумал, и патронов к ним пару тысяч штук. Ну и стволов от той же винтовки, с десяток. Где купить можно?

– Ну у тебя и вопросы, – растерялся старик. – Тут подумать надо, – проворчал он, беря перо и начиная записывать все названное. – А чего эти стволы, а не свои? – не удержавшись, поинтересовался он.

– Так эти стволы уже выделывают. Так что, если у меня с новой винтовкой получится, то и перестраивать ничего не придется. И патрон у той винтовки хороший. Мощный. Только форма у пули странная. Круглая.

– Погоди. Там же пуля вроде вытянутая, – не понял старик.

– Передняя часть у нее круглая. Вот сам подумай, дед. Почему для пушек снаряды делают с острым носом, а для винтовок пули с круглым. Ведь снаряд летит медленнее.

– Гм, не замечал раньше, – удивленно протянул князь. – И правда, надо будет задать такой вопрос нашим воякам.

– Вот-вот. Задай, – закивал Сашка, зная точный ответ.

– Ладно, Саша. С оружием и патронами я тебе помогу, а вот уезжать пока не торопись. У нас с тобой еще тут не все дела сделаны, – вздохнул князь, отпуская его.

Попрощавшись, парень вышел из кабинета и отправился в свои комнаты. Нужно было спокойно подумать. Пройдя в свой кабинет, он уселся за стол и, попросив подать чаю, положил перед собой чистый лист бумаги. Теперь, когда главное дело было сделано, нужно решить, чем заняться и с чего начинать. Теперь, когда просто зарабатывать себе на хлеб ремонтом всякой механики необходимости не было, Сашка пытался найти себе достойное занятие.

То, что он озвучил деду, было чистой правдой. Да и других занятий парень себе не представлял. Что он вообще по жизни умел и знал? Машины и оружие. Значит, от этого и нужно плясать. Особенно если учесть, что в этой реальности пока все эти механизмы только начинают разрабатывать. У того же господина Бенца, например, автомобиль больше напоминал мотоколяску, способную развивать скорость всего двадцать пять километров в час.

– Офигеть, какая скорость, – проворчал Сашка, бездумно рисуя на бумаге общие контуры автомобиля, который пользовался бы спросом в этом мире. Особенно у тех, кто беспокоится о собственной безопасности.

Делать блиндированные машины парень не собирался, но и клепать жестянки тоже не желал. Автомобиль для людей уровня князя Тарханова должен быть крепким, комфортным, быстрым и проходимым. Последнее не самая обязательная часть, но если будет, хуже не станет. В очередной раз вздохнув, Сашка поднялся и, пройдясь по кабинету, встал у окна. Из состояния задумчивого созерцания его вывел Матвей, принесший чай.

Быстро накрыв на стол, слуга бросил взгляд на Сашкины каракули и, не удержавшись, осторожно спросил:

– Александр Викторович, это вы такой автомобиль делать собираетесь?

– Есть такая мысль. Да только боюсь, технических возможностей не хватит. Я ж его не на заводе делать хочу.

– А где производство ставить хотите? – задал Матвей следующий вопрос.

– Ну, до производства я еще не дорос, – усмехнулся Сашка. – Сначала надо действующий образец создать, чтобы потом было что промышленникам показать. А вообще, думаю в имение под Таганрогом уехать. Говорят, там неподалеку и уголь добывают, и сталь варят.

– Имение там не большое, но уютное, – улыбнулся Матвей. – Но только сделать там что-то серьезное не получится. Там ведь кроме кузни и нет ничего. Станки заказывать придется. Но сначала сарай под них ставить. А места там хорошие.

– Станки и купить можно, – снова вздохнул Сашка. – Но ты прав. Начинать надо с самого начала.

Большой прием для представителей иностранных держав проводился в большом зале Зимнего дворца. В связи с громкими событиями приглашены были все послы. Протокол приема выдерживался до последней буквы, и потому император произнес заготовленную речь в полной тишине. Послы выслушали его внимательно, но после завершения по залу пробежал волнами шепоток. Больше всего послов взволновал пассаж о том, что любая политическая деятельность, опирающаяся на силу, будет жестко пресекаться.

Первым, как и следовало ожидать, по этому поводу решился высказаться посол Британии. Шагнув вперед, он поклонился и, оперевшись на резную трость черного дерева, с апломбом принялся вещать о том, что проявления свободоволия и высказывание собственного мнения есть неотъемлемая часть человеческих прав и свобод, и подавление их является первым признаком диктатуры. Молодой император, внимательно слушая его, умудрился сохранить невозмутимый вид, но взгляд, брошенный им на князя Тарханова, заставил старика подобраться, словно бойцового пса перед дракой.

Взгляд этот был исполнен растерянности и легкой паники. Едва дождавшись, когда посол, наконец, заткнется, князь шагнул вперед и, глядя ему в глаза, твердо ответил:

– Господин посол. А вам не кажется, что ваше заявление в свете случившихся событий несколько опрометчиво? Или вам наплевать на ваших погибших? В таком случае я не понимаю, зачем ваша страна вообще стала подавать нам свою ноту?

– Э-э, вы ошибаетесь, – растерялся посол, не ожидавший такого наезда.

– Тогда как прикажете расценивать ваши слова? – тут же отреагировал князь.

– Князь, на вашем месте, я бы не стал вести себя столь дерзко, – окрысился посол. – К вам у меня тоже есть послание от моего правительства.

– Ну, так огласите его, – улыбнулся Алексей Михайлович одними губами.

– Ваш так называемый внук осмелился поднять руку на представителя нашего государства, вследствие чего тот больше не может исполнять свои обязанности. Поэтому вы должны передать этого человека нам для проведения над ним суда.

– Запомните, господин посол, сами и передайте мои слова своему правительству. Я вам ничего не должен, – отрезал князь. – Мой внук, подданный Российской империи, и если он окажется под судом, то только под нашим. А что касается того, что он якобы не мой внук, так это не вам решать. Что же до вашего человека, так он сам виноват. Ваш подопечный посмел поднять руку на меня. И тому есть множество свидетелей. Я ответил на ваш вопрос?

– Такой ответ сильно обострит отношения между нашими странами, – прошипел посол.

– А они вообще есть? – иронично усмехнулся князь. – Насколько мне известно, вы не воспринимаете Россию как равнозначного партнера и имеете наглость постоянно пытаться диктовать нам свои условия. Такое положение вещей не может нас устраивать. Так что ваша страна или пересмотрит свое отношение к нашей стране, или все наши сношения будут окончательно разорваны.

– Это ультиматум? – растерялся посол, не ожидавший такого.

– Пока нет.

– Вы понимаете, что такие высказывания могут довести до вооруженного противостояния? – зашипел посол.

– Все может быть, – философски пожал плечами князь. – Войны начинались и с более мелких поводов. Но для начала задайте себе вопрос, господин посол, готова ли ваша страна к войне?

– Этот вопрос будет решаться не мной, – насупился посол, не понимая, что происходит.

В страну он приехал недавно и еще не полностью разобрался в местных реалиях. Передать дела ему было некому. Бывший посол погиб при странных обстоятельствах. Взрыв в посольстве унес жизни четырех работников посольства и разрушил почти весь второй этаж здания на Английской набережной. Там теперь шел ремонт, и вновь прибывшим работникам посольства приходилось вести дела где придется. А тут еще и столь жесткий ответ. И от кого? От советника варварского императора, по какому-то недоразумению именующего себя главой цивилизованного государства.

Похоже, на Даунинг-стрит не просто так считали этого старика лишним в местных раскладах. Теперь, после громких терактов, работать в этой стране станет гораздо сложнее. А самое главное, что в руки местной жандармерии попали некоторые документы, которые там оказаться ну никак не должны были. Взрыв разметал много текущих документов, среди которых оказались и особо секретные. А прибывшие на место взрыва полиция и жандармы собрали все, до последнего листочка, тут же объявив их уликами по делу.

– Значит, вы отказываетесь передать вашего внука в наш суд? – сам не зная зачем, уточнил посол, окончательно сбившись с мысли.

– Забудьте об этом, – отмахнулся князь. – Род Тархановых служил России и судим был только царями русскими. Так было всегда и так будет с моим внуком.

– А вы уверены, что это ваш внук? – нашел в себе силы посол ехидно усмехнуться.

– Я это знаю, – ответил князь, презрительно усмехнувшись. – Как знаю и то, что много лет назад нанятые вашими людьми бандиты убили мою дочь и ее мужа.

– Такие утверждения требуют доказательств.

– Мы не в суде. Будь у меня доказательства, я сделал бы все, чтобы ни один британский выродок не посмел ступить на территорию моей страны, – голос князя был ровен, но тон был таков, что вздрогнули все находившиеся в зале.

Такого противостояния еще не было. Личный советник императора словно задался целью спровоцировать войну, ведя себя так, что растерялись даже прожженные интриганы. Между тем Алексей Михайлович, повернувшись к остальным в зале, громко продолжил:

– Господа. У меня тоже есть для вас заявление.

Послы невольно подались поближе к трону, где все еще восседал молодой император, удивленно взиравший на своего подданного.

– Господа. Как вам известно, нападения были совершены на представителей нескольких ведущих мировых держав. По некоторым данным я могу смело утверждать, что сделано это было только с одной целью. Развязать мировую войну. Напомню, что началось все с покушения на вашего покорного слугу. И от смерти меня спасло только присутствие рядом моего внука. Но, даже несмотря на провал, эти

господа не остановились и продолжили свое грязное дело. Результаты вам хорошо известны. Поэтому я считаю своим долгом предостеречь всех присутствующих от преждевременных выводов. Сцепившись в драке, мы сыграем на руку тем, кто хочет поколебать вековые устои всех, подчеркиваю, всех наших государств. Думаю, ни для кого не секрет, что, вспыхнув в одном месте, подобные выступления не остановятся и перекинутся дальше, словно лесной пожар.

Послы начали переглядываться и согласно кивать головами. Только посол Британии продолжал мрачно стоять перед князем, словно памятник самому себе.

– Как уже сказал его величество, – тут князь поклонился императору, – наши жандармы проводят дознание по этим делам. О результатах его вас поставят в известность в свое время. Но заверяю каждого в этом зале. Подобное выступление не останется безнаказанным. На этом прием окончен, господа, – закончил князь свою речь, и послы, кланяясь, принялись покидать зал.

Дождавшись, когда последний из них скроется за дверью, Алексей Михайлович пошел к трону и, поклонившись, устало спросил:

– Ваше величество, я еще нужен вам?

– У меня есть несколько вопросов к вам, князь, – вздохнул император, сходя с возвышения, на котором стоит трон. – Зачем вы начали провоцировать британского посла и почему вы ему угрожали? А если он и вправду решит, что мы хотим объявить Британии войну?

– В таком случае он будет круглым дураком, ваше величество, – с улыбкой поклонился князь. – Но спускать ему его наглость я не собираюсь. Их давно уже пора поставить на место, что я сегодня и сделал. А по поводу войны не беспокойтесь, ваше величество. У него сейчас связаны руки. Наши жандармы крепко проредили ряды их клеветников. Разлетевшиеся при взрыве бумаги позволили нам узнать многое о том, о чем мы раньше только догадывались. И кстати, покушение на меня было проплачено британскими деньгами.

– Вот как? Вы уверены в этом? – растерялся император.

– Теперь я это знаю, ваше величество.

– Но почему на вас? Почему не на меня? – помолчав, уточнил молодой человек. – Ведь убрав меня, они запросто могли бы ввергнуть страну в хаос, а значит, захватить ее без всякой войны.

– Ошибаетесь, ваше величество, – вздохнув, покачал князь головой. – Это может показаться вам кощунством, но император это только символ. Знамя, если пожелаете. Сама же империя держится на армии, флоте, полиции, жандармерии и дворянском сословии, которое способно объединить ваших подданных для борьбы с любым внешним врагом. Один человек, ваше величество, даже являясь помазанником Божьим, ничто. Империя – это всё. Поймите, ваше величество, им нужен был не кто-то конкретно, им нужна была жертва из тех, кто стоит за процветание государства Российского. До вас добраться заговорщики не могли. В силу своего происхождения подобраться к вам им было невозможно. Поэтому они решили избавиться от меня, как от одной из ключевых фигур в том раскладе, что противостоит их планам.

– Вы так уверены, князь, что эти заговорщики желают падения страны? – с заметным сомнением проворчал император.

– Более того, ваше величество. В некоторых государствах уже существуют карты нашей страны, на которых расчерчены колонии, принадлежащие участникам этого плана, – решительно ответил старик.

– Вы уверены? – окончательно расстроился император.

– Увы, государь. Это так. Одну из таких карт случайно видел мой внук, – выдвинул князь последний аргумент. – Именно поэтому он и решил уехать из своей страны. Надеюсь, что после падения трона вашего величества сумеет получить себе достойное место.

– Так он был в числе заговорщиков? – удивился император.

– Господь с вами, ваше величество, – тихо рассмеялся князь. – Говорю же, случайно увидел карту и догадался. Кто ж станет посвящать сироту в подобные планы? Ну, он и решил воспользоваться моментом. Не стоит забывать, что там он был просто никому не известным сиротой, который вынужден был добывать себе пропитание своим трудом. Решил, что это может оказаться его шансом выбраться из нищеты.

Император задумался, не зная, как реагировать на услышанное. Князь же, тихонько переведя дух, начал готовиться к продолжению разговора. Сказанное им он узнал от Сашки во время одного из совместных обсуждений международной политики. Парень, припомнив кое-что из своего времени, преподнес старику байку о

дежурстве в штабе, где якобы случайно увидел подобную карту, по безалаберности писарей оставленную на столе. Вот старик и воспользовался возможностью, чтобы заронить в душу императора сомнения относительно честности и благородства его иностранных визави.

Слишком долго молодой человек был подвержен влиянию различных придворных интриганов, не упускавших свой шанс склонить юношу на свою сторону. Будучи наследником третьего порядка, Николай не принимал участия в серьезных обсуждениях мировой политики. Его готовили к другому. Но сложившиеся обстоятельства вынудили молодого человека заняться тем, о чем он имел только смутное представление.

– Что еще рассказывал ваш внук, князь? – помолчав, спросил император.

– В основном мы говорили о личном, ваше величество, – вздохнул Алексей Михайлович. – Да и о политике он имеет весьма своеобразные воззрения. Признаться, меня это беспокоит, но изменить я уже ничего не могу. К службе его готовить поздно. Он сложился как человек, имеет на все свое мнение. Да и контузия иногда дает о себе знать.

– Да. Я помню, что с ним стало после того приема, – кивнул император, слегка скривившись. – Но в нынешнем деле он принимал самое активное участие. Даже несмотря на свои раны.

– Это так, ваше величество, – вздохнул князь. – Но в это дело он вмешался только потому, что беспокоился за меня. Признаться, я не ожидал такого, но он умудрился даже в моем доме ввести просто драконовские меры охраны. Теперь без доклада ни одна живая душа не может попасть в мой кабинет.

– Ну, может, оно и верно, – рассеянно кивнул император, направляясь к выходу из зала.

* * *

Прогуливаясь в Летнем саду, Сашка с интересом разглядывал представителей высшего общества в их, так сказать, естественной среде. Отправляясь на большой прием в Зимнем дворце, Алексей

Михайлович попросил его быть рядом, и вот теперь парень слонялся по аллеям парка, ожидая, когда прием послов закончится, и дед решит вернуться домой. Свернув в очередную аллею, Сашка заметил четверых молодых людей, о чем-то горячо споривших между собой.

Вздохнув, он решил дойти до ближайшего поворота и уйти в сторону. Говорить с кем-то ему совсем не хотелось. Но четверка, словно специально приметив парня, дружно двинулась ему навстречу. Окинув их внимательным взглядом, Сашка понял, что двое из четверых военные, или, во всяком случае, носят форму. Выправку-то не спрячешь. Двое других явно служили по гражданской части.

Делая вид, что задумался, парень сместился вправо, к самому краю аллеи, и принялся разглядывать ближайшую статую по правую руку, краем глаза отслеживая странную четверку. Кто они и чем занимаются, Сашке было не интересно, но что-то в них его насторожило. Уж больно целенаправленно они двигались в его сторону. Группа почти поравнялась с ним, когда один из молодых людей, к слову, самый крупный из всей компании, резко качнулся к парню, пытаясь зацепить его плечом.

Сашка, подспудно ожидавший чего-то подобного, одним текучим движением развернул плечи, одновременно делая шаг вперед и в сторону. Забияка, вложивший в свое движение собственный вес и силу, не ожидал подобного и, покачнувшись, едва не упал. Сашка же, в один шаг вернувшись на аллею, уже стоял лицом ко всем четверым. Едва не упавший здоровяк, выровнявшись, круто развернулся к нему и уже открыл рот, чтобы начать возмущаться, когда сообразил, что парень его даже не коснулся.

– Споткнулись, сударь? – участливо поинтересовался Сашка, глядя ему в глаза с самой доброжелательной улыбкой.

– А-а, э-э, да, – растерянно проблеял здоровяк.

– Бывает. Вы уж поаккуратнее. Так и до беды недалеко, – с теплотой в голосе посоветовал парень и, коснувшись пальцами поля шляпы, двинулся дальше.

– Постойте! – послышалось за спиной, когда Сашка отошел уже шагов на пять.

– Да? – повернулся парень, одновременно делая шаг в сторону.

Догонявший его здоровяк снова проскочил мимо и, резко остановившись, затоптался на месте, пытаясь встать к парню лицом. В

этот момент он неуловимо напоминал дрессированного медведя. Сашка даже улыбнулся от этой мысли, но в следующее мгновение ему стало не до смеха. Остановившись, неизвестный шагнул, замахиваясь кулаком и негромко выдыхая:

– Жандармская ищейка.

Делая шаг влево и вперед, Сашка пропустил тяжелый кулак над головой и, используя инерцию собственного тела, с ходу всадил кулак в нижний свод ребер противника справа. Не ожидавший такого отпора здоровяк икнул и начал разворачиваться, но уже через секунду сложился пополам от резкой боли в печени.

– Я, сударь, ищейка своя собственная и обид прощать не привык, – прорычал Сашка ему в лицо и резким ударом в подбородок отправил здоровяка в нокаут.

Стоявшие неподалеку остальные трое, сообразив, что все идет не так, как ожидалось, дружно бросились в драку, но не им было тягаться с парнем, прошедшим настоящую войну. Разбежавшись, Сашка взвился в воздух, резко выбрасывая ногу в сторону бежавшего первым неизвестного. Деревянный каблук, подбитый стальной набойкой, врезался нападавшему в переносицу, и тот буквально завис в воздухе. Голова и торс начали движение назад, а ноги еще продолжали бежать вперед. В итоге на землю он грянулся спиной, плашмя.

Приземлившись, словно кот, на ноги, Сашка моментально развернулся и снова ринулся на противников. Налетев на успешного развернуться мужчину, парень с ходу ударил его ногой в грудь, отбрасывая на стоящее чуть дальше дерево, и метнулся к последнему оставшемуся на ногах. Увернувшись от размашистого удара, Сашка нанес удар кулаком в горло и резким пинком подбил ему ноги.

Помня, что из четверых тяжелые увечья получили только двое, парень метнулся к тому, что пытался отклеиться от дерева, и, отправив его в нокаут очередным крюком в челюсть, бросился обратно. К последнему нападавшему. Тот все еще пытался отдышаться, но Сашка не собирался давать ему шанс продолжить драку. Удар под ухо отключил неизвестного. Быстро оглядевшись, Сашка убедился, что нападения никто не видел, и принялся быстро обыскивать нападавших.

На этот раз его интересовали только документы. Быстро собрав бумаги всех четверых, он нырнул в ближайшие кусты и, проскользнув на соседнюю аллею, не спеша направился к выходу. Он уже добрался

до машины, когда рядом с ним остановился автомобиль и из салона выглянул подполковник Квасков.

«На ловца и зверь бежит», – подумал Сашка, здороваясь.

Быстро рассказав ему о происшествии, парень отдал жандарму все собранные документы, и подполковник тут же развил бурную деятельность. Уже через минуту в сад вбежали пятеро жандармов и устремились на дальнюю аллею. Листая бумаги, подполковник задал несколько уточняющих вопросов и, сунув документы в карман, хищно усмехнулся:

– Вам бы, Саша, в нашей службе цены не было. Всякие политические недоумки к вам словно мухи липнут.

– Угу, да только я не та субстанция, до которой они так охочи, – жестко усмехнулся Сашка.

– Ох, простите, – смутился подполковник, сообразив, что случайно сказал.

– Бог простит, – отмахнулся Сашка. – Я только одного не понял. С чего они на меня бросились. Нет, кое-какие догадки у меня есть, но это только догадки.

– Да правильно вы все поняли, – вздохнул Лев Иванович. – Вон тот, здоровый, родственник того, которому вы плечо прострелили.

– Так он еще и из дворян? – удивился парень.

– Угу, – кивнул подполковник. – Вовремя вы их обезвредили, – неожиданно добавил жандарм.

– В каком смысле? – не понял Сашка.

– Нас вызвали, чтобы безопасность обеспечить. Из дворца сообщили, что его величество желают по саду прогуляться. Вот мы и примчались. А тут вы. Вот я и говорю, вовремя. Неизвестно, что бы им в голову пришло, если бы они увидели императора, – пояснил подполковник, наблюдая, как жандармы выводят закованных в наручники неизвестных.

К удивлению Сашки, наручники тут уже всюю использовали. Причем самых разных конфигураций. От браслетов, скрепленных одной перекладиной, до крошечных колечек, надеваемых на большие пальцы арестованного. Судя по перекошенным физиономиям неизвестных, упаковать их жандармам было не сложно. Во всяком случае, двигаться увидели они могли только с чужой помощью.

– Лихо вы их, – одобрительно проворчал подполковник.

– Повоевали бы они с мое, так же умели бы, – отмахнулся Сашка, имея в виду и свою прошлую жизнь.

– Похоже, служба там была совсем не сахар, – покачал головой подполковник, удивленно рассматривая парня.

– Вас, Лев Иванович, никогда на базаре не убивали? – спросил Сашка со злой иронией.

– Бог миловал, – растерянно проворчал жандарм.

– А у меня бывало несколько раз, – вздохнул парень. – Вот вроде все нормально. Люди ходят, торгуются, чего-то покупают, прицениваются, спорят, а уже через минуту в руках у них ножи и тесаки, и вся эта толпа на тебя прет, – коротко рассказал он, припомнив кое-что из жизни своего нынешнего тела.

– Однако, – удивленно качнул подполковник головой.

Их беседу прервал флигель-адъютант, подскочивший к подполковнику с вопросом, что тут происходит. Подполковник коротко поведал ему о происшествии и доложил, что сад осмотрен, и все посторонние уже из него удалены. Удовлетворенно кивнув, офицер порысил в сторону Зимнего.

– Вы уж простите, Саша, но у меня теперь дел по горло, – извинился подполковник.

– Конечно, Лев Иванович. Я только деда дождусь и сразу уеду, – кивнул Сашка, прощаясь.

Жандарм отправился командовать своими подчиненными, а парень, выйдя на набережную, прислонился к ограждению и принялся рассматривать Неву. Топот ног и негромкий гул голосов вывел его из задумчивости, заставив оглянуться на аллеи сада. Толпа придворных сопровождала императора, отстав от него на десяток шагов. Сам Николай не спеша шагал по аллее, о чем-то оживленно беседуя с князем Тархановым. Старик шел рядом со своим сувереном, терпеливо отвечая, но Сашка вдруг отметил про себя, что такие прогулки старику уже даются тяжело.

Оперевшись пятой точкой об ограду, Сашка сложил руки на груди, наблюдая за процессией. Алексей Михайлович, словно почувствовав его взгляд, повернул голову и, чуть прищурившись, всмотрелся в фигуру стоящего на набережной человека. Потом, едва заметно улыбнувшись, он повернулся к императору и продолжил разговор. Подошедший к ним флигель-адъютант о чем-то коротко доложил, и

Николай, удивленно посмотрев на стоящего рядом князя, что-то быстро приказал.

Глядя на подходящего к нему быстрым шагом офицера, Сашка вздохнул, всей своей печенью предчувствуя неприятности. Подойдя, флигель-адъютант коротко откозырял и, с интересом оглядывая парня, сообщил:

– Князь Александр Викторович Тарханов? – спросил он и, дождавшись утвердительного кивка, продолжил: – Вас желает видеть его величество император всероссийский. Следуйте за мной.

Понимая, что от таких приглашений не отказываются, Сашка молча последовал за офицером. Шагая мимо толпы придворных, парень ловил на себе десятки заинтересованных взглядов, но среди них то и дело мелькали и такие, от которых шерсть на загривке становилась дыбом, словно у бойцового пса. Подведя Сашку к императору, офицер сделал три уставных шага и, откозыряв, доложил:

– Ваше величество, князь Александр Тарханов доставлен.

«Прямо как в полицию привел», – хмыкнул про себя Сашка, пряча улыбку.

– Подойдите, князь, – велел Николай, кивнув адъютанту. – Мне доложили, что вы буквально полчаса назад снова обезвредили какую-то банду прямо здесь. В этом самом саду. Это правда?

– Случайность, ваше величество, – вежливо поклонился Сашка. – Они оказались достаточно глупы, чтобы наброситься на меня с кулаками, вот и получилось, что получилось, – закончил он, пожимая плечами.

– Ваше величество! Ваше величество, – слышался возмущенный вопль, и от толпы придворных к ним протолкался какой-то надутый, словно индюк, мужчина. – Ваше величество, покорнейше прошу разобраться и примерно наказать этого человека, – пропыхтел он, обильно потев и указывая пальцем на Сашку.

– А вас не учили, что указывать пальцем невежливо? – не удержался парень.

– Не вам мне указывать, кат, – взвизгнул мужик, обливаясь очередной порцией пота и краснея так, что от него прикуривать можно было.

– В чем дело, барон? – чуть скривившись, уточнил Николай. – В чем вы обвиняете этого юношу?

– Только что он избил моего племянника и его друзей без малейшего повода с их стороны, – зашипел толстяк, с ненавистью косясь на Сашку.

– Вот как? А мне сообщили, что это они бросились на него, – вздохнул император. – И потом, как вы, барон, объясните тот факт, что ваш племянник был с друзьями в количестве еще трех человек, а князь был один, и при этом драку начал он? С чего бы?

– Думаю, по злобности характера, – выкрутился толстяк, заметно стушевавшись.

– Возможно. Но это не объясняет того, что один из друзей вашего племянника является родственником одного из тех, кто совершил покушение на моего личного советника, князя Алексея Михайловича Тарханова. Думаю, с этим делом лучше меня разберется служба жандармов. Можете идти, барон, – твердо закончил император и отвернулся от толстяка, давая ему понять, что дальнейший разговор бесполезен.

– Похоже, вам решили отомстить, Александр Викторович, – вздохнул император, дождавшись, когда барон уйдет.

– Вполне возможно, ваше величество, – равнодушно пожал Сашка плечами.

– Алексей Михайлович, – повернулся Николай к старику. – Мне начинает надоедать это противостояние наших придворных. Я прошу вас навести порядок и как-то договориться. А чтобы уменьшить напряженность, я рекомендую вам отправить вашего внука куда-нибудь подальше от столицы. В одно из ваших имений. Думаю, через пару лет, когда все успокоится, он сможет спокойно вернуться.

– Как прикажете, ваше величество, – поклонился старик, резко потемнев лицом.

Это была опала, но опала не по личному желанию императора, а в силу сложившихся обстоятельств. Это понимал и старый князь, и сам Сашка. Но, как ни странно, парня это устраивало больше всего. Единственное, чего он опасался, так это очередного нападения на деда. Но и тут у него была хоть и небольшая, но реальная возможность помочь старику. Доброе отношение жандармского подполковника дорогого стоит. А в остальном жизнь не закончилась.

«Еще повоюем, дед», – подумал парень, улыбаясь старику одними глазами.